

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК III

Под редакцией

А. В. Королева и И. В. Сахарова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

Академик В. В. Струве

В. В. СТРУВЕ — 75 ЛЕТ

В феврале 1964 года исполнилось 75 лет со дня рождения действительного члена Географического общества СССР, одного из крупнейших советских историков, академика Василия Васильевича Струве.

Василий Васильевич принимает большое участие в деятельности Географического общества нашей страны. Он — один из основателей и руководителей Восточной комиссии, в которой сосредоточена работа Географического общества СССР по изучению стран и народов Азии и Африки.

Автор выдающихся научных трудов, воспитатель нескольких поколений советских ученых, отличающийся исключительной скромностью, необыкновенной отзывчивостью и добротой, он заслужил нашу любовь и глубокое уважение.

В день 75-летия от имени всех членов Географического общества СССР от всей души приветствуем и поздравляем Василия Васильевича и желаем ему доброго здоровья, долгих лет жизни и осуществления его больших творческих замыслов.

Президент Географического общества СССР
академик *Е. Павловский*.

А. М. Рябчиков

ИНДИЯ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ГЕОГРАФОВ

Четыре зимних месяца 1961/62 г. мне и В. А. Николаеву довелось провести в Индии. Посетить эту великую страну нас пригласил директор Индийского статистического института профессор П. Ч. Махаланобис. Как человек широкого научного и государственного диапазона П. Ч. Махаланобис всемерно содействовал удовлетворению наших научных интересов к комплексному изучению и использованию природных ресурсов его родины.

Мы пересекли Индию от Гималаев до мыса Коморин и от Ассама до Бомбея, побывав в 46 городах и множестве деревень. Общаясь с огромным количеством людей, от пандитджи (так народ с глубоким уважением называет премьер-министра Дж. Неру) до простого крестьянина, мы повсюду встречали самое дружеское расположение и сердечное гостеприимство.

В различных университетах и институтах мы прочитали более 20 докладов. Некоторые из них опубликованы в индийских географических журналах, таких, как «Джеографикал ревью оф Индия» (№ 1, 1962, Калькутта), «Индиан джеографер» (№ 1, 1962, Дели), «Нешнл джеографикал джорнал ов Индия» (№ 1, 1962, Варанаси, Банарас).

Коротко самое сильное впечатление об Индии можно выразить следующими словами: огромная страна находится на подъеме. У нее есть свои немалые трудности, но нельзя не видеть и ее успехов.

Поступь развития Индии отражают ее пятилетние планы. Первый пятилетний план (1951—1956) предусматривал увеличение производства продовольствия и борьбу с хроническим голодом. Вторая пятилетка (1956—1961) была направлена на создание основ тяжелой индустрии. Главной задачей третьего пятилетнего плана (1961—1966) является создание независимой национальной экономики.

Несмотря на критику, иногда справедливую, того, что индийские планы недостаточно реалистичны, содержат просчеты, бывают завышены и потому неполностью выполняются, все же нельзя не признать их важной стимулирующей и организующей роли. Опыт планирования рождается в практике. Народ же в большинстве своем трудится с воодушевлением и не прочь спросить: ну, как у нас получается?

За последние десять лет (1951—1961) Индия заметно увеличила свой экономический потенциал. Если взять энергетическую базу, то установленная мощность электрогенераторов возросла за это время с

2,5 до 5,7 млн. *квт*, а к концу третьей пятилетки она должна быть доведена до 13 млн. *квт*. В 1960 г. было выработано 17 млрд. *квт·ч* электроэнергии¹. Однако при очень большом населении и унаследованной от колониализма энергетической отсталостью производство электроэнергии на душу населения остается низким (не более 50 *квт·ч* в год.)

Благодаря вводу в строй трех крупных государственных металлургических заводов (Бхилаи, Роуркела и Дургапур) производство стали возросло с 1,5 млн. *т* в годы первой пятилетки до 3,5 млн. *т* в 1962 г. Мощность сталеплавильной промышленности продолжает нарастать, но не такими темпами, как предусмотрено планом (до 5 млн. *т* в 1962 г.). Особенно медленно вводятся в строй мощности государственных металлургических комбинатов в Роуркела (строительство при помощи ФРГ) и Дургапуре (совместное строительство с Англией). В настоящее время самыми мощными металлургическими предприятиями являются построенный с помощью Советского Союза государственный комбинат в Бхилаи (свыше 2 млн. *т* стали и проката в год) и частные предприятия Дж. Тата в Джамшедпуре (до 1,5 млн. *т*).

На базе отечественной черной металлургии в Индии начало развиваться машиностроение. Производство станков за последние десять лет увеличилось в 16 раз. Государственный паровозостроительный завод в Читтаранджане выпускает свыше 270 локомотивов в год, полностью обеспечивая потребности страны. Государственный вагоностроительный завод в Перамборе (возле Мадраса) начал выпускать подвижной состав для железных дорог, что позволило значительно сократить импорт вагонов. Государственная судостроительная верфь в Висакхапатнаме за десять лет спустила на воду 27 океанских судов. В Кочине заложено строительство второй судостроительной верфи. На базе сборочных заводов создается собственное автостроение и самолетостроение. С помощью Советского Союза строятся крупные заводы тяжелого машиностроения (Ранчи), нефтеочистительные (Барауни в Бихаре и Койяли в Гуджарате), инструментальный, медицинского оборудования и др. Для этой цели СССР выделил Индии кредит на льготных условиях в размере 4 млрд. рупий². Значительно расширены предприятия по выпуску радиотелефонной аппаратуры, электромоторов, дизелей, производству химических удобрений, пластмасс.

В связи с выкупом земли государством у заминдаров последние стали обладать значительными средствами. Из 6,4 млрд. рупий общей компенсации за землю индийское правительство к концу 1961 г. выплатило заминдарам 2,2 млрд. рупий³. Наиболее инициативные из них создают на паях новые предприятия по производству бумаги, обуви, прессов, швейных машин, холодильников, синтетического волокна.

Помимо удовлетворения потребностей емкого внутреннего рынка, Индия экспортирует некоторые виды промышленной продукции (например, швейные машины, обувь, ткани и пр.) в страны Азии, Африки и даже Европы. Парадоксальный факт: британский империализм, всячески тормозивший создание в Индии черной металлургии, теперь сам закупает у Дж. Тата черные металлы.

Бывшие заминдары, став капиталистами, почувствовали, что вкладывать деньги в промышленность надежнее — она не зависит от капризов природы, как сельское хозяйство. Промышленные предприятия,

¹ India. A reference annual 1962. Delhi, Publication division, Ministry of information and broadcasting, Government of India, 1962, p. 637.

² Ibid.

³ Ibid.

главным образом легкой индустрии, стали расти на современном техническом уровне, как молодой бамбук после дождя.

По данным Р. Хазари, в 1961 г. в Индии насчитывалось 26 108 частных компаний с оплаченным капиталом 17,5 млрд. рупий, из них Дж. Тата контролировал 48 компаний с капиталом 2900 млн. рупий и Бирла — 300 компаний с капиталом 2910 млн. рупий⁴. А. Рой указывает, что 12 могущественных семей (Тата, Бирла, Сингхания, Далмия, Джайн, Гоенка, Кирлоскар, Руя, Поддар, Бангур, Дж. Брос и Тхапар) контролируют две трети частного капитала в стране⁵.

В стране наметилось известное разделение сфер промышленности, в которых господствуют государственный и частный секторы. Если исключить предприятия Таты и немногие другие, то можно сказать, что в тяжелой индустрии господствует государственный сектор, а в легкой — частный. С помощью развитых стран индийское правительство борется за реализацию трудных и дорогостоящих проектов (крупных электростанций, металлургических предприятий, тяжелого машиностроения, оросительных систем и пр.), которые индийскому частному капиталу невыгодны или не под силу. Например, с помощью Советского Союза и Румынии индийское правительство успешно развивает в стране добычу нефти и создает нефтехимическую отрасль.

Многолетние поиски нефти в Индии англо-американскими специалистами не дали положительных результатов. Страна считалась бедной нефтью и вынуждена была закупать у англо-американских нефтяных компаний (Шелл, Калтекс, Эссо) около 8 млн. т нефти ежегодно на сумму свыше 1 млрд. рупий. Разведка нефти в Индии советскими геологами опровергла эти утверждения. Открыты новые крупные месторождения нефти, запасы которых оцениваются в несколько сот миллионов тонн. Осенью 1958 г. в Камбейском нефтеносном бассейне (Анклешвар) забил первый фонтан индийской нефти с дебитом свыше 500 тыс. т нефти в год. В 1965 г. Индия планирует добывать в этом бассейне 6 млн. т нефти в год. В Нунмати (Ассам), Барауни (Бихар) и Койяли (Гуджарат) с помощью СССР и Румынии строятся мощные нефтеперегонные заводы (до 2 млн. т нефти в год каждый).

Быстрый рост добычи нефти в стране и дополнительный ввоз нефтепродуктов из СССР принудил англо-американские компании снизить цены на поставки нефти в Индию, что дает ей экономию в 180 млн. рупий в год.

Доля капиталовложений государственного сектора в экономику страны (без сельского хозяйства) выражается в следующих цифрах (%)⁶:

Первый пятилетний план	46
Второй пятилетний план	54
Третий пятилетний план	61
Четвертый пятилетний план—	80

Однако, несмотря на заметные успехи государственного сектора в экономике, его доля в общем национальном доходе страны (в 1961 г. 127 млрд. рупий против 88,5 млрд. рупий в 1951 г.) едва перевалила за 10%. Основную долю национального дохода (48%) по-прежнему составляет продукция сельского хозяйства. Промышленность (государ-

⁴ R. Hazari, *Big business in India. A study of ownership and control*, New Delhi, 1961, p. 92.

⁵ A. Roy, *Some aspects of economic development in India since independence*, New Delhi, 1961, p. 53.

⁶ Цифры о четвертом пятилетнем плане автору любезно сообщили в Плановой комиссии Индии.

ственная и частная) дает лишь 19% национального дохода⁷. Темпы накоплений растут медленно. Затраты на реализацию экономических программ и военные расходы (в 1960 г. 3,1 млрд. рупий) превышают внутренние финансовые возможности страны, что приводит к росту косвенного налогообложения (с 6% в 1954 г. до 10% в 1959), падению стоимости рупии (на 25% за последние пять лет) и государственной задолженности. В 1962 г. общий государственный долг Индии равнялся 67 млрд. рупий, включая 10 млрд. рупий внешних займов.

Хотя крупная промышленность и получила существенное развитие, все же Индия пока остается главным образом страной мелкого капиталистического производства. В кустарной промышленности в конце второй пятилетки было занято 20 млн. человек, тогда как в фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности только 5 млн. рабочих.

Мелкие и средние капиталисты обычно активно поддерживают конгрессистское правительство, поскольку оно им не мешает, а, напротив, протекционирует (высокие пошлины на импорт товаров, создание индустриальных колоний и пр.). Происходящая же в стране концентрация частного капитала способствует превращению его в монополистический капитал. Становясь большой силой, он объединяется с международными монополиями (частные иностранные капиталовложения в Индии за период с 1951 по 1961 г. возросли с 3 млрд. до 6 млрд. рупий, из них 4 млрд. вложено английскими и около 1 млрд. рупий американскими предпринимателями⁸) и не только не нуждается в опеке правительства, а наоборот, тяготеет к государственному контролю.

Идеологи монополистического капитала особенно недовольны усилением роли Плановой комиссии и не прочь при случае выступить с нападками на правительство за его стремление развивать государственный сектор в экономике и контролировать частный сектор. По их мнению, Индия нуждается в небольшом государственном секторе (энергетика, транспорт, оборона), а государственный контроль частного предпринимательства не должен вторгаться в сферу доходов, ограничиваясь регулированием заработной платы, условий труда, стандартов продукции и цен⁹.

Хотя правительство занимает ключевые позиции в экономике страны и пользуется поддержкой абсолютного большинства народа, тем не менее ему приходится считаться с монополистическим капиталом: либо идти на уступки и заключать соглашения с ним, либо для сохранения своей устойчивости и независимости от монополий шире опираться на демократические прогрессивные силы страны. Последние выборы в парламент в феврале — марте 1962 г. наглядно показали, что эта опора надежная. Правящая партия Индийский национальный конгресс, так же как и на предыдущих выборах в 1952 и 1957 гг., получила большинство голосов. Второй по числу депутатов в парламенте и главной прогрессивной силой в стране является Коммунистическая партия Индии.

Однако монополии проявляют определенную активность, а средства их борьбы весьма разнообразны. Индийский экономист Р. Хазари отмечает, что они любыми путями стремятся иметь своих людей в министерствах и правительственных комиссиях, через подкуп инженерно-технического персонала получать информацию о достижениях технологии государственного производства, тормозить ввод в действие новых мощностей государственных предприятий путем саботажа поставок оборудо-

⁷ India. A reference annual 1962, p. 177.

⁸ India. A reference annual 1962, p. 295.

⁹ «Statesman», 15.XI.1961.

дования, использовать печать и другие средства давления на правительство¹⁰. Словом, даже в Индии, с ее традиционным аспектом ненасилия, идилии народного капитализма не получается.

Другой экономист, Аджит Рой, характеризуя современное положение в Индии, пишет, что в недалеком будущем «либо развитые монополии тесно сольются с государственным аппаратом, захватят руководящее положение в стране и, таким образом, превратят государственный капитализм в государственно-монополистический капитализм, либо демократические силы мобилизуют все, чтобы значительно ограничить эти монополии путем национализации ключевых отраслей индийской экономики»¹¹.

Не менее сложная ситуация наблюдается и в сельском хозяйстве. Аграрная реформа уменьшила концентрацию земельной собственности у заминдаров. В зависимости от ценности земли в различных штатах на семью заминдара оставляют от 8 до 87 га. Излишек земли выкупается государством и сдается в аренду крестьянам за четверть, а в иных штатах даже за половину урожая (в зависимости от плодородия почвы). Но сельскохозяйственные рабочие и издольщики по существу никаких прав на землю в старых земледельческих районах не получили и привлекаются лишь в качестве рабочей силы на вновь осваиваемых землях.

За два истекших пятилетия правительство проделало большую работу по увеличению производства продовольствия. В результате расширения орошаемой площади (в 1961 г. орошалось 28 млн. га, а с учетом полива для второго урожая 35,5 млн. га, против 20,6 млн. га в 1951 г.), распахивки целинных земель, некоторого увеличения производства удобрений, создания свыше 2 тыс. производственных кооперативов, государственных ферм и опытно-показательных сельскохозяйственных станций, внедрения лучших методов обработки земли, улучшения сортности семян и севооборотов, а следовательно, и некоторого подъема урожайности, валовой сбор продовольственных культур вырос за последнее десятилетие на 28 млн. т, составив в 1961 г. 79 млн. т.

Это большая победа над голодом. Раньше по миру ходила поговорка: «Голодный, как индеец». Теперь индийский народ избавлен от ужасов хронического голода. Но как ни велика эта победа, она все-таки неполная и не окончательная.

Несмотря на то что в сельском хозяйстве занято почти 70% населения, оно дает только 48% национального дохода. Урожайность основных продовольственных культур (риса и пшеницы) в 2—3 раза ниже, чем в развитых странах. Индийские почвы очень чувствительны к азотным удобрениям. Нормально удобренные, они повышают урожайность на 17—20%. Однако современное производство удобрений почти в 20 раз ниже потребностей.

Индийское правительство прилагает большие усилия к развитию орошения, освоению новых земель и расширению площадей, с которых можно снимать два урожая в год. В частности, от гидроузла Харики на р. Сатледж в глубь пустыни Тхар на 685 км строится Раджастханский канал, который будет орошать 5,5 млн. га земли. В 1962 г. завершена первая очередь этого сооружения (120 км).

Развивается малая ирригация, закрепляются подвижные пески. И все же рост производства продовольствия пока не соответствует

¹⁰ R. Hazari, *Big business in India...*

¹¹ A. Roy, *Some aspect of economic development...*, p. 53.

потребностям. Индия ежегодно завозит свыше 4 млн. т пшеницы и риса из других стран, главным образом из США, в обмен на сырье. В то же время в стране имеется еще свыше 20 млн. га пригодных для обработки при дополнительном искусственном орошении целинных земель. Кроме того, из-за недостатка удобрений 24 млн. га ежегодно находится под паром.

Наряду с освоением новых земель значительная часть уже обрабатываемых площадей в старых земледельческих районах выпадает из хозяйственного использования вследствие губительной эрозии, засоления и образования плотной латеритной корки.

* * *

Нас, как географов, интересовали главным образом проблемы комплексного изучения и использования природных ресурсов (земля, вода, климат, минеральное и растительное сырье). Среди них земельные ресурсы — одна из важнейших проблем. Чтобы понять всю глубину этой проблемы для Индии с ее 440-миллионным населением, достаточно указать, что на одного жителя приходится 0,3 га пригодной для использования земли.

Учитывая быстрый рост народонаселения (свыше 8 млн. человек в год) и низкую продуктивность земли, проблема ее сохранения и рационального использования имеет здесь исключительно важное значение. Между тем за последние 60 лет размеры площадей земли, выпавшей из хозяйственного использования вследствие эрозии, засоления и образования плотной латеритной корки (не то что пахать, деревья расти не могут, — почти голая земля, бронированная латеритной коркой), угрожающе возрастают. Индийцы борются с полупустыней путем орошения и облесения в Раджастане, а пустыня другого рода появляется на Декане (латеритная корка и эрозия), в широкой полосе от Бомбея до Дели (сильная эрозия) и в других старых земледельческих районах (эрозия и засоление).

В чем причина? Основная причина в уничтожении древесной растительности — не только лесов, но и древесной растительности в саванне. Опыт многовековой земледельческой культуры в Индии свидетельствует о том, что наилучшей формой сочетания земледелия с естественными ландшафтами является культурная саванна, в которой травяной покров замещен зерновыми, бобовыми и другими сельскохозяйственными культурами, а древесная растительность на полях и межах в виде отдельных деревьев сохранена. Естественную древесную растительность можно заменять плодовыми деревьями или же такими, листья которых особенно пригодны на корм скоту и для удобрений, но вовсе сводить деревья опасно.

Климат Индии полон контрастов. В один сезон идут сильные дожди, смывающие почву, в другой — все высыхает. Древесная растительность саванного типа — хороший естественный регулятор водного режима. Там, где она полностью сведена, водный режим (сток и увлажнение почвы) сразу нарушается. В одних случаях резко активизируется эрозия, в других — интенсивно идет образование латеритной корки. Под многолетним паром она становится очень плотной и практически распашке не подлежит. Огромные площади плодородной земли превращаются в пустоши (бедленд).

Знакомство с работой индийских учреждений, изучающих природные ресурсы, показало, что деятельность почвенной, ботанической, лесной и даже геологической служб пока еще не отвечает запросам эко-

номики страны. Эти службы работают разобщенно и, как правило, решают хотя и важные, но частные проблемы. За последние 15 лет в Индии не появилось сколько-нибудь значительных обобщающих работ по почвенным, растительным ресурсам страны, содержащих характеристику использования земли. А ведь это одна из жизненно важных проблем страны. При подписании соглашения об использовании вод р. Инд (1960 г.) премьер-министр Неру сказал: «Как бы ни был велик технический прогресс, мы все еще зависим от хорошей земли и обильной воды».

Недавно при Государственной плановой комиссии создан координационный комитет по изучению природных ресурсов отраслевыми службами (геологической, метеорологической, гидрологической, почвенной, ботанической, лесной и др.). Осуществлено полезное мероприятие, но этого недостаточно. Координация деятельности отраслевых служб не может заменить комплексного изучения природы, которая в Индии используется значительно ниже ее богатых возможностей. Например, какими прекрасными природными условиями (тепло и достаточное количество влаги) обладают склоны Западных Гат в районе Бомбея и какие там сейчас бедные леса! Какой большой экономический эффект могло бы дать осушение ряда внутренних водоемов в страдающей от недостатка земли Керале!

Во многих районах можно встретить огромные распаханнные площади без единого дерева. Это потенциальный бедленд. На склонах смыв почвы особенно интенсивен, если распашка (направление борозд) идет по склону сверху вниз. Природа создает структуру почвы веками, а человек неумелым использованием нередко приводит ее к уничтожению в течение нескольких лет.

К сожалению, в Индии нет научной организации, которая заботилась бы об охране земли, занималась изучением законов развития ландшафтных комплексов и намечала пути их оптимального использования в региональном аспекте. А ведь развитие национальной экономики в значительной мере зависит от научно-планового комплексного, а не узко отраслевого использования, охраны и возобновления природных ресурсов.

В последнее время в Индии все чаще высказываются настойчивые пожелания планировать развитие экономики не только в отраслевом, но и в региональном аспектах. Однако что такое район, как и какие следует выделить в Индии природные и экономические районы, которые бы отвечали жизненным условиям не только сейчас, но и в перспективе, еще далеко не ясно. И это опять-таки происходит потому, что в стране нет достаточно сильной научной организации, которая бы занималась изучением указанной проблемы и могла ответить на эти практические вопросы.

Отдельные индийские географы, плановики и экономисты в последнее время стали проявлять интерес к вопросам районирования, но, к сожалению, их мало и они работают разобщенно (а эта проблема под силу лишь большому коллективу ученых). Кроме того, некоторые из них, традиционно следуя старой школе западной географии, стремятся выделить «универсальные» районы, которые в одно и то же время были бы и природными и экономическими, т. е. не учитывают того, что это генетически разнородные категории, хотя и тесно между собой связанные.

Как известно, природные районы — результат палеогеографической эволюции ландшафтной сферы Земли. Хотя человек своей производственной деятельностью сильно изменяет природу, но он пока не в

силах изменить планетарный закон природной зональности и геологическую историю Земли. Экономические же районы — продукт производственной деятельности человека. Заселение и освоение человеком территории, использование ее природных ресурсов и рост производительных сил обусловлены главным образом историческими законами развития общества. Здесь уместно напомнить известную формулу К. Маркса: «Труд есть отец богатства, земля — его мать».

Нельзя переносить социальные законы развития общества на природу, так же как нельзя объяснять природными условиями уровень развития производительных сил того или иного района.

За последние годы в Индии создан ряд хороших национальных институтов и лабораторий. На этом общем светлом фоне проблема изучения и использования земельных ресурсов страны пока еще находится в тени. И это тем более странно, что высокая плотность населения и нагрузка на землю продолжают быстро возрастать. Природных ландшафтов, не затронутых деятельностью человека, в Индии почти не осталось. Значительнейшая часть территории в большей или меньшей степени вовлечена в хозяйственный оборот: в одних случаях — разумно, в других — бесхозяйственно.

Жизнь настоятельно требует создания в Индии национального института комплексного географического изучения природных ресурсов и районирования. Перспективы развития производительных сил страны в значительной мере связаны с научной разработкой и практической реализацией проблемы природного и экономического районирования, с оценкой природного и экономического потенциалов того или иного района страны в целом, с рациональным использованием и охраной земельных ресурсов (от эрозии, засоления и пр.) и, наконец, с инженерно-географическими обоснованиями будущих градостроительных, промышленных, гидротехнических и транспортных проектов.

Такой институт, опираясь на университеты и отраслевые службы по изучению природных ресурсов, мог бы развернуть работу по широкому изучению, картографированию и экономической оценке природных возможностей по всей стране.

Человек не может беззаботно относиться к природе, в которой он живет и от которой черпает средства к жизни. А в Индии — тем более. Трудолюбивый индийский народ должен в полной мере использовать богатые возможности природы своей страны.

Л. И. Бонифатьева

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ ИЗ ДЕРЕВНИ В ГОРОД

Социально-экономические процессы, протекающие в индийском обществе, ведут к изменениям в соотношении городского и сельского населения. Постепенно возрастает удельный вес городского населения. О сдвигах можно судить по данным об изменениях в степени урбанизации Индии с 1901 по 1961 г.¹:

Год переписи	Процент городских жителей от всего населения страны	Увеличение численности городского населения за десятилетие (%)
1901	10,9	—
1911	10,6	2,4
1921	11,4	7,2
1931	12,1	18,4
1941	13,9	31,1
1951	17,3	41,2
1961	17,8	24,8

Городское население увеличивается значительно быстрее, нежели сельское: с 1901 по 1961 г. население городов возросло на 200 %, а число жителей в деревнях — примерно на 71 % (население страны за этот же период возросло примерно на 85 %). За шесть десятилетий текущего столетия городское население Индии увеличилось с 26 млн. до 79 млн.

Быстрое увеличение городского населения нельзя рассматривать как результат более высокого естественного прироста. Естественный прирост городского населения обычно даже ниже, чем сельского. Рождаемость в городах несколько понижается в силу действия ряда причин. Одна из них состоит в том, что здесь проявляется весьма значительное количественное преобладание мужского населения над женским. В 1951 г. в Индии на каждую тысячу мужчин в среднем приходилось 966 женщин в сельской местности и 860 в городах; в 1961 г. на тысячу мужчин приходилось 963 женщины в деревнях и 844 в городах. В Калькутте в 1951 г. на тысячу мужчин приходилось 570 женщин, в 1961 г. — 613, в Бомбее — соответственно 596 и 663. По соотношению полов индийские города — самые «мужские» в мире². Кроме того, в

¹ Данные за все годы относятся к Индии в ее современных границах, но без штата Джамму и Кашмир.

² Помимо общих для всей Индии причин, повышающих женскую смертность (ранние и частые роды при недостаточной или отсутствующей медицинской помощи, недоедание в периоды беременности и кормления ребенка, тяжелая физическая работа и др.), в городах проявляется действие и особых факторов, способствующих дефициту женского населения: значительная часть городских жителей состоит из мужчин, пришедших из деревни на заработки и оставивших в деревне семью.

городе в большей мере, чем в деревне, осуществляется регулирование величины семьи (хотя в Индии в целом не более 10% семей искусственно ограничивает рождаемость)³.

Тяжелые условия труда, а главное, огромная плотность городского населения и антисанитарные условия жизни в трущобных районах городов повышают смертность. Особенно высока детская смертность в городе. По данным 1947 г., в возрасте до одного года в сельской местности умер 141 ребенок из тысячи, в городах — 169 (в 1954 г. — соответственно 113 и 120). В последние годы, когда детская смертность в целом по стране стала заметно снижаться, в некоторых городах она все же составляет 150—200 смертей на тысячу родившихся⁴.

Население городов растет главным образом не за счет естественного прироста (хотя и в городах он довольно высок), а в результате притока сельских переселенцев. Об этом можно судить хотя бы по данным, полученным В. Натхом, директором отдела статистических оценок при Плановой комиссии Индии. Доктор В. Натх сделал интересную попытку исчислить размеры перемещения населения из деревни в город в разные годы. При этом он исходил из предположения, что естественный прирост населения в городах на каждую тысячу жителей был таким, как в стране в целом (см. таблицу).

Рост городского населения Индии
(млн. человек)*

Десятилетия	Естественный прирост городского населения	Миграция сельского населения в город	Общее увеличение городского населения
1901—1911	0,5	1,4	1,9
1911—1921	0,3	2,3	2,6
1921—1931	3,6	2,7	6,3
1931—1941	5,6	6,6	12,2
1941—1951	5,9	12,2	18,1

* P. Dayal, *Population growth and rural urban migration in India*, — «The national geographical journal of India», vol. 5, 1959, № 4. Данные до 1931 г. относятся к Индии в границах перед разделом 1947 г., остальные — после раздела.

Приведенные данные подтверждают положение о том, что в росте городского населения главная роль принадлежит притоку сельских жителей⁵. Действительно, за исключением десятилетия (1921—1931), переселение из деревни в город по своим размерам превосходило естественный прирост городского населения. В большинстве случаев на долю переселенцев приходилось более половины общего увеличения городского населения (в некоторые десятилетия сельские переселенцы составляли от 70 до 90% всего прироста городского населения).

В первой трети XX в. соотношение между городским и сельским населением оставалось почти неизменным (городское население находилось на уровне 11—12% общего числа жителей). Это явление объ-

³ S. Chandrasekhar, *Population growth and food supply in India*, — «The population review», vol. 3, 1959, № 1.

⁴ S. Chandrasekhar, *Infant mortality in India, 1901—1955*, London, 1959.

⁵ Бозе определяет размеры миграции из деревни в город за десятилетие (1941—1951) в 9,3 млн. человек (A. Bose, *Population growth and the industrialization-urbanization process in India*, — «Man in India», vol. 41, 1961, № 4).

яснялось тем, что приток переселенцев из деревни в город в этот период был весьма ограничен. В течение тридцати лет (1901—1931) в города из деревень переселялось в среднем за год около 200 тыс. человек. О слабом потоке переселения в этот период можно судить и по другим показателям: жители Индии, проживавшие не по месту рождения, составляли в 1901 г. только 9,3% всего населения страны, а в 1911 г. — и того меньше (лишь 8,7%) ⁶.

Важнейшей причиной, ограничивавшей переселение из деревни в город, явилась промышленная неразвитость большинства городов. Лишь во второй половине или даже в конце XIX в. в Индии стали возникать отдельные крупные промышленные предприятия, нуждавшиеся в большом количестве рабочих. Однако количество таких предприятий долгое время было сравнительно небольшим. Накануне первой мировой войны в Британской Индии насчитывалось менее 3 тыс. в основном небольших фабрично-заводских предприятий. Общее число рабочих, занятых на них, не достигало 1 млн. (все самодеятельное население — около 150 млн. человек).

В годы первой мировой войны промышленное развитие страны несколько оживилось. К 1922 г. количество фабрично-заводских предприятий немного превысило 5 тыс., а число рабочих, занятых на них, достигло 1,5 млн. ⁷.

Основная часть индийских городов состояла из небольших торгово-транспортных, ремесленных и административных центров, многие из которых возникли еще в докапиталистическую эпоху, но при низком уровне развития производительных сил «застыли» на начальной стадии урбанизации и не предъявляли значительного спроса на новые рабочие руки. Лишь в немногих наиболее крупных городах сложились объективные предпосылки для постоянного привлечения сельских переселенцев.

Переселение крестьян в города задерживалось также и действием ряда факторов, связанных с особенностями индийской деревни. Широкое распространение натурального и полунатурального хозяйства замедляло развитие товарно-денежных отношений. Переезду крестьян в город нередко препятствовало и то, что они находились в долговой кабале у помещиков и ростовщиков. В этом же направлении действовала и связанность с определенной кастовой профессией, сложившейся в деревне: кастовые различия затрудняли перелив рабочей силы из одной отрасли хозяйства в другую, порождали у сельских жителей страх лишиться касты и не найти средств к существованию на новом месте жительства. Малая подвижность населения была связана также с традиционными ранними браками, привязывавшими молодежь к деревне. Надо отметить и весьма характерную для Индии большую приверженность крестьян к той деревне, в которой родились их предки и они сами.

Среди причин, мешавших большому притоку населения из деревни в город, немалая роль принадлежала массовым эпидемиям болезней, которые в первые десятилетия XX в. не раз охватывали многие города. Так, эпидемия чумы в 1911 г. вызвала бегство населения из городов Северной Индии в деревни, что сказалось на общем ходе урбанизации.

После 1931 г. произошел заметный скачок в размерах сельского переселенческого движения. На протяжении 20 лет (1931—1951) число

⁶ Ш. Чандрасекар, *Население Индии*, М., 1949.

⁷ С. М. Мельман, *Экономика Индии и политика английского империализма*, М., (1951). Приведенные цифры относятся к Индии и Бирме.

сельских жителей, ушедших в города, составляло в среднем почти 950 тыс. в год. При этом надо учесть, что приведенное выше исчисление размеров сельской миграции до 1931 г. охватывает территорию не только современной Индии, но и Пакистана. Если выделить только те районы, которые в 1947 г. отошли к Индийскому Союзу, размеры переселения в них с 1901 по 1931 г. были бы, естественно, меньше, а, следовательно, разница в масштабах переселения до и после 1931 г. в границах современной Индии выступила бы еще более ярко.

С 30-х годов XX в. в Индии стало все в большей степени проявляться действие причин, вызывавших перемещение населения из деревни в город. Произошел заметный рост общей численности населения Индии. Если с 1901 по 1921 г. среднее увеличение населения за год не превышало 0,5% (а в некоторые годы даже убывало), то после 1921 г. среднегодовой прирост регулярно превышал 1% ⁸. Более значительное увеличение населения связано главным образом с сокращением массовых эпидемий (таких, например, как эпидемия гриппа в 1918—1920 гг., когда погибло почти 12 млн. человек).

Довольно большой рост населения происходил в колониальной стране с односторонней зависимостью подавляющей массы населения от крайне отсталого сельского хозяйства. Увеличение числа жителей не сопровождалось крупным расширением обрабатываемой площади. Размеры обрабатываемой площади, приходившиеся на душу населения, не только не возрастали, но, наоборот, сокращались: в 1901 г. на одного жителя приходилось 0,41 га, в 1921 г. — 0,44 и в 1951 г. — 0,34 га. Соответственно уменьшались приходившиеся на одного жителя орошаемые площади и площади земель, с которых в течение года снималось более одного урожая ⁹. С уменьшением размеров обрабатываемой площади на душу населения ухудшалось продовольственное положение крестьян. Катастрофический голод, периодически потрясавший Индию, гнал отчаявшихся, голодных крестьян в города в надежде найти там пропитание. Страшный голод, разразившийся в Бенгалии в 1943 г., резко усилил приток сельских жителей в Калькутту и другие города.

В деревне с каждым годом нарастало аграрное перенаселение, усугублявшееся еще и тем, что в колониальный период в сферу сельскохозяйственного производства постоянно устремлялись массы ремесленников, чья традиционная профессия была подорвана конкуренцией со стороны английской промышленности. Профессор Матхур, резко критиковавший мальтузианские концепции о чрезмерном росте

⁸ Известный индийский демограф и экономист Мамория приводит следующие данные о динамике населения Индии (в современных границах, но без Манипура, Северо-Восточной пограничной области и Нагаленда).

Год переписи	Население (млн. человек)	Динамика населения в среднем за год в течение десятилетия (%)
1901	235,0	—
1911	250,7	+0,56
1921	250,0	—0,03
1931	277,4	+1,11
1941	316,9	+1,42
1951	359,2	+1,33

См. С. В. Мамория, *Population growth and birth rates in India*, — «AICC. economic review», vol. 13, 1962, № 14—16.

⁹ Орошаемые площади в расчете на душу населения составляли в 1921 г. 0,072 га, в 1951 г. — 0,056 га. Площади, с которых снимались повторные урожаи, сократились с 0,052 га в 1921 г. до 0,04 га в 1951 г. Все данные относятся к территории современной Индии (P. Dayal, *Population growth and rural-urban migration in India*, — «The national geographical journal of India», vol. 5, 1959, № 4).

населения Индии, писал: «При английском правлении свобода предпринимательства в Индии разрешалась только в области сельского хозяйства, тогда как в других сферах экономической деятельности она была ограничена... Для индийцев не было возможности найти средства существования в промышленности, и огромные массы людей вынуждены были искать пропитание только в сельском хозяйстве, которое было отсталым и раздробленным»¹⁰.

Хроническая, непрерывно возрастающая явная и скрытая безработица в деревне вынуждала многих крестьян уходить в города в поисках заработка. Города стали предъявлять большой спрос на рабочую силу. В предвоенные годы и особенно в период второй мировой войны в индийских городах в известной мере ускорилось развитие промышленности, транспорта и торговли, расширилась сфера коммунальных и личных услуг. О росте промышленного значения городов можно судить хотя бы по тому, что к концу второй мировой войны число фабрично-заводских рабочих в стране превысило 2,5 млн.¹¹.

Резкое увеличение притока сельских жителей в города непосредственно связано с разделом Индии в 1947 г. В. Натх считает, что из 12 млн. человек, вновь поселившихся в индийских городах в 1941—1951 гг., 10 млн. приходилось на переселенцев из индийской деревни и 2 млн. — на беженцев из Пакистана¹².

Таким образом, ряд причин, из которых наиболее важными были непрерывно нараставшее аграрное перенаселение, с одной стороны, и усилившиеся промышленные функции городов — с другой, привели начиная с 30-х годов XX в. к усилению подвижности индийского населения и к увеличению перемещения людей из деревни в город.

Перепись населения, проведенная в 1961 г., обнаружила явную диспропорцию между весьма значительным ростом всего народонаселения Индии и сравнительно незначительным увеличением населения городов. В 1961 г. население Индии составило 439 млн. За последние десять лет оно увеличилось более чем на 77 млн., или на 21,5%. Для Индии это небывало быстрые темпы роста (для сравнения можно указать, что число жителей Индии в ее современных границах увеличилось за 1931—1941 гг. на 14,2, а за 1941—1951 гг. — на 13,3%)¹³. Увеличение населения за минувшее десятилетие (1951—1961) — почти целиком результат естественного прироста. По подсчетам индийского географа Шринавасана, естественный прирост за рассматриваемый период составил 74,6 млн. человек, а чистая зарубежная иммиграция, главным образом из Восточного Пакистана, — 2,6 млн.¹⁴.

За 1951—1961 гг. в Индии при очень незначительном сокращении

¹⁰ R. M. Mathur, *Food resources and population growth*, Moradabad, 1956, p. 15.

¹¹ В кн.: С. М. Мельман, *Экономика Индии и политика английского империализма*.

¹² А. Боze оценивает число пакистанских беженцев, поселившихся в городах Индии, в 2,7 млн.

¹³ С. В. Mamoria, *Population growth and birth rates in India*, — «A.I.C.C. economic review», vol. 13, 1962, № 14—16.

¹⁴ В 1951—1961 гг. перемещения населения между Индией и Западным Пакистаном почти не было, в то время как между Индией и Восточным Пакистаном наблюдалось постоянное движение населения. При этом приток переселенцев из Пакистана в Индию был значительно большим, нежели в обратном направлении. Шринавасан считает, что отсутствие обмена между Индией и Западным Пакистаном подтверждается тем, что темпы увеличения населения в Западном Пакистане и прилегающих к нему индийских штатах были почти одинаковыми. Постоянный отток переселенцев из Восточного Пакистана в Индию привел к тому, что численность населения Восточного Пакистана увеличивалась значительно медленнее, чем соседних — Ассама, Западного Бенгала и Трипуры (K. N. Shrinavasan, *Growth of population in India during 1941—1961 and thereafter*, — «AICC economic review», vol. 13, 1961, № 3).

рождаемости весьма заметно снизилась смертность. Так, если в 1941—1950 гг. рождаемость на тысячу жителей составляла в год 27,5, а смертность — 19,7, то за 1951—1960 гг. — соответственно 24,2 и 11,9¹⁵. Падение смертности объясняется в свою очередь некоторым улучшением жизненных условий населения и более широким распространением медицинской помощи¹⁶. Повышение естественного прироста — главная причина резко возросшего увеличения населения страны за последние десять лет.

Как мы уже отмечали, численность городского населения за 1951—1961 гг. по сравнению с предыдущими десятилетиями возрастала замедленными темпами. Темпы роста городского населения в этот период оказались не только ниже, чем в 1941—1951 гг., когда сказалось воздействие массового притока переселенцев из Пакистана, но ниже по сравнению с 1931—1941 гг., когда не было такого внезапного усиления мобильности населения. Если в первой половине XX в. городское население обычно увеличивалось много быстрее, чем общая численность населения, то в 1951—1961 гг. городское население росло почти такими же темпами, что и население страны в целом (увеличение соответственно на 24,8 и 21,5%). Уровень урбанизации в Индии в 1961 г. сохранился почти на том же уровне, что и в 1951 г., — доля городского населения не достигла 18%.

Для понимания динамики роста городского населения Индии надо учитывать то обстоятельство, что при проведении переписи 1961 г. в стране был введен новый критерий определения самого города. В предыдущих переписях к городам относились пункты с населением не менее 5 тыс. Несмотря на то что в основе понятия «город» лежало общее определение, в различных штатах наблюдались большие отклонения¹⁷. В 1961 г. по всей стране был принят единый критерий определения города. В разряд городов включались населенные пункты: имеющие муниципальное управление, а также являющиеся военными или иными поселками с законодательно установленным самоуправлением; с населением 5 тыс. человек и больше, при условии, что плотность населения в них не ниже тысячи человек на 1 кв милю (385 человек на 1 кв км) и не менее трех четвертей всего взрослого мужского населения занято вне земледелия¹⁸. Населенные пункты, считавшиеся прежде городскими, но не удовлетворяющие всем вновь установленным требованиям, были исключены из числа городов. В результате в некоторых штатах произошло падение удельного веса городского населения сравнительно с 1951 г.: в Раджастанхоне — с 18,5 до 16,1%, в Гуджерате — с 27,2 до 25,6, в Махараштре — с 28,8 до 27,9%. Несколько снизилась доля городского населения также в Андхре, Майсуре, Уттар Прадеше¹⁹.

Однако стагнация городского населения Индии в 1951—1961 гг.

¹⁵ C. B. Mamoria, *Population growth and birth rates in India*, — «AICC economic review», vol. 13, 1962, № 14—16.

¹⁶ В результате того, что в Индии в последние годы проводится широкая государственная программа борьбы с малярией, число страдающих этой болезнью сократилось с 80 млн. до 4 млн. Если в недавнем прошлом от малярии ежегодно умирало до миллиона человек, то в настоящее время почти нет случаев смерти от малярии. Уменьшилась смертность от туберкулеза и эпидемических болезней.

¹⁷ Например, в штате Уттар-Прадеш городами считались населенные пункты с числом жителей более 5 тыс. и другие, отнесенные комиссаром по проведению переписей к разряду городов. В Западном Бенгале, помимо установленной численности населения, города должны были обладать определенной плотностью населения и отличаться значительным развитием промышленных, торговых и административных функций.

¹⁸ «1961 census provisional population totals».

¹⁹ Ibid.

не может быть объяснена только установлением нового подхода к определению понятия «город». Даже если бы сохранился прежний критерий, то и тогда городское население в 1961 г. составило бы лишь 18,3% ²⁰. Следовательно, надо искать другую причину медленного роста городского населения Индии. По определению Бозе, перемещение сельских жителей в те населенные пункты, которые должны были считаться городами по старым критериям, составило за десятилетие (1951—1961) от 5 млн. до 8 млн. человек. Бозе считает, что вследствие введения нового критерия определения города численность населения индийских городов в 1961 г. оказалась на 2 млн. ниже, чем она могла бы быть при сохранении прежних критериев ²¹. Если исключить это население из числа сельских мигрантов, размеры переселения из деревни в город сократятся до 3—6 млн. человек, что составляет за год в среднем от 300 до 600 тыс. человек (т. е. значительно меньше, чем на протяжении предыдущего десятилетия).

Сокращение масштабов притока новых жителей в города в значительной мере определяется прекращением массового наплыва беженцев из Пакистана. Общее число беженцев, переселившихся из Пакистана в Индию, составило за десятилетие 1941—1951 гг. (точнее за 1947—1951 гг.) около 9 млн. ²², а в 1951—1961 гг. — 2,5 млн. Понятно, что общее сокращение числа переселенцев означало и уменьшение числа пакистанцев, поселившихся в индийских городах.

В 1951—1961 гг. наблюдалось сокращение притока в города переселенцев не только из Пакистана, но и из индийской деревни. В 1951—1961 гг. весь приток новых городских жителей значительно уступал числу мигрантов, пришедших из деревни в 1941—1951 гг. (напомним, что Натх определял масштабы переселения из индийской деревни в город на протяжении 1941—1951 гг. в 10 млн., в Бозе — 9 млн.).

Главная причина, объясняющая сокращение притока крестьян в города, — это хроническая безработица среди городского населения. Бозе приводит расчеты, согласно которым за 1951—1961 гг. несельскохозяйственный сектор экономики Индии ²³ предъявил потребность на 12,6 млн. новых рабочих и служащих, в то время как в результате естественного прироста населения в семьях, связанных с несельскохозяйственными отраслями, число трудоспособных возросло на 12,3 млн. Поскольку несельскохозяйственные отрасли сосредоточены преимущественно в городах, можно сделать вывод, что приведенные расчеты распространяются главным образом из города. Из этих расчетов видно, что вновь появляющиеся возможности занятости едва перекрывают то увеличение числа трудоспособных, которое является результатом естественного прироста городского населения. Если же учесть, что от прошлых лет постоянно сохраняется избыток незанятых трудоспособных, образующих резервную армию труда, то становится ясным, что в городах из года в год существует хроническая безработица.

Хроническая безработица ограничивает приток населения в города

²⁰ A. Bose, *Population growth and the industrialization-urbanization process in India*.

²¹ Ibid.

²² M. C. Khanna, *Rehabilitation of displaced persons*, — «AICC economic review», vol. 6, 1958, № 17—19.

²³ В индийской статистике принята следующая классификация отраслей народного хозяйства: земледелие; производство иное, нежели обработка земли (промышленность горнодобывающая, обрабатывающая, строительная, а также так называемые «первичные отрасли» — животноводство, плантационное хозяйство, рыболовство, охота); торговля; транспорт; различные виды обслуживания и прочие источники доходов. Под несельскохозяйственными понимаются все отрасли, за исключением земледелия.

даже в условиях того развития промышленности, которое связано с выполнением пятилетних планов (за годы первого и второго пятилетних планов выпуск промышленной продукции увеличился почти вдвое).

В течение всего текущего столетия наибольшее число переселенцев привлекали крупные города²⁴, вследствие чего численность их населения возрастала наиболее быстро. Если с 1901 по 1961 г. численность населения всех индийских городов утроилась, то число жителей крупных городов выросло почти в шесть раз. Но в последние десятилетия падают темпы роста населения и этой группы городов: за 1931—1941 гг. их население выросло на 64,5%, за 1941—1951 гг. — на 63,9 и за 1951—1961 гг. — всего на 48,1%.²⁵

Трудности с устройством на работу в городе препятствуют отливу из деревни трудоспособных, хотя факторы, побуждающие сельских жителей к переселению в города, за последнее десятилетие не только не ослабли, но даже усилились. Проведение аграрных реформ ускорило развитие капитализма в сельском хозяйстве, а это в свою очередь усугубило аграрное перенаселение. Стремление помещиков сохранить за собой значительные земельные площади под видом «земель личной запашки», не сдаваемых в аренду, сопровождалось массовым сгоном крестьян-арендаторов. К лишению крестьян прав наследственной аренды ведет и создание некоторыми помещиками крупных капиталистических хозяйств фермерского типа, основанных на использовании наемного труда. И после проведения аграрных реформ в Индии сохраняется острый земельный голод, малоземелье и безземелье крестьян. Значительнейшая часть всех крестьянских хозяйств (82%) владеет всего лишь 27% сельскохозяйственных земель, в то время как 2,4% крупных хозяйств держат в своих руках 28% земли²⁶. Основная масса крестьян-собственников владеет карликовыми участками (1—2 га), а 60—70 млн. крестьян вовсе не имеют земли.

Сокращение оттока сельских жителей в города, наблюдающееся в 1951—1961 гг., еще более отягощает и без того нелегкое положение миллионов индийских крестьян и деревенских ремесленников.

* * *

Как уже отмечалось, главную роль в качестве центров притяжения сельских переселенцев играют крупные города Индии. Изучение особенностей развития одного из таких городов позволяет рассмотреть конкретные причины перемещения населения из деревни в город, выявить характерные особенности миграционных движений.

Мы остановимся на характеристике переселения сельских жителей в город Канпур — один из крупнейших в Индии. Его население в 1951 г. составляло 705 тыс. В 1961 г. оно возросло до 971 тыс.

В 1951 г. по численности населения среди городов Индии Канпур занимал восьмое и в 1961 г. сохранил свое место. Канпур — самый большой город и важнейший промышленный центр штата Уттар Прадеш, один из ведущих внутренних центров, выросших в долине Ганга, на территории, где зародились древние индийские культура и государственность. Но по своему генезису и развитию Канпур существенно от-

²⁴ В индийской статистике к группе крупных (именуемых «сити») относятся города с населением в 100 тыс. человек и выше.

²⁵ A. Bose, *Population growth and the industrialization-urbanization process in India*; «Census of India 1961».

²⁶ А. Гхош, *Некоторые особенности положения в Индии*, — «Проблемы мира и социализма», 1962, № 2.

личается от древних городов Гангской равнины — Варанаси (Бенареса), Аллахабада, Лакхнау и городов — предшественников Дели. Все эти города появились за много столетий до нашей эры, в докапиталистическую эпоху. Их возникновение было связано с административными, военными и религиозными функциями, а в дальнейшем развитии немалую роль сыграли ремесленные и торговые функции.

Канпур — город гораздо более молодой. Его рост находится в непосредственной связи с созданием в Индии современных промышленности и транспорта. Еще в конце XVIII в. Канпур был небольшой деревней. Важное географическое положение деревни на крутом правом берегу Ганга, на границе индийских государств с территориями, захваченными британской Ост-Индской компанией, привлекло внимание командования английской колониальной армии. Канпур был избран местом размещения английских войск, превращен в опорную базу для колонизаторов в западной части Гангской равнины²⁷.

Однако лишь со второй половины XIX в. в Канпуре стало быстро увеличиваться население и возрастать его экономическое значение. После восстания 1857 г., в котором Канпур играл выдающуюся роль, британская буржуазия стала осуществлять в Индии значительное железнодорожное строительство. Наличие разветвленной железнодорожной сети обеспечивало Англии быструю переброску войск для подавления новых возможных восстаний, позволяло укрепить северные и северо-западные границы Индии от проникновения других капиталистических держав и улучшало связи богатого сельскохозяйственного района с Калькуттой, а через нее — с метрополией. В 1859 г. Восточно-Индийская железная дорога, соорудившаяся от Калькутты в долину Ганга, дошла до Канпура. Для превращения города в крупный транспортный узел большое значение имело строительство в 1875 г. железнодорожного моста через Ганг.

Затруднения с доставкой в Англию американского хлопка в связи с гражданской войной в США в 1861—1865 гг. сопровождалось повышением спроса со стороны английской текстильной промышленности на индийский хлопок. Канпур стал важным торговым центром, куда свозился хлопок из окружающих сельскохозяйственных районов для отправки его по железной дороге в Калькутту, а оттуда морем — в Англию. Торговля хлопком способствовала появлению в самом Канпуре хлопчатобумажной промышленности. Первая хлопчатобумажная фабрика была построена здесь в 1864 г. В это же время в городе возник и первый кожевенный завод, создание которого было связано с потребностями военного гарнизона. К концу XIX в. Канпур уже стал довольно крупным промышленным центром, в котором имелись предприятия хлопчатобумажной, шерстяной, джутовой, кожевенной, сахарной промышленности. Экономические и политические условия в периоды первой и второй мировых войн способствовали усилению промышленного значения города. В настоящее время Канпур — один из ведущих текстильных и кожевенных центров Индии. На его хлопчатобумажных фабриках занято более 40 тыс. рабочих²⁸.

О возрастании промышленного значения Канпура можно судить по числу его фабрично-заводских рабочих. В 1894 г., когда осуществлялась первая стадия индустриализации города, в нем насчитывалось

²⁷ В Канпуре до сих пор сохраняется крупное военное поселение, не входящее в территорию городского муниципалитета.

²⁸ U. Singh, *The origin and growth of Kanpur*, — «The national geographical journal of India», vol. 5, 1959, № 1.

14 тыс. рабочих; к концу первой мировой войны их число удвоилось и достигло 30 тыс. В годы второй мировой войны число промышленных рабочих доходило до 90 тыс. В 1953 г. в Канпуре насчитывалось около 70 тыс. фабрично-заводских рабочих²⁹.

В результате индустриализации Канпур превратился в один из наиболее промышленных городов Индии по профессиональному составу населения. В 1951 г. 42,7% его населения получало средства существования от работы на предприятиях фабрично-заводской промышленности и ремесла и лишь 1,2% жителей было связано с земледелием (для сравнения следует указать, что во всех индийских городах в совокупности с промышленностью и ремеслом было связано 24% населения, а с земледелием — 14%).

По мере роста экономического значения Канпура увеличивалось и его население. За первую половину XX в. число жителей города возросло в три с половиной раза — с 203 тыс. в 1901 г. до 705 тыс. в 1951 г. По темпам увеличения населения Канпур стоял на одном уровне с такими крупными промышленными центрами Индии, как Ахмадабад и Бангалур.

Значительный рост населения Канпура объяснялся постоянным притоком в него переселенцев из других населенных пунктов страны. Жители города, родившиеся за его пределами, неизменно составляли значительную часть населения, причем их доля непрерывно возрастала. В 1901 г. на родившихся вне Канпура приходилось 38,1% всего населения города, а в 1951 г. — 52,7%³⁰. О том, что приток переселенцев был вызван главным образом промышленным развитием Канпура, говорит его сопоставление с другими городами Уттар Прадеша, не выдвинувшимися в число столь значительных промышленных центров. Эти города привлекали гораздо меньшее число переселенцев: в 1951 г. родившиеся вне данного города составляли: в Агре — 25%, в Варанаси — 21,3, в Аллахабаде — 25,8, в Лакхнау — 42%³¹.

В 1954—1956 гг. Исследовательский комитет Плановой комиссии Индии осуществил специальное выборочное обследование населения Канпура³². Обследование должно было выявить социальные и культурные последствия, сопровождающие промышленное развитие города. Значительное место в обследовании заняло изучение вопроса о притоке населения в Канпур из других частей Индии.

Обследование показало, что основная масса людей, переселившихся на жительство в Канпур, — это выходцы из деревни. Было обследовано 3,5 тыс. семей переселенцев. Среди них прибывшие из деревни составляли более 76%, из других городов — почти 22 и из-за границы (преимущественно из Пакистана) — около 2%.

За последние десятилетия доля переселенцев из других индийских городов немного возрастает. Городских переселенцев дают преимущественно мелкие города, не имеющие промышленного значения. Большинство таких городов именуется в индийской литературе «сельскими». По числу жителей, профессиональному составу населения и внешнему облику они обычно почти неотличимы от крупных деревень, и

²⁹ D. N. Majumdar, *Social contours of an industrial city, social surveys of Kanpur, 1954—56*, Delhi, Calcutta, Madras, 1960.

³⁰ Картина, наблюдаемая в Канпуре, сходна с тем, что происходило в крупнейшем промышленном центре Индии — Калькутте, где в 1901 г. переселенцы составляли 34,9% населения, в 1951 г. — 52,8% (в пределах городской черты).

³¹ U. Singh, *The origin and growth of Kanpur*, — «The national geographical journal of India», vol. 5, 1959, № 1.

³² D. N. Majumdar, *Social contours of an industrial city, social survey of Kanpur, 1954—56*.

го, что их причисляют к городам, часто носит формальный характер³³. В мелком городе существуют сходные с деревней социально-экономические условия. И там и тут проявляются общие причины, побуждающие людей к переселению. По существу переселение жителей из мелких городов в крупные можно отнести к категории сельской миграции. Вследствие этого роль сельской миграции в притоке переселенцев в Канпур фактически значительно больше, чем можно судить по приведенной выше цифре об удельном весе сельских переселенцев. Об этом говорят и следующие данные: из всех обследованных переселенцев, прибывших как из деревни, так и из других городов, более 82% до переселения занималось сельским хозяйством. Таким образом, сельской миграции принадлежит основная роль в пополнении населения Канпура новыми жителями.

Обследование населения Канпура раскрывает конкретные причины, побудившие людей к перемене места жительства. Многие из них связаны с острыми экономическими трудностями, испытываемыми переселенцами. Результаты обследования могут быть суммированы в следующем виде:

Причины переселения в Канпур	Процент от общего числа обследованных переселенцев
Экономические трудности на прежнем месте жительства в том числе:	48,1
безземелье или малоземелье земледельцев	17,8
безработица и надежда найти средства к существованию в городе	24,5
стремление к выгодному приложению капитала	5,8
Наличие в городе родственников, могущих помочь переселенцам	31,6
Служебное перемещение	4,1
Стремление к удобствам городской жизни	2,8
Распад семьи	2,0
Иммиграция из Пакистана	1,5
Прочие причины (заключение брака, получение образования в городе, желание переменить место жительства и др.)	9,9
Итого	100,0

Как видно из приведенных данных, около половины обследованных переселенцев покинули прежнее место жительства под воздействием экономических факторов. Фактически же значение последних было, по-видимому, гораздо большим. Например, в числе важных причин переселения фигурирует такая, как наличие в Канпуре родственников — благоприятное для переселения обстоятельство. Однако это еще не причина самого переселения. Введение исследователями этой рубрики завушеживает те экономические трудности, которые заставили людей покинуть прежнее место жительства и последовать в город за ранее уехавшими родными. Переезд и по другим причинам (распад семьи или желание переменить место жительства) нередко также имеет экономическую подоплеку. В целом можно с уверенностью сказать, что экономи-

³³ Для большинства мелких индийских городов, число жителей которых не превосходит 20 тыс., типично сохранение тесной связи населения с сельскохозяйственным производством. Так, например, в 1951 г. в штате Уттар Прадеш в городах с населением менее 10 тыс. человек в каждом 30% получали средства существования от земледелия. В некоторых городах этот показатель доходит до 70—75% (K. N. Singh, *Functions and functional classification of towns in Uttar Pradesh*, — «The national geographical journal of India», vol. 5, (1959, № 3).

ческие трудности вынудили к переезду более половины опрошенных переселенцев ³⁴.

Проанализируем экономические факторы, указанные в таблице (учитывая, что их действительное значение, как отмечено выше, преуменьшено). Наиболее значимы из них два — безземелье или малоземелье крестьян, а также безработица. Под давлением этих обстоятельств в Канпур перебралось 42,3% всех обследованных переселенцев ³⁵. Действие этих причин возрастает из года в год. Среди мигрантов, поселившихся в Канпуре до 1940 г., из-за отсутствия или недостатка земли прежнее место жительства покинуло 17%, из-за безработицы — 18,5 (в итоге 35,5%). Из переселенцев, поселившихся в Канпуре после 1940 г., безземельные и малоземельные составляли уже 18,7%, а безработные — 25,2 (в итоге 43,9%).

Как показало обследование, подавляющее большинство переселенцев (87,3% опрошенных) прибыло в Канпур из различных частей штата Уттар Прадеш. Переселенцы из других штатов составили 10,6%, а выходцы из-за границы (преимущественно из Пакистана) — 2,1%.

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что экономическое влияние Канпура как центра притяжения переселенцев распространяется главным образом на территорию собственного штата. Однако постепенно, по мере усиления промышленного значения этого города, расширяется ареал его экономического воздействия. Об этом можно судить по следующим показателям: среди поселившихся в Канпуре до 1940 г. пришельцы из других штатов составляли всего 7,8%, в 1941—1945 гг. — 9,6, в 1946—1950 гг. — 11,5 и в 1951—1955 гг. — уже 19,6%.

Радиус переселения сельских и городских жителей различен. Сельские жители приезжают (или приходят) в Канпур преимущественно из близлежащих округов штата Уттар Прадеш, горожане — из более дальних мест. Чем дальше отстоит от Канпура прежнее место жительства, тем выше в потоке переселенцев удельный вес горожан. Выходцы из городов составляют: среди переселенцев из прилегающих к Канпуру округов Уттар Прадеша — седьмую часть, среди мигрантов из более удаленных округов — треть, среди выходцев из других государств — две трети.

Все это свидетельствует о том, что развитие капиталистических отношений, сопровождающееся усилением подвижности населения, в большей степени охватило в Индии города, нежели деревни.

В поисках работы в большой город переселяются преимущественно мужчины. Это связано с тем, что среди сельского населения Уттар Прадеша, как и Северной Индии в целом, значительная доля приходится на высшие касты, в которых запрещается какая-либо работа

³⁴ Департамент антропологии г. Лакхнау, занимавшийся изучением притока переселенцев в Канпур, пришел к выводу, что экономические трудности явились причиной переселения 58,6% обследованных.

³⁵ Подобные же причины сельской миграции были выявлены при обследованиях, проведенных в других районах Индии. В 1957—1959 гг. Сельскохозяйственный исследовательский центр в Мадрасе осуществил социально-экономическое обследование в четырех деревнях округа Раманатхапурам штата Мадрас. Суммарное население деревень составило в 1951 г. 5900 человек. Из них ко времени обследования покинули свои деревни 243 человека — 4,1% всех жителей. Основная часть эмигрантов — почти 90% — поселилась в городах, преимущественно в пределах штата Мадрас. Из всех эмигрантов 46,1% составили малоземельные крестьяне (имевшие менее 4 га на хозяйство) и 24,7% — безземельные сельскохозяйственные рабочие. На обе эти группы приходится более 70% всех деревенских переселенцев (T. S. Yeshwant, *Rural migration — a case in four Remanathapuram villages*, — «Agricultural situation in India», 1962, September).

женщин вне дома, особенно на фабриках и заводах³⁶. Источником женской рабочей силы в Индии обычно являются представительницы племен, но на Гангской равнине их нет.

Преимущественно «мужской» характер переселения имеет своим следствием то, что в Канпуре наблюдается значительное преобладание мужского населения над женским. В 1951 г. на тысячу мужчин в среднем приходилась 781 женщина³⁷, в 1961 г. этот показатель понизился до 740. Дефицит женского населения — важный косвенный показатель значения города как центра привлечения сельских переселенцев. Канпур, выделяющийся из всех городов Уттар Прадеша наибольшим развитием промышленности и самым крупным притоком мигрантов, занимает среди больших городов штата (с населением 100 тыс. и более) первое место по численному перевесу мужчин над женщинами³⁸.

В семьях переселенцев численное преобладание мужчин над женщинами еще более значительно, чем во всем населении города. В 1951 г. на тысячу мужчин-мигрантов в Канпуре приходилась 541 женщина. По этому показателю он превосходил даже такой крупнейший промышленный центр Индии, как Бомбей (на тысячу мужчин 575 женщин). В самом крупном индустриальном центре страны — Калькутте на тысячу мужчин-переселенцев приходилось всего 376 женщин³⁹.

Состав населения Канпура по полу и возрасту, а также размер семьи характеризуются следующими данными⁴⁰:

	Среднее число женщин на тысячу мужчин	Среднее число детей (до 14 лет) на тысячу мужчин	Средний размер семьи
Коренные жители (родившиеся в Канпуре)	885	1275	5,4
Переселенцы:			
прибывшие до 1940 г. . .	822	1089	5,0
прибывшие в 1941—1945 гг.	690	987	4,0
прибывшие в 1946—1950 гг.	642	931	3,7
прибывшие в 1951—1955 гг.	609	731	3,5

Чем меньше времени прошло с момента переселения в Канпур, тем значительнее преобладание в семьях мужчин и тем менее размер семьи. Многие переселенцы на первых порах оставляют семьи на прежнем месте жительства, и лишь впоследствии некоторые из них перевозят своих иждивенцев в город. Такой переезд во многих случаях осложняется большими расходами, а также трудностями с жильем. Обследование показало, что около одной пятой всех жителей Канпура обитает в трущобах и что почти две трети домов, занимаемых рабочими, непригодны для жилья. В обследовании отмечается, что неудовлетворительность жилищных условий — одна из основных причин, пре-

³⁶ В 1953 г. женщины составляли менее 1% всех фабрично-заводских рабочих Канпура.

³⁷ По этому показателю Канпур стоит на уровне большинства крупных городов Индии. В 1951 г. в городах, каждый из которых насчитывал не менее 100 тыс. жителей, на тысячу мужчин приходилось в среднем 785 женщин.

³⁸ По итогам переписи населения 1961 г., на тысячу мужчин приходилось следующее число женщин: в Лакхнау — 766, в Варанаси — 815, в Агре — 821 в Аллахабаде — 788.

³⁹ A. Lal, *Pattern of in-migration in India's cities*, — «The geographical review of India», vol. 23, 1961, № 3. В городах Южной Индии, где из деревень обычно переселяются целыми семьями, относительное число женщин среди переселенцев выше: в 1951 г. оно составляло в Мадрасе 816, в Бангалуре — 790.

⁴⁰ D. N. Majumdar, *Social contours of an industrial city, social survey of Kanpur*, 1954—56.

пятствующих притоку женского населения из деревни, а следовательно, и более широкому участию женщин в промышленном производстве города.

Сохранение семьи на прежнем месте жительства ведет к тому, что переселенцы постоянно поддерживают тесные связи с теми селениями, откуда они приехали. Около четверти обследованных переселенцев регулярно посылают деньги семьям, оставленным на старом месте жительства. Более половины переселенцев посещают прежнее место жительства не реже раза в год. Некоторые из сельских переселенцев, сумев несколько улучшить свое материальное положение, возвращаются в деревню.

Таким образом, переселение из деревни в город нередко носит временный характер. Обмен жителями между деревней и городом происходит в обоих направлениях, но переселение из деревни в город по своим масштабам значительно превосходит миграции из города в деревню.

Рассмотрение ряда деталей, связанных с переселением сельских жителей в Канпур, дает возможность выявить некоторые особенности, характерные для миграции населения из деревни в крупные города. Более быстрый рост их населения (по сравнению со средними и мелкими) определяется тем, что они выступают в качестве главных центров притяжения сельской миграции. В связи с этим для населения больших городов типичны высокий удельный вес жителей, родившихся за пределами города, с ярко выраженным количественным преобладанием мужчин. Будучи крупным региональным экономическим центром, большой город привлекает переселенцев преимущественно из ближайших территорий, тяготеющих к нему. Но постепенно, по мере нарастания аграрного перенаселения и развития внутренних экономических связей, увеличивается приток переселенцев и из более отдаленных мест. Сельская миграция является главным источником рабочей силы для промышленности и других отраслей хозяйства города. Ее рост сопровождается появлением городских трущобных районов, которые приобрели в колониальной Индии наиболее тяжелые и страшные для их обитателей формы («басти»).

Обследование переселенцев заканчивается 1955 годом. К сожалению, итоги переписи населения Индии 1961 г. не позволяют пока выявить новые сдвиги в миграции сельского населения в отдельные города. Будущий анализ данных переписи 1961 г. покажет, каковы соотношения между современными тенденциями в миграции сельского населения в города по Индии в целом и переселением сельских жителей в отдельные из них.

В течение довольно длительного времени миграция сельского населения Индии в города была сравнительно небольшой по абсолютным размерам и совсем незначительной по относительным масштабам. За 30 лет — с 1901 по 1931 г. — приток сельских жителей в города был немногим более 6 млн. человек. Размеры миграции за каждые десять лет составляли ничтожную долю всей численности населения страны к концу соответствующего десятилетия — менее 1%.

Последующее тридцатилетие (1931—1961) показало значительное увеличение размеров сельской миграции в города. За этот период из деревни в город переселилось 22—25 млн. человек⁴¹, что в первую очередь связано с непрерывно нараставшим аграрным перенаселением. Как показывает пример г. Канпура, среди сельских переселенцев ос-

⁴¹ Исчисления В. Натха и А. Бозе.

новную массу составляют малоземельные и безземельные арендаторы, сельскохозяйственные рабочие, а также ремесленники, потерявшие возможность заниматься наследственной кастовой профессией.

Об усилении подвижности сельского населения Индии свидетельствует рост относительных размеров миграции. Несколько большая часть жителей страны оказалась вовлеченной в переселенческое движение. За 1931—1941 гг. переселенцы из деревни в город составили 2,1% от общей численности населения Индии в 1941 г. (в современных границах). В течение десятилетия 1941—1951 гг. сельские переселенцы составляли 3,4% всего населения страны в 1951 г.⁴²

Таким образом, во второй трети текущего столетия миграционный поток из индийской деревни в город заметно вырос. Однако переселение по-прежнему захватывало лишь небольшую часть огромного населения Индии. Несмотря на рост переселенческого движения, внутренние миграции в направлении деревня — город по своим относительным размерам продолжали оставаться небольшими.

За последнее десятилетие максимально исчисляемые размеры сельской миграции в города не превышают 1,5% всего населения Индии в 1961 г. Как уже отмечалось, снижение темпов переселения связано с тем, что промышленное развитие городов оказалось недостаточным для того, чтобы не только поглотить постоянно возрастающее трудоспособное население самих городов, но и обеспечить работой пришельцев из сельской местности.

Сельская миграция, несмотря на ее относительно ограниченные размеры, имеет первостепенное значение для урбанизации Индии. Приток сельских переселенцев — основной источник роста индийских городов.

Но для индийской деревни в противоположность городу переселение миллионов людей из деревни в город не уменьшает аграрного перенаселения деревни. За 1941—1951 гг., когда наплыв новых жителей в города был максимальным, сельская миграция поглотила только 28% естественного прироста сельского населения страны⁴³.

Переселение части сельских жителей в города по существу не меняет социально-экономических условий жизни в деревне. Отток переселенцев в города не сопровождается уменьшением доли населения, получающего средства существования в сельском хозяйстве. Наоборот, зависимость населения Индии от сельскохозяйственного производства до недавнего времени постоянно увеличивалась. В 1941 г. средства существования от сельского хозяйства получало 67% самостоятельного населения страны, а в 1951 г. — 68%⁴⁴. В 1954 г., по данным Национального бюджетного комитета, в сельском хозяйстве было занято 72,5% самостоятельного населения⁴⁵. Одновременно снижается доля лиц, занятых в промышленности: с 1941 по 1951 г. она уменьшилась с 14,1 до 10,6%⁴⁶. Такое положение является следствием того, что промышленное производство в Индии до недавнего времени развивалось крайне замедленно и по своим темпам отставало от численного роста населения. Лишь после 1951 г., с принятием первого пятилетнего плана и созданием государственно-капиталистического сектора в народном хозяйстве, темпы развития промышленности несколько ускорились.

⁴² В число сельских переселенцев включены беженцы из Пакистана.

⁴³ P. Dayal, *Population growth and rural-urban migration in India*, — «The national geographical journal of India», vol. 5, 1959, № 4.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

В 1961 г. в земледелии было занято 69,6% всего самостоятельного населения, а в промышленности — 14,5%⁴⁷.

Отдел перспективного планирования при Плановой комиссии Индии определяет ожидаемую численность населения страны к 1981 г. в 620 млн. Предполагается, что городское население при этом составит 200 млн., или 32%⁴⁸. Столь значительный рост городского населения (в 1,5 раза быстрее сельского) возможен лишь при существенном усилении притока сельских жителей в города. А это в свою очередь требует гораздо более высоких темпов индустриализации, чем до сих пор.

Очевидно, и впредь будет происходить наиболее быстрый рост крупных городов (с населением 100 тыс. и выше). Города этой группы имеют наибольшее районообразующее значение, перспективы в отношении развития промышленности и, следовательно, привлечения значительного числа сельских переселенцев.

В то же время целесообразно будет ограничить дальнейший рост крупнейших городов, из которых особенно выделяются города-миллионеры. Во многих из них, преимущественно в таких, как Калькутта (численность населения в 1961 г. в городской черте составляла почти 3 млн., а с пригородами — более 5,5 млн.), Бомбей (свыше 4 млн.), быстро растущий Дели (2,6 млн.), возникают серьезные проблемы водоснабжения, транспорта, борьбы с чрезмерной скученностью населения и антисанитарными условиями жизни.

Одновременно с преимущественным ростом крупных городов (при обязательном ограничении дальнейшего роста сверхкрупных) необходимо обеспечить условия для того, чтобы переселенцы могли найти средства существования в средних городах (с населением от 50 тыс. до 100 тыс.), а также и в малых (с населением менее 50 тыс.), что может быть достигнуто экономической активизацией этих групп городов путем создания в них новых промышленных предприятий, усиления торгово-транспортных и культурных функций. Однако, несомненно, ведущая роль в урбанизации сохранится за крупными городами.

Индийская деревня обладает большими потенциальными возможностями для того, чтобы дать необходимое число рабочих для развития современной промышленности и обеспечить населением растущие города.

⁴⁷ «Census of India 1961». В раздел промышленности включены также животноводство, лесное и плантационное хозяйство, рыболовство, охота. В индийской статистике все эти отрасли объединяются с горнодобывающей промышленностью.

⁴⁸ P. Pant, *Urbanisation and longrange strategy of economic development*, 1960.

Г. В. Сдасюк

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИИ ЭНЕРГЕТИКИ ИНДИИ

За годы независимого существования в Индии были заложены основы современной черной металлургии, тяжелого машиностроения, расширилась топливно-энергетическая база. В развитии энергетической базы весьма велика роль государственного сектора. Ему принадлежит ведущее место в развитии тяжелой промышленности, в сооружении электростанций и горнозаводских предприятий, в работах по разведкам нефти и газа, поисках залежей полезных ископаемых.

Третьим пятилетним планом (1961/62—1965/66) предусмотрена дальнейшая, еще более значительная индустриализация страны. Одна из ее важнейших предпосылок заключается в развитии энергетической базы. Вопросы о наличных ресурсах, о возможностях открытий новых источников энергии, о путях использования топлива и об особенностях географии энергетики становятся весьма актуальными.

В Индии принято подразделять источники энергии на два основных вида — коммерческие и некоммерческие (табл. 1). В соответствии с этим и ведется учет ее производства и потребления.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые Индией за прошедшее десятилетие в развитии энергетики, энергопотребление на душу населения остается в ней одним из самых низких в мире. Стране предстоит решить сложные проблемы энергетики, имеющие важнейшее общегосударственное значение. Это прежде всего самообеспечение нефтью, ликвидация существующего «угольно-железнодорожного кризиса». Страна испытывает общий дефицит электроэнергии, особенно острый в главных промышленных центрах и промышленно развитых районах.

Современная структура потребления различных видов энергии отражает отсталость экономики Индии, унаследованную от колониального прошлого. Широкое использование навоза и дров в качестве топлива чрезвычайно неэкономично. Сельское хозяйство лишается больших количеств основного органического удобрения. Усиленное сведение лесов пагубно отражается на состоянии земель: катастрофические размеры приобретает эрозия, понижается уровень грунтовых вод и т. п. В балансе потребления коммерческих видов энергии преобладает уголь. Нефть составляет в нем 14,6%, а гидроэнергия — всего 1,4%.

Т а б л и ц а 1

Структура потребления энергии в 1960/61 г.*

Источники энергии	Количество потребленной энергии, млн. т условного топлива	Удельный вес, %
Коммерческие		
уголь	54,6	33,0
нефть	9,5	5,8
гидроэнергия	0,9	0,6
Итого . . .	65,0	39,4
Некоммерческие		
навоз	46,0	27,9
дрова	35,0	21,2
сельскохозяйственные отходы	19,0	11,5
Итого . . .	100,0	60,6
Всего . . .	165,0	100,0

* «Third Five year plan», New Delhi, 1961, p. 194.

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В период осуществления второго пятилетнего плана, когда в Индии был сделан упор на развитие тяжелой промышленности, потребности в угле стали быстро возрастать. Основные его потребители — железные дороги, металлургические комбинаты, тепловые электростанции, химическая, цементная и другие отрасли промышленности. Добыча угля в стране увеличивалась следующим образом (млн. т): 1951 г. — 34, 1955 г. — 38, 1962 г. — 60. В 1965/66 г. она должна составить 97, а по оценке в 1970/71 г. — 170—180.

Индия обладает довольно крупными запасами угля. Из них разведанные составляют 50 млрд. т, а предполагаемые (включая угли низших сортов) оцениваются в 150—180 млрд. т. Ограниченные резервы коксующегося угля (всего 2,8 млрд. т, а вместе с полукоксующимися углями 15 млрд. т), а также концентрация почти всех известных угольных месторождений на северо-востоке полуостровной части страны неблагоприятно отражаются на развитии экономики.

Долины рек Дамодар на северо-востоке и Годавари на юге образуют как бы стороны треугольника с вершиной примерно в среднем течении р. Нарбады. В этих пределах сосредоточены все основные месторождения каменного угля. Одна только долина р. Дамодар обладает более чем половиной общих запасов страны (штаты Бихар и Западный Бенгал) и — что еще более важно — всеми месторождениями коксующихся углей (Бокаро, Джхария, Ранигандж, Гиридик). На юге и в западной половине страны месторождений угля не имеется, за исключением лигнитов в штате Мадрас (месторождение Нейвели с запасами 2 млрд. т) и на северо-западе — в Раджастане (месторождение Палани с запасами 10 млн. т). Есть сведения о наличии лигнитов в Керале, в Гуджарате (Саураштра и полуостров Кач) и других местах. Некоторыми запасами каменных углей обладают окраинные «ги-

малайские» штаты: Ассам — 2 млрд. т, Джамму и Кашмир (запасы не установлены).

Добыча угля в стране распределяется еще более неравномерно, чем ее угольные месторождения (табл. 2). Шахты и разрезы, сконцентрированные на протяжении примерно 300 км в долине р. Дамодар (Бихар и Западный Бенгал), дают около 80% всего добываемого угля.

Таблица 2

Добыча угля по основным месторождениям в 1959 г.*

Основные месторождения	Добыча, тыс. т	Удельный вес в общей добыче, %
Бихар	22 377,2	47,7
Джхария	14 940,8	31,8
Бокаро	2 892,1	6,2
Каранпура	2 114,6	4,5
Ранигандж	1 308,1	2,8
Рамгарх	609,2	1,3
Гиридих	392,3	0,8
Даттангандж	80,7	0,2
Хутаи	25,8	0,1
Джайнти	7,7	
Раджмахал	5,9	
Западный Бенгал	14 955,5	34,9
Ранигандж	14 949,6	31,9
Дарджилинг	5,9	3
Мадхья Прадеш	5 550,8	11,8
Кореа	1 783,1	3,8
Долина р. Пенч (Чхиндвара)	2 307,7	4,9
Рева	1 236,6	2,6
Биласпур	217,7	0,5
Райгарх	5,7	
Андхра Прадеш	2 229,8	4,7
Сингарени	2 229,8	4,7
Махараштра	674,1	1,4
Чанда	474,2	1,0
Настри (Нандед)	130,5	0,3
Нагпур	69,4	0,1
Йотмал		
Орисса	609,6	1,3
Самбалпур	323,8	0,7
Талчер	285,8	0,6
Ассам	500,6	1,1
Раджастхан	24,4	0,1
Всего	46 922,0	100,0

* «Monthly review of coal production and distribution issued by coal controller and chairman. Coal board», Delhi, 1959.

Неравномерное размещение угледобычи вызвано не только особенностями распределения месторождений. Дамодарский угольный бассейн, помимо крупных запасов высококачественных (в том числе коксующихся) углей, отличается весьма благоприятным экономико-географическим положением (близость к Калькутте), располагает хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог. Угольные месторождения бассейна р. Сон и другие, расположенные в Центральной Индии, так же как месторождения Ассама, Джамму и Кашмира, меньшие по величине и худшие по качеству, до последнего времени к

тому же были малодоступны для разработки из-за слабого развития транспортной сети.

Чрезмерное сосредоточение добычи угля в Дамодарском бассейне сопряжено с его длительными и дорогостоящими перевозками, составляющими около трети всех железнодорожных перевозок страны. В углепроизводящих районах ощущается постоянная острая нехватка вагонов. У шахт и разрезов накапливается огромное количество угля¹⁾, в то время как в большинстве районов, особенно на юге и западе, из-за нехватки топлива и сокращения электроснабжения с тепловых электростанций останавливаются заводы. Цены на уголь в этих районах в 1,5—2,5 раза выше, чем на востоке страны.

Средняя стоимость тонны угля по различным железнодорожным зонам Индии была следующей (в рупиях):

Восточная	27	Центральная	39
Юго-восточная	27	Западная	44,5
Северо-восточная	35,5	Южная	65
Северная	38		

Железные дороги далеко не всегда справлялись с заказами. На работе железнодорожного транспорта отрицательно сказывается то, что с востока, со стороны Калькуттско-Дамодарской промышленной зоны, движется огромный поток угля, металла и другой продукции. В обратном же направлении идут полупорожние составы. «Угольно-железнодорожный кризис» может быть разрешен лишь комплексно: с одной стороны, путем рассредоточения угледобычи, а с другой — расширением и совершенствованием средств транспортировки²⁾.

Освоение угольных месторождений, расположенных вне Дамодарского бассейна, — одна из важнейших экономических задач, стоящих перед Индией. Главную роль в ее решении призван сыграть государственный сектор. До последнего времени его удельный вес в добыче угля был незначительным: из 51,8 млн. т, полученных в 1960 г. (вместо запланированных 60 млн. т), на государственный сектор пришлось лишь 8,4 млн. т, т. е. 16,2%³⁾ (вместо 25%). Правда, третьим пятилетним планом предусматривается рост государственного сектора в добыче угля до 36%. При этом предприятия, сооружаемые с помощью СССР, дадут около 13% этого прироста.

Начатое комплексное использование лигнитов Нейвели в штате Мадрас указывает средства утилизации низкокачественных углей, месторождения которых обнаружены во многих районах страны.

Сооружаемый в государственном секторе энерго-промышленный комплекс Нейвели состоит из ряда взаимосвязанных предприятий, включающих открытую разработку лигнитов (до 3,5 млн. т в год), их использование в качестве топлива на строящейся рядом электростанции мощностью 400 тыс. квт (станция сооружается с помощью СССР), химическую переработку лигнитов и получение из них азотных удобрений (70 тыс. т связанного азота в год), производство карбонизированных брикетов (380 тыс. т) — высококалорийного, бездымного топлива. При процессе карбонизации выделяются ценные побочные продукты — фенол, смолы и т. п.⁴⁾

¹⁾ «Economic times», 15.III.1961.

²⁾ «Report of the Expert committee on coal consumption of railways», Delhi, 1958, р. 86.

³⁾ «Eastern economist», 6.III.1961.

⁴⁾ «The Hindustan times», 19.IX.1958.

Большое значение могли бы иметь для Индии освоение опыта ГДР по выработке из лигнитов кокса, пригодного для низкошахтного доменного производства. Это решило бы важнейшую задачу создания металлургической базы на Юге и радикально улучшило бы общий характер размещения производительных сил.

Освоение «новых» угольных месторождений Центральной Индии, бассейна р. Годавари и др. важно и как мера консервации коксующихся и других высококачественных углей Дамодара. Однако, поскольку большинство месторождений обладает углями низкого качества (большой зольности, повышенного увлажнения), их эффективное использование может быть достигнуто только путем комплексной переработки на местах: строительством углеобогачительных фабрик, крупных тепловых электростанций, работающих на отходах этих фабрик, химических заводов.

Строить на пустом месте углеэнерго-химический комплекс, подобный Нейвели, хотя и целесообразно с точки зрения перспектив, но тяжело по финансовым и техническим причинам. В годы третьего пятилетнего плана в разных частях страны сооружаются крупные тепловые электростанции, использующие местные низкокачественные угли. Это — Синграули ТЭС (250 тыс. кВт) на крайнем юго-востоке «безугольного» штата Уттар Прадеш, Талчер ТЭС в Ориссе (240 тыс. кВт), Сатпура ТЭС на юге центральной части Мадхья Прадеша (180 тыс. кВт), электростанция Кохтагудтем в северной части Андхра Прадеша (120 тыс. кВт). Здесь же строится крупный комбинат азотных удобрений. В дополнение к шести действующим проектируется строительство еще девяти углеобогачительных фабрик.

Хотя в годы третьего пятилетнего плана и в дальнейшем будет происходить рассредоточение угольной промышленности, однако Дамодарский бассейн, видимо, все же останется главным поставщиком угля. Так, предполагается, что в 1965/66 г. здесь будет добываться примерно 71% индийского угля. В связи с этим стоит задача улучшения транспортных связей Дамодара с основными потребляющими центрами и районами страны, и в первую очередь с металлургическими комбинатами. Важное значение придается развитию морских перевозок для доставки угля в южные и западные штаты. В 1961 г. морским транспортом перевозилось около миллиона т угля в год. В период третьего пятилетнего плана это количество предполагается удвоить. Для облегчения доставки угля к Калькутте проложен судоходный канал, связывающий этот порт с бассейном р. Дамодар.

В ближайшие десятилетия юг, запад и север страны будут оставаться районами, испытывающими дефицит в угле. Расчеты, проведенные индийскими экспертами, а также Национальным советом прикладных экономических исследований, подтверждают целесообразность осуществления в этих районах массовой электрификации и перевода железных дорог на дизельную тягу.

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

До 1962 г. вся добыча нефти в Индии составляла менее 0,5 млн. т и была целиком сосредоточена в штате Ассам, в верхней части долины р. Брахмапутры. Нефть перерабатывается на принадлежащем английскому капиталу заводе в Дигбое, расположенном недалеко от нефтяных промыслов. Добыча в Ассаме ведется еще с конца прошлого века.

Основными поставщиками нефтепродуктов в Индии до последнего времени являлись три нефтеперерабатывающих завода, построен-

ных за 1954—1957 гг. Все эти предприятия принадлежали западным монополиям: американской «Стандард вакуум» и английской «Бирма-шелл» в Бомбее, американской «Калтекс ойл» в Висакхапатнаме. К 1961 г. суммарная мощность нефтезаводов достигла 6 млн. т. Все они перерабатывали импортную нефть. В 1959, а также в 1960 г. Индия ежегодно затрачивала на импорт нефти до 1 млрд. рупий, что составляло 10% всей суммы индийского импорта. На иностранные капиталовложения в нефтяную промышленность приходилась почти четверть общей суммы иностранных капиталовложений в стране.

В годы второго пятилетнего плана в Индии с помощью советских специалистов были открыты новые месторождения нефти на западе страны — в штате Гуджарат (близ Камбейского залива, Анклешвар, Ахмадабад и др.), а также на крайнем северо-востоке — в «старом» нефтеносном Ассаме. К 1961 г. общие промышленные запасы нефти в Индии оценивались в 115—120 млн. т. Третьим пятилетним планом проектируется резко увеличить добычу нефти — с 0,6 млн. до 6,5 млн. т. Размер ассигнований на развитие нефтяной промышленности по сравнению со второй пятилеткой намечено увеличить в четыре раза. Ассигнования на эти цели составят 1,7 млрд. рупий, или 37% общей суммы государственных средств, предназначенных для горнодобывающей промышленности по третьему пятилетнему плану. Однако дефицит в нефти и нефтепродуктах сохранится. К 1965/66 г. он составит 5—6 млн. т и будет по-прежнему покрываться за счет импорта.

В годы третьего пятилетнего плана вступают в строй первые государственные нефтеперерабатывающие заводы Индии. Два из них базируются на нефтяных ресурсах Ассама. Завод в Нунмати (штат Ассам) мощностью 0,75 млн. т, расположенный недалеко от Гаухати, в нижней части долины р. Брахмапутры, построенный с помощью Румынской Народной Республики, вступил в строй в январе 1962 г. Другой государственный нефтеперерабатывающий завод, мощностью 2 млн. т, сооружается с помощью Советского Союза в Северном Бихаре, в местечке Барауни, на левом берегу Ганга. Для транспортировки нефти на эти заводы от месторождений Нахоркатия и Моран в Верхнем Ассаме прокладывается 1160-километровый нефтепровод. От Барауни проектируется строительство трубопроводов, по которым будут перекачиваться продукты нефтепереработки на юг к Калькутте и на запад через Канпур к Дели.

С 1961 г. начата добыча нефти и на западе страны, в Гуджарате (район Анклешвара). После длительных переговоров между индийским правительством и иностранными фирмами последние вынуждены были согласиться принимать для переработки на бомбейских заводах нефть, добываемую в Анклешваре. К середине третьего пятилетнего плана на юге Гуджарата в местечке Коила близ г. Бароды с помощью СССР будет построен третий государственный нефтеперерабатывающий завод мощностью 2 млн. т. Это предприятие станет главным потребителем анклешварской нефти. Рассматривается возможность создания еще одного такого завода в Гуджарате. Изучается вопрос о строительстве крупного трубопровода от Бомбея на Нагпур. С окончанием строительства новых заводов доля государственного сектора в нефтяной промышленности возрастет до 47%.

Для структуры потребления нефтепродуктов в Индии характерно повышенное использование керосина в городских и сельских районах. Номенклатура нефтепродуктов в стране не соответствует запросам. Строящиеся государственные нефтезаводы изменят номенклатуру выработки.

До последнего времени не только производство, но и торговля нефтепродуктами в Индии была монополизирована иностранными компаниями. Однако в период выполнения третьего пятилетнего плана должны укрепить позиции государственного сектора и в этой области, чему в значительной степени будет содействовать заключение долгосрочного контракта между СССР и Индией на поставку последней в ближайшие четыре года 1,5 млн. т дефицитных нефтепродуктов.

Главной задачей развития нефтяной промышленности Индии по-прежнему остается поиск новых месторождений, с тем чтобы страна могла достичь самообеспечения в нефтепродуктах в течение последующих 10—15 лет (после 1961 г.), а реальные возможности для этого имеются. Геологоразведочные работы продолжаются не только на территориях Гуджарата и Ассама, но и распространяются на все другие перспективные на нефть площади. К их числу относятся аллювиальные долины Ганга на севере и р. Кавери на юге, штаты Пенджаб (округ Хошиарпур), Раджастан (округ Джайсалмер), Западный Бенгал, прибрежные равнины полуостровной части страны и другие территории. Новые государственные нефтеперерабатывающие заводы призваны стать главными поставщиками отечественных нефтепродуктов. Они могут рассматриваться как центры формирующихся комплексов нефтехимических производств. В годы третьей пятилетки старый центр Северо-Восточного Ассама — Дигбой-Нахоркатья превращается в комплекс нефтехимических производств, включающий добычу и переработку нефти, завод химических удобрений, а также тепловую электростанцию, работающую на природном газе. Со временем многие города верхней долины Брахмапутры будут газифицированы, что явится первым такого рода опытом в Индии.

В будущем развитие газохимической промышленности и применение газа в качестве дешевого топлива возможно не только в районах добычи нефти, где газ служит попутным продуктом производства, но и в других местах, например в пенджабском округе Хошиарпур.

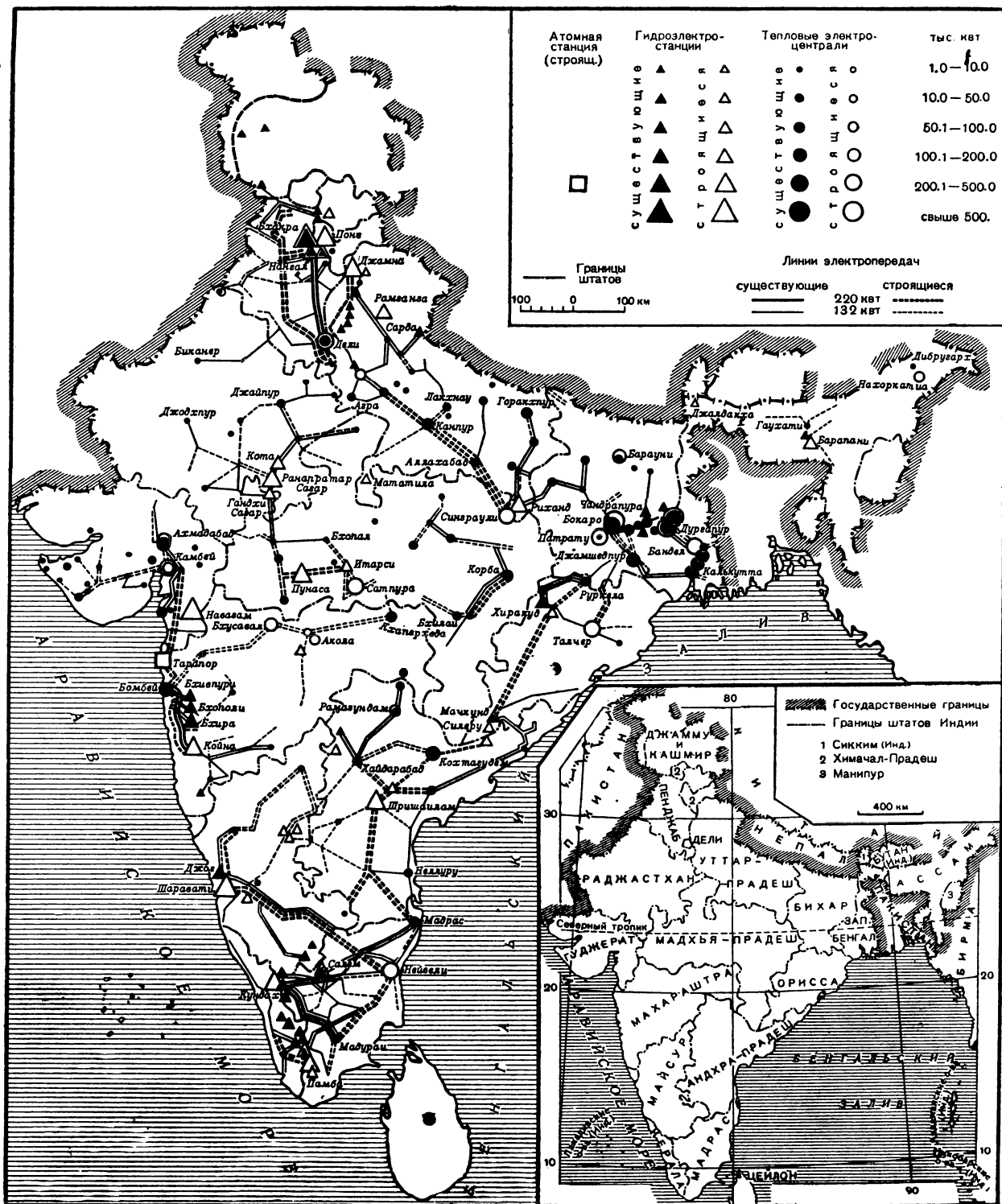
Крупные предприятия углехимических производств и черной металлургии обладают ресурсами промышленных газов, которые до последнего времени почти не использовались для дальнейшей переработки. В стадии изучения находится проблема подземной газификации некоторых угольных месторождений бассейна р. Дамодар. Решение этой проблемы создало бы основу развития химической промышленности и, кроме того, позволило бы осуществить газификацию Калькуттской городской агломерации.

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

За годы независимости в Индии достигнуты значительные успехи в области электрификации. Развитие электроэнергетики по пятилетиям характеризуется следующими данными ⁵:

	1950 г.	1955 г.	1961 г.	1966 г. (план)
Установленная мощность, млн. <i>квт</i> . .	2,30	3,42	5,70	12,69
Выработка электроэнергии, млрд. <i>квт-ч</i>	6,6	10,8	19,8	45,0
Число электрифицированных населенных пунктов, тыс.	3,7	7,4	23,0	43,0
Потребление электроэнергии на душу, <i>квт-ч</i>	14	18,5	45	95
Длина линий электропередач, тыс. <i>км</i>	58,4	134,4	240,0

⁵ «The third five year plan», New Delhi, 1961.

ТИПЫ ОСНОВНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ И ИХ РАЗМЕЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ИНДИИ

Почти все, даже крупные центры страны испытывают нехватку электроэнергии и вынуждены временно резко снижать электроснабжение то одного, то другого района. Предприятия мелкой промышленности также постоянно сталкиваются с трудностями энергоснабжения. В 1961 г. из более полумиллиона деревень в стране лишь 23 тыс. были подключены к электросети, причем половина этих деревень приходилась на южный штат Мадрас.

По оценкам Национального совета прикладных экономических исследований и других научных организаций, даже при условии выполнения контрольных заданий третьего пятилетнего плана дефицит электроэнергии в стране к 1965/66 г. сохранится в размере 20—30% от потребностей.

В Индии проводятся большие работы по изучению потребностей страны в электроэнергии в перспективе на 10—20 лет, базирующиеся на оценке потребностей основных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства (в особенности ирригации), а также на обзорах возможных энергопотребностей различных штатов и районов. Такие обзоры более или менее систематически проводятся управлениями по энергетике штатов и Центральной водноэнергетической комиссией (ЦВЭК).

В третьем пятилетнем плане ставится задание довести установленную мощность электростанций к 1970/71 г. до 21—23 млн. кВт. К 1975/76 г. их мощность проектируется довести до 35 млн. кВт. В водноэнергетической комиссии называются следующие величины суммарной мощности электростанций (млн. кВт): 1970 г. — 20, 1975 г. — 29, 1980 г. — 40 и 1985 г. — 55⁶. В специальной работе Совета прикладных экономических исследований высказывается предположение, что к 1970 г. мощность электростанций возрастет до 22 млн., а в 1975/76 г. — до 36 млн. кВт⁷.

В Индии считается общепризнанным, что к 1980 г. она должна составить 40—50 млн. кВт. Расхождения существуют лишь в том, каким электростанциям должно быть отдано предпочтение — тепловым или гидравлическим. Строительство дизельных электростанций в Индии обходится очень дорого. Кроме того, они нерентабельны в эксплуатации. По мере развития энергетики многие из дизельных станций будут закрыты. Серьезное внимание в Индии уделяется изучению атомной электроэнергетики. Страна обладает большими запасами атомного сырья. С окончанием строительства первой атомной электростанции Тарапор (на границе штатов Махараштра и Гуджарат) мощностью 150 тыс. кВт ядерная энергия приобретает производственное значение. В более отдаленной перспективе этот тип электростанции может стать массовым источником электроэнергии. Однако в ближайшее время тепловые и гидроэлектростанции по-прежнему будут вырабатывать основное количество энергии.

Каково же должно быть соотношение между этими типами электростанций? В ЦВЭК считают, например, что «в течение последующих десяти или двадцати лет 75% или более всех потребностей в электроэнергии должно удовлетворяться за счет гидроресурсов»⁸. В Центральном исследовательском институте топлива считают желательным, чтобы к 1975/76 г. около 75% всей электроэнергии вырабатывалось на

⁶ M. Hayath, *Planning for power*, Supplement to «The Journal of the Institution of engineers (India)», vol. 40, 1960, № 12, p. 79.

⁷ «Demand for energy in India 1960—1975», Delhi, 1960, p. 113.

⁸ «Power engineer», vol. 7, 1957, № 5, p. 204.

тепловых (угольных) станциях⁹. Тенденции развития, а также установленная мощность разных типов электростанций характеризуются следующими данными¹⁰:

	1950 г.		1956 г.		1961 г.		1966 г.	
	млн. кВт	%	млн. кВт	%	млн. кВт	%	млн. кВт	%
ГЭС	0,56	24,2	0,94	27,4	1,93	33,9	5,10	40,1
Тепловые . . .	1,59	69,3	2,27	66,4	3,46	60,7	7,08	55,8
Дизельные . . .	0,15	6,5	0,21	6,1	0,31	5,4	0,36	2,9
Атомные	—	—	—	—	—	—	0,15	1,2

По нашему мнению, ускоренный рост гидростанций по сравнению с тепловыми в ближайшие 10—15 лет еще более усилится. Естественно; что обычные «плюсы» и «минусы» обоих типов электростанций в Индии те же, что и всюду. Капитальные затраты на один киловатт установленной мощности у ГЭС выше, чем у ТЭС. В условиях Индии эта величина у ГЭС колеблется в пределах от 800 до 1500 рупий¹¹, в среднем составляя около 1150 рупий на 1 кВт. У тепловых станций этот показатель снижается в среднем до 800—900 рупий¹². Следует учитывать и то, что тепловые станции обычно строят быстрее, чем гидростанции, а в современной Индии с ее острым дефицитом электроэнергии это, несомненно, имеет важное значение.

Главное преимущество ГЭС — постоянно возобновляемый, «бесплатный» источник электроэнергии, дешевизна вырабатываемого электричества. Так, средняя стоимость 1 кВт-ч составляет (в пайсах): выработанного ГЭС — 1,2, тепловой станцией — 3, дизельной — 25. Кроме того, в индийских условиях преимущества ГЭС подкрепляются и некоторыми другими важными обстоятельствами. Хотя общая стоимость строительства тепловых электростанций ниже, требующиеся при этом затраты иностранной валюты на импорт оборудования превышают 70—80% общей суммы расходов¹³. Это в два-три раза выше, чем при строительстве ГЭС. Большая часть расходов при сооружении ГЭС приходится на так называемые «гражданские работы» — строительство плотин, каналов, туннелей, подготовку водохранилища и т. п. При преимущественном развитии гидроэлектростанций эти затраты могли бы оказаться гораздо меньшими, чем в случае ускоренного строительства тепловых станций. За счет широко поставленных гражданских работ несколько сократилось бы и число безработных, которых в 1961 г., только по официальным данным, насчитывалось около 10 млн.

Приведенные средние показатели сравнительной стоимости строительства и выработки электроэнергии ГЭС и тепловых станций иллюстрируют лишь общее положение. Рекомендации о целесообразности строительства того или иного типа электростанций должны приниматься не для всей страны в целом, а для ее разных районов отдельно. Это диктуется большими размерами территории Индии, разнообразием ее природных и экономических условий, особенностями размещения энергетических ресурсов. Мы уже упоминали о концентрации угольных месторождений и еще большем сосредоточении добычи угля на северо-востоке полуостровной части страны. Низкокачественный уголь, потреб-

⁹ «Indian journal of power and river valley development», 1958, December, p. 45.

¹⁰ На основе материалов третьего пятилетнего плана («The third five year plan», New Delhi, 1961).

¹¹ «Power engineer», vol. 7, 1957, № 4, p. 203.

¹² «Bhagirath», vol. VII, 1960, № 1, p. 8.

¹³ «Indian journal of power and river valley development», vol. VIII, 1958, № 12, p. 32.

ляемый тепловыми станциями, нерационально перевозить на далекие расстояния. Как правило, крупные ТЭС строят в непосредственной близости к шахтам либо недалеко от угольнообогатительных фабрик. Обширные пространства Южной Индии, западного побережья, севера практически не имеют никакого другого массового источника энергии, кроме рек. В результате исследований ЦВЭК потенциал гидроэнергетических ресурсов страны, экономически и технически возможных для освоения, оценивается в 40—44 млн. *квт* (при коэффициенте нагрузки 60%). По мере дальнейших исследований эта величина, возможно, возрастет.

В отличие от угольных месторождений гидроэнергетические ресурсы распределены по территории страны довольно равномерно, образуя мощные концентрации в горных районах. Главные из них — горные участки северных рек, стекающих с Гималаев: Ганга, Инда, Брахмапутры и их притоков. В сумме они концентрируют около 25 млн. *квт*, или более половины гидроэнергетического потенциала Индии. Следующим по значению является бассейн р. Годавари, обладающий потенциалом примерно 6 млн. *квт*. На реки, стекающие с Западных Гат и впадающие в Аравийское море, приходится свыше 4 млн. *квт*. Потенциал р. Нарбады в Центральной Индии составляет почти 2 млн. *квт*.

Таким образом, реки Гималайской горной зоны, Западных Гат, а также бассейн Годавари и Нарбады сосредотачивают около 36 млн. *квт*, или почти 85% общего гидроэнергетического потенциала. Эти концентрации окружены территориями, бедными энергетическими ресурсами или лишенными их вообще. В стране как бы вырисовываются «природные энергетические районы», центрами которых являются концентрации гидроэнергетических ресурсов и угольных месторождений.

Важнейшая тенденция современного энергетического развития Индии заключается в создании районных энергетических систем; мощность, конфигурация и структура последних определяются, с одной стороны, особенностями и размещением природных энергоресурсов, распределением и вопросами основных потребительских центров, с другой — техническими возможностями передачи электроэнергии, целесообразностью объединения различных типов электростанций и т. п. Со времени обретения независимости в Индии начато строительство крупных гидроэлектростанций, а в последние годы — мощных тепловых станций, использующих наиболее благоприятные природные энергетические ресурсы. Примеры такого рода станций — сооружаемый на северо-западе страны, на р. Сатледж, комплексный узел Бхакра — Нангал. Его общая установленная мощность достигнет 1100 тыс. *квт* (обеспеченная мощность — около 650 тыс. *квт*); Шаравати ГЭС мощностью свыше 900 тыс. *квт*, строящаяся в горах Майсура; Койна ГЭС мощностью более 500 тыс. *квт*, сооружаемая на юго-западе штата Махараштра, и др.

Многие из наиболее мощных и эффективных электростанций размещены в районах, удаленных от крупных промышленных центров — основных потребителей электроэнергии. Связывающие их линии высоковольтных электропередач образуют остов формирующихся районных энергетических систем Индии. Применяемые в стране линии различного напряжения имеют следующие территориальные пределы передачи электроэнергии: 66 *кв* — 130 *км*, 132 *кв* — 260 *км*, 220 *кв* — 420 *км*¹⁴. Линии в 220 *кв* применяются на основных направлениях, связывающих крупнейшие электростанции с главными промышленными центрами:

¹⁴ «Indian journal of power and river valley development», vol. XI, 1961, № 2.

Бхакра — Нангал — Дели, Койна ГЭС — Бомбей, Корба ТЭС — Бхилаи, Нейвели — Мадрас и т. д. Контуры основных формирующихся районных энергетических систем совпадают с наиболее промышленно развитыми территориями страны и обычно пересекают границы соседних штатов. Главные из них: Калькутта — Дамодар с преимущественно тепловыми электростанциями, Койна — Бомбей — строящаяся атомная станция Тарапор — Ахмадабад. Наиболее развитая и широкая по территориальному охвату система электростанций четырех южных штатов — Мадраса, Кералы, Майсура и Андхра Прадеша, расширяющаяся система Бхилаи — Корба — Риханд, охватывающая восточную часть Мадхья Прадеша и юго-восток Уттар Прадеша, развивающаяся система комплексного гидроузла Чамбал на востоке штата Раджастан и др.

Ведущие индийские эксперты-энергетики единодушно поддерживают идею необходимости энергоэкономического районирования страны. Такое районирование — необходимая предпосылка эффективного, комплексного развития энергетики и экономики государства¹⁵. Ведущие работники ЦВЭК К. Л. Видж и С. К. Чандрани считают, что «региональный подход к национальному планированию подразумевает основанное на экономической географии разделение страны на такие территории, которые более удобны для планирования, чем административные единицы. Такая основа необходима, действительно обязательна для приготовления проектов национального развития, для того, чтобы рационально решать вопросы очередности... Хотя эти районы неизбежно пересекают границы штатов, они в основном сохраняют единство речных бассейнов... Имеются определенные лимиты экономичности передачи электроэнергии»¹⁶.

По мнению К. Л. Виджи и С. К. Чандрани, «логичным было бы разделение страны на территории или районы такой величины, которая разрешается технологией и экономикой и чье развитие может быть поддержано собственными «ресурсами и потребностями». При таком районировании должно быть уделено внимание тому, чтобы все территории страны были обеспечены доступными для них «наиболее экономичными источниками энергии».

К. Л. Видж и С. К. Чандрани выделяют на территории Индии восемь энергетических районов, где, по их мнению, может развиваться хозяйство, опирающееся на единые энергетические системы. Предложенная ими схема районов весьма интересна, хотя еще недостаточно разработана и обоснована. Одним из главных препятствий для ее практической разработки служит то, что К. Л. Видж и С. К. Чандрани полностью игнорируют административные границы штатов. Почти все выделенные ими районы — это «обрезки» разных штатов. В этой связи интересно отметить, что хотя ЦВЭК поддерживает предложенную схему районов, однако конкретные рекомендации по перспективному плану развития энергетики разрабатываются ею не по районам, а по штатам.

Идея энергопроизводственного, перспективного подхода к районированию страны заслуживает серьезного внимания. Ускоренное создание тяжелой промышленности — главная общенациональная задача Индии, стремящейся упрочить экономическую самостоятельность.

Как известно, энергетика участвует во всех производственных процессах. Тесная связь существует между ростом районных энергетиче-

¹⁵ См. материалы Всеиндийской конференции инженеров-энергетиков, состоявшейся в Бангалоре в январе 1957 г. Материалы конференции частично опубликованы в журн. «Indian journal of power and river valley development», vol. VIII, 1958, № 12.

¹⁶ K. L. Vij and C. K. Chandran, *Regional planning for power*, — «Power engineer», vol. 7, 1957, № 4.

ских систем и формированием экономических районов. Хотя Индия все еще остается преимущественно сельскохозяйственной страной, энергетика, тяжелая промышленность, а также ирригация являются главными факторами, влияющими на всю экономику страны (в том числе и на сельское хозяйство), на формирование крупных экономических районов. Правительство может оказывать воздействие на размещение предприятий в этих отраслях как путем строительства государственных предприятий, так и посредством различных мер регулирования при основании частных предприятий (система лицензий, тарифов и т. п.).

На основании изучения особенностей размещения энергетических ресурсов Индии (учитывая все основные виды энергетических источников, а не только гидроэнергетический потенциал, как это сделано в опыте районирования ЦВЭК), исходя из уже существующих энергопроизводственных связей и конфигурации формирующихся энергетических систем, а также принимая во внимание границы национальных штатов, в Индии можно выделить семь крупных территорий (представляющих собой группы штатов или отдельные большие штаты), каждая из которых обладает собственной топливно-энергетической базой, что является важнейшим фактором формирования крупного экономического района.

Район и образующие его административные единицы	Главная энергетическая база
Северо-Восточный: Западный Бенгал, Бихар, Орисса	Дамодарский угольный бассейн (общегосударственного значения). Гидроресурсы рек Маханади, Брахмани, Байтарани и др.
Крайний Северо-Восточный: Ассам, Нагаленд, Трипура, Манипур	Гидроэнергетический потенциал бассейна Брахмапутры и нефтяные ресурсы (общегосударственного значения)
Северный: Уттар Прадеш Центральный: Мадхья Прадеш	Угольные месторождения Гидроэнергетические ресурсы бассейна р. Ганг Гидроэнергетические ресурсы бассейнов рек Нарбады и Годавари (частично). Угольные месторождения
Северо-Западный: Пенджаб, Раджастан, Джамму и Кашмир, Химачал Прадеш	Гидроэнергетические ресурсы бассейна р. Инд (общегосударственного значения). Лигниты Палани, Раджастана и угольные месторождения Джамму и Кашмира
Западный: Махараштра, Гуджарат, Гоа	Нефтяные месторождения Гуджарата (общегосударственного значения) Гидроэнергетический потенциал нижней части р. Нарбады, верхний бассейн рек Кришна, Годавари и др.
Южный: Мадрас, Керала, Майсур, Андхра Прадеш	Гидроэнергетический потенциал рек Западных Гат (западного направления), бассейнов Кавери, Кришны и частично Годавари Каменные угли Сингарени и лигниты Нейвели

Создание самостоятельной экономики, осуществление индустриализации органически связано с изменением того уродливого, крайне неравномерного размещения производительных сил, которое досталось Индии в наследство от колониального прошлого. Ускорение общего экономического подъема страны может быть достигнуто путем вовлечения в эксплуатацию всех имеющихся ресурсов. Экономическое районирование Индии, основанное на энергопроизводственном принципе,— одно из средств наиболее эффективного использования природных и экономических ресурсов.

В. Р. Кабо

БАЙНИНГИ — ПРИМИТИВНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ОКЕАНИИ

(Этнографический очерк)

Байнинги — народность, населяющая внутренние области полуострова Газели (о-в Новая Британия, архипелаг Бисмарка, Меланезия). В настоящее время они — вымирающая народность: несколько десятилетий тесного общения с белыми колонизаторами не прошли для них бесследно. Численность байнингов неуклонно сокращается, и, по свидетельству К. Лауфера — одного из их новейших исследователей, «недалек тот день, когда уйдет в могилу последний представитель байнингов»¹.

На русском языке о байнингах нет почти ничего, если не считать упоминаний о них в общих сочинениях. Между тем их общественный строй и культура представляют огромный интерес. Во-первых, потому, что наряду с некоторыми другими народами (особенно индейцами тропических лесов Южной Америки) байнинги дают образец одной из ранних форм земледелия. Учитывая широкий интерес к этой теме, а также появление в последнее время общих статей о возникновении земледелия и его ранних формах, статей, основанных главным образом на археологических материалах, полезно обратиться и к этнографии. Этнографические материалы помогут опровергнуть общепринятые представления о том, что оседлость — неременное условие возникновения земледелия, что ранней формой земледелия было мотыжное, а подсечное земледелие невозможно без железных орудий. Между тем земледелие у байнингов и у некоторых народов Южной Америки — это подсечно-огневое залежное земледелие на основе каменной техники в условиях полукочевых быта. Во-вторых, как будет показано ниже, байнинги в социально-экономическом отношении близки к папуасам Новой Гвинеи, а их духовная культура сохраняет многочисленные следы предшествующих стадий развития, приспособившаяся при этом к новым формам социально-экономических отношений.

Таким образом, байнинги дают нам образец общества «переходного» типа, а такие «переходные» состояния в культуре всегда представляют особый интерес.

¹ C. Laufer, *Rigenmucha, das Höchste Wesen der Baining*, — «Anthropos», Bd 41—44, 1946—1949, S. 498.

ЛИТЕРАТУРА О БАЙНИНГАХ

Литература о байнингах невелика, хотя изучать их начали еще в 90-х годах XIX столетия. Байнинги, очевидно, в силу их малочисленности и труднодоступности, а может быть, и других причин², не изучались так интенсивно, как другие народы Меланезии.

В списке литературы о байнингах прежде всего должна быть упомянута книга миссионера М. Рашера, первого их исследователя, появившаяся в 1909 г.³ Следует назвать и книгу немецкого исследователя Р. Паркинсона «Тридцать лет в Океании»⁴, частично посвященную быту, культуре и языку байнингов. Значительно более насыщена данными о социальных отношениях и материальной культуре байнингов книга немецкого юриста и путешественника Ф. Бургера «Береговые и горные племена полуострова Газели»⁵. Книга состоит из двух частей; первая посвящена племенам *гунантуна*, населяющим северное и северо-западное побережье полуострова, а вторая — байнингам, точнее — северо-западной группе их (*хэхат*). Несмотря на непродолжительное пребывание Ф. Бургера на Новой Британии, им собран интересный и разнообразный фактический материал, который позднее был использован Г. Куновым в его попытке исследовать экономические и социальные отношения у байнингов⁶.

Три названные книги являются основным источником для изучения байнингов. Ценность этих книг особенно велика в связи с тем, что авторы их застали байнингов еще на том уровне социально-экономических отношений, когда они почти не были затронуты влиянием европейской цивилизации.

Все позднейшие исследователи, которые упоминают о байнингах или посвящают им специальные статьи, интересовались не хозяйством, материальной культурой, отношениями в сфере собственности байнингов, а их антропологией, языком, «змеиными» танцами и культом, легендами и сказками. Почти ничего не сообщается о процессе производства орудий у байнингов.

Зная образ жизни байнингов в первой четверти XX в., чрезвычайно интересно проследить, как и в каком направлении изменился он в течение второй четверти века. Но и здесь нас постигнет горькое разочарование.

Последними и притом значительными по объему работами о байнингах являются статьи католического миссионера К. Лауфера⁷. В этих работах нет ни слова об экономических отношениях у байнингов. Автора интересуют исключительно религия, мифология и обряды байнингов. Толкование автором образа Ригенмухи как высшего существа в духе концепции о первобытном монотеизме настолько тенденциозно, что на это обратил внимание даже последователь культурно-исторического направления в этнографии западногерманский ученый Э. Шлезьер⁸.

² Так, например, многие европейские исследователи отмечают «замкнутость» байнингов, их недоверчивое отношение к европейцам.

³ P. M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, Münster, 1909.

⁴ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, Stuttgart, 1907.

⁵ F. Burger, *Die Küsten- und Bergvölker der Gazellehalbinsel*, Stuttgart, 1913; *Unter den Kannibalen der Südsee, Studienreise durch die Melanesische Inselwelt*, Dresden, 1923.

⁶ Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, т. 1, М.—Л., 1929, стр. 307—313.

⁷ C. Laufer: *Rigenmucha...; Jugendinitiation und Sakraltänze der Baining*, — «Anthropos», Bd 54, 1959.

⁸ E. Schlesier, *Die melanesischen Geheimkulte*, Göttingen, 1958, S. 170.

ПОЛУОСТРОВ ГАЗЕЛИ

Природные условия, в которых живут байнинги, неблагоприятны для развития этого отсталого народа, плохо вооруженного для борьбы с суровой природой: Новая Британия — остров вулканического происхождения. Внутренняя область полуострова Газели, отделенного от остального острова перешейком, — горный кряж, одна из вершин которого достигает высоты 2 тыс. м. С гор, образуя местами бурные водопады, стекают многочисленные реки. Склоны гор покрыты густыми, почти непроходимыми тропическими лесами. Над кратерами вулканов то здесь, то там поднимается дымок — вулканическая деятельность продолжается и поныне, сопровождаясь иногда сильными извержениями. Утесы побережья увенчаны кокосовыми пальмами. Горы тянутся с запада на восток через весь полуостров, они изрезаны глубокими ущельями, покрыты высокой травой и густыми кустарниками, над которыми возвышаются стволы эвкалиптов. По имени народности, населяющей эти горы, их часто называют Горами байнингов. Места эти все еще мало исследованы.

Почва, покрывающая неглубоким слоем твердые вулканические породы, без удобрения быстро истощается. Географическая среда оказала влияние на характер земледелия байнингов: как только поле перестает давать урожай, байнинги расчищают новые участки леса. Жизнь в горах, борьба с природой способствовали формированию физически крепкого, выносливого народа, приспособленного к трудным условиям жизни.

Характер страны, в которой живут байнинги, отразился и на их представлениях о мире, природе, на их мифологии. Грозные явления природы — извержения вулканов, землетрясения, наводнения — нашли яркое выражение в образе ужасной змеи, которая живет под землей и является причиной этих катастроф.

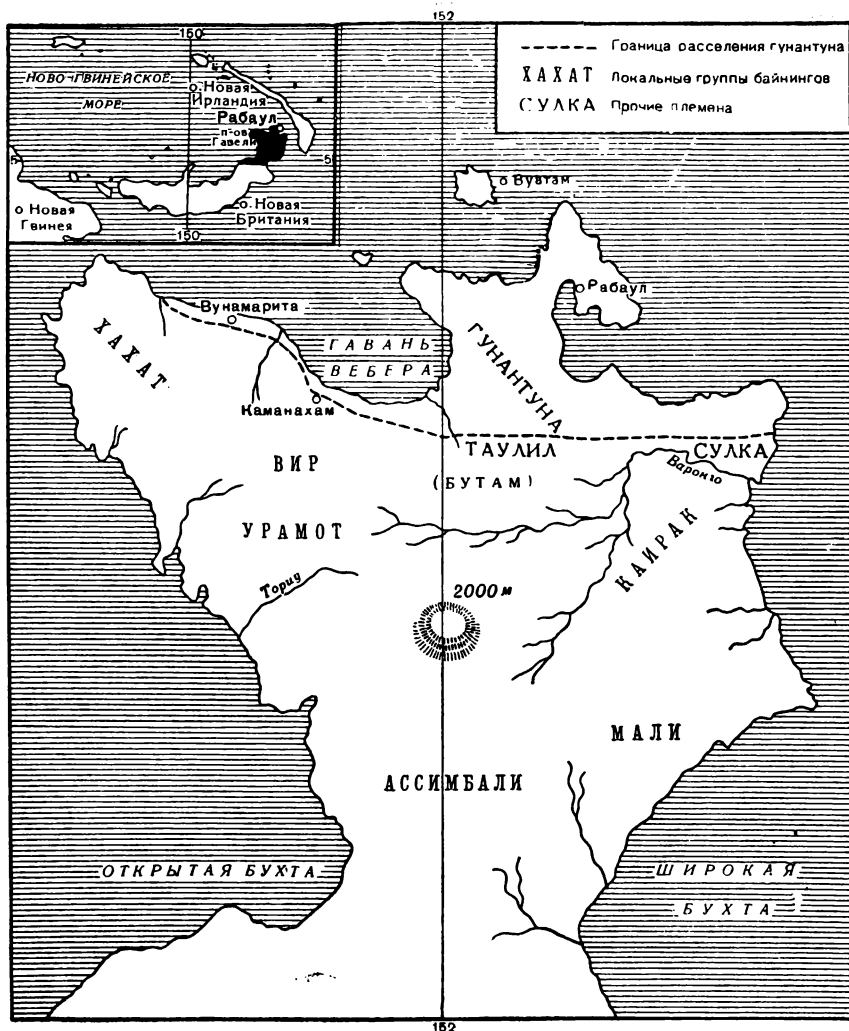
ЖИТЕЛИ ДЕБРЕЙ

Байнинги не имеют самоназвания, общего для всех территориальных групп. Так, например, северо-западная группа называет себя *a háxat* — «люди». Юго-восточная группа — *мали* и центральная — *урамот* называют себя *a рура* (значение этого слова то же — «люди»). Все эти группы байнингов говорят на различных диалектах. Но в целом языковые и культурные различия между группами настолько незначительны, что не мешают рассматривать байнингов как этническое целое.

Слово «байнинг» происходит от глагола *ба, бай*, означающего на языке племен гуантуна, живущих на северном побережье полуострова, по соседству с байнингами, «уходить внутрь страны, в лес», и слова *ниг* — «безлюдная, дикая страна». «Байнинг», или «байнинг», значит, таким образом, «ушедшие в безлюдную страну, в лесные дебри».

Данных о численности байнингов до 1940 г. не существовало. Это объясняется прежде всего тем, что некоторые группы центральных и южных байнингов долгое время были почти неизвестны европейцам. В 1940 г. байнингов насчитывалось 8—9 тыс., после второй мировой войны это число, по свидетельству К. Лауфера, сократилось наполовину⁹. Со времени знакомства байнингов с европейцами, как сообщает тот же автор, их численность неуклонно сокращается.

⁹ С. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 498.

РАССЕЛЕНИЕ БАЙНИНГОВ НА ПОЛУОСТРОВЕ ГАЗЕЛИ (по К. ЛАУФЕРУ)

В антропологическом отношении байнинги имеют ряд особенностей, которые отличают их от племен побережья. У байнингов широкий, низкий череп, у племен побережья — длинный и высокий, причем они стараются еще более подчеркнуть эту особенность, искусственно деформируя его. Ширина носа в крыльях у байнингов почти равна ширине носа у австралийцев. Байнинги имеют сильно выступающие надбровные дуги, убегающий назад лоб, отчего глаза кажутся сидящими глубоко. Свойствен байнингам и некоторый прогнатизм. Волосы их — курчавые, как и у других народов Меланезии. Цвет кожи — особенно у женщин — более светлый, чем у племен побережья. Сильно вздутый живот, особенно у детей, не является каким-то расовым признаком; это следствие плохого питания, главным образом, вероятно, потребления большого количества таро (то же отмечал Н. Н. Миклухо-Маклай у папуасов). Рост мужчин-байнингов в среднем около 160 см¹⁰.

¹⁰ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 47.

Среди байнингов много индивидуумов с так называемыми пигмоидными признаками.

Население Меланезии делится на четыре основных антропологических типа: негритосский, папуасский, собственно меланезийский и восточномеланезийский (новокаледонский или австралоидный). В. В. Бунак отмечает, что по комплексу признаков многие группы Западной Меланезии, в том числе и байнинги, могут быть отнесены к негритосскому типу. Представляется вероятным, что байнинги принадлежат к одной из древнейших антропологических формаций Меланезии¹¹.

Еще ранними исследователями было отмечено, что у северо-западных байнингов (*хэхат*) мужчины обходились совершенно без одежды, в то время как мужчины остальных групп носили на бедрах узкий кусок *тапы*. Поэтому *хэхат* называли остальных байнингов *а такпемта*, т. е. «одетые». Одежда женщин у тех и других была одинакова. Она состояла из набедренной повязки, с которой спереди и сзади свисали длинные листья. В искусственном деформировании головы и татуировке, встречающихся, правда, у байнингов очень редко, можно усматривать влияние племен побережья.

В свете последних исследований¹², байнинги подразделяются на четыре основные группы (см. карту): северо-западная (*хэхат*); центральная (*урамот*, *каирак*, *вир*); юго-восточная (*мали*); южная (*ассимбали*). Юго-восточные байнинги населяют полуостров вплоть до берегов Широкой бухты. Они представляют самую большую и самую компактную группу и географически делятся на лесных мали (*раунда*) и береговых мали (*мбилта*). Ассимбали, живущие по р. Мевлеу, еще очень мало исследованы.

Язык байнингов принадлежит к группе папуасских языков¹³.

По-видимому, папуасские языки некогда господствовали в Меланезии. В настоящее время они сохранились на Новой Гвинее и во внутренних районах некоторых крупных островов, т. е. районах, оставшихся в стороне от влияния малайско-полинезийской языковой волны¹⁴. Папуасские языки Новой Британии, на которых говорят байнинги и их соседи — *сулка*, сохранились во внутренних, горных районах острова.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У БАЙНИНГОВ

В ходе переселения меланезийских племен с о-ва Новая Ирландия на полуостров Газели (см. об этом в последнем разделе работы) байнинги, коренное население полуострова, были постепенно оттеснены в глубь его, оживленные сношения, поддерживаемые байнингами с прибрежными племенами Новой Британии и соседних островов, были нарушены. Область расселения байнингов ограничилась внутренними горными районами. Ни охота с помощью самого примитивного оружия, ни соби́рание диких клубневых растений и трав не могли дать им достаточного количества пищи. Основой хозяйства байнингов стало примитивное земледелие, с которым они познакомились очень давно, во всяком случае еще до того, как их узнали европейцы: земледельческие на-

¹¹ В. В. Бунак, С. А. Токарев, *Проблемы заселения Австралии и Океании*, — сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 508—512.

¹² С. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 500—501.

¹³ P. W. Schmidt, *Die Baining-Sprache, eine zweite Papua-Sprache auf Neu-Pommern*, — «Globus», Bd 87, 1905, S. 357, 358; M. Rascher, *Grundregeln der Baining-Sprache*, Berlin, 1904.

¹⁴ В. В. Бунак, С. А. Токарев, *Проблемы заселения Австралии и Океании*, стр. 512—513.

выки выработались у них в результате трудового опыта многих поколений.

Земледелие у байнингов существует в своеобразной форме: они занимаются им, переходя с одного места на другое, когда земля, ничем не удобряемая, кроме остатков сгоревших на ней растений, кустарников и деревьев, перестает давать урожай. Обычно это происходит через два-три года после начала эксплуатации участка. Крайне отсталый характер их земледелия и низкое плодородие почвы в горных районах не дают им возможности завершить переход к оседлости.

Байнинги выращивают ямс, бататы, или сладкий картофель, таро, бананы, сахарный тростник, стволы которого употребляются в жареном виде, и, наконец, эйбику, напоминающую капусту. Клубни таро — главный вид пищи байнингов.

Поля байнингов расположены обычно неподалеку от поселка и ограждены — для защиты от диких свиней — забором из древесных стволов, положенных друг на друга и связанных лианами.

Отыскать участок леса, пригодный для расчистки, мужчины вырубают на нем деревья, обламывают ветви и сучья, складывают их между поваленными стволами и оставляют для просушки. Когда они высохают, их поджигают, и огонь охватывает весь участок. Земля покрывается золой, единственным удобрением, употребляемым байнингами. После этого поле обрабатывают или целиком, или предварительно разделив его на две, три, четыре полосы, соответственно числу хижин поселка и величине семей, живущих в каждой из них. Семьи сами обрабатывают свои участки и снимают с них урожай. Однако расчистка участка и подготовка земли осуществляются общими усилиями всех семей. Таким образом, в основе труда байнингов лежит простое сотрудничество, или простая кооперация.

Землю взрыхляют и выравнивают при помощи простой палки — глубоко архаичного орудия, свойственного еще доземледельческому, собирательскому хозяйству, — после чего той же палкой выкапывают в земле воронкообразные углубления, расположенные рядами на некотором расстоянии друг от друга, и сажают в них ростки таро. Все это работа мужчин. Дело женщин — выпалывать участки, окучивать подрастающие стебли таро, сажать другие овощи между его рядами. Выкапывать клубни таро им помогают мужчины, но перетаскивают клубни в жилые хижины или амбары, построенные на сваях, только женщины.

Когда урожай таро собран, на тех же участках сажают бананы, эйбику, сахарный тростник или табак, завезенный, вероятно, из Новой Гвинеи. Если байнинги предполагают долго оставаться на месте, они высаживают вблизи своих хижин кокосовые пальмы. Одновременно расчищают новый участок леса или кустарника для посадки таро.

Если вблизи своих хижин байнинги не находят удовлетворительной земли, они в пределах территории своей группы отыскивают новое подходящее место, расположенное иногда далеко от прежнего, разбирают свои несложные, легкие хижины, переносят их на новое место, поближе к новому полю. Байнинги всегда селятся только вблизи своих полей. Старый заброшенный участок зарастает сорной травой.

Таким образом, система земледелия байнингов — подсечно-огневая. Эта система в ее наиболее ранней, первобытной форме (ее мы и встречаем у байнингов) была распространена, вероятно, уже в среднем неолите в лесных областях земного шара. Такой 'нерациональный, губительный способ обработки земли был широко распространен в недалеком прошлом и в странах Юго-Восточной Азии, где лес вырубали, затем в конце сухого периода сжигали, а в начале периода дождей за-

севали участки, покрытые золой. Через три года урожайность такого участка резко падала, и земледелец переходил на новое место.

Распространено мнение, что оседлость — необходимое условие земледелия. Так, например, Г. Кунов пишет: «Известная оседлость, т. е. процесс оседания племени в прочных поселениях, составляет предпосылку перехода к земледелию»¹⁵. Пример байнингов показывает, однако, что оседлость необязательно предшествует земледелию. Скорее, наоборот, земледелие становится причиной оседлости, точно так же как собирательство и охота (например, у австралийцев) — причина полукочевого быта. Из сказанного, впрочем, не следует, что правильно противоположное и страдающее такой же категоричностью утверждение, будто охотники и собиратели во всех случаях переходят к оседлости только после возникновения земледелия. Основная форма хозяйства, ее местная специфика определяют весь уклад жизни населения.

Некоторые семьи байнингов имеют полуприрученных свиней и собак. Последних они используют для охоты на диких свиней и казуаров и убивают во время острого недостатка мяса. Однако основной формой хозяйства является земледелие.

Универсальным и почти единственным орудием труда, при помощи которого байнинги производили все свои работы до того, как у них появились ввезенные европейцами инструменты, был каменный теслообразный топор — орудие неолитической эпохи — с деревянной рукояткой, изогнутой в форме цифры 7 (такая форма встречается на Новой Гвинее и других островах и архипелагах Океании). Уже в начале века, по свидетельству Р. Паркинсона, это орудие почти исчезло у байнингов северной группы, но у южных и центральных групп оно еще продолжало занимать ведущее место в трудовом процессе.

Рассмотрим теперь общественные отношения, сложившиеся на основе земледелия как ведущей отрасли хозяйства.

Групповая собственность на основное средство производства байнингов — землю — является основой их производственных отношений. В качестве собственников земли выступают отдельные территориальные группы. Владельцами земли выступают отдельные большесемейные хозяйства, из которых состоят территориальные группы. Общественное производство охватывает здесь только членов отдельных семейных общин, состоящих из одной или нескольких больших семей и существующих более или менее изолированно друг от друга.

Еще Р. Паркинсон отмечал отсутствие частной собственности на землю у байнингов, а следовательно, и права передачи по наследству, покупки или обмена земельного участка¹⁶.

Каждая большая семья может по своему усмотрению выбрать себе пустующий, никем не занятый участок земли, расчистить, засеять его и пользоваться им. Но это право признается за большими семьями лишь до тех пор, пока они обрабатывают данный участок. Когда участок перестает давать урожай и они покидают его, он возвращается в распоряжение всей территориальной группы.

Тот, кто посадил на своем участке, впоследствии покинутом, плодоносящие деревья, например кокосовые пальмы, сохраняет за собой право пользоваться ими и может отстаивать его против притязаний того лица, которое заняло освобожденный прежним владельцем участок. Одним словом, все то, в чем воплощено известное количество труда, принадлежит тому лицу или группе лиц, которые вложили этот труд.

¹⁵ Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, т. 1, стр. 104.

¹⁶ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 158.

Если какая-нибудь большая семья может поселиться в любом неза-
нятом месте в пределах территории своей группы, то эти пределы
она не имеет права переступать, так как это будет посягательством
на владение соседней группы. Большой семье принадлежит лишь та
земля, на которой стоит ее жилье и расположены ее поля (и то, пока
она обрабатывает их) ¹⁷.

Жилое помещение принадлежит всем, кто его построил и живет
в нем. Когда семья переселяется на новое место, она разбирает ста-
рую хижину, забирает с собой весь строительный материал и исполь-
зует его при строительстве нового помещения. В том случае, если в
доме живет одна разросшаяся семья, в которую входят родители с
сыновьями, их женами и детьми, пищу готовят сообща на одном
общем очаге. Если же семья разрастается до очень больших размеров,
пищу варят на двух или трех очагах, однако и в этом случае женщины
совместно добывают пищу и распределяют ее сообща.

Ни поля, ни хижины не могут передаваться по наследству отдель-
ным лицам. Последними наследуются лишь свиньи, собаки, куры, ору-
жие, орудия и домашняя утварь, т. е. то, что находилось при жизни
в личной собственности. Самое ценное из наследства часто кладут
в могилу или уничтожают на поминках. То, что остается, наследуют
дети умершего, как мальчики, так и девочки. Оружие и каменные то-
поры, как правило, достаются сыновьям. Если умерший не имеет де-
тей, наследуют дети его братьев или другие родственники. Права на
посаженные отцом деревья тоже переходят к детям — к сыновьям и
дочерям в равной мере, но, если умерший посадил деревья совместно
с одним из своих сыновей, их наследует только этот сын. Право на
деревья остается за дочерью и в том случае, если она выходит замуж.
Оно сохраняется на тот случай, если она вернется в свою семью. Но
через несколько лет замужества она теряет это право. Ни в коем
случае ее дети не приобретают право на эти деревья. Если отец остав-
ляет после себя много деревьев, они делятся не только между его
детьми, но и между детьми его братьев ¹⁸.

Иногда вдову берет к себе брат умершего (обычай левирата), и
тогда она остается в семье покойного мужа. Но большей частью она
возвращается со своим имуществом в семью своих родителей. В этом
случае дети остаются в семье отца.

Если что-либо из личного имущества байнинга, за исключением
особо ценных свиней и собак, бывает похищено членом другой семьи
или жителем другого поселка, этому обычно не придается большого
значения. Только в том случае, если украдена такая ценность, как,
например, свинья, пострадавший в сопровождении родственников и
друзей идет к похитителю и требует возвращения или возмещения
стоимости украденного. В случае отказа спор решается при помощи
физической силы ¹⁹.

Обмен с племенами побережья существует лишь в зачаточной,

¹⁷ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 56; R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 163.

¹⁸ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 58—60; Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, т. 1, стр. 311—313. Непонятно, на основании чего Г. Кунов утверждает, что «вдова не наследует ничего после своего мужа». Источником его сведений о наследовании имущества у байнингов был Ф. Бургер, который, однако, сообщает, что вдова наследует личные вещи покойного мужа совместно со своими детьми. И. Мейер в рецензии на книгу Ф. Бургера поправляет его, указывая, что имущество остается в семье под надзором матери. После ее смерти ее обязанности принимает старший из детей («Anthropos», Bd 9, 1914, S. 352).

¹⁹ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 53.

случайной форме. Обмениваются продукты земледелия байнингов, главным образом таро, на продукты морского промысла, соленую воду и известь. Низкий уровень развития производительных сил, замкнутое натуральное хозяйство, случайный характер обмена объясняют отсутствие у байнингов меры стоимости в какой бы то ни было форме. Раковинных денег, широко распространенных у племен побережья, у байнингов не существует.

Имущественные отношения, сложившиеся у байнингов на основе общего пользования землей, не остаются неизменными. Совершенно отчетливо у них выступает тенденция к имущественной дифференциации и появлению зажиточных и влиятельных людей. Таким образом, на этом примере можно проследить, как зарождается власть, основанная на собственности, и происходит выделение вождей, противопоставляющих себя остальным членам общины.

Уже к началу XX в. у байнингов появились состоятельные и влиятельные люди, которые во время военных экспедиций берут на себя обязанности руководителей²⁰, а в мирное время решают и улаживают споры и разногласия между жителями поселка или целой округи. Влияние этих людей покоится на том уважении и весе, а чаще — страхе, который они внушают благодаря своему богатству и могуществу. Конечно, большое значение для роста их влияния имеют личные качества, личные способности этих людей. Но основа их авторитета — это принадлежащая их семье земля и собранный на ней урожай, хранящийся в амбарах. Богатство байнингов — их земля и урожай, собранный с нее. Влиятельным человеком может стать только глава зажиточной семьи, которая обладает значительным количеством рабочих рук и в состоянии благодаря этому обрабатывать большой участок земли. Так, во всяком случае, утверждает Ф. Бургер. Такой глава семьи может заставить и других людей, не принадлежащих к его семье, работать на участке своей семьи. Чем больше рабочих рук в распоряжении этих лиц, тем более обширными участками земли они располагают, тем более увеличивается их благосостояние и влияние в поселке и даже целой округе, которую иногда и называют начинают по имени таких людей²¹.

Байнинги называют такого возвысившегося главу семьи *а лингиска* («главарь»). Кроме того, младшие члены семьи, обращаясь к нему, называют его *а ут мам*, т. е. «наш отец», а старшие — *а урак*, т. е. «наш друг». Лингиска же называет других жителей своего поселка *а аруис* — «мои дети»²². Таким образом, лингиска возвышается как глава большой семьи. И если такой сильный человек, внушающий страх другим общинникам, захочет, наперекор им и вопреки установленным поколениями традициям общинного землепользования, продать в свою пользу, например миссионерам, участок земли, остальные жители поселка или округи не осмеливаются выступить с возражениями, не решаются помешать ему в этом. Так вносимое европейцами разлагающее влияние товарно-денежных отношений ускоряет превращение общинной земельной собственности в собственность отдельных семей и даже лиц.

С ростом богатства семьи растет и влияние лингиска в поселке, а затем и в округе, и, наконец, он выступает в качестве представителя общины или целой округи во всех внешних сношениях, мирных пере-

²⁰ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 156.

²¹ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 52.

²² Ibid., S. 51.

говорах с соседями, с представителями чужого племени, с европейцами; он предводительствует на войне²³. Так начатки имущественной дифференциации создают основу для появления предводителей, для возникновения института родовых вождей, сравнительно более развитые формы которого мы находим у папуасов Новой Гвинеи.

ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО И РЕМЕСЛО

Охотничьи орудия байнингов очень примитивны. Лук и стрелы им неизвестны, как неизвестны они и остальному населению Новой Британии (в отличие от населения других островов Меланезии). Байнинги охотятся и ведут войну при помощи копий, дротиков и палиц с каменным наконечником. Северо-западные байнинги, населяющие открытую прибрежную полосу, употребляют пращу для метания камней. Копья байнингов грубо обработаны, наконечников не имеют, заостренный конец копья закаливается на огне. Это наиболее примитивный тип копья, но байнинги умело обращаются с этим простейшим оружием. Большой интерес представляет типичное оружие байнингов — палицы с каменным, отшлифованным, круглым наконечником, в котором делается отверстие для насаживания на деревянную рукоятку. Для таких наконечников большей частью употребляются камни, собранные в ложе реки или ручья и уже подвергшиеся, таким образом, естественной обработке. Для того чтобы проделать в камне отверстие, байнинги, взяв камень в левую руку, правой с заостренным камнем наносит по нему удары. Образуется углубление, которое последующими ударами расширяется и углубляется, а затем то же самое делается и на противоположной стороне камня. Эта работа продолжается до тех пор, пока камень не пробивают насквозь. Отверстие расширяется настолько, чтобы в него могла пройти рукоять палицы²⁴. Это простейший и наиболее трудоемкий способ проделывания отверстий в камне, так называемое выдалбливание отверстий — ранненеолитическое долбление камня камнем. Другие народы Меланезии применяют более совершенный способ — высверливание отверстий в камне при помощи бамбукового ствола и влажного песка.

У байнингов встречаются и деревянные палицы, похожие на палицы других племен²⁵. Это — или целиком деревянные палицы-мечи, или палицы с коническими наконечниками в форме ананаса и в виде шара, своего рода булавы.

Охота для байнинга является второстепенной, подсобной отраслью хозяйства. С описанным примитивным оружием они охотятся на диких свиней, которые по ночам нередко опустошают их поля. На свиней с собаками охотятся в одиночку или большими группами. Ловят свиней также в ловушки и ямы воронкообразной формы. Эти ямы глубиной около метра устраивают вблизи полей. Стены таких ям выложены палками, с которых снята кора. Попав в такую яму, свиньи уже не могут выбраться по ее гладким стенам.

Охотятся байнинги и на кенгуру и казуаров. Эта охота возможна только с помощью собаки. Птиц ловят в силки или сбивают камнями. Ловят и употребляют в пищу некоторые виды змей и ящериц.

²³ F. Burger, *Urwald und Urmenschen*, Dresden, 1923, S. 41. О социальной дифференциации и возникновении института вождей у байнингов см. также: С. А. Токарев, *Родовой строй в Меланезии*, — «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 35.

²⁴ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 168.

²⁵ Ibid, S. 170.

Многочисленные ручьи и большие реки изобилуют всевозможной рыбой. В рыбной ловле участвуют как мужчины, так и женщины. Рыбу ловят сетями. Сети плетут женщины из волокон банановых стволов или листьев пандануса. Из волокон делают нити и окрашивают их в разные цвета. Байнинги употребляют четыре цвета: красный, желтый, синий и черный. Новые сети используются как украшение во время танцев, а старые употребляются для переноски различных предметов и ловли рыбы.

Способы приготовления пищи у байнингов очень примитивны. Мясо они заворачивают в листья и пекут на углях или между раскаленными камнями в ямах. Клубни таро и корни готовят тем же способом: сырые клубни содержат ядовитые вещества. Излюбленной пищей является эйбика. Чтобы хорошо приготовить ее, байнинги изобрели своеобразное устройство, которое нигде, кажется, больше не встречается: это цилиндр, сшитый при помощи лиан из древесной коры, имеющий около 1 м высоты и 20—30 см в диаметре. Его ставят на землю, засыпают на дно горячие камни, поверх кладут большие банановые листья и слой овощей, затем следует второй ряд раскаленных камней и второй слой овощей, накрытых листьями и горячими камнями, и так до верха. Цилиндр может вместить от четырех до шести таких слоев. Готовые овощи поливают соленой морской водой; за ней женщины отправляются на морской берег. Переносят ее в сосудах, изготовленных из полых стволов бамбука, груз несут на спине при помощи лямок, надетой на голову.

Грубо вырезанные из дерева копья и палицы, топоры, плетеные сети, циновки из тапы, скудная домашняя утварь — вот и все имущество байнинга, составляющее его личную собственность. Сумки для переноски различных предметов плетут как сети. С этими сумками женщины почти никогда не расстаются. Чаще всего носят их привязанными к голове. У жителей побережья они выменивают глиняные горшки, ввозимые с о-вов Тами. В горшках они хранят некоторые запасы, но варить в них пищу байнинги не умеют. Судостроение байнингам совершенно чуждо, на их реках можно изредка встретить только простые плоты.

Приготовление тапы, т. е. материи из коры хлебного дерева и некоторых других пород, — занятие мужчин. Полосы коры сначала разогрываются на огне, затем их кладут на камень, обмываемый речной водой, и бьют по ним специальным молотом из раковин до тех пор, пока не будет удален поверхностный твердый слой. Полученное таким образом совершенно гладкое лыко, или луб, разглаживается при помощи того же молота на гладком стволе дерева, поваленного для этого на землю. После этого тапу еще раз кладут в воду, мнут, выжимают и высушивают под солнцем на крыше хижины²⁶.

Байнинги знакомы с выжиганием по дереву, они украшают красивым орнаментом предметы, употребляемые во время танцев.

РАССЕЛЕНИЕ И ПОСЕЛКИ БАЙНИНГОВ

Большие территориальные группы байнингов распадаются на локальные группы. Каждая локальная группа имеет свою область расселения или свой округ, в пределах которого живут на значительном расстоянии друг от друга несколько (в прежнее время от 5 до 20) об-

²⁶ Ibid., S. 167; F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 68.

щин. Общины состоят из одной или нескольких больших семей. Каждая большая семья ведет на своем участке примитивное земледельческое хозяйство и через известные промежутки времени, как мы уже видели, переходит на новое место, где основывает новое поселение и расчищает новое поле.

Плотность населения очень низка. Ф. Бургер рассказывает, что ему приходилось часами карабкаться по горам, прежде чем удавалось посетить разбросанные поселки, в которых жили большие семьи (обычно не более шести), принадлежащие к одной общине²⁷. Поселок большой семьи состоит из двух, трех, четырех низеньких хижин, нередко и из одной, а каждая из этих хижин вмещает одну, две, три или четыре малые семьи. Согласно М. Рашеру, некоторые поселки юго-восточных байнингов состоят из 10—12 хижин²⁸; все обитатели такого поселка в своей совокупности образуют большую семью²⁹. К. Лауфер добавляет, что большие семьи при всех передвижениях сохраняют контакт и образуют деревенскую общину³⁰.

Внутри локальных и территориальных групп отмечалось регулярное общение. Так, например, несколько общин собирались для совместного проведения церемоний и праздников, жители соседних поселков по очереди приглашали друг друга в гости и угощали своих гостей (при этом каждая семья всегда садилась отдельно от другой)³¹. Но никто из писавших о байнингах не сообщает никаких подробностей об отношениях между большими территориальными группами в обычное, мирное время.

На основании тех сведений, которыми мы располагаем, складывается впечатление, что в прежнее время отношения между группами байнингов не всегда носили мирный характер. Есть сведения о военных набегах одной группы на другую, так же как и на соседние племена, например таулил, причем эти набеги иногда сопровождались антропфагией.

Гуантунна, меланезийские племена северной части полуострова, использовали в своих интересах отсутствие прочных связей между отдельными группами байнингов, а нередко враждебные отношения между ними, и натравливали их друг на друга.

Байнинги не имеют племенной организации. Группы байнингов, как мы видели, являются территориальными группами одного народа, говорящими на различных диалектах одного языка. Происхождение этих групп неясно. Между ними не было регулярного общения на почве обмена или совместного участия в общественных церемониях и календарных праздниках, как это наблюдалось внутри локальных групп. Из элементов общности территориальных групп указывают обычно только на язык и участие в общих военных предприятиях.

Вследствие полукочевого образа жизни байнингов жилища их очень примитивны, хотя и достигают иногда значительных размеров. В плане они четырехугольны или имеют форму эллипса. Стены сооружены из вертикально поставленных древесных или бамбуковых стволов с проемами для входа.

Длинные дома строятся до сих пор байнингами, живущими в горах позади Пондо. В одном доме живет вместе целая большая семья. Байнинги центральной группы живут в деревушках, состоящих из малень-

²⁷ F. Burger, *Urwald und Urmenschen*, S. 41.

²⁸ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 387.

²⁹ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 48.

³⁰ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 503.

³¹ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 65.

ких круглых домов³². К. Лауфер полагает, что именно этот тип дома, совершенно круглого в плане, со столбом в середине, или овального с двумя опорными столбами, является первоначальной, исходной формой дома у байнингов, а четырехугольный дом заимствован байнингами у племен побережья. Тот же К. Лауфер видел в группе урамот крошечные хижины прямоугольной формы. Они были рассчитаны только на одного человека³³.

Крыши длинных хижин поддерживаются столбами: они так низки, что стоять в хижинах можно только согнувшись. Полom служит голая, неровная земля. Под крышей устроены в разных местах карнизы из бамбука, на которых хранится оружие, сети и домашняя утварь. Обстановка хижин очень скудная. Внутри хижины расположен очаг, где лежат тлеющие дрова и горячие камни, при помощи которых готовится пища. Обычно каждая малая семья имеет свой огонь, средоточие семейной жизни, и поэтому в хижинах часто горят несколько костров. Огонь согревает в холодные ночи, он же отпугивает насекомых. Вокруг огня лежат циновки и куски коры, на которых спят члены семьи. Тут же иногда находятся свиньи и собаки.

Лес подступает непосредственно к самой хижине, только перед хижинкой устраивается маленький неогороженный двор, где высаживаются кокосовые пальмы и воздвигаются небольшие амбары на высоких сваях для хранения таро. Нередко перед входом в хижину можно заметить четырехугольную яму, прикрытую деревянными досками. Это — могила. Байнинги хоронят своих мертвых у самого входа в жилище³⁴.

СЕМЬЯ И БРАК

Основной ячейкой общества байнингов является семья, состоящая из мужа, его жены или жен и детей. Всех своих восходящих родственников мужского пола байнинг называет классификационным термином *мам* — «отец», а всех восходящих родственников женского пола — *чан* — «мать». Всех родственников по боковой мужской линии он называет словом *руаха* — «брат», по боковой женской — *левупки* — «сестра». Особое наименование существует для родственников жены или мужа³⁵.

Ф. Бургер пишет, что при совершении брака прибегают к похищению невесты. Однако И. Мейер утверждает, что это неверно. Согласие самой девушки на брак считается существенным. Увод невесты — только формальность, а не действительный акт насилия. Даже при наличии взаимной склонности и предварительного уговора инсценируется похищение.

Исследователи отмечают относительно высокое и свободное положение женщины у байнингов по сравнению с другими племенами архипелага Бисмарка: женщины участвуют в беседах мужчин, едят вместе с ними; когда женщина уходит работать в поле, нередко за ребенком ухаживает мужчина. Женщины принимают совместно с мужчинами участие в подготовке и проведении некоторых обрядов, принимают участие в некоторых ритуальных танцах.

³² G. Bateson, *Further notes on a snake dance of the Baining* — «Oceania», vol. 2, 1932, № 3, p. 340.

³³ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 503.

³⁴ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 50—51.

³⁵ Ibid., S. 54.

Потеря дочери связана для родителей с материальным ущербом потому, что дочь является для них ценной рабочей силой. Может быть, поэтому молодым людям трудно вступить в брак, и многие из них остаются неженатыми. В то же время более зажиточные и влиятельные люди имеют по нескольку жен.

После переговоров с родственниками невесты жених и невеста угощают друг друга бетелем, после чего брак считается заключенным и жена принадлежит к семье мужа, живет в его хижине и работает на его участке. Никакого выкупа за жену ее родственникам муж не платит. Для мали, юго-восточной группы байнингов, характерно, что муж обычно переселяется в семейную общину жены, но если он единственный сын в семье, то молодая жена переселяется к нему³⁶. В остальных группах брак патрилокален и ребенок принадлежит семейной общине отца.

Узы брака очень слабы, мужчина может выгнать одну жену и взять другую. Если мужчине нравится жена другого, он может увести ее к себе. Если обманутый супруг и похититель происходят из одной локальной группы, то для улаживания спора прибегают к третейскому суду влиятельного человека, и по его решению дело сводится к своеобразной дуэли: к нескольким палочным ударам, которыми обмениваются соперники. Если супруг и похититель происходят из разных локальных групп, то это является поводом для военных действий. Если убьют кого-нибудь, группа убитого считает себя обязанной мстить за него, и разрыв брака может стать причиной целого ряда убийств. Уведенная женщина обычно остается у своего похитителя³⁷.

Неустойчивость и примитивность семейного союза байнингов дают основание заключить, что мы имеем дело с одной из наиболее ранних форм брака. Такой брак можно охарактеризовать как парный.

Между членами семьи существует разделение труда. Мужчины вырубают и сжигают деревья, обносят участок оградой. Женщины сажают ямс, эйбику, сахарный тростник, ухаживают за участком, готовят пищу, приносят продукты земледелия с поля и соленую воду от моря. Воду женщинам часто приходится тащить с морского берега, удаленного от их жилья на много километров. Раньше женщин в этих экспедициях сопровождали вооруженные мужчины. Обязанностью женщин является также плетение сетей.

У байнингов существует обычай усыновления ребенка другой семьей, если его мать умирает при родах. Об этом обычае сообщают Ф. Бургер и К. Лауфер. Родители, усыновившие круглого сироту, получают часть наследства покойных родителей ребенка³⁸. Р. Паркинсон, наоборот, пишет, что в случае смерти матери детей умерщвляют. Рождение ребенка не сопровождается какими-либо церемониями. Через два или три дня после родов мать уже работает на поле, а грудной ребенок лежит в тени дерева на листьях пандануса. В самом раннем возрасте дети — мальчики и девочки — учатся выполнять обязанности, которые взрослые требуют от них, как от полезных членов семьи³⁹. Детская смертность вследствие плохого ухода, недостаточного питания и болезней очень высока.

В группах мали и урамот прежде был обычай по смерти мужа убивать также и жену, а оба трупа, связанных вместе, класть на дерево.

³⁶ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 539.

³⁷ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 55—56.

³⁸ Ibid., S. 58; C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 539.

³⁹ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 160.

Теперь жена или остается со своими детьми в семейной общине покойного мужа, или, если у нее нет детей, возвращается к своим родственникам.

Особый теоретический интерес имеет вопрос о тотемизме у байнингов. Ф. Бургер утверждал, что у байнингов нет никаких тотемических группировок⁴⁰. Однако он наблюдал жизнь только хэхат, которые находились в близком соприкосновении с меланезийцами. Новейшие исследования показали, что у урамот и мали есть тотемы, регулирующие заключение браков. Урамот делятся на три тотемические группы, называющие себя кенгуру, дикая свинья и казуар. Группы эти экзогамны. Дети принадлежат всегда к тотему матери. В прежнее время, когда байнинги были многочисленнее, каждая группа устраивала свои собственные обряды посвящения, которыми сопровождался переход молодых людей в следующую возрастную группу. Теперь эти церемонии устраиваются совместно тремя тотемическими группами⁴¹. Мали—раунда и мбилга—делятся на две локализованные тотемические секции: у раунда они называются кукушка и попугай, у мбилга—казуар и морская корова⁴². Такой способ деления напоминает фратриальную организацию. У мали дети тоже всегда принадлежат к тотему матери⁴³. Никаких других сведений о тотемизме у байнингов мы не имеем; с этой стороны они остаются совершенно неизученными. Очевидно, все члены этих тотемических матрилинейных секций считаются родственниками между собой, и мы здесь имеем аналогию с тотемизмом некоторых австралийских племен.

Возрастные группы и мужские тайные союзы, подобные тем, которые играют такую важную роль в общественной жизни их соседей—меланезийцев, у байнингов отсутствуют.

Является ли родовая организация основой общества байнингов, сказать нелегко. В литературе нет ясных указаний на существование рода у байнингов. Однако наличие экзогамных тотемических секций у урамот и мали, принадлежность к секции по материнской линии и наличие матрилокального брака (у мали) позволяет, видимо, решить этот вопрос положительно.

46

ВОЙНЫ И РАБСТВО

Байнинги почти со всех сторон окружены враждебными племенами, говорящими на чужих языках. Эти племена оттеснили их в глубь страны, в горы. В прежнее время племена побережья совершали облавы на байнингов, массами уводили их в плен и продавали как рабов в отдаленные области полуострова. Байнингов-рабов можно было встретить повсюду в прибрежных районах, где они возделывали поля жителей побережья и выполняли другие работы по требованию своих хозяев, в полной собственности которых они находились. Рабство здесь стало обычным и широко распространенным явлением. Рабов убивали по любому поводу. Рабству и каннибализму у племен побережья посвящена целая глава в работе М. Рашера⁴⁴.

⁴⁰ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 53.

⁴¹ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 513. К. Лауфер подробно описал обряды посвящения у различных групп байнингов (см. C. Laufer, *Jugendinitiation und Sakraltänze der Baining*, S. 905—938).

⁴² C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 534—535.

⁴³ Ibid., S. 539.

⁴⁴ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 278—304.

До недавнего времени племена побережья силой отбирали у байнингов таро и другие продукты земледелия без всякой компенсации. Они обложили байнингов натуральными повинностями в свою пользу, и, таким образом, грабеж принял систематический характер. И, наконец, они просто убивали байнингов и поедали их ⁴⁵.

Больше всех страдали х́ахат. Целые семьи их были поставлены в отношения личной зависимости от береговых жителей — меланезийцев и были обязаны нести натуральные повинности и выполнять любые, самые тяжелые работы. На байнинга вообще не смотрели как на человека ⁴⁶. Гунантуна, установив временно дружеские отношения с одной группой байнингов, пользовались ею как своим союзником для истребления других групп. Байнингов, которые находились от них в зависимости, гунантуна называли *а татоком* («обязанные платить дань»), а остальных — *а вируа* («жертвенное мясо») или *а палиава* («рабы») ⁴⁷.

М. Рашер сообщает, что он встречал в поселениях х́ахат вождей, заметно отличавшихся от остальных членов общин своими антропологическими особенностями. Он убежден, что это были меланезийцы, которые осели среди байнингов как их вожди и повелители, с тем чтобы подчинить их себе ⁴⁸.

Хотя К. Лауфер и пишет, что байнинги по своей природе очень миролюбивы и спокойны, однако и М. Рашер и Ф. Бургер указывают на враждебные отношения и даже военные столкновения среди байнингов как на обычные прежде явления. Некоторые группы жили в постоянной вражде не только с прибрежным населением, но и друг с другом. К столкновениям и войнам их побуждали похищения женщин и кровная месть. Внутри локальных групп войны случались очень редко, потому что споры сторон улаживались судом влиятельных лиц. Впрочем, сами байнинги уверяют, что в прежние времена между всеми их группами царил прочный мир.

Открытых сражений байнинги избегали, предпочитая метать оружие из укрытий. Как правило, нападение на враждебное поселение они предпринимали рано утром, надеясь захватить врасплох ничего не подозревающего врага. При появлении противника хватались за пращи. Камни попадали в цель на расстоянии 50—60 м и вызывали опасные, часто смертельные повреждения, особенно головы. В ближнем бою употреблялись только копья и палицы. Мужчин, женщин и детей убивали ⁴⁹. Канныализм был известен только у х́ахат в отличие от урамот и мали ⁵⁰.

Байнинги, как и племена побережья, умеют лечить причиненные камнями от пращи переломы костей черепа, причем применяют трепанацию. Трепанация известна и другим племенам Новой Британии. Делается это так. Человек, производящий операцию, прежде всего обмывает рану кокосовым молоком, разрезает кожу вокруг раны бамбуковым ножом и обнажает рану. В рану дуют через бамбуковую трубку, чтобы разогнать кровь и обнаружить маленькие кусочки кости, которые затем извлекаются обломком скорлупы от кокосового ореха, после чего рану снова промывают кокосовым молоком. Затем кожу сшивают

⁴⁵ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 150.

⁴⁶ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 286.

⁴⁷ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 505.

⁴⁸ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 62. О рабстве на полуострове Газели и в других местах Меланезии см.: С. А. Токарев, *Родовой строй в Меланезии*, стр. 74—75.

⁴⁹ Х́ахат, очевидно, по примеру меланезийцев иногда превращали детей в рабов. Об этом см.: M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 68.

⁵⁰ Ibid., S. 390.

при помощи иглы, изготовленной из кости летающей собаки, и нити из банановых волокон и покрывают сверху банановыми листьями, которые в свою очередь герметически покрываются плотной массой из разжеванного бетеля и извести. Больной должен лежать не двигаясь три дня, после чего «доктор» снимает листья с его головы и осматривает рану. В случае недомогания рана вскрывается и кусочки кости, которые раньше не были обнаружены, устраняются. Отсутствие боли показывает, что операция прошла успешно, «повязка» окончательно снимается, приглашаются родственники, и устраивается пир. Повреждения мозга лечатся при помощи введения тампонов из толченой древесины дерева маль⁵¹.

Байнинги умеют также останавливать кровь, втирая в рану жженую известь. Для перевязки ран они употребляют листья различных растений, целебные свойства которых байнингам хорошо известны⁵².

ОТ ИНТИЧИУМЫ К ХАРЕЙХА

Наиболее ярким событием в жизни байнингов являются ежегодные инициации — посвящения молодежи, юношей и девушек, достигших половой зрелости. Посредством обряда инициации молодые люди вводятся в общество полноправных членов группы и принимают на себя все их права и обязанности. Их непосредственная связь с предками и историческим прошлым группы олицетворяется масками и танцами духов предков, которые охраняют и поддерживают группу, обеспечивают ей плодovitость и изобилие. Инициация обязательна для всех мальчиков в возрасте 14—16 лет. Приготовление к ней продолжают в течение нескольких месяцев. Из тапы и бамбука делаются маски и различные украшения для танцев. Формы масок разнообразны. Каждый род масок имеет особые тайные названия, которые женщины и непосвященные не должны знать. Маски представляют мужских и женских предков. Две огромные маски, которые появляются в конце обряда, называются «отец» и «мать».

Под высоким бамбуковым помостом, украшенным пучками таро, помещается хор женщин: женщины играют активную роль только во время общего, не связанного с секретными обрядами торжества. Они танцуют и при этом держат в руках плетеные сумки с клубнями таро. Танцы продолжают всю ночь. На утренней заре в них принимают участие молодые люди, которые уже раньше прошли полную инициацию. Их головы и лица закрыты покрывалами из волокон таро. Кожа на спине у них прорезана, и через кожу продет шнур, на котором висит копьё, украшенное перьями какаду. Потоки крови стекают по телам танцоров.

После этого наступает главная часть праздника — появляются маски, олицетворяющие духов предков. Их появление женщины приветствуют громким плачем. Тела танцоров окрашены в белый цвет, цвет смерти. Они медленно двигаются по кругу под пение хора. Женщины протягивают им таро и сахарный тростник, как бы предлагая его им и прося на будущее обеспечить такое же изобилие. В заключение появляются маски отца и матери племени. Обе имеют впереди подобие раскрытых птичьих клювов и, возможно, изображают мифологических предков — птиц.

⁵¹ J. L. Meacher, *Trephining in New Britain*, — «Nature», 1940, vol. 146, p. 433.

⁵² R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 170—171,

Обряд инициации совершается над целой группой мальчиков. В день прощания с детьми под плач женщин старшие мужчины уводят мальчиков в лес запутанными тропинками. В одном определенном месте, в лесу, их встречают мужчины с пучками перьев казуара в волосах, фантастически раскрашенные, с деревянными гуделками в руках. Отцы закрывают сыновьям глаза и проводят их между двумя рядами этих людей. И вдруг раздается рев гуделок, который мальчикам всегда объясняли как голос Ригенмухи — создателя всех вещей и первого человека. Мальчикам открывают глаза — в буквальном и переносном смысле, т. е. объясняют причину гудения, наводящего ужас на непосвященных. Но их предупреждают, что тот, кто разболтает тайну женщинам, будет убит. Им рассказывают легенду о происхождении гуделок: какая-то женщина однажды во время работы в лесу открыла секрет гудения кусков дерева при вращении и начала пугать мужчин. Вскоре мужчины узнали ее тайну, убили ее и сами стали пугать женщин, пользуясь их незнанием.

Затем новичков приводят в уединенную хижину, где они должны находиться в течение всего времени обучения, иногда целого месяца, не покидая ее, в полной изоляции от внешнего мира. Они обязаны соблюдать пост и воздержание. Им объясняют, что под масками скрываются не духи, а обыкновенные смертные, которые должны вызвать у живых воспоминание о великих предках. Им объясняют значение брака и половой жизни. Юношей знакомят с обычаями и традициями племени и внушают им некоторые нравственные правила.

В лесу перед посвящаемыми юношами появляется неожиданно страшный призрак с закрытым лицом. Он бьет их прутом, который держит в руке. Затем он снимает свою маску, и юноши узнают, что это не лесной дух, а один из взрослых, который учил их послушанию.

Старшие мужчины делают маски для ритуальных танцев. Юношам объясняют тайное значение снрамената, которым украшены маски. Им показывают, как надо травинкой прокалывать язык и струящейся кровью делать красные знаки на кусках тапы или коры. Перед каждым танцем маски раскрашиваются кровью. Кровь является носителем жизненного начала и плодородия. После праздника женщины спят на окрашенных кровью кусках коры.

Наконец пост прекращается и юношей допускают к участию в заключительном празднике, после которого они возвращаются в свою общину. Для заключительного торжества мали строят большой новый круглый дом, к которому женщины приносят большое количество таро, сахарного тростника, эйбики и т. д. Когда все готово к встрече юношей, удары барабана, вой гуделок и крики мужчин возвещают о возвращении посвященных. Заключительный ночной танец в масках с живыми змеями в руках совершается танцорами вокруг огня; весь ритуал носит ярко выраженный эротический характер. Некоторые танцоры вырывают детей из рук присутствующих матерей и прыгают с ними через пламя костра. Утром, когда огонь потухнет и беспрерывный, несколько часов продолжающийся танец, наконец, прекратится, змей отдадут женщинам, которые спрячут их в свои сумки, чтобы позднее изжарить и съесть. Обряд должен обеспечить плодovitость участников и прирост их потомства.

У мали юноши еще два-три месяца после инициации живут изолированно в круглой хижине, так как старшие опасаются, как бы они, несмотря на строгое запрещение, не раскрыли доверенные им тайны любопытным женщинам.

У мали и урамот существуют также обряды посвящения девушек,

достигших половой зрелости, но мужчинам не удается проникнуть в тайны, которые окружают эти обряды. Женщины строят в лесу для девушек маленькие хижины и делают куполообразную круглую маску около 4—5 м в диаметре. Кроме одного старика, который приглашается, чтобы окрасить поверхность маски, ни один мужчина не должен видеть приготовлений. Свисающие вниз листья и травы делают маску похожей на огромную медузу. Женщины и девушки, окрасив ноги в белый цвет, забираются под маску и поднимают ее на плечи. Сопровождаемое несколькими певицами, это чудовище движется по деревне. Из-под маски видны только ноги женщин. Шествие продолжается несколько часов. С этим обрядом связываются некоторые мифы. Говорят, например, что круглая маска изображает луну — первую женщину.

Когда байнинги готовятся к большим праздникам, они созывают издалека жителей других поселений и округов. Один из таких праздников, *харейха*, приурочивается к первым посадкам на новое поле или сбору урожая. Приготовление к празднику сопровождается большими затратами времени и усилий. Изготовление масок и изображений производится только мужчинами, причем в хижине, которая сооружается специально для этой цели и в которую запрещено входить женщинам. Перед тем как приступить к изготовлению масок, мужчины несколько дней постятся.

Во время танцев употребляются гигантские изображения и маски⁵³. Женщины танцуют под ритмические удары бамбуковых палок о землю. В женском танце все женщины, даже девочки, держат в руках маленьких детей. После танца маски разрываются на части, и каждый танцор уносит с собой по обрывку.

Танец *мабуха* исполняется только ночью, от захода до восхода солнца. Он исполняется ежегодно в апреле — мае, когда наступает время созревания таро и сахарного тростника; он должен, вероятно, способствовать их созреванию⁵⁴. М. Рашер определенно связывает, согласно сведениям, полученным от байнингов, описанный им ночной праздник с созреванием таро и сахарного тростника и сбором нового урожая⁵⁵. По его словам, обряд предшествует сбору урожая⁵⁶.

На помосте, вокруг которого танцуют, лежат груды запасов пищи, главным образом таро. Танцоры, изображающие предков, избивают друг друга пучьями до крови. Чем сильнее удары, тем крепче связь между мертвыми и живыми. Мабуха всегда сопровождается поеданием огромного количества таро и сахарного тростника.

Танец *сингаль* исполняется только в лунные ночи и этим напоминает *корробори* австралийцев и тасманийцев. Танцуют, отбивая ритм, всю ночь в масках под мелодичное пение.

В отличие от мали и урамот у *хахат* нет обрядов посвящения⁵⁷. Однако, на основании того, что у них есть обряды, во время исполнения которых мужчины-хахат уединяются в лесу, чтобы приготовить маски, что они употребляют гуделки, стремясь воспроизвести голоса духов, что они постятся и бичуют себя, что они истязают себя, продевая шнуры, на которых висят копыя, сквозь кожу на спине, что их большие маски

⁵³ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 194. М. Рашер пишет, что некоторые маски достигают длины 40 м (!). См. также: H. Nevermann, *Masken und Geheimbünde in Melanesien*, Berlin, 1933, S. 105—117.

⁵⁴ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 630.

⁵⁵ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 249.

⁵⁶ Ibid, S. 255.

⁵⁷ F. Burger, *Die Küsten-und Bergvölker...*, S. 67—73.

изображают предков и, наконец, того, что этим обрядам они приписывают магическую силу: во время обряда люди получают плодovitость, а природа — изобилие, можно заключить, что эти церемонии являются пережитком обрядов инициации. Можно утверждать, что некогда у хат, так же как и теперь у урамот и мали, были обряды инициации.

Ритуальные танцы байнингов, продолжающиеся непрерывно целую ночь, сопровождаются невероятным возбуждением и экзальтацией. Танец захватывает всех присутствующих, пока, наконец, не остается больше зрителей — все участвуют в нем, даже матери с детьми на плечах. Все это сопровождается самобичеванием юношей, отчего по их телам струится кровь. Однако они не должны издать и стопа, не смеют показать и вида, что им больно. Люди кажутся обезумевшими, они едят незрелое таро и даже землю. Только под утро, совершенно обессиленные, люди падают на землю около затухающего костра и лежат часами в беспамятстве, чтобы к вечеру подняться и, после обильной еды, начать все сызнова. Употребляются и наркотические средства. Настой одного из таких растений пьют все участники танцев⁵⁸.

Во время танцев употребляются музыкальные инструменты: два вида флейт (одна из них — так называемая «флейта Пана») и большая труба из бамбука⁵⁹.

Характерны для ритуальных танцев байнингов танцы со змеями. Один из авторов утверждает даже, что можно говорить о своеобразном «змеином культе» у байнингов, равного которому нет ни у одного из народов Океании⁶⁰. Он указывает, что в отличие от всех окружающих племен байнинги употребляют змей в пищу, чего никогда не делают меланезийцы. Миссионер Бренникмейер рассказывает, как байнинги откармливали змею, спрятанную в дупле дерева, и, когда животное стало достаточно жирным, его съели⁶¹. Не удивительно, что они танцуют с живыми змеями. Никакой другой из народов Океании не умеет так ловко обращаться со змеями, как байнинги.

Один из таких танцев описывает У. Рид⁶². Церемония совершалась вокруг большого костра в чаще леса, где были сложены груды ямса, таро и бататов, которые поедались в перерывах между танцами. Все танцоры были со змеями в руках и вокруг шеи. В час ночи возбуждение достигло крайней степени. И тогда появились новые танцоры в огромных раскрашенных масках, изображающих птиц, с большими змеями в руках и вокруг тела. Они танцевали вокруг костра и прыгали через огонь. Все это длилось несколько часов, до рассвета, который байнинги встретили совершенно изнуренными. Они упали на землю и немедленно уснули. Для церемонии было использовано около 50 змей, которых запасали в течение нескольких месяцев. Некоторые змеи достигали длины 3,5 м. После танца они были съедены женщинами.

Эти ежегодные танцы исполняются с большим энтузиазмом, даже артистически, но требуют большого труда и больших приготовлений. Однако байнинги верят, что танцы со змеями особенно благоприятны для урожая, и считают, что любые их усилия оправданны. Существует связь между культом змей и стремлением обеспечить плодородие в природе. Иногда эти обряды устраиваются байнингами также по случаю рождения ребенка или постройки нового дома.

⁵⁸ M. Rascher, *Baining (Neupommern) Land und Leute*, S. 255.

⁵⁹ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 526.

⁶⁰ H. Ritter, *Die Schlange in der Religion der Melanesier*, Basel, 1945, S. 80.

⁶¹ Ibid., S. 81.

⁶² W. J. Read, *A snake dance of the Baining*, — «Oceania», vol. 2, 1931, № 2, pp. 232—236.

В одной из деревень Дж. Пул наблюдала «птичий» танец. Танцоры были пышно украшены перьями казуара. Танец происходил днем. Дневные танцы байнингов не окружаются такой тайной, как ночные «змеиные» танцы, и, по-видимому, совершаются жителями отдельных деревень, тогда как для торжественного участия в «змеиных» танцах собираются жители целой округи⁶³.

Байнинги считают свои обряды жизненно важными, они должны обеспечить изобилие съестных припасов и увеличение самого племени. Потому-то байнинги и вкладывают столько усилий, посвящают столько времени подготовке и проведению этих церемоний. Ритуальных обрядов много, и они разнообразны. В округе Каманахам, например, танцоры, изображающие предков, выстраиваются в ряд и расставляют ноги. Между их ногами проползают женщины и дети, вследствие чего они должны стать сильными, здоровыми и плодовитыми. Такое же ритуальное проползание между ногами существовало у австралийцев.

Никто из авторов, писавших о танцах и праздниках байнингов, не увидел их экономического подтекста и не подчеркнул именно того факта, что эти праздники являются прежде всего «обрядами размножения (плодородия)». Основная пища байнингов — таро и другие продукты огородничества помещаются в центре площадки, отведенной для обряда, на специально сооруженном помосте. Праздник совершается вокруг них и ради них и завершается их ритуальным поеданием, праздничным пиром. Цель праздника и совершаемых при этом обрядов — способствовать дальнейшему произрастанию и умножению таро, сахарного тростника, эйбики и т. д. Праздники происходят, как правило, в апреле — мае, в период созревания таро. Но цель обрядов у байнингов — воспроизводство не только таро как предмета первой жизненной необходимости, но и самого народа байнингов, продолжение его существования в новых поколениях. Поэтому обязательными участниками этих обрядов являются маленькие дети, которых женщины и девочки держат на плечах во время ритуального танца вокруг огня — символа жизни. Не случайно также эти обряды связаны с обрядами инициации: обряд инициации призван подготовить мальчиков к переходу в другую возрастную группу, группу взрослых мужчин, где они должны воспроизводить материальные и человеческие ресурсы племени.

«Обряды размножения» у байнингов можно, как мне кажется, сопоставить с обрядами интичиума у австралийцев. Подобные обряды (под этим или другими названиями) существуют у многих австралийских племен. Возможно, что обряды эти существовали у байнингов в глубокой древности, когда они еще не выращивали таро и другие полезные растения, а собирали их в местах естественного произрастания. В таком случае эти обряды, так же как и обряды размножения полезных животных у охотников-австралийцев, возникли из предпосылки, что этому размножению необходимо содействовать теми средствами, которые имеются в распоряжении человека, т. е. магическими обрядами.

В церемониях байнингов и австралийцев много общего. Так, у австралийского племени *аранда* в церемонии посвящения каждый исполнитель представляет предка, который жил в мифические времена *алчеринга*⁶⁴. Как и у байнингов, юноши-аранда выпускают кровь из вены

⁶³ J. Poole, *Still further notes on a snake dance of the Baining* — «Oceania», vol. 13, 1943, № 3, pp. 224—227.

⁶⁴ B. Spencer and F. Gillen, *The native tribes of Central Australia*, London, 1899, p. 228.

на руке. Как и у байнингов, в конце церемонии уничтожают те предметы, которыми пользовались во время ее.

Церемонии австралийцев и байнингов преследуют одинаковые цели: и австралийцы и байнинги перевоплощаются в предков и подражают их жестам и действиям, а молодое поколение, вливающееся в поколение старших, посвящается в тайны обрядов, от которых периодически зависят благосостояние и благополучие той общественной группы, к которой они принадлежат. Своеобразие некоторых из описанных обрядов у байнингов состоит в более тесном слиянии обрядов плодородия и посвящения⁶⁵.

Характер описанных в этой главе обрядов связан с архаическими формами духовной культуры, в свою очередь вызванными низким уровнем развития производительных сил у байнингов.

Байнинги считают, что люди чаще всего умирают от того, что они стали жертвами колдовства и преднамеренного отравления ядовитыми веществами. У них есть особые люди, которые умеют тайно приносить удачу или несчастье человеку. Эти колдуны обучают молодых людей своей науке, т. е. как отравить другого человека при помощи растительного яда, магическим способом умертвить вора, укравшего свинью, приготовить мазь для залечивания ран, средство от простуды. У таких колдунов имеется большой список растений, при помощи которых лечат или колдуют. Таким образом, у байнингов колдовство и магия смешаны с положительными знаниями и поисками реальных, эффективных методов лечения. Каждый из колдовских приемов имеет ответные приемы, сводящие на нет его силу. Существуют ясновидцы, которые способны во сне обнаружить колдуна и обезвредить его.

У байнингов существует два способа погребения. Первый заключается в том, что хоронят перед хижиной, в глубокой яме (женщину — в поселке ее родителей). В могилу кладут любимые предметы умершего, его оружие, украшения для танцев, сети. Иногда оружие ломается над могилой, а одежда и украшения сжигаются. Уничтожаются даже посевы на поле умершего. Если умерший оставил родственников, они устраивают поминки. Много дней после смерти в хижине царит печальное и торжественное настроение, не слышно ни одного громкого голоса. Приносят связки таро и кладут на могилу, обращаясь к мертвому с громкими призывами.

Другой способ погребения состоит в том, что тело кладут на специально устроенном помосте. В прошлом был обычай разводить под помостом огонь и коптить тело, чтобы сохранить его. Через три или четыре года родственниками умершего устраивался пир в его честь, после чего тело погребалось. Иногда некоторые части скелета родственники клали в плетеные сумки и использовали как амулеты-обереги или для колдовства. Особенно ценились нижняя челюсть и кости рук.

В некоторых районах расселения байнингов и сейчас еще воздушное погребение (на помосте или на ветвях дерева) сочетается с последующим погребением покойного в земле. Мали зажигают на могиле умершего костры, чтобы осветить ему путь в иной мир. Имя умершего

⁶⁵ Церемония *хориому* и другие церемонии у папуасов о-ва Киваи, описанные Г. Ландтманом, имеют некоторые общие черты с интичиума австралийцев, с одной стороны, и с обрядами байнингов — харейха и др. — с другой (см. G. Landtman, *The Kiwai Papuans of British New Guinea*, London, 1927, p. 327 ff). Интересно, что церемония *кулама* у австралийцев, населяющих о-ва Мелвилл и Батерст, где сохранились элементы архаической австралийской культуры в сочетании с влияниями папуасских культур Новой Гвинеи, также совмещает обряды плодородия с обрядами посвящения (см. C. P. Mountford, *The Tiwi, their art, myth and ceremony*, London — Melbourne, 1958, pp. 122—143).

никогда больше не упоминается: оно уничтожается так же, как и те вещи, которые принадлежали ему. Маленьких детей погребают в хижине, в земле, под тем местом, где спят родители.

Смерть — дело злых духов или злых людей. Поэтому байнинги считают, что, когда человек умер, все еще остается надежда на выздоровление. Делаются попытки вернуть похищенную душу обратно в тело. Предпринимается специальная «лечебная экспедиция», ищут блуждающую душу на лесных тропинках, привлекают ее сильным стуком о стены хижин или гудением в трубу из бамбука. Чтобы узнать, кто причинил смерть, сначала допрашивают какое-нибудь дерево: определенные деревья считаются местопребыванием злых духов (деревья вообще играют большую роль в поверьях и магии байнингов). Потом производится сложная магическая процедура, при которой допрашивают убитого, кто его убийца. Убийца или колдун, виновный в смерти, должен быть найден и наказан.

По представлениям байнингов, в стране мертвых — изобилие свиней и собак, орехи растут так близко, что до них ничего не стоит дотянуться рукой, все желания немедленно исполняются, женщины больше не рожают, болезней и смерти здесь не бывает.

Однако души мертвых часто приходят на землю и появляются ночью на лесных тропинках. Байнинги боятся их, потому что они приносят болезни. Но самым ужасным существом байнинги считают Хамки, чудовищную змею, живущую под землей или на крутых скалах, которая выступает в качестве первопричины всевозможных чудесных явлений и таких страшных бедствий, как землетрясения, наводнения и извержения вулканов. Она пожирает человеческие экскременты, и от этого люди умирают. Образ, в котором Хамки любит появляться, — змея с двумя головами. Некоторые животные или деревья являются для Хамки священными, и за их гибель она жестоко мстит человеку, но беда в том, что их никак не отличишь от остальных.

Интересно, что у меланезийских племен побережья есть совершенно аналогичное представление о змее Кайа, демоническом существе, которое всегда замышляет что-нибудь злое против людей, вызывает землетрясения, производит молнию и гром и насылает смерть.

Как и у гуантуна⁶⁶, в мифах которых бессмертие получает змея, а не человек, по причине его лени, глупости или непослушания, у байнингов есть мифы, где бессмертие, которое предлагают человеку солнце или Ригенмуха, получают вместо него змея и камень:

Ригенмуха спросил однажды: «Кто на земле хочет быть бессмертным, как я?» Но у человека был полный рот еды, и это ему помешало ответить. А камень и змея крикнули: «Мы!» С тех пор они бессмертны, а человек умирает⁶⁷.

По одному из мифов, первые люди произошли из арековой пальмы⁶⁸. Первая человеческая пара превратилась в солнце — мужчину и луну — женщину. Байнинги считают себя детьми солнца. Солнце их научило говорить, обрабатывать землю и строить хижины, от солнца они получили огонь.

По словам католического миссионера К. Лауфера, ему удалось обнаружить у байнингов монотеистические представления, веру в выс-

⁶⁶ J. Meier, *Mythen und Erzählungen der Küstenbewohner der Gazellehalbinsel*, Münster, 1909, S. 37, 39.

⁶⁷ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 540. Мотив этот в разных вариантах встречается у многих народов (см. Д. Фрезер, *Фольклор в Ветхом завете*, М.—Л., 1931, гл. 2).

⁶⁸ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 158.

шее существо, всемогущего творца, которого они называют Ригенмуха или *мамок*, т. е. «отец». Известно, однако, что почти у всех народов на стадии первобытнообщинного строя существуют мифологические образы, которым приписывается создание неба и земли, небесных светил и стихий, животного и растительного мира и, наконец, самого человека и культуры. Таким же культурным героем, демиургом, патроном инициаций является и Ригенмуха. Ни в его образе, ни в мифологии байнингов еще нет оформившегося представления о едином божь-творце. Образ Ригенмухи можно поставить рядом с аналогичными ему образами демиургов и культурных героев юго-восточных племен Австралии (Байаме, Дарамулун, Бунджил и др.).

Самый источник сведений К. Лауфера о религии байнингов должен быть поставлен под сомнение: его информаторами были двое юношей, которые обучались в миссионерской школе и продолжительное время жили в тесном общении с миссионерами и, следовательно, находились под сильным влиянием христианского мировоззрения. Вопросы миссионеров обычно задавались в такой форме, что заранее предвосхищали ответ. На самые религиозные представления байнингов, на современную трактовку этих представлений не могла не оказать влияние многолетняя проповедь миссионеров.

Прежние исследователи, в том числе миссионер М. Рашер, не находили у байнингов никаких признаков монотеизма. Как мы уже видели, у байнингов есть мифы о генезисе, не связанные с образом Ригенмухи, например миф о происхождении людей из арековой пальмы.

Ригенмуха — типичный патрон инициаций, очень близкий в этом отношении упомянутому выше восточноавстралийским мифологическим образам. Ригенмуха велел людям соблюдать обычаи своего племени и те предписания, которыми должны сопровождаться посвящения юношей. Столь же обязательным является совершение ритуальных танцев в масках и строгое соблюдение тайны, сопровождающей приготовление к ним. Нарушение обычаев и нравственных правил карается мором и голодом, землетрясениями и вихрями. Голос Ригенмухи, как и голоса его австралийских собратьев, воспроизводится деревянной гуделкой.

Вся Меланезия в последние десятилетия охвачена своеобразным пророческим (эсхатологическим) массовым движением, направленным против колонизаторов, против миссионеров. Идеология этого движения частично отражает влияние христианского мировоззрения, а частично основывается на религиозных представлениях автохтонного населения. Несмотря на свою религиозную окраску, это своеобразная форма народно-освободительной борьбы⁶⁹. Это движение, хотя и в ослабленной форме, захватило и байнингов. По словам К. Лауфера, во время вспышек массового неповиновения колониальным властям и миссионерам байнинги убивают всех своих домашних животных, уничтожают все насаждения и в возбуждении ждут конца мира и воскресения мертвых, которое должно принести им желанное избавление⁷⁰.

Много сказок и легенд байнингов опубликовано в работе П. Блея⁷¹. Главным действующим лицом всех сказок является Сирини, положительный герой, умный и одаренный. Полной противоположностью ему выступает персонифицированный ворон Гоаткиум, неуклюжий, глупый

⁶⁹ Литература на эту тему обширна. См., например: P. Worsley, *The trumpet shall sound. A study of «cargo» cults in Melanesia*, London, 1957; русск. пер.: П. Уорсли, *Когда вострубит труба*, М., 1963.

⁷⁰ C. Laufer, *Rigenmucha...*, S. 548.

⁷¹ P. Bley, *Sagen der Baininger auf Neupommern, Südsee*, — «Anthropos», Bd 9, 1914, S. 196—220, 418—448.

и вороватый. Все, что он делает, не удается ему или выходит отвратительным. Сирины и Гоаткиум, как культурные герои, занимают большое место в сказаниях байнингов и соответствуют двум, тоже противоположным по качествам, героям сказок гунантуна — То Кабинана и То Карвуву. Хитрый и умный Сирины побеждает все зловерные существа сказок. Особенно часто в них появляется женщина-паук со своими дочерьми, хитрая, мстительная, жестокая, воинственная, вооруженная копьем и палицей.

В сказках встречается тема великого потопа, которая существует у многих народов во всех частях света (море из-за неосторожности двух мальчиков разлилось и чуть не затопило всю землю, но байнингам все же удалось спастись в горах). Интересен и миф о происхождении разных языков — меланезийского на побережье и папуасского у байнингов. Произошли эти языки оттого, что два мальчика-брата поспорили, подрались и разошлись в разные стороны. От них-то и пошли два разных народа. Легенда как бы признает, что в прошлом племена побережья и байнинги были братьями и жили вместе. Быть может, когда-то в прошлом байнинги, жившие на побережье, подверглись сильному влиянию меланезийцев соседних островов и восприняли их язык.

Сказки рассказывают и о том, как появились первые белые люди на своих судах. У них были пушки на борту, и они стреляли тяжелыми ядрами по берегу. Тогда байнингов охватил сильный страх, и они закричали: *«а иос! а иос! Духи! Духи!»* — и скрылись в лесах ⁷².

По другой сказке, первая женщина имела двух сыновей, и один из них, несмотря на ее запрещение, купался в водоеме; вода разлилась, и образовалось море, а мальчик уплыл на стволе дерева и стал совсем чужим для матери и говорил на чужом, непонятном меланезийском языке. Но он построил лодку, переплыл море и вернулся обратно на свой остров, где женился на своей сестре и положил начало племенам побережья. Их дети уплыли на отдаленный остров, и там от них произошли белые люди ⁷³.

Много других сказок и легенд рассказывают байнинги: о том, как первая кокосовая пальма выросла из черепа первого человека, когда он умер, потому что он захотел, чтобы его дети имели пищу; о том, как Сирины заставил змею Хамки выплюнуть обратно кости съеденных ею людей и оживил их с помощью колдовства; о том, как крокодил проглотил людей, но они выбрались изнутри его с помощью бамбуковой палки, которой они разрезали его внутренности. Рассказывают и о духах мертвых, которые мало чем отличаются от живых людей: они разговаривают, вступают даже в спор с людьми, вооружены палицами, и их можно опять убить, после чего они или становятся невидимыми, или превращаются в каких-нибудь животных, например в кенгуру.

Есть у байнингов и бытовые сказки.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЙНИНГОВ

По антропологическому типу (а, вероятно, и по языку) байнинги принадлежат к древнейшему в Меланезии компоненту. Антропологически они не могут быть отождествлены с негритосами, такими, напри-

⁷² Ibid., S. 199.

⁷³ Ibid., S. 201.

мер, как тапиры и другие низкорослые племена Новой Гвинеи, но они по целому ряду признаков близки к ним. В то же время очень многое указывает (это отмечает, например, Ф. Шпейзер⁷⁴) на антропологическую и отчасти даже культурную близость байнингов к тасманийцам — одной из самых отсталых в культурном отношении народностей земного шара, ныне вымершей. На физическое сходство тасманийцев и коренных жителей Новой Британии указывали и раньше⁷⁵. Древняя этническая общность Тасмании, Новой Британии и Новой Гвинеи может быть подтверждена антропологически.

По словам Р. Паркинсона, байнинги по своему развитию являются во всех отношениях самым примитивным народом из всех, которых он встретил где-либо в Океании⁷⁶. Один из новейших исследователей пишет: «Материальная культура этого народа — одна из самых бедных в мире»⁷⁷. Культуру байнингов, как нам кажется, можно типологически сблизить с культурами неолита на той стадии, когда возникло сверление и шлифование камня. Некоторые прогрессивные элементы их культуры, как, например, земледелие, могли появиться в результате культурного контакта с соседними народами и, вероятно, в конечном счете распространились из Юго-Восточной Азии.

Все, кто занимался изучением байнингов, приходят к единодушному заключению, что они являются древнейшим населением Новой Британии и полуострова Газели. Предполагают, что меланезийские племена побережья, очевидно, не одновременно, а последовательными волнами в течение длительного времени прибывали на полуостров Газели с Новой Ирландии и постепенно вытесняли байнингов и другие автохтонные папуасоязычные племена в глубь страны, в горы. Часть байнингов, вероятно, смешалась с меланезийскими пришельцами; население побережья в значительной части состоит из байнинговского компонента. Есть основания думать, что некоторые береговые племена, говорящие на меланезийских языках, являются автохтонными племенами, подвергшимися «меланезации». Меланезийские языки, как известно, принадлежат к группе малайско-полинезийских или австронезийских языков.

И в стране байнингов, и в более широком ареале, охватывающем всю Новую Британию и восточную Новую Гвинею, найдены археологические материалы, принадлежащие какой-то чуждой местному населению культуре. Это — каменные ступки, песты и керамика со своеобразным орнаментом. Местное население ничего не знает о происхождении этих вещей и приписывает их создание легендарным культурным героям или легендарному, исчезнувшему народу. Эта древняя культура связана, по-видимому, с культурами Юго-Восточной Азии, с которой Океания на протяжении всей своей истории была связана этнически и культурно. Отсюда начиналось и заселение Океании. К древнейшей этнической волне принадлежат, по-видимому, и байнинги — возможно, к той же волне, которая заселила Австралию, Тасманию и Новую Гвинею. Эти народы близки антропологически. Близки они и в культурном отношении: байнинги занимают своеобразное промежуточное положение между аборигенами Австралии и папуасами Новой Гвинеи. В культуре байнингов мы находим элементы близости к тем и другим. Особенно в духовной культуре байнингов сохранилось много родствен-

⁷⁴ F. Speiser, *Versuch einer Siedlungsgeschichte der Südsee*, Zürich, 1946.

⁷⁵ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, S. 244.

⁷⁶ Ibid., S. 156.

⁷⁷ G. Bateson, *Further notes on a snake dance of the Baining*, p. 336.

ного австралийцам: эти общие черты видны в обрядах инициации и плодородия, в образе великого демиурга Ригенмухи. В то же время байнинги — земледельцы, как и папуасы. На основе земледелия у байнингов сложились аналогичные папуасским имущественные и общественные отношения. Но уровень земледелия байнингов — более примитивный: это ранняя форма подсечного земледелия в условиях полукочевого быта на базе неолитической техники.

Ю. Д. Дмитриевский

ВОДЫ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ. СЕНЕГАЛ — ГАМБИЯ — ЧАД

К водам Западной Африки мы относим те, которые орошают территорию, расположенную между бассейнами Сенегала и оз. Чад. Реки этой части африканского континента характеризуются следующими особенностями:

протекают в пределах Западно-Африканского плато, которое во многих районах, особенно приближенных к Атлантике и Гвинейскому заливу, имеет ступенчатый характер, с чем связана значительная порожистость рек;

многие из них, начинаясь в придвинутых к океану возвышенных районах Западно-Африканского плато, текут в Атлантику или Гвинейский залив и в большинстве случаев представляют собой относительно небольшие речные артерии. Исключение составляют более значительные по длине Гамбия, Сенегал, Вольта, а также крупнейшие реки бассейна оз. Чад; последние отличаются еще и тем, что они текут не в сторону океана, а в глубь материка — в сторону Сахары;

протекают по той части континента, где в общем хорошо выражены летний дождливый период и отсутствие осадков зимой, следствием чего являются и значительные колебания расходов воды в реках. В связи с этим для решения гидроэнергетических и транспортных задач обычно требуются значительные работы по регулированию стока;

обладают значительными запасами гидроэнергии, составляющими 91 млн. квт¹. В настоящее время их использование находится в зачаточном состоянии.

Следует иметь в виду, что энергетика западноафриканских стран вообще развита весьма слабо. При этом в ее основе лежит использование привозного топлива на тепловых станциях. Используется в основном нефть.

Судоходство во все сезоны возможно лишь на нескольких наиболее значительных водных артериях Западной Африки — Сенегале, Гамбии, Вольте (причем оно охватывает их большие или меньшие участки), а также в устьевых отрезках некоторых других рек.

Ряд водных артерий Западной Африки может использоваться для судоходства только часть года. Значительные возможности имеются на многих западноафриканских реках для перевозки грузов на лодках и плотах.

¹ V. Slebinger, *Statistics of the existing water-power resources Trans. of fourth world power confer.*, vol. 4, London, 1952, pp. 2152—2154.

Северные районы нуждаются в искусственном орошении, которое может значительно поднять урожайность, дать возможность выращивать несколько урожаев в год, ввести в полеводство новые культуры. Однако искусственное орошение развито здесь сравнительно слабо (если учесть имеющийся природный ирригационный потенциал).

Поверхностные воды Западной Африки обладают определенным природным рыбохозяйственным потенциалом, который частично используется.

СЕНЕГАЛ

Сенегал — одна из крупнейших рек Западной Африки (длина — 1430 км, по другим данным — 1700 км, площадь бассейна — 441 тыс. кв. км). Истоком Сенегала служит р. Бафинг, берущая начало в массиве Фута-Джаллон. У г. Бафулабе она сливается с р. Бакой и ниже носит название Сенегала. Бакой и верхний отрезок собственно Сенегала — порожистые. Между городами Бафулабе и Каес находятся водопады Гуина и Фелу. В среднем течении Сенегал принимает значительный левый приток Фалеме, а ниже — лишь небольшие реки, имеющие, как правило, периодический поверхностный сток.

Средний и нижний отрезки Сенегала начали формироваться в середине третичного периода, в ходе отступления из этих районов морского залива². Постепенно стала создаваться и дельта, современная площадь которой составляет около 1500 кв. км. В ходе ее формирования под влиянием Канарского течения и северо-восточных пассатов устье Сенегала все более «отжималось» наносами на юг. В результате река в своем нижнем отрезке резко отклоняется на юг. С запада ее нижний отрезок отгорожен от океана Варварийской (Берберийской) косой (длинной около 24 км). В устье реки — песчаный бар³.

Все упомянутые процессы, продолжающиеся и в наши дни, неблагоприятно сказываются на судоходных качествах нижнего отрезка Сенегала. Постоянное заполнение его русла наносами (речными и золовыми) приводит к сужению нижнего Сенегала, повышению дна. Поэтому в период высокой воды здесь нередки наводнения.

Устьевая область реки в период высокой воды превращается в большое озеро. После спада рисунок дельты Сенегала с ее озерами, старицами, рукавами, реликтовыми дюнами и болотами восстанавливается, хотя и с некоторыми изменениями. Западная часть дельты засолена. Ежегодно у Гандиоля добывается около 5 тыс. т соли, используемой затем рыбаками Сен-Луи⁴.

Для бассейна Сенегала характерно значительное уменьшение годового количества осадков и сокращение периода их выпадения от истоков к устью. Типично также выпадение осадков в летние месяцы (май — сентябрь). В связи с этим для рек бассейна обычны летнее и летне-осеннее половодье, весенняя межень, очень большие колебания расходов воды (на Сенегале от 5 до 2 тыс. куб. м/сек). При этом водность Сенегала сильно меняется от года к году. «Паводок начинает формироваться в... верховьях в конце июня и, продвигаясь со скоростью 13 км в сутки, дает наибольший подъем в устье (г. Сен-Луи) в

² Н. R. I. Church; *Rice cultivation in West Africa*, — «The Indian Geographical Society silver jubilee souvenir and N. Subrahmanyam memorial volume», Madras, 1952, p. 18.

³ В его современном положении он находится с 1659 г.

⁴ Н. R. I. Church, *Rice cultivation...*, p. 18.

конце октября. Высота паводка в верхнем течении — 15 м, в среднем — 9 м. ...Спад паводка в верхнем течении происходит быстро. В нижнем же течении он весьма растянут благодаря поступлению вод из рукавов притоков и из озер»⁵, — пишет И. В. Самойлов.

* * * Сенегал берет начало на территории Гвинейской Республики, затем протекает по территориям республик Мали, Сенегал, Мавритании.

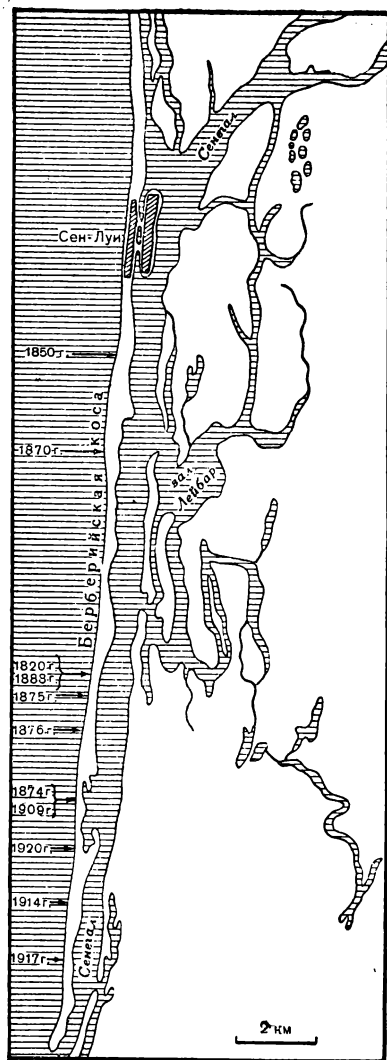
Характер экономики стран, по которым протекает Сенегал, обусловил особенности эксплуатации этой реки.

Энергетическое использование рек бассейна Сенегала практически отсутствует. Несмотря на то что здесь имеются удобные створы для строительства гидроэлектростанций, в этом направлении почти ничего не сделано. Построена лишь очень маленькая (650 квт.) гидроэлектростанция у г. Каес⁶.

В период колониального захвата территории Сенегала (и отчасти Мавритании) р. Сенегал являлась главным путем проникновения французских колонизаторов в глубинные районы страны. Она была при этом и основной транспортной артерией, связывавшей внутренние районы с побережьем.

После постройки железных дорог транспортная роль реки резко уменьшилась. «Круглый год река имеет на протяжении 250 км от устья глубины более 3 м»⁷. Мелкие суда могут подниматься весь год до Подора (283 км от Сен-Луи), а в период высокой воды (с июля по январь) — до Матама (640 км от Сен-Луи)⁸. В наиболее высокую воду (август — сентябрь) суда водоизмещением до тысячи тонн поднимаются до г. Каес в 888 км от моря⁹, соединенного железной дорогой с Атлантическим побережьем и Бамако (на Среднем Нигере).

Воды Сенегала используются для ирригации. Орошаются некоторые участки в долине Сенегала (10—20 км в ширину). Левобережная аллювиальная равнина в Сенегале, между Бакель и Дагана, называется Фута (Фоута), правобережная в Мавритании — Чемама. На равни-

УСТЬЕ СЕНЕГАЛА

Стрелками указаны места прорыва Берберийской косы в соответствующие годы (по И. В. Самойлову)

⁵ И. В. Самойлов, *Устья рек*, М., 1952, стр. 430—431.

⁶ Н. И. Гаврилов, *Промышленность Французской Западной Африки после второй мировой войны*, — в кн. «Африка южнее Сахары», М., 1958, стр. 141—142; Н. R. I. Church, *West Africa*, London — New York — Toronto, 1957, pp. 143—150.

⁷ И. В. Самойлов, *Устья рек*, стр. 430.

⁸ Н. R. I. Church, *West Africa*, p. 203.

⁹ F. J. Pedler, *Economic geography of West Africa*, London — New York — Toronto, 1955.

не Фута в порядке эксперимента орошением занялась «Миссион д'аме-нажман дю Сенегаль». Близ Геде, в 130 км выше Ричард-Толла¹⁰, у края аллювиальной равнины создана оросительная система, охватывающая 1 тыс. га. Более высокий участок (400 га) орошается при помощи насосов, перекачивающих воду из реки в каналы. Эти земли отведены под хлопчатник. Остальные площади орошаются самотеком; на 250 га из них предполагается выращивать два урожая зерновых — риса и проса.

Кроме указанных земель к возделыванию подготавливают еще 5,2 тыс. га юго-западнее Боге¹¹.

В 1947 г. началось осуществление проекта орошения дельты Сенегала. Почвы здесь малоплодородные, засоленные, орошение ведется при помощи насосов. В 1954 г. было орошено всего 1,6 тыс. га (юго-западнее Ричард-Толл) и собрано 5,6 тыс. т неочищенного риса. Между тем потребности Сенегала в этом продукте по крайней мере в 10—12 раз больше. Поэтому предусматривалось дальнейшее расширение орошаемых площадей. Однако дело двигалось значительно медленнее, чем намечалось в проектах¹². К 1958/59 г. было орошено 6 тыс. га, засеяно рисом 5,5 тыс. га (урожай 16,5 тыс. т). Магистральный канал, куда подается вода из протока Тозэй, достигает 18 км.

В конечном счете здесь предполагалось орошать 400 тыс. га в основном для выращивания риса. Но для этого требуется возвести целый комплекс гидротехнических сооружений, включая создание нескольких плотин: первой — на верхнем Сенегале — регулирующей сток реки и обеспечивающей создание крупной гидростанции; второй — выше Сен-Луи — препятствующей притоку соленых вод с моря; третьей — у Дагана — создающей подпор воды. Сейчас наиболее реальным считается создание плотины у Дагана — главным образом с ирригационными целями¹³.

В нижнем течении Сенегал имеет столь малое падение и такие небольшие расходы воды в меженный период, что соленая вода проникает не только далеко вверх по реке, но и по ее притокам. Для предохранения от засоления вод крупнейшего дельтового озера Гьер на притоке Тозэй (Мариго Тауэ), соединяющем это озеро с Сенегалом, ежегодно в период низкой воды воздвигали временную земляную плотину, и вода в озере оставалась пресной (в период паводка плотина разрушалась). В 1948 г. здесь была создана постоянная плотина¹⁴; в период высокой воды водопропускные отверстия в плотине открывают, а в низкую воду — закрывают.

В Мавритании, на равнине Чемама, воды Сенегала в сколько-нибудь заметных масштабах не используются, несмотря на то, что это наиболее доступный источник воды в стране.

Как отмечает П. Гросмер, р. Сенегал представляет исключительный интерес с точки зрения рыболовства. Его продуктами постоянно снабжаются 300 тыс. человек, живущих по берегам реки. Часть рыбы сушат и направляют на юг¹⁵.

¹⁰ Ричард-Толл — местечко, расположенное примерно в 20 км выше Россо. Здесь находится вершина дельты Сенегала.

¹¹ H. R. I. Church, *West Africa*, p. 188.

¹² Ibid., p. 191.

¹³ Hailey, *An African survey revised 1956*, London — New York — Toronto, pp. 1005, 1957.

¹⁴ Редкий по своему назначению тип плотины: плотина по борьбе с засолением пресноводного водоема морской водой.

¹⁵ P. Grosmaire, *La pêche sur le fleuve Senegal*, Bois Forêts Trop, 1957, № 54, pp. 11—19.

ГАМБИЯ

Берет начало в пределах Гвинейской Республики, протекает через территорию Сенегала, а затем по Гамбии — территории, состоящей из двух частей — собственно колонии Англии (в составе нескольких островов в нижнем течении реки) и протектората.

Большая часть Гамбии закреплена за Англией в 1783 г. В 1807 г. Гамбия была включена в состав английской колонии Сьерра-Леоне, а в 1843 г. выделена в отдельную колонию. В 1904 г. часть территории Гамбии перешла к Сенегалу.

Гамбия — одна из наиболее слабо развитых британских колоний, что нашло свое отражение и в характере использования ее вод. Вместе с тем Гамбия — территория, вся хозяйственная жизнь которой связана с рекой. Поэтому проблемы использования р. Гамбии имеют для страны очень большое значение.

* * *

Река начинается на склонах возвышенности Фута-Джаллон и впадает в Атлантический океан. Длина ее около 1600 км, однако расстояние от истока до устья по прямой в три раза меньше, немногим более 480 км. Столь значительная разница обусловлена большой извилистостью Гамбии.

В верхнем течении поросшие кустарником берега реки достигают от 3 до 15 м высоты. В среднем течении, в 510 км выше Батерста, расположены пороги Барраконда (Барра-Кунда), представляющие собой серию быстрин. Ниже их берега Гамбии на значительном протяжении скалисты. У Ярбатенда, несколько ниже упомянутых порогов, ширина реки, даже в сухой сезон, превышает 100 м. В среднем течении на значительном протяжении берега Гамбии заболочены. Ниже ширина реки все возрастает, и при впадении в океан образуется обширный и широкий эстуарий, в котором расположен о-в Сент-Мери.

Устье Гамбии постоянно очищается приливо-отливной деятельностью моря (высота приливов 1—2 м). Приливная волна поднимается по реке далеко вверх. Вследствие действия приливов в нижнем течении вода в Гамбии соленая или солоноватая. Только выше о-ва Элефант (150 км от моря) она становится пресной. При впадении Гамбии в океан имеется песчаный бар, но не настолько высокий, чтобы препятствовать водообмену: даже в межень вода свободно его преодолевает.

Гамбия протекает в пределах климатической области, характеризующейся тропическим муссонным климатом. В ее бассейне выпадает 500—1500 мм осадков. При таком количестве осадков развитой системы притоков у Гамбии не образовалось в связи с высокими температурами и большим испарением, а также условиями орографии.

В географической литературе притоки Гамбии, так же как периодические водотоки Австралии, нередко называют «криками». Наиболее значительные — Винтанг (Бинтанг) и Суара-Кунда — впадают в Гамбию соответственно в 45 и 59 км выше Батерста. Берега криков покрыты лесом. Колебания расходов воды в западноафриканских криках в течение года значительны, но не так велики, как в австралийских.

В связи с характером питания Гамбия имеет самый низкий уровень воды в апреле. С мая выпадают дожди, и уровень понемногу повышается, а с июня начинается настоящее половодье. В сентябре вода в реке достигает наивысшего уровня¹⁶. В нижнем течении подъем ее

¹⁶ Дожди продолжаются до ноября.

невелик — 20—50 см, но выше о-ва Мак-Карти — весьма высок (5—6 м в Кунтинге, 8 м в Ябу-Тенда). Это объясняется тем, что севернее о-ва Мак-Карти река суживается: у Буруко поперек русла располагается выступ — скала, представляющая собой естественную плотину, подпруживающую паводковые воды.

Наиболее высокая вода держится в Гамбии около двух недель, а затем начинается спад, продолжающийся вплоть до апреля.

В стране нет железных дорог. Грунтовые дороги проходимы только в течение сухого сезона (примерно 5 месяцев в году), поэтому основными транспортными магистралями являются реки и в первую очередь Гамбия.

Гамбия — своего рода уникум среди африканских рек. Это — единственная река континента, по которой морские суда могут во все сезоны подниматься далеко вверх — более чем на 320 км. В любой сезон океанские суда, имеющие осадку до 3,8 м¹⁷, поднимаются до о-ва Мак-Карти (286 км от Батерста).

Из-за скалистого выступа у Буруко выше о-ва Мак-Карти могут проходить только небольшие суда, к тому же во время сухого сезона глубины не превышают 3 м.

Пороги Барра-Кунда с их быстринами и небольшими глубинами (1, 2 м) во время сухого сезона — серьезная помеха для судоходства в верхнем течении. Во время высокой воды условия судоходства заметно улучшаются, и суда с осадкой до 2,4 м могут, преодолевая пороги, подниматься более чем на 576 км от устья. В период наиболее высокой воды Гамбия судоходна на 256 км выше порогов. Судоходны и некоторые ее притоки. Винтанг может пропускать суда с осадкой до 3,7 м; препятствием для крупных судов является устье реки в верхнем течении. Крик Суара-Кунда доступен для судов с осадкой до 4,9 м — от устья до пункта, расположенного примерно в километре за политической границей Гамбии.

Крупнейшие речные порты: Баллангар (192 км выше Батерста), Кунта-Ур (246 км выше Батерста), Мак-Карти (на севере одноименного острова), Басс (397 км выше Батерста). Кроме названных, имеется несколько мелких пристаней, куда стягивается идущий на вывоз земляной орех. По р. Гамбии перевозят около 90% производимого в стране земляного ореха¹⁸.

Судоходство осуществляется при помощи незначительного числа небольших пароходов, являющихся собственностью администрации английской колонии. Частично для перевозок используются парусные суда. Прежде по Гамбии шла значительная часть перевозок в Сенегал. С постройкой железной дороги от Дакара к р. Нигер эти перевозки заметно снизились.

Воды Гамбии используют для ирригации¹⁹. Однако во время сухого сезона и пониженных расходов вода в нижнем течении настолько засоляется поступающей из моря, что становится непригодной для орошения. Поэтому значительные площади выпадают из сельскохозяйственного производства.

В послевоенные годы «Колониал девелопмент корпорейшн» проводит экспериментальные работы по развитию орошения в Восточной Гамбии между Джорджтауном и Каданг-Тенда. Здесь, примерно в 320 км

¹⁷ В отдельных местах созданы проходы для судов с осадкой до 4,9 м.

¹⁸ F. J. Pedler, *Economic geography...*, p. 120.

¹⁹ В частности, центрального района колонии Гамбия — района риса, житницы страны. Впрочем, выращивание риса ведется и на естественно орошаемых площадях, в том числе и паводковыми водами.

от устья, в районе, где речные воды уже не подвергаются засолению, на левом берегу с 1950 г. создается экспериментальная оросительная система. Предполагается проложить 78 км оросительных и 54 км дренажных каналов, освоить 9,4 тыс. га земель для выращивания 14 тыс. т риса и более 6 тыс. т бобовых и овощей²⁰.

В низовьях Гамбии сравнительно развито рыболовство.

ЧАД

Расположенное в южной части обширной котловины, на высоте примерно 240 м над уровнем моря в Центральном Судане, озеро Чад и весь его бассейн представляют большой географический интерес.

Площадь озера и уровень воды в нем сильно меняются год от году и по сезонам, что находится в прямой связи с приносом в озеро воды питающими его реками, поскольку само оно расположено в области с небольшим (200—500 мм) количеством осадков. Площадь оз. Чад меняется от 10 тыс. до 18 тыс. кв. км, а наибольшие глубины (в северо-западной части) — от 4 до 7 м. Средняя глубина составляет 2 м.

В последние десятилетия наблюдается (при сохранении колебаний) прогрессивное уменьшение площади озера. Объясняется это заметным усилением заполнения озера отложениями, которые выносятся в него многочисленными притоками, главным образом важнейшим — р. Шари. А увеличение твердого стока этой и других рек бассейна оз. Чад связано с тем обстоятельством, что в Центральном Судане усилилась почвенная эрозия. Усиление же последней — следствие уничтожения древесной растительности, что находится в прямой связи с господствующей в Судане переложной, огневой системой земледелия²¹.

Чад — бессточное озеро, лежащее на границе с пустыней. Логично было бы ожидать большого засоления его вод, однако оно лишь солоноватое, а местами пресное озеро. Причина этого оставалась загадкой, пока не было выяснено, что из озера существует подземный сток — на северо-восток, в сторону котловины Боделе. Кроме того, в очень редких случаях, при чрезвычайно высоком уровне воды в озере, последнее получает и временный поверхностный сток — тоже на северо-восток, через обычно сухое русло Бахр-эль-Газаль (Соро). За последнее столетие это явление наблюдалось в 1870 г., когда вода из Чада прошла по Бахр-эль-Газалю на 100 км²². В 50-х годах нашего века из-за обильных дождей в южной части бассейна уровень озера повысился на метр и вода вновь направилась в Бахр-эль-Газаль.

Как мы уже отмечали, основное питание Чад получает от суданских рек, главным образом — от Шари, частично от Комадугу-Йобе и лишь в небольшом количестве от других. Наиболее низкие уровни воды в озере приходятся на июнь — июль. Затем в связи с увеличением прихода воды из Шари и других рек (следствие поступления в реки летних суданских осадков) уровень озера повышается — и максимальный отмечается в ноябре — декабре. После этого начинается постепенный спад. Средняя годовая амплитуда колебания уровня воды в озере составляет 0,6—0,8 м, а в многоводные годы — 2 м и более.

²⁰ Н. R. I. Church, *Rice cultivation...*, p. 42.

²¹ По этому вопросу см. например, статьи: А. С. Барков, *О наводнении пустыни на саванну и саванны на тропический лес*, — «Известия АН СССР, серия географическая», 1951, № 5; *Саванна наступает на тропический лес*, — «География в школе», 1952, № 2.

²² С. Геллер, *Судьба озера Чад*, — «Вокруг света», 1951, № 9.

А. Лудин и Э. Тома привели любопытные данные о балансе влаги в оз. Чад²³. Они подсчитали, что ежегодно из Шари (и Логоне) в озеро поступает 23,5 млрд. куб. м воды, из Комадугу-Йобе — 140 млн. куб. м. Вместе с малыми притоками общее поступление воды в озеро за счет рек составляет около 24 млрд. куб. м.

Средним количеством осадков в районе оз. Чад авторы считают 200 мм. Принимая площадь озера в 20 тыс. кв. км, они подсчитывают количество воды, которое оно получает за счет осадков. Это количество оказывается равным 4 млрд. куб. м.

Таким образом, приход воды в оз. Чад составляет $24 + 4 = 28$ млрд. куб. м (28 млрд. куб. м: 20 тыс. кв. м = 1400 мм = 1,4 м). Приход воды в озеро соответствует слою в 1,4 м. Примерные данные об испарении показывают, что оно равно слою воды в 2 м. Хотя А. Лудин и Э. Тома оговариваются, что это весьма неточная цифра, не основанная на многолетних наблюдениях, но все же приходят к выводу о том, что водный баланс озера оказывается отрицательным, чем и объясняется уменьшение его площади, усыхание озера.

Лудин и Тома отмечают также, что происходит занос озера песком, гравием, галькой, в результате чего уменьшается глубина, а зеркало озера за счет повышения дна несколько увеличивается (оно как бы «расплывается»), что приводит к увеличению испарения.

Приведенные данные требуют серьезных корректив, так как, с одной стороны, А. Лудин и Э. Тома явно и весьма значительно занизили среднее количество осадков, выпадающих в районе озера, а с другой — завысили его площадь. Если принять за среднее количество осадков 300 мм, а площадь озера считать равной 15 тыс. кв. км, то, как показывают наши подсчеты (сделанные по приведенной выше схеме), приход воды в озеро составит примерно 1900 мм слоя, т. е. почти те самые 2 м, которые фигурируют у А. Лудина и Э. Тома в качестве весьма примерного слоя испарения с поверхности оз. Чад.

Отсюда следует вывод о том, что причину уменьшения площади оз. Чад следует искать не путем простого подсчета водного баланса (в балансе Лудина и Тома, кстати говоря, совсем не учтен такой важный фактор, как подземный сток, о котором говорилось выше и который, по всей вероятности, превышает грунтовое питание озера), а на основе анализа тех фактов, о которых говорилось в начале настоящего раздела.

В связи с большими сезонными колебаниями уровня воды и площади озера сильно изменяются очертания его берегов. Все же некоторые наиболее характерные черты сохраняются. Западные и южные берега отличаются малой изрезанностью, в отдельных местах выделяются значительные, по масштабам озера, полуострова. Северные и особенно восточные берега сильно изрезаны, вдоль них расположены многочисленные острова общей площадью около 5 тыс. кв. км — группы Кури и Будума, представляющие собой полузатопленные песчаные дюны. «Острова достигают 12—15 м над уровнем озера. Высота их понижается с востока на запад. Острова эти изрезаны то высохшими, то полными воды каналами (бахар), глубоко врезающимися в землю подобно тысячам щупальцев»²⁴.

Бассейн оз. Чад занимает площадь около 1 млн. кв. км²⁵. При этом большая часть (около 700 тыс. кв. км) приходится на бассейн его важ-

²³ А. Ludin, E. Thoma, *Die Wasserwirtschaft in Afrika. Handbuch der praktischen Kolonialwissenschaften*, Berlin, 1943, Bd. 14, S. 412—413.

²⁴ О. Бернар, *Северная и Западная Африка*, М., 1949, стр. 497.

²⁵ А. С. Барков, *Физическая география частей света. Африка*, М., 1953, стр. 82.

нейшего притока — р. Шари (ее длина, по различным данным, — 1400—1500 км).

Истоком Шари считается р. Уам, начинающаяся на плато Адамауа на высоте 1132 м. После ее слияния с р. Фара образуется р. Бахр-Сара. Последняя, сливаясь с р. Грибинги, дает начало р. Шари. Река Грибинги принимает справа большое количество притоков, в том числе Баминги, Бахр-Аук, Бахр-Кента. В районе Форт-Аршамбо, на р. Грибинги, находится внутренняя дельта. «Гранитные холмы Ниеллим, — пишет О. Бернар — образовали, очевидно, естественную плотину, выше которой воды разливались обширным озером», постепенно заполненным аллювием.

Вскоре после слияния Бахр-Сара и Грибинги р. Шари принимает справа р. Бахр-Саламат. В нижнем течении, несколько севернее 12° с. ш., Шари принимает свой крупнейший приток — р. Логоне. Следует, впрочем, отметить, что постоянные и временные соединения рек бассейна Шари и Логоне имеют место и выше слияния главных рек. В устье Шари — Логоне образуется разветвленная дельта. Расстояние от места слияния Шари и Логоне до оз. Чад составляет примерно 150 км. Бассейн Шари сильно заболочен. Особенно увеличивается площадь болот в сезоны дождей. К этому сезону (лето) приурочено и начало подъема воды в реках. Он продолжается несколько месяцев, паводок постепенно сдвигается (добегает) вниз — и в среднем и нижнем течении Шари и Логоне наиболее высокая вода приходится на осенние месяцы (в Форт-Лами — ноябрь) ²⁷.

В связи с тем что в среднем и нижнем течении падение Шари и Логоне очень невелико (например, в нижнем течении уклон Шари на протяжении 600 км составляет всего 50 м), в высокую воду реки сильно разливаются. Образуются временные озера, расширяется площадь болот. Весь этот комплекс явлений напоминает картину, характерную для бассейна Бахр-эль-Джебелъ — Бахр-эль-Газаль в системе Нила (Республика Судан).

В современную эпоху происходили процессы каптации рек на водоразделе бассейнов Бенуэ и Логоне. Эти процессы при своем развитии грозили бы перехватом бассейном Нигера значительной части вод, поступающих сейчас в озеро Чад. В связи с этим предполагалось соорудить на реке Майо-Кебби (бассейн Нигера) плотину близ Мбурао, что воспрепятствовало бы перехвату и способствовало накоплению вод для получения электроэнергии и орошения (с целью выращивания хлопчатника) в бассейне реки Майо-Кебби.

Новейшие исследования, однако, показали, что опасность перехвата вод Логоне реками бассейна Бенуэ в результате регрессивной эрозии исключена, а изменения последнего времени благоприятствуют стоку в направлении озера Чад. Вполне возможно, что частично с этим связано и последнее значительное повышение его уровня.

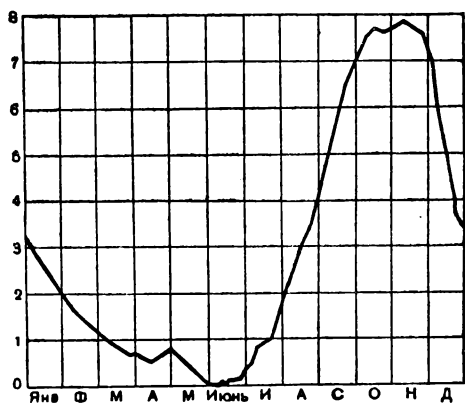
* * *

Бассейн озера Чад, расположенный в пределах одноименной республики, а также Камеруна, Нигера, Центрально-Африканской Республики и Нигерии, обладает значительными водными ресурсами. Но освоены они незначительно (лишь в отдельных районах воды бассейна используются для орошения).

²⁶ О. Бернар, *Северная и Западная Африка*, стр. 435.

²⁷ Там же, стр. 496.

В последние годы проводилось изучение путей возможного использования 12—20 тыс. га девственных земель²⁸. Это уже далеко не первые исследования. Еще в начале XX в. здесь выяснились возможности развития хлопководства. Но решение проблемы упирается в транспорт — в дороги, необходимые для вывоза сельскохозяйственной продукции (речь шла и идет о развитии хлопководства на экспорт). Между тем ни со стороны Нигерии, ни со стороны Камеруна, ни со стороны республик Нигер и Чад, которым принадлежат берега озера, железные дороги к нему не проходят. По большинству направлений расстояние до ближайшей железной дороги исчисляется тысячами километров. Нет железных дорог и близ рек бассейна Шари. В связи с таким положением сейчас трудно ожидать значительного расширения товарного орошаемого земледелия в этом районе Африки.

РЕЖИМ ШАРИ. ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЕЙ
В ФОРТ-ЛАМИ (по О. Бернару)

Реки Шари и Логоне в период высокой воды используются для судоходства. На оз. Чад осуществляется судоходство между устьями Шари и Комадугу-Йобе.

Воды бассейна Чад используются и для рыболовства. Здесь водится много разной рыбы, обладающей хорошими вкусовыми качествами. Особенно значительна добыча рыбы в самом озере, где рыболовство представляет ценный подсобный промысел для местных жителей. Однако говорить о «расцвете» здесь рыболовства, как это делают А. Лудин и Э. Тома²⁹, конечно, нельзя. Годовой улов рыбы в озере Чад, в реках Шари, Логоне и некоторых их притоках составляет около 70 тыс. т. Часть рыбы экспортируется в Нигерию.

* * *

В большинстве районов Западной Африки за последние годы возникли новые суверенные государства. Несомненно, что перед ними встанет проблема освоения водных ресурсов, которые смогут сыграть важную роль в развитии экономики.

В работе по освоению водных ресурсов народы стран Западной Африки могут рассчитывать на бескорыстную помощь дружественных стран. Примером может служить разносторонняя экономическая помощь Советского Союза Гвинейской Республике, Республике Гана, Республике Мали. Программы этой помощи предусматривают, в частности, содействие в проведении работ по улучшению судоходных условий на р. Нигер и в гидростроительстве на р. Черная Вольта.

²⁸ Н. Д. Гулати, *Орошение в разных странах мира*, М., 1957, стр. 135.

²⁹ А. Ludin, E. Thoma, *Die Wasserwirtschaft in Afrika...*, S. 413.

В. С. Стариков

ТЕХУА

(Малоизвестная отрасль китайского прикладного искусства)¹

В богатом и многообразном прикладном искусстве китайского народа особое место занимают художественные изделия из металла. Художественная обработка металла существует в Китае с давних времен, и виды изделий из металла известны у нас достаточно хорошо (литье, чеканные изделия и пр.). И наряду с этим, как ни странно, до сих пор еще есть одна отрасль художественной обработки металла, о которой нет почти никаких сведений в соответствующей литературе, если не считать, конечно, отдельных упоминаний и небольших заметок.

К таким изделиям и относятся «техуа». Это название можно переводить двояко, смотря по тому, к какой группе изделий этого рода оно относится.

Однако название — «железные картины» — является наиболее употребительным, так как относится ко всем этим изделиям в целом. Другое название, отличающееся только написанием второго иероглифа хуа», означает «железные цветы», и его следует применять только к определенной группе этих изделий, относящихся к растительному миру, т. е. цветам, ветвям деревьев и т. п.

«Железные картины» представляют очень популярный в Китае вид стенных украшений; тематика картин довольно разнообразна: растения, животные, птицы, насекомые, люди, различные пейзажи и др. Изображения силуэтные, почти всегда обрамляются рамкой — железной или деревянной — и обычно окрашиваются в черный цвет (целиком), значительно реже — в темно-коричневый.

В настоящее время традиционные силуэтные изображения дополняются новыми деталями, например, появился фон, иероглифический текст и подпись автора. Как и в других областях прикладного искусства, в «железных картинах» появилась новая тематика — современная.

Народные мастера создают из железа настолько совершенные произведения, что издали они кажутся картинами, выполненными в традиционном китайском стиле «гохуа».

«Железными картинами» украшают стены комнат, их вставляют в створки печных экранов-заслонов (типа трехстворчатой ширмы) или

¹ Доложено на заседании Восточной комиссии 15 октября 1959 г.

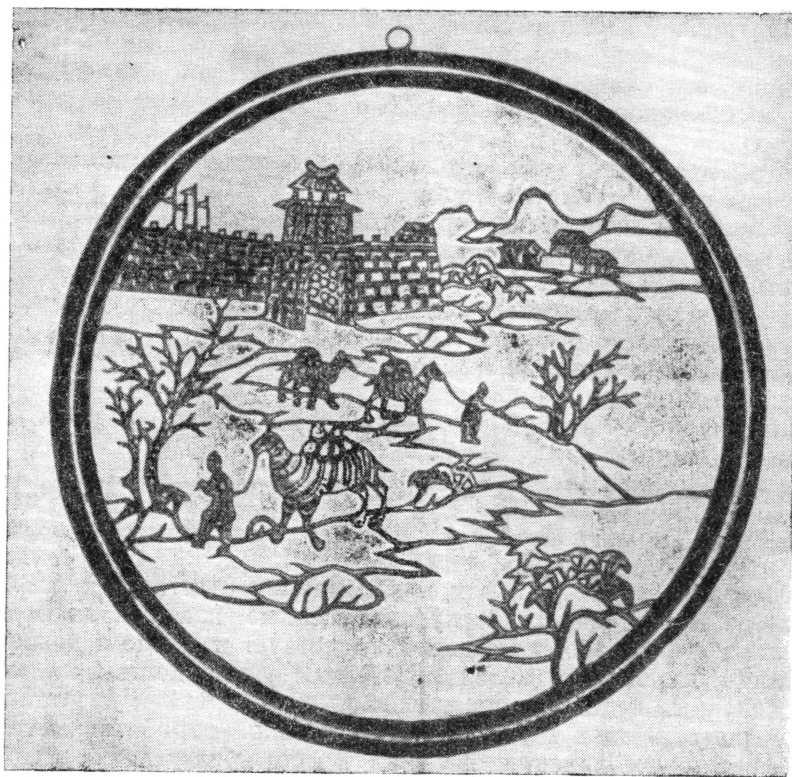

Рис. 1. КАРАВАН ВЫХОДИТ ИЗ ГОРОДА. ПРОСЕЧЕННАЯ ТОНКАЯ ЖЕСТЬ
(диаметр 28 см)

делают из них стенки ажурных комнатных фонарей. Силуэтные изображения, освещенные изнутри, приобретают необыкновенную четкость, что придает фонарям очень эффектный вид.

По внешнему виду эти картины можно разделить на две группы: первая — картины плоско-рельефные, силуэтные (эта группа очень близка к вырезкам из бумаги) (рис. 1); вторая — объемные.

Производство «железных картин» возникло в XVII в. в Центральном Китае, в городе Уху (провинция Аньхуэй). Основателем его был мастер Тан Тянь-чи, которому помогал художник Сяо. После смерти старого мастера его дети и внуки, воспринявшие его технику изготовления подобных картин, сами стали большими мастерами своего необычного дела и создали ряд замечательных произведений. В Китае известно несколько поколений мастеров этой фамилии.

Однако в старом Китае этот вид изобразительного искусства так и не получил должного развития, хотя «железные картины» пользовались большим спросом и внутри страны и в значительном количестве шли на экспорт в различные страны Азии, Европы и Америки. Но, несмотря на это, искусство «железной картины» все больше и больше приходило в упадок и ко времени освобождения страны от гоминьдановской клики почти совершенно исчезло.

В различных музеях народного Китая теперь собраны лучшие произведения старых и новых мастеров. Наилучшим собранием их, пожалуй, является Аньхуэйский провинциальный музей в городе Уху.

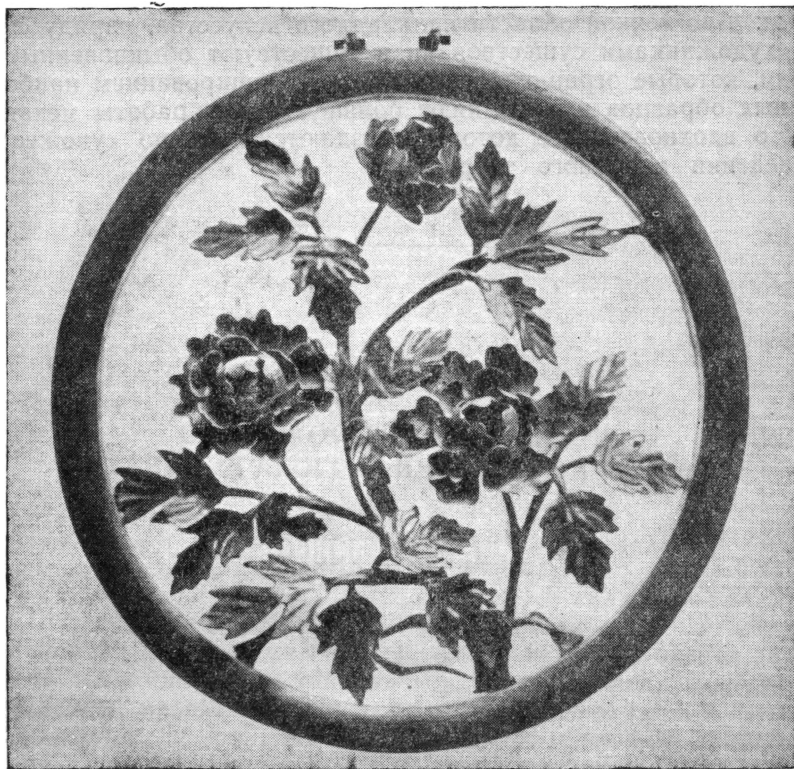

Рис. 2. МИНИАТЮРНАЯ КАРТИНА «ХРИЗАНТЕМЫ» (СИМВОЛ ОСЕНИ) ИЗ СЕРИИ
 «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА». КОВАНое ЖЕЛЕЗО
 (диаметр 20 см.)

Формы и размеры «железных картин» многообразны. Чаще встречаются квадратные, вытянутые четырехугольные или круглые картины среднего размера. Реже можно увидеть крупные панно, которые предназначены для размещения в простенках между двумя вертикальными свитками с изречениями. Довольно часто встречаются миниатюрные картины, рассчитанные на небольшие комнаты (рис. 2).

Технология производства «техуа» сравнительно несложна. Существует два основных способа изготовления «железных картин»: их или выковывают из раскаленных железных заготовок либо целиком, либо, чаще, в виде деталей, которые затем скрепляются в одно целое при помощи заклепок; или высекают из тонких железных пластинок соответствующих размеров и даже вырезают из толстой жести.

Рисунок переносят с заранее выполненной модели на заготовку различными способами. Обычно поверхность плоской модели закапчивают над пламенем светильника, а затем покрывают ее листом тонкой белой бумаги и аккуратно приклепывают специальной подушечкой-тампоном, чтобы весь рисунок перешел на бумагу. При другом способе лист тонкой полупрозрачной бумаги накладывают на оригинал, предназначенный для воспроизведения, и прорисовывают просвечивающее изображение тушью при помощи кисточки. Полученный рисунок приклеивают к подготовленной железной пластинке, и затем высекают изображение, пользуясь набором определенных инструментов.

Как и во всякой области прикладного искусства, наряду с настоящими художниками существовали и существуют обыкновенные ремесленники, которые ограничиваются простым копированием наиболее популярных образцов и выполняют большую часть работы механически, без того вдохновения, с которым создаются истинно художественные произведения народного творчества.

А. Г. Шпринцин

**О РУССКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ
КИТАЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹**

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Так называемые практические транскрипции и, в частности, способы написания иноязычных географических названий всегда являются в какой-то мере спорными: они вызывают нарекания, возражения и многочисленные проекты поправок, изменений, а подчас и весьма радикальных реформ. Об этом же свидетельствует и русская транскрипция китайских слов. Выработанная почти полтора столетия назад Иакинфом Бичуриным, эта транскрипция в дальнейшем была несколько переделана, но в общем сохранилась неизменной до наших дней и в своей нынешней «палладиевской» форме (разумеется, с уточнениями, внесенными реформой русского правописания в 1918 г.) как будто удовлетворяет требованиям, предъявляемым к ней как к транскрипции сугубо практической, т. е. не учебной и тем более не фонетически точной нотации. Все же эту транскрипцию не раз пытались реформировать и внести в нее изменения. Например, еще полвека назад такую попытку предприняла группа русских востоковедов. Известно, впрочем, что ни эта попытка, ни ряд последующих не имели успеха. В наши дни отношение китаеведов к традиционной русской транскрипции двоякое: китаеведы-лингвисты, сведущие в китайской фонетической системе, критикуют транскрипцию за ее неточность, зачастую предъявляя к ней требования, которым практическая транскрипция и не обязана удовлетворять; китаеведы иных специальностей и китаисты-практики, имея возможность пользоваться написаниями в китайско-русском словаре, мало ощущают транскрипционные трудности, и поэтому для них сама проблема представляется весьма элементарной, касающейся мелких деталей, едва ли вообще заслуживающей специального рассмотрения. Достаточно иметь под рукой указатель к китайско-русскому словарю или таблицы перехода от китайского алфавитного написания к русскому, и все трудности будут преодолены.

Естественно спросить, что же именно в русском написании китайских слов требует внимательного рассмотрения и продуманного упорядочения.

¹ В основу статьи положены доклады, прочитанные автором на заседаниях Дальневосточного кабинета ЛО ИВ АН СССР (1 июня 1959 г.) и Восточной комиссии Географического общества (8 января 1960 г.).

Из текущей практики транскрибирования следует, что речь может идти о двух различных, хотя и связанных между собой вещах:

а) об упорядочении графики, т. е. способов передачи русскими буквами китайских звуков, другими словами говоря о написании отдельного слога,—этой основной фонетической и морфологической единицы современного китайского языка;

б) об упорядочении орфографии, т. е. о принципах передачи в русском тексте китайских слов (в том числе, разумеется, и односложных). При выработке таких принципов необходимо учитывать, во-первых, написание слов как лексических единиц китайского языка и, во-вторых, написание этих слов как элементов связного русского текста.

Все это обусловлено рядом обстоятельств, изложение которых поможет уяснить и то, что конкретно подразумевается в пунктах а) и б).

1. Расширившиеся связи народов Советского Союза и Китая после образования Китайской Народной Республики способствовали широкому использованию китайских названий в русском письменном языке. При этом транскрибирование русскими буквами китайских слов и в первую очередь имен собственных сейчас широко принято не только в нашей стране, но и в самом Китае, где оно применяется в различных случаях, в частности в переводах на русский язык заголовков, аннотаций или же всего текста статей, публикуемых в китайских научных и технических изданиях. К сожалению, нередко наблюдается разноречивость в транскрибировании одних и тех же либо однотипных названий в китайских и советских изданиях.

2. Известно, что в феврале 1958 г. Всекитайское Собрание Народных Представителей утвердило китайский фонетический алфавит, который сейчас широко применяется, в частности для обозначения различного рода имен собственных (имена и фамилии, географические и административно-территориальные наименования, подразделения местной стратиграфической шкалы, названия книг, журналов, газет и т. д.).

Наличие такого алфавита имеет в числе всего прочего большое значение и для русского транскрибирования китайских слов. Дело в том, что до сих пор любая, в том числе и русская транскрипция для китайского языка, будучи в какой-то степени соотносима с китайской производимой системой, не была и не могла вместе с тем быть соотносима с соответствующей китайской графической системой; она не могла опираться на оригинальное алфавитное написание просто потому, что такового не имелось. Иначе говоря, применительно к китайскому языку не существовало системы транслитерации, и поэтому Л. В. Щерба имел основание задаваться вопросом, «как транслитерировать, например, китайские названия»². Наличие общегосударственного китайского фонетического алфавита в корне меняет такое положение, и сейчас практическая русская транскрипция в своей графике (орфография слога) может, а в своей орфографии (правописание слов) должна быть в известной мере транслитерацией, т. е. она должна учитывать и отражать оригинальное алфавитное китайское написание слов. Это обстоятельство следует учитывать и в практических пособиях по транскрипции, например в инструкции по передаче китайских географических названий, первый параграф которой можно было бы теперь по общему правилу сформулировать так:

Китайские географические названия (имена собственные) передаются в их общекитайском (путун-

² Л. В. Щерба, *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, т. I, Изд. ЛГУ, 1958, стр. 156.

хуа) произношении и в соответствии с их написанием в китайском фонетическом алфавите.

3. Особенно важно то, что сейчас изменился и усложнился языковой контекст, включающий китайские слова, подлежащие транскрибированию. Если раньше это в основном были словарь, учебник, карта, то сейчас китайские слова чаще встречаются в связном русском тексте. Усложнившаяся практика требует упорядочения русского написания китайских слов не только в фонетико-графическом отношении (правильная передача русскими буквами изолированных китайских слогов), но и в лексико-грамматическом, т. е. как иноязычных, но органических элементов связного русского текста, как слов, функционирующих в соответствии с нормами русской грамматики.

Все сказанное выше о современной русской практической транскрипции китайских слов можно свести к следующему:

Практической, или как иногда говорят, популярной, широкой транскрипцией является существующая и повсеместно применяемая в нашей печати традиционная русская транскрипция, которая, однако, нуждается в незначительном уточнении графики (устранение разнобоя и колебаний в передаче отдельных звуков) и в более или менее значительном упорядочении орфографии, т. е. в выработке правил написания в русском тексте китайских слов.

Назрела необходимость в том, чтобы Главное управление геодезии и картографии подготовило и издало соответствующую инструкцию по передаче китайских географических названий.

Поскольку упорядочение необходимо главным образом в области орфографии, а не графики, дальнейшее изложение посвящено преимущественно вопросам правописания китайских слов, правила которого еще вообще не систематизированы. Этому предшествуют краткий очерк истории вопроса и характеристика существующих колебаний в транскрибировании отдельных китайских звуков.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Среди многочисленных специальных работ по вопросу о русской транскрипции для китайского языка³ выделяется напечатанная в 1907 г. статья «К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов»⁴. Составленная по поручению Академии наук крупными специалистами-востоковедами, эта статья, равно как и другая, предшествовавшая ей⁵, не потеряла своего значения и сейчас, спустя более чем полстолетия после опубликования. В статье не только дано исчерпывающее изложе-

³ Почти все они указаны в справочнике П. Е. Скачкова (см. П. Е. Скачков, *Библиография Китая*, М., 1960).

⁴ См. К. Вебер, А. Иванов, В. Котвич, А. Руднев, *К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов*, — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XVIII, 1907, вып. 1, стр. 074—082, 083—095.

⁵ О. Э. Бракман, К. И. Вебер, А. И. Иванов, В. Л. Котвич, *К вопросу о транскрипции китайских звуков русскими буквами*, — «Известия Русского географического общества», Картографическая комиссия, 1905 г. Приложение к протоколу № 4 подкомиссии по транскрипции (на правах рукописи).

Эта обстоятельная статья предшествовала упомянутой выше и более широко известной работе (см. сн. 4); авторы которой, кстати сказать, ссылаются на материалы подкомиссии при Географическом обществе. Возможно, из-за того, что эта статья была напечатана на правах рукописи в узковедомственном издании, она не попала в поле зрения китаеведов и не упомянута даже в библиографии П. Е. Скачкова (так же, как и напечатанный в приложении к протоколу № 5 отзыв К. И. Вебера на работу Висьера по французской транскрипции китайских звуков). Излагаемая в ней система русской

ние истории вопроса, но, что особо важно, впервые были предложены и всесторонне обоснованы те поправки к существующей русской транскрипции, которые в последующем предлагались всякий раз, когда речь заходила о недостатках этой транскрипции и о необходимости ее реформы. Другие специальные работы появились лишь четверть века спустя⁶, хотя за эти годы китайеведы неоднократно касались вопросов транскрипции в своих работах на другие темы⁷.

Что касается справочников по русской транскрипции, то они впервые были изданы лишь после Октябрьской революции и примерно в одно и то же время (1928 и 1929 гг.). Первое из таких пособий (авторы Е. Д. Поливанов и Н. Попов-Татива⁸) подверглось резкой и в основном справедливой критике в рецензии Г. К. Кара-Мурзы⁹. Не устарело, по нашему мнению, данное Кара-Мурзой определение проблем транскрипции, которые и сейчас являются центральными в правописании китайских слов. «Практический интерес вопроса заключается не в том,— писал Г. К. Кара-Мурза,— как транскрибировать китайские звуки, а в том, как транскрибировать китайские слова, как писать имена собственные, фамилии, города, провинции, названия газет, журналов, учреждений, как склонять китайские слова, как образовывать имена прилагательные, нарицательные и пр.»¹⁰. Позднее эти принципиальные соображения Г. К. Кара-Мурзы были систематизированы в составленном им справочнике, опубликованном в 1929 г.¹¹.

транскрипции не отличается от системы, опубликованной двумя годами позднее в журнале «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», но в самом тексте первой статьи имеется много существенных деталей, опущенных в публикации 1907 г. Несомненно, что обе статьи следует рассматривать как одно целое.

В 1904 г. при Географическом обществе была создана специальная подкомиссия по выработке транскрипции иноязычных географических названий. В задачу этой комиссии входила выработка двух типов транскрипции: простой и более сложной. В работе подкомиссии принимали участие виднейшие языковеды (А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртене), востоковеды (В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург) и географы (П. П. Семенов Тян-Шанский, Ю. М. Шокальский), а в изданных материалах и даже кратких протокольных записях рассеяно множество ценных замечаний специалистов по вопросам, не решенным и по сей день, например доводы за и против написания *дж* и *дз* вместо *чж* и *цз*, *нг* вместо *н*.

⁶ В. М. Алексеев, *Вопросы, связанные с русской транскрипцией на современной географической карте Китая*, — «Известия Русского географического общества», т. XV, 1933, вып. 6 и два справочника по транскрипции (см. сн. 8).

⁷ См., например: В. М. Алексеев *Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906—1909)*, — «Известия АН», 1910, стр. 935—942; П. П. Шмидт. *Опыт мандаринской грамматики*, Владивосток, 1914—1915, стр. 18—33; Е. Н. и А. А. Драгуновы, *К латинизации диалектов Центрального Китая, Диалекты Сянтянь и Сяняня (Хунань)*, — «Известия АН СССР», отделение общественных наук, 1932, стр. 239—269; В. С. Колоколов, *Краткий китайско-русский словарь*, М., 1935 стр. 680—681 и вкладная таблица словообразующих слогов.

⁸ Е. Поливанов и Н. Попов-Татива, *Пособие по китайской транскрипции*, М., 1928, стр. 91.

⁹ «Проблемы Китая», № 11, М., 1929, стр. 463—466. Рецензент был прав, указывая, что практическая часть пособия «не только не разрешает проблему китайской транскрипции, но, наоборот, вносит путаницу в методы транскрипции, которые уже выработались в процессе практической работы». Однако Г. К. Кара-Мурза явно ошибался, недооценивая значение работы Е. Д. Поливанова «Краткая фонетическая характеристика китайского языка», опубликованной в виде приложения к пособию. Сейчас, спустя тридцать лет, ясно, что наиболее ценным в этом пособии, вышедшем довольно большим тиражом, была именно эта статья (первое литографированное издание статьи в 1926 г. имело очень ограниченный тираж), которая вскоре была воспроизведена в книге Е. Д. Поливанова «Грамматика китайского языка» (1930). Указанная статья занимает видное место среди исследований русских ученых по фонетике китайского языка.

¹⁰ Там же, стр. 464.

¹¹ Г. К. Кара-Мурза, *Краткое руководство по правописанию китайских слов*, М., 1929, стр. 48.

Изданные более 30 лет назад, оба упомянутых справочника давно уже стали библиографической редкостью. Новые пособия подобного рода больше не издавались, между тем как потребность в них становилась, особенно в последнее десятилетие, все более настоятельной. В таком пособии нуждается большое число научных, инженерно-технических, редакционно-издательских работников, не владеющих китайским языком.

Наше Китаеведение не откликнулось в достаточной мере на практические запросы в этой области, и лишь в самое последнее время вопросы транскрипции снова привлекли к себе внимание: напечатаны некоторые справочные пособия¹², а в специальной печати появились статьи на эту тему¹³.

В научной некитаеведной литературе первая попытка нормализовать русское написание китайских имен собственных (геолого-географических названий) была сделана в 1952 г. при издании в переводе с английского языка книги китайского геолога Ли Сы-гуана «Геология Китая»¹⁴. Это намерение подчеркнуто редактором русского издания книги, которое, будучи снабжено тремя специальными указателями¹⁵, могло бы стать нормативным для написания китайских названий в последующих работах по географии и геологии Китая. К сожалению, в переводе книги Ли Сы-гуана много транскрипционных ошибок и искажений, расхождений в написании одних и тех же названий в тексте, указателях и т. п.¹⁶.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ГРАФИКИ

Своеобразие русской, как и любой другой, практической транскрипции китайских слов состоит в том, что ее графика включает не только совокупность общепринятых условных обозначений русскими буквами (например, *и, у, ы, ю, ш, цз, нь* и т. д.— всего 28) китайских звуков, но, кроме того, еще и серию стандартных русских слогонаписаний (например, *чжао, цянь, сунь, ли, у, ван* и т. д.), число которых строго ограничено (не более 408). Как известно, это вызвано тем, что столь же ограничено и число реально существующих в китайском языке (путунхуа) типов самих слогов.

Поэтому любое пособие по русской транскрипции китайских слов

¹² М. Г. Прядохин, *Таблицы записи слогов путунхуа*, — «Советское Китаеведение», 1958, № 3, 135—140; М. Г. Прядохин, *Пособие по изучению нового китайского фонетического алфавита*, М., 1960; И. Н. Гальцев, *Введение в изучение китайского языка*, М., 1962, стр. 292—317.

¹³ Г. П. Сердюченко, *О русской транскрипции китайской речи*, — «Советское Китаеведение», 1958, № 3, стр. 155—166. Во второй части этой статьи (стр. 161—164), где рассматриваются вопросы практической транскрипции и правописания имен собственных, автор высказывает ряд правильных соображений, неоднократно выдвигавшихся в прошлом, в частности в упоминавшихся работах Г. К. Кара-Мурзы. Предложения Г. П. Сердюченко по отдельным конкретным вопросам транскрибирования китайских слов рассматриваются в дальнейшем изложении.

¹⁴ Ли Сы-гуан, *Геология Китая*, М., 1952, стр. 506.

¹⁵ К русскому переводу приложены следующие указатели: а) русский перевод английской транскрипции китайских географических названий и наименований свит (стр. 487—496); б) указатель географических названий (стр. 497—505); в) указатель названий свит (стр. 506—509).

Очень много транскрипционных ошибок содержится и в переводе книги «Региональная стратиграфия Китая», М., 1960.

¹⁶ См. также рецензию Кун Лян-чжи (журнал «Acta Geologica Sinica», 1957, № 3) на перевод работы А. С. Хоментовского «Основные черты строения восточной части Китая».

обязательно содержит перечень транскрипционных слогонаписаний, а транскрипционными ошибками будут считаться всякие отклонения от установленного написания, требуемого для слога данного типа.

Имеют место ошибки двух родов: а) появляются написания, принципиально невозможные и фактически отсутствующие в общепринятой системе транскрипционных слогонаписаний (например, *шюнь*, *вы*, *вен*, *киао*); б) встречаются ошибки, не нарушающие модель слога, т. е. появляются написания, существующие в данной системе, но в конкретном случае непригодные, например *цзан* вместо *цзян*, *куан* вместо *гуань* и т. п.

Подобными ошибками грешат и советские и китайские издания, но частота появления тех или иных ошибок, причины ошибок, их конкретная форма различны в том и другом случае.

Анализ ошибочных написаний, а также оценка плюсов и минусов системы графики не входят в задачу настоящей статьи. Поэтому ниже этот вопрос рассматривается в самом общем виде.

ОБОЗНАЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Из всех принятых в традиционной транскрипции обозначений согласных издавна встречаются возражения только следующие:

а) *цз* и *чж* (отсутствующие в написании коренных русских слов) для аффрикат и

б) *н* и *нь* для назализованных окончаний слогов — согласных *ng* и *n*.

В пользу написаний *чж* и *цз* выдвигается тот довод, что обозначаемые ими звуки (аффрикаты) являются непридыхательными парами для аффрикат же, обозначаемых буквами *ч* и *ц*. Возражения против написаний *чж* и *цз* имеют чисто практический характер и сводятся к тому, что эти буквосочетания противоречат общепринятым *дж* и *дз* в русской орфографии и транскрипции. В наши дни это соображение заслуживает тем большего внимания, что в русском письменном языке значительно расширилась сфера применения буквосочетаний *дж* и отчасти *дз*¹⁷. Введение единого обозначения (*дж*, *дз*) позволило бы унифицировать написания на картах Китая и в указателях к ним.

Ошибки в транскрибировании *чж* и *цз* встречаются редко.

Трудности, связанные с обозначением конечных согласных *ng* и *n* через *н* и *нь*, вытекают из их позиции, положения в конце слога. Во-первых, положение в конце слога затрудняет для русских дифференциацию на слух звуков *ng* и *n* и служит источником многочисленных ошибок в транскрибировании. Во-вторых, в самом Китае звуки *ng* и *n* не дифференцируются в ряде диалектов. Это вызывает серьезные трудности в преподавании путунхуа, где различие *ng* и *n* строго выдержано, и этим же объясняется столь частая в китайских изданиях ошибка —

¹⁷ Прежде всего русский язык пополнился иноязычными заимствованиями, в том числе географическими названиями, в транскрипции которых принято написание *дж*. Достаточно сравнить русские толковые и орфографические словари, изданные до и после Октябрьской революции, а также указатели к географическим атласам разных лет издания. Далее, *дж* и *дз* приняты в украинской и белорусской орфографии (*дзвін*, *бджола*) и в транскрипции китайских слов на этих языках. Наконец, *дж* официально принято для транскрипции географических названий ряда национальных языков СССР, например киргизского (*Джамбул*), туркменского (*Теджен*), армянского (*Джермук*) и т. д. На картах и в указателях к ним представлены и те и другие написания (*дж-чж*, *дз-цз*), причем, как показывает подсчет по указателю к Атласу мира, число географических наименований, пишущихся с *дж*, значительно, примерно в четыре раза, превышает число наименований, начинающихся с *чж* (все китайские).

написание русского *н* вместо требуемого *нь*, составляющая примерно 35% общего числа транскрипционных ошибок.

Более существенно, однако, то, что в положении конечных согласных *н* и *нь* служат показателем уже и морфологических различий, так как по общему правилу слова, оканчивающиеся на *-н*, попадают в разряд существительных I склонения (*Чжэцзян*, *Чунцин*), а слова, оканчивающиеся на *-нь*, попадают в разряд III (*Фуцзянь*), но иногда и I склонения (*Тяньцзинь*). Как будет показано ниже, это приводит к разнобою при употреблении соответствующих имен собственных в устной и письменной речи, например когда нужно избрать определенную форму косвенного падежа имени (*в Аньшане* или *в Аньшани*) или форму грамматического рода определений при именах (новый *Ухань* или новая *Ухань*).

ОБОЗНАЧЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Просмотр литературы показывает, что в транскрибировании гласных подавляющее число ошибок в советских изданиях относится к написанию буквы *е* там, где требуется *э* (*хепин* вместо *хэпин*, *Чжецзян* вместо *Чжэцзян*, *Пей Вень-чжун* вместо *Пэй Вэнь-чжун* и т. п.), и к разнобою в выборе буквы *ы* или *э* (*пэн* и *пын*, *мэнь* и *мынь* и др.). Характерно, что среди китаистов колебания в отношении выбора *е—э—ы* существуют весьма давно, можно сказать, что со времени возникновения самой транскрипции¹⁸.

Э—Е. Столь частое и устойчивое в широкой литературе написание буквы *е* вместо полагающейся *э* объясняется тем, что в русском языке возможность произнесения твердых согласных звуков перед гласным звуком *э* довольно ограничена в отличие от китайского языка, для которого характерно обратное. При этом возможность написания буквы *э* после согласных еще больше ограничена, так как в системе русской графики после непарных по твердости и мягкости согласных *ж, ш, ц, ч* — а слоги, начинающиеся с этих согласных и с *чж*, исключительно широко представлены в китайском языке — написание *э* вообще невозможно. Известно далее, что и в большинстве заимствованных слов с твердым согласным перед звуком *э* пишется не буква *э*, а буква *е* (пенсне, темп, и т. п.)¹⁹.

¹⁸ В исторической последовательности это излагается в упоминавшейся выше статье «К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов» (см. сн. 4):

а) 1838 г., «о. Иакинф... *е* большей частью заменил через *э* (*е* оставлено после шипящих)... Здесь мы имеем колебания между *е, э, ы* и *и, особенно в звуковых комплексах, заканчивающихся на *н* и *нг**» (стр. 076).

б) 1867 г. У В. П. Васильева «сохранились почти те же колебания между *е, э* и *ы*, какие допущены и у о. Иакинфа» (стр. 077).

в) 1889—1891 гг. В китайско-русском словаре Палладия и в словарях Пешурова «мы видим уже довольно последовательно проведенное предпочтение букве *э* перед буквами *ы* и *е*, которыми пользовались Васильев и даже о. Палладий в изданных им самим трудах» (стр. 077).

¹⁹ Правилам произношения согласных перед буквой *е* в заимствованных словах посвящено несколько специальных параграфов в справочнике «Русское литературное произношение и ударение», М., 1958 (раздел «Сведения о произношении и ударении», §§ 28, 35, 43, 50а и особенно 69). См. также: «Правила русской орфографии и пунктуации», Учпедгиз 1956 (§§ 8, 9 и сл.); А. Б. Шапиро, *Русское правописание*, М., 1961 (§§ 15, 30, 38); Р. Аванесов, *Фонетика современного русского литературного языка*, М., 1956 (§ 6 и стр. 99—100).

Из географических названий ср. произношение слов *Туапсе, Тетюхе, Курган-Тюбе, Ахалцихе*. Такое произношение очень широко распространено и охватывает значительно большее количество заимствованных слов, чем это кажется на первый взгляд.

Э—Ы. В отличие от рассмотренного выше случая разноречия в написании (э—ы) выражает не противопоставление правильного транскрипционного обозначения ошибочному, а колебание между двумя в одинаковой степени допустимыми обозначениями.

Здесь необходимо иметь в виду следующее.

Разноречие касается очень ограниченного числа слогов, а именно той группы, где начальный согласный представлен одним из губных *f, m, p, a* в состав окончаний слога входят назализованные дифтонги *en* и *eng* в китайском алфавитном написании.

Сама возможность выбора между *э* и *ы* обусловлена не особенностями русского произношения или правописания (как в предыдущем случае), а свойствами китайского произношения — тем именно, что в подобных слогах гласный элемент имеет «*ы*-образный» оттенок. Этим, видимо, и объясняется, что колебания в написании *э—ы* существуют очень давно и встречаются не только в общих изданиях, но и в специальной китайской литературе (словари, учебники, исследования и т. п.).

Поскольку ни то ни другое написание не приводит к искаженному произношению и путанице китайских слов, то, казалось бы, можно оставить в транскрипции оба написания или же выбрать в целях единообразия любое из них.

Естественно, однако, предпочесть единообразие разноречия. Можно указать на ряд попыток, делавшихся в этом направлении. Так, авторы упомянутой выше статьи (см. сн. 4) о реформе транскрипции предлагали ограничить употребление *ы* в окончаниях *ын, ынъ* только слогами, начинающимися с губных согласных, а во всех прочих случаях писать *э*. В. С. Колоколов, наоборот, вообще отказался в своей транскрипции от буквы *э* при написании таких слогов.

Нам думается, что имеются веские основания в качестве единственного обозначения гласного элемента в транскрипции обоих окончаний выбрать именно букву *э* (а не *ы*) и писать везде *энь* и *эн*. При таком написании:

а) унифицируется транскрипция этих окончаний независимо от начального согласного. Ср. *пэн, пэнь; фэн, фэнь* и т. п. (начальный со-

В этом можно убедиться, выбрав из текста словаря-справочника «Русское литературное произношение» слова, против которых стоит помета «не *э*», например: *метеорология* (не *тэ*), *механотерапия* (не *тэ*), *регресс* (не *рэ*), *резерв* (не *зэ*), *кельнер* (не *нэ*) и т. д.

Эту тенденцию произносить перед *е* твердый согласный в заимствованных словах выдвигали еще 50 лет назад как довод в пользу сохранения в транскрипции китайских и корейских названий буквы *ѣ*. Так, в упоминавшихся выше протоколах подкомиссии по транскрипции при Географическом обществе (протокол № 2, 2.III.1905) записано: «Э. А. Вольтер, К. Г. Залеман и П. М. Мелиоранский высказались каждый по своей специальности за безусловное изгнание буквы *ѣ* из иностранных наименований; впрочем, П. М. Мелиоранский указал, что синологи издавна приняли в некоторых случаях за правило писать *ѣ* и поэтому, может быть, окажется трудным идти против установившихся традиций. На это О. Э. Бракман указал, что *ѣ* после согласных очень удачно передает палатализацию этих последних. К. Г. Залеман и П. М. Мелиоранский указали, что написания по-русски *ме* и *мѣ* в произношении совершенно одинаковы. На это О. Э. Бракман и А. Д. Руднев ответили, что русские читатели всегда, увидев *е* после согласного в иностранном слове, будут пытаться произнести это сочетание как-нибудь особенно, например *Телин* произносят *Тэлин*, тогда как правильно *Телин*; за сохранение *ѣ* в транскрипции китайских и корейских названий высказался также К. И. Вебер».

Эта точка зрения не нашла поддержки в подкомиссии, и на заседании 24 марта 1905 г. было окончательно принято решение «об безусловном изгнании на карте и в указателе буквы *ѣ* из русской транскрипции всех иностранных наименований (в том числе и китайских). Для звука *ѣ* приняты буквы *э* и *е*, последняя указывает на палатализацию предыдущего согласного» (протокол № 3).

гласный — губной) и *гэн, гэнь; шэн, шэнь; дэн, нэн* и т. п. (начальный согласный — не губной);

б) в этом случае русская транскрипция оказывается соотносительной с системой китайского фонетического письма, согласно которой во всех подобных слогах пишется *е*. Это облегчает точную транслитерацию соответствующих слогов:

<i>deng</i>	<i>peng</i>	<i>geng</i>	<i>peng</i>	<i>sheng</i>
дэн,	пэн,	гэн,	пэн,	шэн

 и т. п.

Предлагаемое транскрипционное написание можно было бы сформулировать в виде следующего правила:

В слогах, начинающихся с любого согласного, в том числе и губных *м, п, ф*, и оканчивающихся на *-н, -нь, -р*, пишется *э, а* не *ы*.

ЮЕ—ЮЭ. Как и в предыдущем случае, разноречие в написании свидетельствует не об отклонениях от транскрипционной нормы, а о минусах, неустойчивости самой нормы.

Транскрибирование этого слога (и еще пяти аналогичных ему, но с начальными согласными — *люе, пие, жие, чие, хие*) всегда было колеблющимся. В прошлом оно варьировалось в пределах *юе — юэ — ю — ё*, а в настоящее время различие свелось к разнописи, вызываемой употреблением то буквы *э*, то буквы *е*. Выбор одной из этих букв подсказывается текущей транскрипционной практикой, свидетельствующей, что в большинстве советских и китайских изданий предпочитают писать *юэ, сюэ, цзюэ, цюэ*, и т. д., тогда как формы *юе, сюе, цзюе, цюе* встречаются в очень ограниченном числе случаев, хотя и имеют за собой нормализующую поддержку в транскрипции китайско-русского словаря под редакцией И. М. Ошанина.

Следует подчеркнуть, что написание *юе, люе, сюе* и т. п. неизбежно в склоняемых формах (предложный падеж) слогов *юй* (например, о Бао Юе), *люй, нюй, сюй, цюй* и *цзюй*. Во избежание смешения самостоятельных слогов *юе, люе, цюе* и т. п. и косвенных форм слогов *юй, люй, цюй* (юе, люе, цюе) и т. п. первые следует писать через *э*, т. е. *юэ, люэ, нюэ, сюэ, цюэ, цзюэ*, тем более что это будет точной транслитерацией китайского алфавитного написания по правилу: китайское *е* = русскому *э*, а китайское *ие* = русскому *е*. Следовательно, написание *юэ* удовлетворяет этому правилу, а написание *юе* нарушает его.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПРОБЛЕМЫ

Вопросы, рассматривавшиеся в предыдущем разделе, неизменно стояли в центре внимания всех, кто занимался проблемой транскрипции китайских слов. Этот узкий интерес к фонетико-графической стороне проблемы, конечно, не был случайным и объясняется тем, что вплоть до недавнего времени традиционную русскую транскрипцию рассматривали и применяли преимущественно как систему передачи русскими буквами звучания отдельных китайских слов или слого-иероглифов в таких условиях, где они либо были представлены совсем изолированно (в картах, словарях, указателях), либо находились в общем транскрипционном контексте (примеры в учебниках, лингвистические исследования). Лишь в последние десятилетия в связи опять-таки с практическими потребностями возникла необходимость упорядочить практику транскрибирования китайских слов не в изолированной позиции, а в связном русском тексте, т. е. в тех условиях, где китайские слова, органически вплетаясь в русскую языковую ткань, приобретают

и соответствующие морфологические особенности русских слов. Ряд возникших в связи с этим вопросов можно было бы назвать лексико-грамматическим аспектом проблемы транскрипции.

Рассматриваемые ниже случаи в грамматическом отношении подчиняются общим закономерностям употребления иноязычных имен собственных в русском языке, и поскольку речь идет об именах, то они должны обладать свойственными именам грамматическими категориями рода и склонения.

Известно, что в русском языке грамматический род имен существительных выражается как синтаксически — формой другого сочетающегося и согласующегося с ним слова, так и морфологически — характером основы и окончаниями в том или другом типе склонения²⁰.

Таким образом, применяя китайские слова в русском тексте, требуется решить: во-первых, как склонять сами транскрибируемые иноязычные слова, а во-вторых, какую форму грамматического рода избрать для согласуемых с этими иноязычными русскими слов: прилагательных, выступающих в качестве определений к ним; глаголов и прилагательных, выступающих в качестве сказуемых к имени собственному — подлежащему; приложений в функции именного сказуемого; наконец, местоимений, заменяющих китайские названия там, где это необходимо.

Во всех этих случаях в практике транскрибирования китайских слов имеет место большой разноречивый.

Приведем для иллюстрации ряд примеров, из которых будет вместе с тем видно, что поставленный вопрос не надуман, а выдвинут самой практикой употребления китайских имен собственных в русском тексте. Какой вариант в приводимых ниже примерах следует считать правильным:

подъезжая к Тяньцзиню (Тяньцзини);
на окраине Сианя (Сиани);
между Хунанем и Цзянси (Хунанью и Цзянси);
Демонстрации состоялись в Тяньцзини, Аньшани, Сиани, Ухани, Чанчунь (Тяньцзине, Аньшане, Сиане, Ухане, Чанчуне);
на трибуне Тяньаньмыни (Тяньаньмыня);
в Северной Сычуани (Северном Сычуане);
богатый ископаемыми Юньнань (богатая ископаемыми Юньнань);
Фушунь расположен (расположена) недалеко от Аньшаня (Аньшани), через него (нее) проходит железная дорога;
Чанша виднелась (виднелся) на противоположном берегу;
красив праздничный Шаши (красива праздничная Шаши).

Число подобных примеров можно было бы приумножить. Любому, обращавшему внимание на транскрипцию китайских слов в литературе, издаваемой в Советском Союзе и в КНР, бросаются в глаза расхождения такого рода. Рассмотрим их более детально.

Известно, что «принадлежность к тому или иному грамматическому роду определяется в русском языке почти полностью морфологически»²¹; иначе говоря, классификация по роду и склонению зависит от оформления слова, его окончания, в том числе и нулевого. А так как китайские слова в русском транскрипционном написании и тем более в связном русском контексте (письменном и устном), приобретают морфологические особенности русских слов, транскрибируемые китайские слова можно подразделить на четыре группы:

²⁰ См. «Грамматика русского языка», т. I, Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 108, 109.

²¹ Там же, т. I, стр. 21—22.

1) абсолютно несклоняемые: слова, оканчивающиеся на *-е, -э, -о, -у, -ы* и соответствующие двугласные *-ао, -оу, -уа*;

2) предположительно склоняемые: слова, оканчивающиеся на *-а*, возможно, *-и*;

3) склоняемые только по одному склонению: слова, оканчивающиеся на *-н, -й, -р*;

4) допускающие возможность изменения по двум склонениям: слова, оканчивающиеся на *-нь*.

Нас в данном случае интересуют слова последних двух групп.

Слоги третьей группы соответствуют именам существительным с основой на твердые согласные (с нулевым окончанием в именительном падеже) и с основой на «йот». Тем самым они входят в разряд имен существительных мужского рода и бесспорно склоняются по нормам I склонения: *Большой Шанхай, Северный Гуандун, Северо-Западный Чахар; Население Цинхая, В предгорьях Циньлина, К югу от Хайлара.*

Слоги четвертой группы, как и следовало ожидать, дают сейчас наибольшее число расхождений морфологического и синтаксического порядка. Дело в том, что слова с подобным слоговым окончанием (в русской транскрипции *-ань, -инь, -унь, -энь*) попадают в класс имен существительных с основой на мягкий согласный, а такие слова в русском языке относятся либо (и это чаще всего) к женскому роду (*лань, лень, сень, тень*) и склоняются по III склонению, либо же к мужскому роду (*день, линь, лунь, ясень, плетень*) и склоняются по I склонению.

Распределение отдельных китайских слов (имен собственных) по этим двум разрядам никогда не регламентировалось, складываясь на практике совершенно стихийно, от случая к случаю. При всем том оно отнюдь не хаотично, а, очевидно, подчиняется норме русского языка, в соответствии с которой при распределении по родовым классам иноязычных или заимствованных слов, отличающихся от исконно русских слов своей фонетической структурой—своими конечными гласными в форме именительного падежа единственного числа,—большую роль играют значение слова, принадлежность его к той или иной семантической группе (обозначение города, реки и т. п.)²².

В данном случае (в именах собственных) определяющими являлись так называемые номенклатурные термины (город, село, гора, хребет, река, остров и т. п.). Именно поэтому названия городов (*Тяньцзинь, Гуйлинь, Аньшань, Айхунь, Линьфэнь*), уездов (*Сянтань, Есянь* и прочие «сяни»), островов (*Тайвань, Хайнань*), как правило, считались именами существительными мужского рода. Именно поэтому город Ухань был до самого последнего времени «он», а река Хань (*Ханьцзян*) — «она». В равной мере Юймэнь (город-нефтепромысел) — «он», а *Тяньаньмэнь* (площадь) — «она». И, если слова *Ямынь* (в переводах произведений старой китайской литературы) и *Цзунли ямынь* (в переводах исторических документов) являются существительными мужского рода, то это, видимо, потому, что их ассоциируют с русским словом «приказ» (государев, волостной).

Что касается названий гор (*Наньшань, Алашань, Циляншань* и т. п.), то их до самого недавнего прошлого все относили к мужскому роду, очевидно, по аналогии с уже обрусевшим названием «Тянь-Шань», обязанным своей родовой классификацией подразумеваемому слову «хребет».

Широкое использование китайских слов в связном русском тексте и, следовательно, употребление их в формах косвенных падежей имело

²² Там же, т. 1, стр. 22, § 33.

своим следствием, в частности, и то, что выявилось не привлекавшее к себе до этого внимания различие в склонении китайских имен собственных, оканчивающихся в русском транскрипционном написании на *нь*. Естественно было при этом задуматься над тем, нужно ли унифицировать склонение подобных слов и какую из двух форм (женский род, III склонение и мужской род, I склонение) следует принять за единую и стандартную.

Так, в 1959 г. в журнале «Дружба» транскрибируемые китайские слова, оканчивающиеся на *нь*, систематически стали писать в формах косвенных падежей III склонения, т. е. как имена существительные женского рода. Примеры: *Дорогами Цзинганьшани* (№ 21); *Зимы на Дабашани морозные* (№ 29); *От города Жуйцзини* (№ 26); *Вся Аньшань залита розовым светом зари* (№ 43) и т. п.

Выбор формы женского рода в качестве стандартной, единой определялся, надо полагать, тем, что в русском языке к женскому роду (III склонение) принадлежит значительное число географических названий, оканчивающихся на *-нь*, например, названия городов (Рязань, Казань, Астрахань, Любань), рек (Кубань, Аргунь, Тюмень). Характерно, что название столицы Армении, относимое прежде (Эривань) к женскому роду, перешло после ее переименования (Ереван) в ряд существительных мужского рода.

Надо сказать, что это основанное на чисто формальных соображениях нововведение не только не способствовало унификации, но, наоборот, привело к еще большему разнообразию в написании китайских слов.

Действительно, если прежде разноречиво можно было усмотреть в том, что по-разному склонялись однотипные слова, то сейчас одни и те же названия пишутся в одних изданиях так, а в других иначе.

Более того, довольно часто даже в пределах одного издания отсутствует единообразие в транскрибировании одних и тех же или однотипных названий.

Примеры подобных расхождений можно найти в ряде китайских научных журналов, публикующих на русском языке перечень и краткое содержание статей, помещаемых в данном номере.

Что касается советских изданий, то здесь географические названия, оканчивающиеся на *-нь*, рассматривают большей частью как имена существительные мужского рода или же их относят к тому или иному грамматическому роду в зависимости от рода существующего или подразумеваемого номенклатурного термина. Так, в периодической печати (например, газеты «Правда» или «Известия») следуют традиционному написанию названий городов (в *Фусине, Аньшане, Цзилине*), хотя для городов *Ухань* и *Яньань*, очевидно, закрепится форма женского рода. Бесспорно, имея в виду слова «металлургический комбинат», Н. Тихонов писал «*От домен богатырского Аньшаня до глубины Синьцзянских добрых руд*» («Знамя», 1959, № 10).

Вообще говоря, если следовать этим формальным принципам, то пришлось бы писать *три юани*, *три фэни*, *три цзини*, а не *три юаня*, *три фэня*, *три цзиня*. И уж если исходить из сравнения с русскими названиями, то, продолжая аналогию *Ухань, Сиань, Цзинань, Аньшань* — *Астрахань, Любань, Рязань*, надо было бы писать *уханский, сианский, цзинанский, аньшанский*, что, впрочем, в некоторых работах и принято²³.

Хотя значительное число китайских географических названий,

²³ См. В. М. Синицын, *Центральная Азия*, М., 1959. Здесь мы встречаем, например: *Алашанский массив, Тяньшанские разломы, яньшанская складчатость*.

имеющих в транскрипции окончание *-нь*, например все названия уездов и уездных городов (м. р.), оканчивающиеся на слог *сянь*, принято считать именами существительными мужского рода, однако возводить это в универсальное транскрипционное правило было бы неправомерно по тем же основаниям, по каким представляется неправильной огульная классификация подобных названий как имен существительных женского рода. Достаточно сказать, что в этом случае пришлось бы говорить и писать: *Красный бассейн Сычуаня; Сычуань всегда являлся важнейшим сельскохозяйственным районом Китая; горные районы Хунаня, Западный Хунань; в лесах Юньнаня, гористый Юньнань; Хэнань, орошаемый рекой Хуанхэ*, и т. п.

Очевидно, что унификация правописания подобных слов невозможна и что правило, определяющее грамматический род и правописание китайских географических названий с конечным *-нь*, должно быть не универсальным для этих слов, а дифференцированным в зависимости от грамматического рода административного или географического объекта, имеющего данное китайское название. Так, названия городов, уездов, островов, горных хребтов, проливов следует склонять как имена существительные мужского рода, а названия провинций, деревень, рек — как слова женского рода.

Это правило применимо не только к названиям, оканчивающимся на *-нь*, но и к названиям, оканчивающимся на гласный или дифтонг. Например:

Для провинций (ж. р.) — *Цзянси расположена..., Гуйчжоу богата...*

Для городов (м. р.) — *Уси расположен..., Ханчжоу известен...*

Характерно, что даже в тех случаях, где китайское название склоняют вопреки предлагаемому нами правилу, прилагательное и глагол согласуются с этими названиями в соответствии с данным правилом. Так, в книге «Восточный Китай» название провинции Фуцзянь неизменно склоняется в *Фуцзяне*, рядом с *Фуцзянем*, но тут же пишется: *В прошлом Фуцзянь считалась после острова Тайвань главным производителем камфарного масла в Китае*²⁴.

Предлагаемое дифференцированное написание заслуживает внимания даже с учетом того, что оно несколько усложняет общую систему транскрипции, так как известное число названий городов, оканчивающихся на *-ань*, будет по традиции и по аналогии с названиями русских городов на *-ань* склоняться как имена существительные женского рода (*Цзинань, Сиань* и др.). Видимо, такие названия придется выделить в отдельную группу, приложив к инструкции специальный перечень их с указанием формы в родительном падеже, например *Цзинань* (род. *Цзинани*).

В инструкции следует предусмотреть правила, регулирующие и другие случаи склонения транскрибируемых китайских названий:

1. Китайские названия, оканчивающиеся на *-а* и *-и*, подобно словам, оканчивающимся на дифтонги, вообще не склоняются. Выше такие названия были выделены в группу «предположительно склоняемых слов», так как однотипные русские названия (Уруша, Лиски и т. п.) склоняются. Очевидно, этой аналогией объясняется появление примеров, встречающихся изредка в советских и большей частью в китайских изданиях:

Мы прибыли в Чаншу (город Чанша);

В Люйде открылась выставка (Люйда — сокращенное название района Люйшунькоу — Даянь).

²⁴ «Восточный Китай», М., 1955, стр. 179.

Такие названия нельзя склонять, в частности, и потому, что при этом в формах косвенных падежей нередко получаются двуслоги, по облику напоминающие китайские названия, но в действительности не существующие (*Чаншу, Чанши, Люйде* и т. п.).

2. При склонении имен собственных, оканчивающихся на *-й*, падежные окончания не следует наращивать на *-и*, и словоизменение надлежит производить по образцу аналогичных русских названий (*Аньюй, Вилуй, Кухтуй, Батыгай*). Так, следует писать в *Гуйсуйе, в Яньтае, о Бао Юе* (а не в *Гуйсуйе, в Яньтайе, о Бао Юйе*). Разнобой в написании этой группы слов весьма обычен, и унификация настоятельно необходима.

3. При образовании имен прилагательных от китайских географических названий, оканчивающихся на *-нь*, мягкий знак сохраняется в написании. Стало быть, надо писать *уханьский, аньшаньский, фусиньский* и т. д. Ошибочное написание без мягкого знака очень распространено.

4. В суффиксах прилагательных с основой на гласный надо писать *ск*, а не *йск*. Это значит, что вопреки распространенной в наших изданиях практике надлежит писать: *Бэньсиский* (а не *Бэньсийский*) *металлургический завод*; *Ляосиская* (а не *Ляосийская*) *равнина*; *Миньхэская* (а не *Миньхэйская*) *впадина*; *Ганьсуский* (а не *Ганьсуйский*) *коридор*.

Предпочтение, оказываемое написанию без *й*, обусловлено тем, что буква *й* в суффиксе затрудняет восстановление исходной формы слова, а у названий, оканчивающихся на *-э* и *-у*, добавление буквы *й* образует слог, отличающийся от того, который входит в состав данного названия, например *суй* вместо *су*, *хэй* вместо *хэ*²⁵.

5. При образовании прилагательных от названий рек с компонентом *хэ* не следует пользоваться суффиксом *-инск*, например надо писать *Гэньхэское* (а не *Гэньхинское*) *поднятие* (Гэньхэ — река в районе Большого Хингана).

О НАПИСАНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ НОМЕНКЛАТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

В правилах транскрибирования китайских географических названий должно быть указано, каким образом передаются (транскрибируются, переводятся или отбрасываются) так называемые номенклатурные названия, т. е. слова, указывающие на род объекта, обозначаемого данным именем собственным, например *хэ, цзян* (река), *ху* (озеро), *шань* (гора, горы), *сянь* (уезд), *цунь* (деревня) и т. п. Вопрос о сохранении или отбрасывании номенклатурных названий возникает при выработке транскрипционных правил для всякого языка и решается в каждой частной инструкции по-разному и на основе специфических критериев. Так, согласно существующим инструкциям, при транскрибировании японских и корейских географических названий номенклатурный термин сохраняется: см. такие названия, как *Кымгансан, Чечжудо, Амноккан*.

Что же касается китайских названий, то в практике транскрибирования разнобой в этом отношении почти не наблюдается, так как в подавляющем большинстве случаев номенклатурные термины транскрибируются. Однако эта практика встречает возражения со стороны

²⁵ См. также, например, сочетание *Сяньмыньсянская плотина* («Известия», 24.III.1961), где в прилагательном *сяньмыньсянская* оказался слог *сян* вместо требуемого *ся* (*сяньмыньсянская*).

отдельных специалистов, которые считают необходимым ограничить передачу слогов *хэ, цзян, шань, дао, сянь, цунь* и др., причем критерием для этого должен служить слоговой состав имени собственного: у односложных названий номенклатурный термин транскрибируется, а у многосложных — отбрасывается. Это предлагал еще в 1929 г. в своем пособии Г. К. Кара-Мурза, а совсем недавно в двух специальных работах²⁶ Г. П. Сердюченко. На наш взгляд, такое решение вопроса является схематичным и вряд ли приемлемо.

Неясно прежде всего, почему именно при транскрибировании односложных названий номенклатурный термин обязательно следует сохранять. Известно, что в русском языке свободно употребляются односложные географические названия, в том числе и иноязычные, ср. такие названия рек, как *Дон, Ин, Кан*, а также *По, Ганг*, озеро *Ван*. Даже отдельные китайские названия нередко употребляют в односложной форме, например в *пойме р. Хуай*. Дело, видимо, заключается в том, что употребление однослогов приведет к смешению одинаково звучащих, но иероглифически, вероятно, различных названий для разных географических объектов.

Вместе с тем в силу более веских причин для некоторых категорий китайских имен собственных, охватывающих подавляющее число географических названий, сохранение в транскрипции номенклатурного термина совершенно необходимо. Сюда, в частности, относятся:

а) наименования, где номенклатурный термин утратил свое прямое значение. Примерами могут служить названия городов *Шицзячжуан* (чжуан 'деревня'), *Шицзиншань* (шань 'гора'), *Циньхуандао* (дао 'остров'), *Муданьцзян* (цзян 'река') и т. п. Это особо важно для многочисленных названий населенных пунктов, оканчивающихся на номенклатурный по происхождению термин *гоу*, например *Мацзягоу, Мэньтоугоу, Юйчангоу, Сибэйгоу* и т. д., где слог *гоу*, исходное значение которого «падь, распадок, долина», входит в состав различных наименований: деревни, угольного месторождения, поселка;

б) названия деревень, где совершенно обязательно сохранять номенклатурный термин. Дело в том, что в китайском языке имеется много слов для обозначения мелких населенных пунктов, в том числе не менее пяти слов для понятия «деревня, село» (*цунь, чжуан, бао, тунь, чжэнь*). В то же время сами названия деревень довольно однообразны и зачастую состоят просто из слога, указывающего на фамилию (*Ван, Ли, Сун*), и слога *цзя*, означающего «семья». В сочетании с указанными родовыми словами это дает серию географических названий *Ванцзячжуан, Ванцзяцунь, Ванцзябао, Ванцзятунь*. При отбрасывании же номенклатурного термина все такие названия приобретут одинаковый вид, что, естественно, затруднит ориентировку на карте и в тексте.

При решении вопроса о сохранении в русской транскрипции номенклатурного слова большое значение имеет, в частности, степень связи этого слова с собственно названием, слитность первого со вторым. Применительно к китайскому языку ориентиром может здесь служить практика слитного (раздельного) написания географических названий в китайском алфавитном тексте. Твердые правила такого написания пока еще не выработаны, но в специальной китайской литературе был в связи с этим опубликован ряд дискуссионных статей. Примечательно,

²⁶ Г. П. Сердюченко, *О русской транскрипции китайской речи*, стр. 163; Г. П. Сердюченко, *О русской транскрипции для языков зарубежного Востока*, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 106.

что принятая в конце 1959 г. Всекитайским стратиграфическим советом инструкция по написанию геолого-географических названий требует обязательно сохранять номенклатурный термин в стратиграфических названиях, образованных от соответствующих географических. Это мотивируется тем, что отбрасывание номенклатурного термина сделает стратиграфическое название непонятным, а во многих случаях приведет к образованию дубликатов-омонимов. Так, свита *Дунтин*, которую обычно считают названной по озеру *Дунтин(ху)* в провинции Хунань, на самом деле названа по горе *Дунтин(шань)* на озере *Тайху*, расположенном на границе провинций Цзянсу и Чжэцзян.

Как видим, проблема сохранения (отбрасывания) номенклатурных терминов при транскрибировании китайских названий — достаточно сложная, и ее решение вряд ли можно уложить в простое правило, основанное на чисто морфологических критериях: односложные названия сохраняют родовое слово, а все прочие теряют. Очевидно, что и в этом случае решение должно быть дифференцированным в зависимости от типа и характера географического названия. Не исключено, что при этом у некоторых групп названий можно будет опускать родовое слово, тем более что и в китайском языке отдельные названия употребляются в двух формах, с родовым словом и без него, например *Тайхан* и *Тайханшань*, *Дунтин* и *Дунтинху*. Однако, опуская китайский номенклатурный термин, абсолютно необходимо писать соответствующее русское слово («река», «город», «остров» и т. п.), так как без этого неясно будет, о каком именно географическом объекте идет речь. Так, например, можно согласиться с предложением Г. П. Сердюченко отбросить в транскрипции названия *Пэнхуледао* номенклатурное слово *ледао*, оставив одно *Пэнху*, однако в русском тексте перед этим названием следует поставить слово «острова», так как существуют три географических объекта с названием *Пэнху* (архипелаг, остров в этом архипелаге и пункт на этом острове).

Все сказанное служит достаточным основанием для вывода о необходимости упорядочения транскрипции китайских географических названий. Реальным воплощением этого должна явиться детальная инструкция по правописанию китайских имен собственных. К инструкции обязательно следует приложить список слогов общекитайского литературного языка (путунхуа), которые должны быть написаны и китайским фонетическим алфавитом, и в русской транскрипции соответственно.

Помимо вопросов, разобранных в настоящей статье, инструкция должна предусмотреть правила написания ряда других специфичных для Китая названий. К ним относятся:

а) транскрибирование сокращенных названий типа Дунбэй (Северо-Восточный Китай), Хуабэй (Северный Китай), равнина Сунляо (равнина рек Сунгари и Ляохэ) и т. п.;

б) транскрибирование географических названий некитайского происхождения (монгольских, уйгурских, тибетских народностей Юго-Западного Китая); в этом случае не следует ориентироваться на транскрипцию соответствующего иероглифического написания; последнее, как утверждают китайские лингвисты, не упорядочено и неточно;

в) так называемые кальки типа *Коридор Ганьсу* или *Ганьсуский коридор*, *Коридор Хэси*, *Заордоский коридор провинции Ганьсу* (для китайского *Хэси Цзоулан*);

г) другие, более частные случаи транскрибирования.

А. Н. Зелинский

ДРЕВНИЕ ПУТИ ПАМИРА

Исследование, посвященное этой теме, может на первый взгляд показаться парадоксальным: речь идет о путях через район, который принято считать одним из самых труднодоступных в мире. Однако такое одностороннее представление о Памире обманчиво и рассеивается уже при внимательном изучении подробной географической карты этой горной страны, расположенной между истоками Аму-Дарьи, Инда и Тарима. Действительно, система плоскогорий Восточного Памира не представляет естественных преград для передвижения, хотя подступы к нему из близлежащих областей трудны и возможны лишь по определенным, издревле проторенным путям. Глубокие ущелья Западного Памира служат помехой для передвижения внутри этого района, но связь его с Восточным Памиром и соседними областями тем не менее легко осуществима. Поэтому не случайно то, что дорога через «Крышу Мира» на Запад была знакома китайцам уже в I в. до н. э., а столетие спустя путь через Памир на Восток становится известным и античному миру.

Маршруты через Памир пролегали главным образом в широтном направлении, чему способствовало строение основных хребтов Памирской горной системы. Существовали и меридиональные пути. Но они были ограничены на юге Восточным Гиндукушем, а на севере — Заалайским хребтом; маршруты через эти горы трудны из-за малого количества удобных перевалов. Кроме того, историческая обстановка в древности диктовала в первую очередь необходимость широтных связей, тех связей, благодаря которым на рубеже нашей эры пути с Востока и с Запада сомкнулись в районе Памира. Так был установлен Великий шелковый путь, существовавший столетиями и сыгравший не только экономическую, но и большую историко-культурную роль в развитии международных связей Евразийского континента.

На рубеже нашей эры на развалинах Греко-Бактрийского царства к западу от Памира возникает империя Великих Кушан, соперничавшая по блеску с ханьским Китаем и императорским Римом и пытавшаяся в эпоху Канишки (I в. н. э.) объединить силой оружия обширные земли от Индийского океана на юге до Аральского моря на севере. В это же время к востоку от Памира, вдоль южных отрогов Тянь-Шаня и северных склонов Куэнь-Луня, разъединенные песчаным морем пустыни Такла-Макан, расцвели на несколько веков своеобразной и неповторимой цивилизацией цепочки зеленых оазисов Тарима,

впитавших богатейшие культурные традиции Индии, Китая, Ирана и Средней Азии.

После распада кушанской империи (IV в. н. э.) и кратковременного господства на ее развалинах эфталитского царства (V в. н. э.) центры активных международных связей, существовавших в этом районе, ходом истории переносятся к северу и востоку от Памира в районы Средней и Центральной Азии. С появлением тюрков (середина VI в. н. э.), обеспечивших безопасность торгового пути через Джунгарские ворота, и постепенным запустением некогда цветущих оазисов Тарима, пути через Памир начинают терять свое бывшее значение. Этому в значительной степени способствует и вторжение арабов в районы Памира в середине VIII в. н. э. Однако на протяжении более чем полутора тысячелетия маршруты через Памир были одним из важнейших участков на линии Великого трансасиатского сухопутного пути между Востоком и Западом.

Изучение древних путей через Памир и окружающие его районы имеет свою историю. В настоящей статье мы лишь коротко остановимся на основных исследованиях, посвященных этому вопросу.

Из европейских исследователей нового времени исторический интерес к древним путям Памира и Припамирья впервые проявил К. Риттер¹, попытавшийся проследить эти маршруты на основании имевшихся в то время данных. Сведения Вуда², совершившего в 1837—1838 гг. путешествие из Бадахшана в Вахан, пролили первый свет на маршруты верховьев Пянджа. Первые серьезные исследования о древних путях через районы Памира принадлежат Г. Юлю. Остановившись на вопросе локализации известного маршрута Птолемея, он высказал предположение, что этот путь проходил в Каратегине³ (Северное Припамирье), но позже отказался от него в пользу Ваханского маршрута⁴. Последней точки зрения придерживался и Раулинсон в своем историко-географическом исследовании верховьев Аму-Дарьи⁵. В дальнейшем почти все исследователи древних связей этого района так или иначе останавливались на маршруте Птолемея, отождествляя его то с Каратегинским, то с Ваханским путем.

Специальную монографию посвятил Памиру Пакье⁶, использовавший все сведения об этом малодоступном районе, имевшиеся в тот период. Из русских исследователей полезную сводку сведений о верховьях Аму-Дарьи с описанием главных маршрутов составил И. Минаев⁷. Специальную работу древним маршрутам Памира посвятил Н. Северцев⁸, хорошо знавший этот район. В известной работе об этнических отношениях на Памире Н. Аристов также уделил внимание древним путям сообщения через Памир⁹. В начале XX в. проблема

¹ К. Риттер, *Восточный или Китайский Туркестан*, вып. I, СПб., 1869.

² J. Wood, *A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul and Badakhshan*, London, 1841.

³ H. Yule, *Cathay and the way thither*, t. I, London, 1866.

⁴ Г. Юль, *Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи*, — *Известия Русского Географического общества*, 1873, т. VI, стр. 7.

⁵ H. Rawlinson, *Monograph on the Oxus*, — *Journal of the Royal geographical Society*, 1872, t. XLII.

⁶ J. Paquier, *Le Pamir, Étude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale*, Paris, 1876.

⁷ И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи*, СПб., 1879.

⁸ N. A. Severtzow, *Études de géographie historique sur les anciens itinéraires a travers le Pamir*, — *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, t. XI, 1890.

⁹ Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям*, — *Русский антропологический журнал*, 1900—1904.

древних связей через Памир была затронута в исследованиях А. Е. Снесарева¹⁰. Вскоре появились работы Маркварта¹¹ и Херрманна¹², в которых также рассматривается эта проблема. Древние маршруты районов Памира затронуты и в классических исследованиях А. Стейна¹³, выводы которого тем более ценны, что связаны с непосредственным знанием им этого горного района. В работе, посвященной специально древним путям Памира¹⁴, Стейн подвел итог целому этапу в изучении этой проблемы. Из новейших исследователей серьезное внимание проблеме древних связей Памира уделил А. М. Мандельштам¹⁵. Одной из последних важных работ по этой теме является исследование Ширатори¹⁶, посвященное разбору маршрута Птолемея. Автор локализует его в долине Вахана, что в основном расходится с точкой зрения, принятой большинством исследователей, в том числе и Стейном.

Однако, несмотря на сравнительно большое количество работ, связанных с изучением древних путей через Памир, некоторые вопросы еще ожидают своего разрешения. Не говоря уже о том, что до настоящего времени не установлено единого мнения относительно направления маршрута через районы Припамирья, описанного Птолемеем, достаточно много неясностей существует также и в определении направления и характеристике древних путей, связывавших Памир с окружающими его областями.

Выяснение с возможной точностью направления маршрутов в пределах Памира и Припамирья необходимо для изучения истории пограничных районов между древними культурами оазисов Тарима, Северной Индии, Восточного Ирана и Среднеазиатского Междуречья, для которых пути через Памир были жизненно важными артериями. Поэтому попытка проследить направление этих путей на основании имеющихся в настоящее время данных, в том числе и полученных автором настоящей статьи во время археологических экспедиций на Памир и исследования на месте его древних маршрутов, может представить известный историко-культурный интерес.

Древнейшие сведения о путях Китая на Запад относятся к I в. до н. э.¹⁷, о чем свидетельствует «История Ранней династии Хань» (правила в 202 г. до н. э.— 25 г. н. э.), в анналах которой читаем следующее: «Из Юй-мынь-гуань и Ян-гуань¹⁸ две дороги ведут в Западный край

¹⁰ А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр*, ч. I, Ташкент, 1903; *Памиры в Средние Века и Великий памирский путь*, — «Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества», 1907, т. VII.

¹¹ J. Marquart, *Eranšahr*, Berlin, 1901.

¹² A. Herrmann, *Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien*, Berlin, 1910.

¹³ A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, Oxford, 1907; *Serindia*, vol. I, London, 1921; *Innermost Asia*, vol. II, Oxford, 1928.

¹⁴ A. Stein, *On ancient tracks past the Pamirs*, — «Himalayan journal», vol. IV, 1932.

¹⁵ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей*, 1957, где также приводится обширная библиография вопроса.

¹⁶ K. Shiratori, *On the Ts'ung-ling traffic route described by C. Ptolemaeus*, — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», 1957, № 16.

¹⁷ Путешествие Чжан Цяня — китайского агента императора У-Ди, ставшего знаменитым путешественником и отправленного в 139 г. до н. э. с посольством к юечжам, открыло китайцам глаза на богатства Средней Азии, однако о конкретных путях на Запад тогда еще не имелось сведений. См. Н. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М., 1950, стр. 147.

Вскоре после смерти Чжан Цяня (114 г. до н. э.) из Китая на Запад был отправлен первый караван (см.: С. В. Киселев, *Из древней истории Срединной Азии*, — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 9, 1950, стр. 18).

¹⁸ Юй-мынь-гуань и Ян-гуань — древние крепости в провинции Ганьсу около Дуньхуана.

(Восточный Туркестан): одна, пролегая через Шаньшань по северную сторону Южных гор, идет по направлению реки на запад от Яркяна и называется южною дорогою. Южная дорога, по переходе через Луковые горы (Памиро-Алай)¹⁹ на запад, ведет в Большой Юечжы (Бактрия) и Аньси (Парфия). Другая, простираясь от местопребывания западного чешиского владетеля подле Северных гор (Тянь-Шань), по реке идет на запад до Кашгара и называется северною дорогою. Северная дорога, по переходе через Луковые горы на запад, ведет в Давань (Фергана), Кангюй²⁰, Яньчай²¹ и Яньци²²»²³.

В целом интересующий нас маршрут выглядел так: из столицы древнего Китая, Чаньаня (современный Сиань), дорога шла в северо-западном направлении вдоль Великой китайской стены к Дуньхуану. Затем она разветвлялась на северную и южную. Северная ветвь шла по линии северных оазисов Тарима вдоль южных склонов Тянь-Шаня на Кашгар. Южная ветвь проходила вдоль северных склонов Алтынтага и Куэнь-Луня и через линию южных оазисов шла в Яркенд²⁴.

Итак, оба маршрута ханьского времени ведут в Восточное Припамирье: северный — к Кашгару перед подъемом к северо-восточной окраине Памира, а южный — к Яркенду, расположенному перед подъемом к его юго-восточной границе. Существование этих двух направлений отмечал еще В. В. Григорьев, ссылаясь на Птолемея, говорившего о двух подъемах в страну Комедов (Памирская высь) с востока: «северный — близ истоков Яксарта (Сыр-Дарья) и южный — у северной подошвы гор, отделяющих землю Саков от Индии по сю-сторону Ганга»²⁵. Отождествление маршрутов «Истории Ранней династии Хань»

¹⁹ Н. В. Кюннер отождествляет «Луковые горы» с Памиром. См. Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. III, прим. к карте 1. Но поскольку Северная дорога из Кашгара в Фергану тоже пересекает «Луковые горы», то к ним следует отнести и Алайский хребет.

²⁰ В. В. Бартольд искал Кангюй на среднем течении Сыр-Дарьи. См. В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 5; С. П. Толстов полагал, что ядром Кангюя был Хорезм. См.: С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 20—25; *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948, стр. 145; Л. Н. Гумилев показал, что Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана между оз. Балхаш и Иртышом. См. Л. Н. Гумилев, *Таласская битва 36 г. до н. э.*, — «Исследования по истории и культуре народов Востока», М.—Л., 1960, стр. 162.

²¹ Яньчай — кочевое владение на северо-восточных берегах Каспийского моря.

²² Яньци — владение Харашар. См. Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 220. Харашар стоит у Бичурина после «Луковых гор», вероятно по ошибке.

²³ Цяньханышу, гл. 95 (Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 170). По этим путем шел широкой струей тек в Римскую империю, имевшую в то время ежегодный дефицит в 20 миллионов сестерций, выплачиваемых не китайцам, а посредникам в этой торговле — согдийцам и парфянам. См. А. С. Васильев, *Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии*, — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 5, стр. 48.

²⁴ На южном пути в районе оазиса Гума и Яркенда имелось ответвление к югу через Каракорумский хребет и одноименный перевал Каракорум (5575 м) в Лех на верховья Инда. Из русских исследователей этот сложный маршрут был впервые пройден с вьюком В. Ф. Новицким в 1898 г. на пути из Пенджаба в Среднюю Азию. См. В. Ф. Новицкий, *Из Индии в Фергану*, СПб., 1903. Именно этим маршрутом прошла в 1925 г. знаменитая Центрально-Азиатская экспедиция академика Н. К. Рериха на пути из Ладаки в Хотан. Однако об использовании его в ханьское время (202 г. до н. э. — 221 г. н. э.) у нас не сохранилось никаких сведений. См.: Н. К. Рерих, *Сердце Азии*, Нью-Йорк, 1929, стр. 28; Ю. Н. Рерих, *Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию (1925—1928)*, — «Вопросы географии», 1960, сб. 50, стр. 257; N. Roerich, *Altai-Himalaya*, New York, 1928, pp. 139—140; G. Roerich, *Trails to Inmost Asia*, London, 1931, p. 44, где дается красочное описание этого высочайшего горного перевала на караванном пути из Индии в Хотан.

²⁵ В. В. Григорьев, *Восточный или Китайский Туркестан*, СПб., 1873, стр. 63 и карта, составленная автором согласно данным Птолемеевой «Географии». Отождествление страны Комедов Птолемея с «Памирской высью», т. е. с Памиром, убедительно

с данными Птолемея, отмеченное Григорьевым, вносит ясность в направление двух основных древних маршрутов из Китая, приводящих к Памиру.

Ферганский путь. По сведениям «Истории Ранней династии Хань», северный вариант древнего пути шел из Кашгара через «Луковые горы» в Фергану. Этот путь можно локализовать с достаточной точностью, так как он совпадает с путем из Кашгара в Фергану, который существует и теперь. От Кашгара дорога поднимается постепенно к юго-западу по Кашгар-Дарье (Кызылсу) до Иркештама. От Иркештама она идет к перевалу Тау-Мурун (3536 м), который служит здесь водоразделом между бассейном Аму-Дарьи и Тарима. Этот постепенный подъем к перевалу Тау-Мурун следует, по-видимому, отождествить с северным подъемом в страну Комедов, отмеченным Птолемеем. Между Иркештамом и перевалом Тау-Мурун дорога поворачивает по долине р. Коксу и через перевал Терек-Даван (4135 м) в Алайском хребте идет в долину р. Гульчи к Суфи-Кургану, а оттуда по Гульче через перевал Чигирчик (2406 м) в Ферганскую долину. Этот путь из Кашгара в Фергану не единственный, но наиболее короткий ²⁶.

По-видимому, данные о начале его функционирования надо отнести к 105 г. до н. э., когда из Китая в Аньси (Парфия) было направлено посольство, которое, возвращаясь в Китай, судя по местоположению примкнувших к нему посольств, прошло через Фергану ²⁷.

Упоминание о пути из Кашгара в Фергану кроме «Исторических записок» Сыма Цяня и «Истории Ранней династии Хань» имеется в «Истории Поздней династии Хань» (25—221 гг. н. э.) ²⁸. Этот же маршрут повторяется в «Вэй люе», где говорится о событиях эпохи троецарствия (221—265 гг. н. э.) ²⁹. Ферганский маршрут пользовался известностью и в VII—VIII вв.

Не подлежит сомнению, что Северный путь из Кашгара в Фергану, проходивший через северо-восточную окраину Памира, т. е. Ферганский путь, являлся древней и стратегически важной артерией между Китаем и Средней Азией.

Прежде чем перейти к описанию Южного пути, проходившего через Памир, следует коротко остановиться на роли и значении пути по Каратегину и долине Алая.

Дорога по Каратегину и маршрут Птолемея. Этот путь также начинался от Кашгара и до поворота на перевал Терек-Даван совпадал с описанным выше Ферганским маршрутом. От указанного места он поднимался к перевалу Тау-Мурун, спускаясь в Алайскую долину. Пройдя долину Алая и Каратегина, дорога отклонялась

показано В. В. Григорьевым. Следует отметить, что истоки Яксарта (Сыр-Дарьи) на карте Птолемея ошибочно повернуты не к Тянь-Шаню, а к Памиру, а под горами, отделяющими землю Саков от Индии, следует подразумевать Гималаи (Эмод Птолемея), что также впервые было отмечено В. В. Григорьевым.

²⁶ Перевал Терек-Даван открыт для вьючного движения большую часть года. Возможен и более длинный маршрут из Кашгара в Фергану через перевал Талдык (3650 м). См. П. Г. Корнилов, *Кашгария*, Ташкент, 1903, стр. 345—346.

²⁷ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 160. Вероятно, используя этот путь, китайцы предприняли свое первое вторжение в Среднюю Азию (два похода в Фергану в 104 и 101 гг. до н. э.). Однако закрепить за собой Северный путь они тогда не смогли и были сразу же оттеснены хуннами. См. Л. Гумилев, *Хунну*, М., 1960, стр. 127—132.

²⁸ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 221.

²⁹ E. Chavannes, *Les pays d'occident d'après le Wei-Lio*, T'oung Pao, 1905, t. VII, p. 53.

к Файзабаду, а затем, следуя между Кафирниганом и Сурхандарьей, пересекала Аму-Дарью в районе Термеза и достигала Балха³⁰.

В древних китайских источниках сведений об этом пути нет. Единственным автором, с именем которого принято связывать древнейшие известия о данном маршруте, является уже упомянутый Клавдий Птолемей, который в первой книге «Географии» дает описание пути в страну серов³¹ начиная от переправы через Евфрат³². В основу своего труда Птолемей положил не дошедшее до нас исследование Марина из Тира (начало II в. н. э.), который при описании этого маршрута пользовался сведениями из дорожника сирийского купца Маеса Тициана³³ (агенты этого купца совершили в I в. н. э. путешествие в страну серов).

Маршрут Птолемея шел от переправы через Евфрат до Балха, затем от Балха до Каменной башни и от нее до столицы серов³⁴. Интересующий нас участок маршрута Птолемей описывает следующим образом: от Балха дорога поворачивает на север, до подъема в горную страну Комедов (*Vallis Comedagum*), затем, пройдя эти горы, она поворачивает к югу — до ущелья, выходящего на равнину; северо-западная часть горных районов, по которым поднимается дорога, находится (по Марину) на параллели Византии, юго-восточная часть пути — на параллели Геллеспонта (Дарданеллы). Затем дорога идет на север к Каменной башне (*Turris lapidea*), откуда горы тянутся к востоку, соединяясь с Имаем³⁵. В другом отрывке Птолемей упоминает пункт *Normeterion* у горы Имаус, откуда купцы направляются к серам³⁶. Долина Комедов и Каменная башня еще раньше фигурируют у Плиния, но вместо *Normeterion* последний упоминает пункт *Statio Mercatorum*, тождественный *Normeterion* Птолемея и означающий древнюю торговую станцию, откуда путешественники направлялись к серам³⁷.

Таким образом, маршрут Птолемея из Балха в столицу серов проходил через горную страну Комедов, Каменную башню и «торговую станцию». Локализация последних трех пунктов, находящихся в пределах Памира и Припамирья, служила темой для многих исследователей³⁸.

Первую попытку локализовать маршрут Птолемея не в Фергане³⁹, а в Припамирье предпринял Юль, высказав предположение, что под страной Комедов следует подразумевать Каратегин⁴⁰. Но уже в сле-

³⁰ Подробное описание этого маршрута сделано А. Н. Северцевым. См. N. A. Severtzow, *Etudes de géographie historique...* p. 424.

³¹ Серы — поставщики шелка-серикума в Парфию и Римскую империю, населявшие бассейн Тарима.

³² Птолемей, *География*, I, 12. См.: G. Coedès, *Textes d'auteurs grec et latins relatifs à l'Exterme-Orient depuis le IVe siècle av. J. C. Jusque au XIVe siècle*, Paris, 1910, pp. 33—34.

³³ О предполагаемой дате путешествия см.: M. Cary, *Maës qui et Titianus*, — «The classical quarterly», New series, vol. VI, 1956, № 3—4, pp. 130—134.

³⁴ Херрманн помещает столицу серов — *Sera Metropolis* Птолемея у современного города Ланьчжоу в провинции Ганьсу к юго-востоку от Даньхуана. См. карту в кн.: A. Hermann, *Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien*.

³⁵ Птолемей, *География*, I, 12. См. G. Coedès, *Textes d'auteurs grec et latins...*, p. 33, см. также: «Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.)», Хрестоматия, Ташкент, 1940, стр. 139. В данном случае под Имаем следует понимать в первую очередь меридиональные Сарыкольский и Кашгарский хребты, отделяющие Памир от Восточного Туркестана. См. A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, pp. 849—850.

³⁶ G. Coedès, *Textes d'auteurs grec et latins...*, pp. 44—45.

³⁷ См. K. Shiratori, *On the Ts'ung-ling traffic route...*, p. 3.

³⁸ Историографию этого вопроса см.: А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...* 1956, стр. 38—43.

³⁹ О неудачной попытке локализовать маршрут Птолемея в Фергане см. там же, стр. 39—40.

⁴⁰ H. Yule, *Cathay...*, t. I, p. 149.

дующей работе Юль отождествляет страну Комедов с районом Дарваза и Рушана, а Каменную башню ищет у Лянгара в верховьях Вахана⁴¹. Этой же точки зрения придерживался Раулинсон, который отождествлял Каменную башню Птолемея с Ташкурганом в долине Сарыкола⁴².

В исследовании о Памире Пакье также помещал ущелье Комедов в верховьях Аму-Дарьи. Каменную башню — на территории Восточного Памира, а «торговую станцию» — в районе Ташкургана⁴³. Иная точка зрения была высказана Рихтгофеном, который, развивая старое положение Юля, считал страну Комедов соответствующей Каратегину и Дарвазу, Каменную башню помещал в западной части Алайской долины, а «торговую станцию» — в районе Иркештама⁴⁴. Эта точка зрения была принята Томашеком, только Каменную башню он отнес к Улугчагу, восточнее Иркештама, а «торговую станцию» — к Кашгару⁴⁵. Каратегинскую теорию поддержал выдающийся русский исследователь Центральной Азии Н. А. Северцев, локализовавший маршрут Птолемея по долине Алая, Каратегина и через Файзабад и Гиссар по Сурхандарье до Окса. Каменную башню Н. Северцев помещает в районе Иркештама, а «торговую станцию» — в Кашгаре⁴⁶. Эту точку зрения целиком разделял Гренар, однако он говорил также и о существовании другого древнего пути из Балха в Кашгар — через Вахан, а страну Комедов относил ко всему Западному Памиру⁴⁷. Сторонниками каратегинского варианта маршрута Птолемея (хотя и с некоторыми локальными различиями) были Маркварт⁴⁸ и Херрманн. При этом Херрманн, точно следуя описанию Птолемея, построил свой маршрут без учета реальной проходимости местности⁴⁹. Каратегинский вариант был принят Стейном, знакомым лично с рассматриваемой территорией. Следуя за Рихтгофеном, Стейн отождествляет Каменную башню с Дарут-Курганом, а «торговую станцию» помещает у Иркештама⁵⁰.

В. В. Бартольд также полагал, что маршрут Птолемея проходил через Каратегин, но страну Комедов он помещал на Вахше, ниже Каратегина⁵¹. Э. Шаванн, специально не занимаясь локализацией птолемеевского маршрута, полагал, что страна Комедов Птолемея соответствует долине Алая и Каратегина, и отождествлял ее с Цзюймито Сюань Цзана и Кумедом средневековых арабских географов⁵². Этой же точки зрения придерживался А. Н. Бернштам⁵³. А. М. Мандельштам считает, что локализация маршрута Птолемея через Каратегин и Алай являет-

⁴¹ Г. Юль, *Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи*, стр. 7.

⁴² H. Rawlinson, *Monograph on the Oxus*, p. 507.

⁴³ J. Paquier, *Le Pamir...*, p. 26.

⁴⁴ F. Richthofen, *China*, Bd I, Berlin, 1877, S. 496—500.

⁴⁵ W. Tomaschek, *Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*, Bd 116, Wien, 1888, S. 737.

⁴⁶ N. A. Severtzow, *Etudes de géographie historique...*, p. 438.

⁴⁷ F. Grenard, *Le Turkestan et le Tibet, Mission scientifique dans la Haute Asie*, t. II, Paris, 1898, p. 18.

⁴⁸ J. Marquart, *Wehrot und Arang*, Leiden, 1938, S. 55—65.

⁴⁹ A. Herrmann, *Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike*, Leipzig, 1938, S. 104.

⁵⁰ A. Stein, *Innermost Asia*, v. II, p. 849. Действительно, такая контролирующая станция могла существовать у Иркештама, независимо от локализации рассматриваемого пути.

⁵¹ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, стр. 14.

⁵² E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Tures) occidentaux*, СПб., 1903, p. 279.

⁵³ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, М., стр. 152, стр. 190.

ся наиболее обоснованной⁵⁴. Из последних работ, посвященных этому маршруту, заслуживает внимания работа Ширатори. Последний приходит к выводу, что маршрут Птолемея проходил по долине Вахана в Ташкурган⁵⁵.

Насколько правильны приведенные точки зрения в отношении локализации маршрута Птолемея, сказать трудно. Долготы и широты Птолемея весьма затруднительно привести в соответствие с действительными долготами и широтами упоминаемых им пунктов⁵⁶, а указанные им направления также допускают различные толкования. Одно несомненно — маршрут Птолемея из Балха в Кашгарию проходил через горную страну Комедов, под которой следует иметь в виду прежде всего Памир с непосредственно прилегающими к нему соседними горными районами⁵⁷. Надежным критерием для определения маршрута может быть только реальная проходимость немногочисленных меридиональных путей Памира и Припамирья для торговых караванов. Поскольку большинство исследователей является сторонниками каратегинского варианта, то на пути по Каратегину надо коротко остановиться, так как его проходимость до сих пор не подвергалась сомнению. При этом необходимо учесть, что руководствоваться следует не теперешним состоянием дорог Каратегина, а тем, каким оно могло быть в древности. Известным критерием для такого определения может служить состояние пути по Каратегину около ста лет назад. Каратегин был впервые пройден экспедицией В. Ф. Ошанина в 1878 г. В целом ряде мест автор описывает трудные броды (например, через реки Оби-кабуд и Оби-занку), висячие балконы (овринги) между устьем Оби Гарма и Али Галабаном, малое количество подножного корма и другие препятствия. Давая свое заключение о Каратегинском пути, В. Ф. Ошанин пишет: «Из всего вышеуказанного не следует, впрочем, заключать, что Каратегин может представить удобный путь для сколько-нибудь значительного военного отряда, или даже для большого каравана. В таких случаях было бы трудно достать потребное количество фуража. Подножный корм встречается далеко не везде, особенно его мало в среднем Каратегине между ущельями Сор-буха и Обикабуда. Количество высеваемой люцерны очень невелико и его только что достаточно для местных жителей... Поэтому, хотя через Каратегин и проходит ближайшая дорога из Гиссарской долины в Кашгар, но ее едва ли будут использовать большие караваны, если торговля между этими местностями когда-нибудь сделается значительною»⁵⁸.

Подобная характеристика трудного Каратегинского маршрута приводится и Л. Ф. Костенко в описании Туркестанского края⁵⁹. Один из свидетелей состояния пути по Каратегину в то время, Н. Юхновский, пишет, что в связи с проездом двух русских полковников летом 1896 г. по Каратегину «для изобретения временных тропинок трудились заблаговременно десятки сотен народа», однако «самые услужливые и заботливые власти Бухары не в состоянии ничего поделать против

⁵⁴ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 43.

⁵⁵ K. Shiratori, *On the Ts'ung-ling traic route...*, p. 12. Рецензию на эту работу А. М. Мандельштама см.: «Проблемы востоковедения», 1959, № 2, стр. 233—234, где автор подверг критике основные положения Ширатори, с чем не может согласиться автор настоящей статьи.

⁵⁶ Такая попытка, первоначально предпринятая Марквартом, оказалась неудачной. См. J. Marquart, *Eranšahr*, S. 154—155.

⁵⁷ Это было убедительно показано еще В. В. Григорьевым.

⁵⁸ В. Ф. Ошанин, *Каратегин и Дарваз*, СПб., 1881, стр. 31.

⁵⁹ Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край*, т. II, СПб., 1880, стр. 197—201.

атмосферических и природных явлений и... устранить опасности во время проезда по осыпям, подъемам, карнизам и балконам вряд ли кто, кроме бога, в состоянии»⁶⁰. Из современных исследователей отрицательного мнения о Каратегине как об основном древнем торговом пути из Балха в Кашгар из-за его трудности и необеспеченности подножным кормом придерживается А. В. Станишевский (Азиз Ниялло)⁶¹.

Итак, с точки зрения реальной проходимости пути Каратегин не может считаться удобным.

Есть еще и другое обстоятельство, говорящее не в пользу Каратегина. Дело в том, что на пути через Алай и Каратегин не встречается никаких сколько-нибудь значительных древних поселений домусульманской эпохи, которые могли бы служить караван-сараями⁶². Кроме того, дорога по Алаю и Каратегину всегда находилась под угрозой и в любую минуту могла быть перерезанной даже немногочисленными местными силами со стороны перевалов, ведущих в Ферганскую долину. Надо полагать, что не в интересах ферганцев было пропускать караваны из Кашгара через Каратегин, минуя Фергану, и не в интересах караванщиков было блуждать по трудным тропам и бродам Каратегина, избегая эту богатую долину и подвергаясь риску нападения.

Все изложенное выше позволяет поставить под сомнение Каратегинский путь, как один из важнейших маршрутов, связывавших Китай и Восточный Туркестан со странами, лежащими за водоразделом Памира. Не случайно китайские источники не оставили об этом пути почти никаких сведений⁶³. Однако поскольку реальная проходимость Каратегина никогда не ставилась под сомнение сторонниками этого варианта пути Птолемея, то их главным аргументом в защиту такого маршрута было отождествление страны Комедов, через которую проходил маршрут Птолемея, с районом Дарваза и Каратегина.

Это отождествление, как мы уже отмечали, базировалось на том, что античный «Комед» Птолемея тождествен средневековому «Кумеду» китайских и арабских источников (т. е. району Дарваза и Каратегина).

Противником этой наиболее распространенной точки зрения и защитником Ваханского пути в противовес каратегинскому варианту выступил в последнее время Ширатори. Он доказывает, что в ханское время существовала только одна область с наименованием Комед и что эта область находилась в восточной части Вахана. «Изучение китайских источников,— пишет Ширатори,— показывает, что наименование восточной части Вахана — Комед — восходит к династии Хань, в то время как теперешний Кумед Дарваза в китайских источниках фигурирует только с Танской династии»⁶⁴. Ширатори также убедительно доказывает существование в танское время двух Комедов в Дарвазе

⁶⁰ Н. Юхновский, *Изборник разведчика*, т. VII, 1897, стр. 78 (цит. по: Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям*, — «Русский антропологический журнал», 1900, № 3, стр. 13). Отрицательного мнения об использовании Каратегинского пути в древности для торговли придерживался И. В. Мушкетов. См. И. В. Мушкетов, *Туркестан*, Пг., 1915, стр. 60.

⁶¹ Своими сведениями о Каратегине А. В. Станишевский любезно поделился с автором настоящей статьи.

⁶² Небольшое кушанское селище у Дараут-Кургана, в западной оконечности Алайской долины, исследованное А. Н. Бернштамом, остается пока единственным памятником такого рода. См. А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 193—198.

⁶³ Единственным китайским паломником, побывавшим в Каратегине на пути из Тохаристана в Шугнан в 786 г., был У Гун. См. A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 894.

⁶⁴ K. Shiratori, *On the Ts'ung-ling traic route...*, p. 19.

и Вахане⁶⁵. Если учесть, что маршрут Птолемея относится не к танскому, а к ханьскому времени, то доказательство Ширатори в пользу Ваханского пути звучит убедительно. Но естественно предположить при этом, что долина Вахана занимала лишь часть обширной горной страны Комедов Птолемея, под которой следует прежде всего иметь в виду Западный Памир. В этом случае более правильным будет искать маршрут Птолемея не в Вахане, а в Шугнанае, поскольку это потребует меньших искажений при наложении направлений Птолемея на реальную географическую карту. Если принять Шугнанский путь как путь Птолемея, локализация Ширатори Каменной башни в районе Ташкур-гана не может вызывать возражений. Что же касается локализации «торговой станции», то ее скорее следует искать не в районе Ташкур-гана, как полагает Ширатори⁶⁶, а в районе Яркенда или Каргалыка, так как это более соответствует направлениям Птолемея. Однако этот частный вопрос требует специального разбора⁶⁷.

Шугнанский путь. По сведениям «Истории Ранней династии Хань», Южная дорога из Китая на Запад после Яркенда пересекала «Луковые горы», ведя в Бактрию и Парфию⁶⁸. Весьма интересно проследить этот участок пути, проходивший в пределах Памира, тем более что историко-географические свидетельства позволяют локализовать его с достаточной точностью. Не вызывает сомнений и то, что путь из Яркенда через Памир на запад не мог миновать Ташкур-гана в долине Сарыкола — древнего узла торговых путей, пересекавших Восточное Припамирье. «Небольшая и лишенная ресурсов долина Сарыкола,— писал А. Стейн,— имеет значение главным образом благодаря преимуществу своего положения, связанного с дорогами, которые с древних времен соединяли долины Верхнего Окса с оазисами к югу от Туркестанской пустыни (пустыня Такла-Макан.— А. З.) и оттуда с Китаем»⁶⁹. Все немногочисленные пути, идущие вверх по Пянджу на запад и вниз по Пянджу на восток, пересекают водораздел Сарыкола и соединяются с Ташкур-ганом. Дороги, связывающие Ташкур-ган с Яркендом и Кашгаром, шли по ряду высоких перевалов, трудных ущелий и тяжелых бродов, но были проходимы для вьючного движения⁷⁰. Из-за непроходимости направления по Яркенд-Дарье самая употребительная дорога из Яркенда в Ташкур-ган проходила севернее Яркенд-Дарьи⁷¹.

⁶⁵ Ibid., p. 16.

⁶⁶ Ibid., p. 30.

⁶⁷ Точку зрения Ширатори разделял такой авторитет в области истории и культуры Центральной Азии, как профессор Ю. Н. Рерих, с которым автор статьи имел честь неоднократно обсуждать этот вопрос.

⁶⁸ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 170.

⁶⁹ A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, p. 23.

⁷⁰ В настоящее время Ташкур-ган связан с Яркендом и Кашгаром шоссейной дорогой. См. А. М. Рябчиков, *Природа Индии*, М., 1950, стр. 71.

⁷¹ Дорога ведет от Ташкур-гана через ущелье Шинди, Чильгумбез, долину р. Чарлына, перевалы Кара-Даван и Кызыл-Даван, урочище Арпалык и селение Якаарык. См. Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире...*, стр. 19.

Указанным маршрутом прошел из Ташкур-гана в Яркенд в 1603 г. путешественник-иезуит Бенедикт Гоес, посланный с миссионерскими целями в Китай. См. Н. Yule. *Cathay...*, vol. II, p. 562. От Чильгумбеа ответвляется дорога, идущая на Кашгар через селение Янгигиссар. Этим маршрутом прошел в 642 г. паломник Сюань Цзан на своем пути из Ташкур-гана в Кашгар. Другая, более длинная, но более удобная дорога из Ташкур-гана в Кашгар идет по долине Тагармы и по ущелью р. Гез. См. Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире...*, стр. 18. Этим путем прошел около 1274 г. в Кашгар Марко Поло. Трудный юго-восточный путь из Ташкур-гана в Яркенд через долину Вача, перевал Кандахор (Кандар-Даван), селение Тон, Кошараб и Якаарык известен по маршруту Свена Гедина. См. Свен Гедин, *В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан*, т. II, СПб., 1899, стр. 25—38.

Что касается прямого сообщения Сарыкола с Хотаном, то, вероятно, эта связь проходила главным образом через Каргалык и Кокъяр⁷².

Можно прийти к заключению, что главные древние маршруты от верховьев Тарима к верховьям Инда и древнего Окса проходили через Ташкурган. Подчеркивая важность этого района, Ширатори даже полагает, что «Ташкурган как стратегический пункт Южной дороги был хорошо известным районом со времен Геродота»⁷³.

Теперь рассмотрим, как проходили в пределах Памира пути из Ташкургана в Балх. Остановимся на том из них, который мог проходить непосредственно через Центральный Памир⁷⁴, связывая Ташкурган с Балхом самым прямым маршрутом.

Первым исследователем Памира, указавшим на существование такого пути, был французский исследователь Пакье, отождествивший этот маршрут с путем Птолемея⁷⁵. Эту же мысль, хотя и недостаточно четко, высказывал еще Риттер, отмечавший, что кратчайший путь между Бадахшаном и Яркендом идет не обходом по северному верховью Аму-Дарьи — р. Болор (Памир) через Вахан, а прямо, через самые пустынные горы в Бадахшан⁷⁶. Впоследствии эта мысль никем из исследователей Памира не была развита, и только современный писатель, путешественник и исследователь Припамирья А. В. Станишевский писал о существовании древнего торгового маршрута через Памир по линии Мургаб — Аличур — Гунт — оз. Шива⁷⁷.

Вообще ландшафт Восточного Памира с его системой плоскогорий, лежащих на огромной абсолютной высоте (до 4 тыс. м над уровнем моря), и сравнительно невысоких хребтов, с его широкими и пологими речными долинами, связанными между собой удобными перевалами, не может представлять препятствие не только для вьючного, но даже и автомобильного движения. Что же касается вьючного движения, то Восточный Памир имеет свои неоспоримые преимущества, связанные с обилием великолепных горных пастбищ. Об этих пастбищах писал еще в XIII в. Марко Поло: «Лучшие в свете пастбища тут; самая худая скотина разжиреет здесь в 10 дней»⁷⁸. Естественно, что особенности восточнопамирских пастбищ должны были с давних пор привлекать к себе караваны, идущие из Бактрии в Кашгарию и обратно.

Через долину Сарыкола Ташкурган связан с верховьями р. Аксу множеством удобных перевалов. В свою очередь широкая долина этой реки через впадину Мургаба и соседние долины связана с долиной Аличура. Надо полагать, что район Кызылраба в верховьях Аксу с давних пор служил пунктом, где сходились и расходились пути из Вахана, Сарыкола и Восточного Памира. Путь из долины Аличура вел мимо оз. Яшилъкуль к верховьям Гунта, т. е. к Шугнану. На этом отрезке

⁷² Самая прямая дорога от Каргалыка к Ташкургану идет вверх по р. Тизнаф через селение Шихлу по направлению к р. Раскем-Дарья и, пересекая последнюю в селении Тон, проходит к Ташкургану маршрутом Свена Гедина. Стейн предполагает, что этим путем прошел около 400 г. н. э. из Хотана в Северную Индию китайский паломник Фа Сянь, а в 319 г. Сон Юн. См. A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. 1, p. 29.

⁷³ K. Shiratori, *On the Tr'ung-ling traic route...*, p. 27. Ширатори также отождествляет Ташкурган с областью Касия Птолемея, расположенной к востоку от Имая.

⁷⁴ Центральный Памир — район, который принято называть Восточным Памиром. См. О. Е. Агаханянц, *О природных границах Памира*, — «Известия Всесоюзного Географического общества», 1961, № 5, стр. 415, где автор дает четкие определения природным границам Памира.

⁷⁵ J. Raquier, *Le Pamir...*, p. 24.

⁷⁶ К. Риттер, *Восточный или Китайский Туркестан*, вып. I стр. 247.

⁷⁷ Азиз-Ниалло (А. В. Станишевский), *По горным тропам, Памирские путевые заметки*, Ташкент, 1933, стр. 115.

⁷⁸ Книга Марко Поло, М., 1955, стр. 76.

он, по-видимому, не совпадал с современным автомобильным путем из Хорога в Мургаб через перевал Кой-Тезек, который делает большой крюк по притоку Гунта — р. Тогусбулак. Древний маршрут из долины Аличура в долину Гунта был, очевидно, значительно короче современного и, хотя представлял большие трудности, был вполне проходим для вьючного движения. Это обстоятельство заметил еще Стейн, отмечавший, что в зимние месяцы используется Яшилкульская дорога, которая частично идет по льду озера⁷⁹.

Говоря о пути по Гунту, следует подчеркнуть, что за оз. Яшилкуль ландшафт Памира резко меняется. Восточно-Памирские плоскогорья кончаются и начинается Западный Памир с его системой глубоко врезаемых ущелий и узких долин, где бурные горные реки — Бартанг, Гунт и Шахдара — несут свои воды на запад к Пянджу. Здесь выбор путей крайне ограничен. Бартанг совершенно непроходим для вьючного движения, Шахдара проходима ограниченное время года, и только долина Гунта представляет оптимальные условия для такого сообщения⁸⁰. Дорога вниз по Гунту от селения Ванкала и до впадения в Пяндж у Хорога совпадает с современным автомобильным трактом. Она, несомненно, была пригодна в старину для вьючного движения, иначе там не было бы многочисленных развалин древних укреплений. Стейн отмечал, что по дороге вдоль Гунта часто следовали путешественники и войска⁸¹. Но он недостаточно подчеркнул стратегическое значение шугнанского маршрута, так как на карте древних путей Памира предложенный им маршрут вдоль Гунта упирался в Пяндж за Хорогом и затем поворачивал на юг вверх по Пянджу к Ишкашиму, соединяясь там с дорогой по Вахану⁸². В такой интерпретации Шугнанский путь имел только ограниченное местное значение. Однако древний маршрут вниз по Гунту не оканчивался Пянджем, а пересекал его в районе Хорога⁸³ и через столицу Афганского Шугнана, Калаи-бар-Пяндж (замок над Пянджем. — А. З.), по р. Вачерв, через оз. Шива, окруженное великолепными горными пастбищами, шел к Файзабаду и далее к Балху⁸⁴.

Со всей определенностью вырисовывается линия коммуникаций, связывающих Ташкурган с Балхом через Центральный Памир. Естественно, что наиболее сложным участком этого пути был маршрут по Гунту в Шугнана, проходивший в пределах Западного Памира.

Древнейшие известия об его использовании связаны с проникновением китайцев в районы Памира в первой половине VIII в. н. э. Захватив Сарыкол и учредив там военный пост Цунлин⁸⁵, империя Тан стремится подчинить себе Шугнан, Вахан и даже Балтистан (Малый Тибет). Считая Малый Болюй (Ясин и Гилгит) восточными воротами империи, танское правительство стремилось закрыть эти ворота для тибетцев⁸⁶. В 747 г. н. э. имперские войска под руководством генерала

⁷⁹ A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 856.

⁸⁰ В снежные зимы, когда все перевалы из Шунана на Восточный Памир закрываются, можно пользоваться окружным путем через Вахан и перевал Мац.

⁸¹ Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 856.

⁸² A. Stein, *On ancient tracks past the Pamirs*, p. 88.

⁸³ По сведениям, любезно предоставленным А. В. Станишевским, у селения Тын еще в недавние времена существовал хороший мост через Пяндж.

⁸⁴ Последний важный участок пути между Калаи-бар-Пянджем и Файзабадом, впервые описанный Троттером, не представляет трудностей для вьючного движения. См. T. D. Forsyth, *Report of a Mission to Yarkand in 1873*, Calcutta, 1875, p. 278.

⁸⁵ E. Chavannes, *Documents...*, p. 124.

⁸⁶ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 142.

Гао Сянь-чжи вторгаются из Ташкургана в Шугнан и Вахан, затем, разбив тибетцев у Сархада, пересекают Гиндукуш через перевалы Барогиль (3798 м) и Даркот (4575 м) и оккупируют Ясин и Гилгит. В ходе этой экспедиции Гао лично провел значительные силы кавалерии и пехоты из Кашгара в Сарыкол, Шугнан и Вахан⁸⁷. Поход Гао Сянь-чжи — первый и последний известный в истории переход Памира большой регулярной армией. Маршрут этой экспедиции наглядно показывает степень проходимости древних путей Памира и рассеивает всякие иллюзии относительно Памира и Гиндукуша, как неприступных природных рубежей. Вторичный поход Гао Сянь-чжи в Южное Припамирье в 750 г. и оккупация Читрала был последним успехом полководца. Год спустя он был наголову разбит Зияд ибн Салихом в Таласской битве⁸⁸, после которой китайцы не появлялись в Средней Азии и Припамирье целое тысячелетие⁸⁹.

О торговом значении шугнанского направления в значительно более позднее время говорит то обстоятельство, что еще в середине прошлого века за караванный сезон, длившийся семь месяцев в году, через Шугнан и Центральный Памир проходило в Кашгар и Яркенд из Бадахшана до 6 тыс. вьючных лошадей⁹⁰.

Известный буддийский паломник У Гун, направляясь в Индию, прошел в 751—752 гг. из Кашгара в Шугнан, а на обратном пути, более чем 30 лет спустя, снова прошел этой же дорогой⁹¹. По-видимому, маршрут У Гуна проходил по долине Гунта, так как это наиболее удобный путь из Шугнана по направлению в Сарыколу⁹².

Если дошедшие до нас конкретные сведения об использовании Шугнанского пути относятся к началу танского времени, то это не дает оснований считать, что он не был известен и ранее. Вероятно, и Гао Сянь-чжи и У Гун прошли по маршрутам, уже известным в ханьское время. Достаточно вспомнить о конфликте между двумя империями Азии в Восточном Припамирье в конце II в. н. э. Причины конфликта, приведшего к военному столкновению, по-видимому, надо искать, с одной стороны, в агрессивной западной политике ханьского Китая, орудием

⁸⁷ E. Chavannes, *Documents...*, p. 151; A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 53.

⁸⁸ Л. Н. Гумилев, *Три исчезнувших народа*, — сб. «Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961, стр. 113. Последовавшее вскоре восстание Ань-Лушаня (754—764) настолько обескровило Танскую империю, что Китай после этого надолго замкнулся в своих границах. См. Л. Н. Гумилев, *Древние тюрки VI—VIII вв.* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Л., 1961, стр. 24.)

⁸⁹ В середине XVIII в. Цинская империя вторглась в Западную Монголию (Джунгарию). В 1757 г. цинские войска, преследуя ойратов, дошли до Сайрама и Ташкента, а в 1758 г. почти все население страны было истреблено и Джунгария прекратила свое существование как самостоятельное государство. В 1759 г., преследуя мусульманских владетелей Кашгара и Яркенда, китайские войска снова появляются на Памире и доходят до оз. Яшилкуль. Планы императора Хун Ли (Цяньлуня) захватить районы Западного Туркестана были сорваны сопротивлением населения, а местные владетели обратились за помощью к афганскому правителю Ахмед-шаху Дуррани, который в 1763 г. отправил часть своих войск на защиту Ташкента (см.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 680; К. Риттер, *Восточный или Китайский Туркестан*, стр. 269—274; П. Г. Корнилов, *Кашгария*, стр. 10—11).

⁹⁰ По сведениям А. В. Станишевского.

⁹¹ S. Levi et E. Chavannes, *L'itinéraire d'Ou-K'ong*, — «Journal Asiatique», t. VI, pp. 346—348.

⁹² Необходимо отметить, что описанная дорога по Гунту в Ташкурган и Яркенд имела на территории Восточного Памира ответвление в Кашгар. Оно шло из долины Мургаба мимо оз. Рангкуль, через перевал Чон-Китай, китайское укрепление Булункуль и устье р. Гез-Дарья. См. Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире...*, стр. 17. Вероятно, по этой дороге двигались войска Гао Сянь-чжи из Кашгара через Памир к Сархаду и тем же путем следовал из Шугнана в Кашгар паломник У Гун.

которой был известный полководец Бань Чао. С небольшими силами, ловко используя распри местных владетелей, он за несколько лет подчинил владения Западного края (бассейн Тарима) и, захватив Яркенд (88 г.), подошел вплотную к Памиру, стоящему на границе кушанской империи. О том, что намерения Бань Чао шли дальше и он строил планы перейти Памир, свидетельствует одно из его донесений императору⁹³. С другой стороны, неуклонно расширявшееся молодое кушанское государство в своей восточной политике не могло недооценивать экономических выгод, связанных с обладанием узлом караванных путей в западной части Тарима. Как видим, столкновение назревало неизбежно и разразилось в 90 г. н. э. Возможно, желая предупредить действия Бань Чао, а скорее спровоцированный отказом полководца пропустить посольство кушан к императорскому двору в Китай, кушанский «вице-король» Сэ с 70-тысячной армией⁹⁴ перешел Памир и завязал бои в Кашгарии, стремясь пробиться к Куче, остававшейся еще враждебной Китаю. Поход оказался безрезультатным из-за военной хитрости Бань Чао, отрезавшего кушан от Кучи и тем самым лишившего войска продовольствия. Кушаны отступили с потерями, а заключенный мир (91 г.) был выгоден для Китая⁹⁵. Это было первое поражение кушан к востоку от Памира. Однако для нас в рассматриваемых событиях важен сам факт перехода через Памир больших соединений кушанских войск, главной ударной силой которых, как известно, была тяжелая панцирная конница.

Говоря о маршруте кушанских войск, надо сказать, что это мог быть или Шугнанский, или Ваханский путь, так как Ферганский и Каратегинский маршруты полностью исключаются — первый как слишком длинный, второй как очень трудный для такого сложного продвижения⁹⁶. Кратчайший путь из кушанских владений в район Кашгара и Кучи лежал на линии Шугнанского пути, которому и следует, по-видимому, отдать предпочтение⁹⁷.

Все изложенное выше позволяет утверждать, что Шугнанский путь, пересекавший горную систему Памира с запада на восток, был одним из важнейших маршрутов этого района.

⁹³ E. Chavannes, *Trois généraux chinois de la dynastie des Han orientaux*, — «T'oung Pao», 1906, t. VII, p. 226.

⁹⁴ Следует отметить, что число войск сверх 10 тыс. дается древними китайскими историками приблизительно, как лежащие за пределами возможного измерения, поэтому преувеличения здесь неизбежны. См. Л. Гумилев, *Хунну*, стр. 60—61, где дается приблизительный коэффициент такого преувеличения.

⁹⁵ Об этих событиях см.: «История Поздней династии Хань», гл. 77 (E. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou*, — «T'oung Pao», t. VII, p. 232). R. Ghirshaman, *Begram, Recherches archéologique et historique sur les Kouchans*, — «Memoir de la Délégation archéologique Française en Afghanistan», Caire, t. XII, 1946, pp. 130—131; А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 81—82; Л. Н. Гумилев, *Хунну*, стр. 222.

⁹⁶ Л. Н. Гумилев, однако, полагает, что кушаны шли Ферганским путем, принимая Цунлин за Алай (а не Памир) и считая, что на Памире не было дорог для тяжелой конницы. См. Л. Н. Гумилев, *Хунну*, стр. 222. С этим автор настоящей работы не может согласиться.

⁹⁷ Вторично кушаны перешли Памир и вторглись в Кашгар между 114—116 гг. н. э. См. E. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou*, — «T'oung Pao», 1907, t. VIII, pp. 205—206. Б. Я. Ставиский связывает с этим походом кушан введение в Кашгаре буддизма, которое обычно датируется 120 г. н. э. [Б. Я. Ставиский, *Средняя Азия в Кушанский период* (готовится к печати)]; Ю. Н. Рерих полагал, что маршрут второго похода кушан проходил через Тагдумбаш Памир (бассейн р. Карачукур). См. Ю. Н. Рерих, *История Средней Азии* (рукопись). Автор пользуется случаем принести благодарность Б. Я. Ставискому и И. М. Богдановой за предоставленную возможность ознакомиться с рукописями. В этом случае кушаны должны были идти Ваханским путем.

Ваханский путь. Маршруты между Балхом и Ваханом. Есть основания полагать, что маршрут через Южное Припамирье по широкой долине Вахана был основным на южном отрезке древнего пути из Восточного Туркестана в Бактрию. А. Стейн, пройдя долину Вахана в 1906 г., отмечал, что ее «с ранних времен следует считать главной связующей дорогой, соединяющей Западную Азию, а через нее и классический мир с Внутренней Центральной Азией и с Дальним Востоком»⁹⁸.

Начинаясь также от Ташкурмана, этот маршрут шел в юго-западном направлении и, пересекая Сарыкольский хребет рядом удобных перевалов, тремя путями выходил в долину Вахана. Пройдя эту широкую долину, главная дорога поворачивала от Ишкашима к селению Зебак на р. Вердудж. Здесь она соединялась с древней караванной дорогой, ведущей через перевал Дора (4554 м) в Читрал, Пешавер и далее в Индию⁹⁹. Древний маршрут вверх по р. Кокча (Вердудж) вел через Бехарек¹⁰⁰, в Файзабад и Балх. Дорога от Ишкашима до Файзабада могла проходить и другим, более коротким путем — по Пянджу до селения Баршор, а оттуда через открытый круглый год перевал Агхирда на пригорье р. Кокчи в Бехарек и далее в Файзабад¹⁰¹.

Рассмотрим пути, по которым из Ташкурмана можно было достичь долины Вахана — главной артерии Южного Припамирья.

Маршруты между Ваханом и Ташкурманом. Самый короткий и удобный путь из Ташкурмана в Вахан ведет по долине Сарыкола к верховьям Аксу в район Кызылрабата через перевал Беик (4662 м) и другие, лежавшие севернее перевалы Сарыкольского хребта. В этом пункте дорога из Ташкурмана в Вахан разветвляется. Один маршрут идет мимо оз. Зоркуль вниз по течению правого притока Пянджа — р. Памир (маршрут через так называемый Большой Памир), другой маршрут идет мимо оз. Чакмантыкуль вниз по Вахандарье (маршрут через так называемый Малый Памир). Оба пути соединяются у селения Лянгаркишт в Вахане. Наиболее удобна дорога по Большому Памиру, открытая значительную часть года, так как снега здесь выпадает сравнительно мало¹⁰². Существует и третий путь (через Тагдумбаш Памир), который ведет от Ташкурмана к верховьям долины Сарыкола и через перевал Вахджир (4923 м), у местечка Башгумбез соединяется с дорогой по Вахандарье. Этот маршрут более труден, чем описанные выше, тем более что высокий Вахджирский перевал на несколько месяцев заваливается снегом.

Цзибиньский путь в Индию через «висячий переход». Однако путь из Сарыкола по направлению к перевалу Вахджир важен в том отношении, что связан с дорогой в Индию, которая идет от развалин крепости Киз-Курган (Замок девы) в южной части долины, затем вверх по долине р. Карачукур и через перевал Мингтеке (4629 м) в Хунзу и Гилгит. Путь через Мингтеке открыт для вьючного движения большую часть года и является наиболее коротким и удобным из путей, связывающих Восточное Припамирье с Северной Индией.

⁹⁸ A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 60.

⁹⁹ См. A. Foucher, *La vieille route de l'Inde de Balches a Taxila*, — «Memoire de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan», Paris, 1942, t. I, fig. 39.

¹⁰⁰ У Бехарека возле слияния рек Вердуджа и Кокчи находятся развалины древних укреплений, которые контролировали этот путь. См.: E. Barger, *Exploration of ancient sites in Northern Afghanistan*, — «Geographical journal», 1939, № 5, p. 388. Древнюю столицу Бадахшана Берджер отождествляет с руинами у селения Пайян Шехр («Подножие города») к северо-востоку от Бехарека.

¹⁰¹ И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи*, стр. 48.

¹⁰² А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр*, ч. I, стр. 35.

Есть все основания отождествить этот маршрут с путем ханьского времени, который вел из Пишани (селение Пишна в оазисе Гума) в Уча (Сарыкол), а затем в Цзибинь (Кашмир)¹⁰³ через так называемый «висячий переход», упомянутый еще в «Истории Поздней династии Хань»¹⁰⁴. Точно установить место самого «висячего перехода» вряд ли возможно, так как вообще висячие мосты через горные реки или висячие балконы (овринги) над пропастями распространены во всем Припамирье. Гораздо важнее установить, где этот путь пересекал водораздел Гиндукуша (Паропамиза античных авторов), а это значительно легче, поскольку перевалы, проходимые с вьюком, в Восточном Гиндукуше насчитываются единицами¹⁰⁵ [перевалы Барогиль (3798 м), Кхора-Бхурт (4630 м), Иршад-Увин (4925 м), Килик-Даван (4755 м) и Мингтеке (4629 м)]. Перевал Барогиль наиболее легкий, но его стратегическое значение всегда снижалось тем, что путь в Мастудж и Читрал в летние месяцы становился совершенно непроходимым для вьючного движения из-за половодья р. Ярхун¹⁰⁶, а путь через перевал Даркот (4575 м) в Ясин и Гилгит непроходим в зимние месяцы, а в летний период представляет очень большие трудности для регулярного вьючного движения¹⁰⁷. Кхора-Бхурт ведет к Ясину и Гилгиту через долину Ишкумана и доступен для вьюков, хотя открыт короткое время. Этот перевал значительно труднее Барогильского, но легче Даркота. Следующий к востоку перевал Иршад-Увин, ведущий в Хунзу и Гилгит, очень труден для вьючного движения. Перевал Килик-Даван удобен для вьюков, как и Мингтеке, хотя открыт ограниченное время года, но путь из Сарыкола в Гилгит через Мингтеке значительно короче¹⁰⁸. Поэтому локализацию А. Херрманном Цзибиньского пути через Килик-Даван следует признать неверной, но локализация им «висячего перехода» в Канджуге наиболее вероятна¹⁰⁹. Историческую важность и древность этого пути через Канджуг подчерки-

¹⁰³ Отождествление местности Уча с Сарыколом, а Цзибини Ханьского времени — с Кашмиром сделано Э. Шаванном. См. E. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou...*, p. 175; *Documents...*, p. 336. Пишань отождествил с селением Пишна Аристов, который локализовал интересующий нас путь из Пишны через Кокъяр и Тон на Раскем-Дарье, основываясь на дневниках Б. Л. Громбчевского (Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире...*, стр. 21, 28). Путь из селения Тон в Ташкурган совпадал с маршрутом С. Гедина.

¹⁰⁴ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 180.

¹⁰⁵ Подробное описание перевалов Гиндукуша дал А. Е. Снесарев.

¹⁰⁶ В настоящее время через Читрал и Мастудж к перевалу Барогиль ведет грунтовая дорога, пригодная для автомобильного транспорта почти круглый год. См. А. М. Рябчиков, *Природа Индии*, стр. 82.

¹⁰⁷ Что касается упомянутой экспедиции Гао Сянь-чжи, который провел в 747 г. через покрытый льдом Даркотский перевал 3 тыс. конных воинов, то она представляет исключение, подобно альпийским переходам выдающихся европейских полководцев от Ганнибалы до Суворова, и не может служить доказательством регулярного функционирования этого пути в древности.

¹⁰⁸ Такой знаток Припамирья, как А. Е. Снесарев, отмечает, что «перевал Мингтеке (Мингтеке) является перевалом очень важным по его положению на самом прямом пути между Гунзой (Хунзой) с одной, и Кашгарией или Памиром с другой стороны, это перевал вьючный, легкий и открытый круглый год, причем вьючное движение прекращается в течение трех месяцев». См. А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр*, ч. I, стр. 129.

Красочное описание перевала Мингтеке дает Шивашанкара Менон, который прошел его в 1957 г. на пути из Гилгита в Сарыкол. Его маршрут далее в Кашгар совпадал с путем Сюань Цзана. См. К. П. Шивашанкара Менон, *Древней тропой*, М., 1957, стр. 48.

¹⁰⁹ Что же касается направления до Канджуга, предложенного Херрманном от оазиса Гума через перевал Санджу (5075 м) и Упранг (4890 м), то оно построено вне учета реальной проходимости этого сложного горного района и не может быть принято (А. Herrmann, *Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom im 100 nach. Chr. Geb.*, Leipzig, 1922, S. 55).

кивал Стейн, отмечая, что «дорога через Гилгит в Хунзу и по Тагдумбаш Памиру является самой удобной линией при подходе к Кашгару»¹¹⁰. Следовательно, есть все основания связывать Цзибиньский путь ханьского времени с описанным маршрутом из Сарыкола через перевал Мингтеке в Канджут¹¹¹.

Дипломатические отношения Китая с Цзибинью через «висячий переход» начались при императоре У-ди (140—86)¹¹². Это же легендарное место было крайней точкой китайской экспансии к югу от Гиндукуша в ханьское время, когда в 91 г. н. э. Бань Чао перешел Цунлин и остановился перед «висячим переходом»¹¹³. Только спустя 656 лет Гао Сянь-чжи удалось временно оккупировать часть Южного Припамирья¹¹⁴. Однако путь его войск лежал через перевалы к западу от Цзибиньского пути, который, вероятно, потерял к этому времени свое стратегическое значение, так как он уже не фигурирует в китайских источниках танского времени.

Если предложенная локализация Цзибиньского пути верна, то становится ясным, где могла пройти по направлению к «висячему переходу» в Северную Индию часть сакских племен в середине II в. до н. э., оттесненных из района Тянь-Шаня племенами юечжей¹¹⁵. Эта интересная проблема была затронута в трудах В. В. Григорьева¹¹⁶, А. Гутшмидта¹¹⁷ и Н. А. Аристов, причем последний локализовал путь продвижения саков через перевал Барогиль в Гиндукуше¹¹⁸. Этому же вопросу касались А. Н. Бернштам¹¹⁹, А. М. Мандельштам¹²⁰ и Б. А. Литвинский¹²¹. А. К. Нарайн полагает, что саки двигались от верховьев р. Или через перевал Терек-Даван (4135 м) на Кашгар, затем к Ташкургану и через один из северных проходов в Гиндукуше в Гилгит¹²². Таким наиболее прямым и удобным северным проходом через Гиндукуш несомненно мог быть описанный выше перевал Мингтеке. Однако необходимо подчеркнуть, что этим трудным выючным путем могли пройти только отдельные конные войсковые соединения. Что же касается племенной массы саков, главным транспортным средством у которых, как и у хуннов, была, по-видимому, кибитка, запряженная волами, то этот трудный выючный путь был для них исключен¹²³.

¹¹⁰ A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, p. 1.

¹¹¹ В настоящее время по трассе древнего пути проложена автомобильная дорога от Гилгита вверх по долине р. Хунзы до селения Мыскар, находящегося на подступах к перевалу Мингтеке. См. А. М. Рябчиков, *Природа Индии*, стр. 70.

¹¹² Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 179.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ E. Chavannes, *Documents...*, p. 151.

¹¹⁵ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 190—191.

¹¹⁶ В. В. Григорьев, *О скифском народе саках*, СПб., 1871, стр. 132.

¹¹⁷ A. Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden*, Tübingen, 1888, S. 60.

¹¹⁸ Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире...*, стр. 62.

¹¹⁹ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 280—281.

¹²⁰ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 79.

¹²¹ Б. А. Литвинский, *Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности*, — «XXV Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 9—10.

¹²² A. K. Narain, *The Indo-Greeks*, Oxford, 1957, p. 135. В этом случае саки должны были двигаться по водоразделу Аму-Дарьи и Тарима, а еще П. Н. Савицкий было отмечено, что «в кочевом мире именно водораздельные центры являлись узлами путей (см. П. Н. Савицкий, *О задачах кочевниковедения*, Прага, 1928, стр. 4).

¹²³ О способе передвижения хуннов см.: Л. Н. Гумилев, *Хунну*, стр. 31. Что касается выючного передвижения больших кочевых масс, то оно получает широкое распространение в Центральной Азии лишь в тюркское время. См. Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Приложение к Историческому атласу Монголии*, — Архив Г. Е. Грумм-Гржимайло в библиотеке Филиала Географического общества СССР в Ленинграде.

Возвращаясь к Ваханскому пути, следует отметить, что первые конкретные сведения о нем отдельных путешественников относятся к 519 г. н. э., когда два китайских паломника — Сон Юн и Хой Шен прошли этой долиной на пути из Сарыкола в Северную Индию. Согласно сведениям Хой Шена, сохранившимся в «Истории Северных династий (557—581)», из Вахана шли две дороги: одна — на запад к эфталитам, другая — к юго-западу в Удьяну (бассейн р. Сват) ¹²⁴. Очевидно, указанные пути из Вахана расходились от современного селения Сархад, откуда через перевал Барогиль идет проход по р. Ярхун к Мастуджу и оттуда долиной р. Ласпура к верховьям р. Сват. Более подробные данные о Вахане имеются в анналах танского времени, где упоминается столица Бохо (Вахана) — г. Сайгашень, — отождествляемая Марквартом и Стейном с современным Ишкашимом в низовьях долины ¹²⁵.

Около 642 г. н. э. через долину Вахана прошел на пути из Бадахшана в Кашгар знаменитый китайский паломник и путешественник Сюань Цзан, оставивший первые сравнительно подробные описания Вахана и отметивший наличие там буддийских памятников и святынь ¹²⁶.

Маршрут Сюань Цзана между Ваханом и Кашгаром локализуется с достаточной точностью, так как его описания вполне соответствуют исследованной местности ¹²⁷.

После Сюань Цзана в 50—60-х годах VII в. через Вахан прошел китайский монах Сюань Чжао, в начале 20-х годов VIII в. — паломник Хой Чао и в 751 г. — паломник и переводчик буддийских текстов У Гун ¹²⁸. Путешествие Сюань Чжао интересно тем, что он побывал в Тибете, которого достиг, двигаясь через Цунлин с запада. Вероятно, он пересек Гиндукуш из Вахана через один из перевалов между Барогилем и Мингтеке, а затем через Канджут, Балтистан и Ладак достиг Тибета ¹²⁹.

¹²⁴ E. Chavannes, *Voyage de Song Yun dans l'Udyana et le Gandhara*, — «Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient», 1903, t. III, p. 380.

¹²⁵ J. Marquart, *Eransahr*, p. 224.; A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 62.

¹²⁶ St. Julien, *Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen — Thsang*, t. II. Paris, 1857, p. 201 sq.

¹²⁷ Маршрут Сюань Цзана локализуется следующим образом: Кундуз — Вахан — долина р. Памир — Ташкуртан — ущелье Шинди — плато Чичиклик — ущелье Тангитар, долина Торбаши — селение Чильгумбес — Янгигисар — Кашгар. Маршрут полностью восстановлен А. Стейном. См. A. Stein, *Serindia*, vol. I, pp. 79—80.

Описывая этот путь, Сюань Цзан сообщает о приюте для путников под названием Бэньжаншэло [санскритское пуныя-сала — «дом благотворительности»] в двух переходах к северо-востоку от Ташкуртана и о местной легенде, повествующей, что здесь от ветра и снега некогда погиб торговый караван, где было до десяти тысяч людей и тысячи верблюдов. На месте гибели каравана архат, живший в Ташкуртане, построил приют для путников на средства, оставшиеся от погибших. См. St. Julien, *Mémoires...*, t. II, pp. 209—216. Интересно, что Стейн обнаружил на плато Чичиклик в двух переходах к северо-востоку от Ташкуртана развалины древнего каменного строения, которое он отождествляет с приютом Сюань Цзана (A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 77). Этот же приют Ширатори отождествляет с «торговой станцией» Птолемея (K. Shiratori, *On the Ts'oung-ling traffic route...*, p. 30), с чем мы не согласны. А. М. Мандельштам полагает, что то было сооружение типа караван-сарая, и высказывает мысль, что этот дом благотворительности был тесно связан с буддийской общиной. См. А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 114.

¹²⁸ См. А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 121—127, где автор разбирает маршруты паломников. А. Стейн предполагает, что У Гун шел из Вахана через перевал Барогиль в долину Ярхуна, к Мастуджу, а затем долиной р. Ласпур к верховьям р. Сват.

¹²⁹ Другой кратчайший маршрут из Памира в Тибет от Киз-Кургана в Южном Сарыколе идет по Раскем-Дарье через Шахидуллу и далее вверх по течению р. Юрункаш. Впервые он был пройден с выюком в труднейших зимних условиях 1891 г. исследователем Центральной Азии и Юго-Восточного Припамирья Б. Л. Громбчевским. См.:

Связи Бадахшана с Тибетом через долину Вахан на юге Памира в мусульманское время становятся весьма интенсивными. Так, арабский географ X в. Истахри в своей «Книге путей и стран» пишет: «И вывозятся из Бадахшана гранаты и лазурит... И поступает в него мускус через Вахан из Тибета»¹³⁰. Анонимный автор географического труда «Худуд ал-алем» («Границы мира», конец X в.) сообщает, что на границе Бадахшана и Вахана лежит селение Дари Тубба (Тибетские ворота), где живут мусульмане, взимающие пошлину и наблюдающие за дорогой¹³¹. В. Минорский высказывает предположение, что эти «ворота» могли находиться между Зебаком и Ишкашимом¹³².

По-видимому, торговля арабов и тибетцев проходила в X в. по тому же пути (долина Вахана), по которому в VIII в. прошел в Тибет Сюань Чжао. Естественно допустить, что паломник следовал в Тибет по пути, уже известному задолго до его путешествия¹³³.

Обладание Ваханом как стратегически важным районом превратило долину в арену сложных политических взаимоотношений, сделало ее своеобразным «яблоком раздора» между Танской империей, Тибетом и арабами в течение VIII в. н. э. Борьба, шедшая между ними с переменным успехом, кончилась для империи Тан в середине VIII в. потерей всех ее владений в Припамирье; между арабами и тибетцами она продолжалась до начала IX в., когда арабы окончательно подчинили себе Западный Памир и Вахан, а Восточный Гиндукуш стал рубежом между пограничными владениями Халифата и Тибета¹³⁴.

Кроме стратегического значения, связанного с географическим положением, долина Вахана несомненно играла большую культурную роль в исторических связях Индии со Средней Азией и Китаем. Об этом свидетельствуют маршруты китайских буддийских паломников с IV по VII в. н. э., большинство которых на своем пути в Индию и обратно на родину прошло через Вахан. Через эту долину из Гандхары в бассейн Тарима проникала в первые века нашей эры буддийская культура¹³⁵. Ваханский путь Э. Берджер прямо называет «буддийской дорогой»¹³⁶.

Б. Л. Громбчевский, *Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром*, Новый Маргелан, 1891, стр. 36—42 и карта. О древнем использовании этого пути у нас не сохранилось сведений.

¹³⁰ «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», II, p. 327. Цит. по: А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 164.

¹³¹ Худуд ал-алем, рукопись Туманского. Издана В. В. Бартольд, Л., 1930, стр. 25а.

¹³² V. Minorsky, *Hudūd al-'Alam*, London, 1937, p. 365. Скорее всего Дари Туббат следует искать в районе селения Турбет, расположенного на р. Гявенд-дере (Тавон) на пути со стороны Зебака перед выходом к Ишкашиму. Местоположение селения Турбет см.: Бурхан-уд-Дин-и-Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан*, Ташкент, 1926, стр. 147.

¹³³ О значительно более ранних связях Памира с Тибетом красноречиво говорят многие древние погребальные памятники Памира, живо напоминающие мегалитические памятники Тибета, открытые Центрально-Азиатской экспедицией академика Н. К. Рериха и описанные профессором Ю. Н. Рерихом. См. Ю. Н. Рерих, *Звериный стиль у кочевников Северного Тибета*, Прага, 1927, стр. 10—17. Это сходство мегалитических памятников Памира и Тибета впервые было отмечено А. Н. Бернштамом (А. Н. Бернштам, *Саки Памира*, — «Вестник древней истории», М., 1956, № 1, стр. 133).

¹³⁴ Вопросы политической истории Южного Припамирья в этот период рассмотрены А. М. Мандельштамом. См. А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 141—151, 175—179.

¹³⁵ Уже в III в. н. э. Хотан пользовался славой крупнейшего центра махаянистического буддизма, а в 401 г. н. э. знаменитый буддийский проповедник и переводчик канонических текстов Кумараджива ввел махаяну в Китае (Ю. Н. Рерих, *История Средней Азии*, — рукопись автора).

¹³⁶ E. Barger, *Exploration of ancient sites in Northern Afghanistan*, p. 398. Берджер также считает Ваханский путь наиболее древним и важным из путей Припамирья (ibid., pp. 377, 397). Эту точку зрения поддерживает Т. Абаева. См. Т. Абаева, *Древ-*

Надо полагать, что Ваханский путь был наиболее древним на Памире и в Припамирье и служил продолжением Южного пути из Китая на Запад, освоенного еще в 103 г. до н. э. Северный путь вдоль южных склонов Тянь-Шаня был проложен позднее Южного. Освоение его китайцами относится к 59 г. до н. э., однако он был менее безопасным и долгое время продолжал оставаться под ударами хуннов¹³⁷.

Рассмотренные нами свидетельства позволяют заключить, что Ваханский путь с давних времен являлся важнейшей линией связи через Памир между Восточным Туркестаном, Бадахшаном, Тибетом и Северной Индией.

Знакомство с древними путями Памира и Припамирья позволяет сделать вывод о том, что этот высочайший горный район, находящийся между истоками Аму-Дарьи, Инда и Тарима, не служил преградой между древними культурами Азии. Напротив, его горные проходы с незапамятных времен служили артериями оживленных и разнообразных связей между Востоком и Западом. Сопоставляя данные письменных источников с имеющимися в нашем распоряжении археологическими материалами, можно прийти к выводу о существовании уже с I в. до н. э. следующих путей через Памир и Припамирье:

Шугнанский путь — единственный путь, пересекавший Памир с востока на запад в широтном направлении. Он шел по линии: Яркенд — Ташкурган — Аличур — Гунт — оз. Шива — Файзабад — Балх. Есть основания связывать его с маршрутом из Бактрии в Восточной Туркестан, описанным у Птолемея. Одновременно Шугнанский путь являлся северной ветвью Южного пути из Китая в страны Запада.

Ваханский путь, проходящий по югу Памира вдоль северных склонов Гиндукуша по линии: Яркенд — Ташкурган — Вахан — Ишкашим — Зебак — Файзабад — Балх. (Маршрут из Ташкургана в Вахан проходил тремя путями: по р. Памир, по р. Вахандарья и по р. Вахджир через одноименный перевал. Наиболее удобным был маршрут по р. Памир через оз. Зоркуль.) Ваханский путь являлся главной ветвью Южного пути и был, по-видимому, наиболее древним и самым важным путем Памира и Припамирья.

Цзибиньский путь из Восточного Туркестана в Северную Индию по линии: оазис Гума — Кокъяр — Сарыкол — перевал Мингтеке — Кунджут. Точно локализовать этот маршрут между оазисом Гума и Сарыколом пока затруднительно.

Ферганский путь, проходящий через северо-восточную окраину Памира и связывающий Кашгар с Ферганой и другими районами Средней Азии по линии: Кашгар — Иркештам — перевал Терек-Даван — Суфи-Курган — Гульча — Фергана. Этот маршрут служил продолжением Северного пути из Китая в страны Запада.

Что касается маршрута по Алаю и Каратегину, то ему, очевидно, следует отвести второстепенную роль среди путей Памира и Припамирья.

Активизация путей через Памир падает на кушанское время и, видимо, связана с той большой ролью, которую играл этот район, и

ние торговые пути Бадахшана, — «Научные работы и сообщения АН Узбекской ССР», Ташкент, 1961, кн. 2, стр. 184.

А. Е. Снесарев называл дорогу по Вахану «Великим Памирским путем» (А. Е. Снесарев, *Памиры в Средние Века и Великий Памирский путь*, — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», 1907, т. VII, стр. 88—90).

¹³⁷ Л. Н. Гумилев, *Хунну*, стр. 263. Например, с 16 г. н. э., в период смут после гибели Ван Мана, и до 73 г. н. э., когда Бань Чао начал завоевание Западного края, этот путь был полностью захвачен хуннами (Л. Н. Гумилев, *Хунну*, стр. 207—209).

прежде всего долина Вахана, в культурных, политических и торговых связях кушан, а через них и всего Средиземноморского мира с бассейном Тарима, Китаем и всем Дальним Востоком.

Древние пути Памира и Припамирья играли жизненно важную роль в международных связях, проходивших через эту горную страну на протяжении многих столетий.

А. Н. Зелинский

ДРЕВНИЕ КРЕПОСТИ НА ПАМИРЕ

С давних времен горные проходы Памира запирали крепости, располагавшиеся по линии основных, проходивших здесь караванных маршрутов. Развалины этих крепостей группируются главным образом в Вахане (долина Пянджа), Шугнани (долина Гунта и Шахдары) и в Сарыколе (долина Ташкурмана). И по сей день долины перечисленных рек представляют важнейшие коммуникации, связывающие Памир с окружающими районами. Естественно, что в древности, когда пути через Памир имели большое стратегическое значение, на защиту этих долин должно было быть обращено особое внимание. По имеющимся в настоящее время данным, большая часть древних укреплений Памира относится к домусульманскому времени, а точнее — к кушанской эпохе первых веков нашей эры.

Систематическое изучение крепостей Памира еще только начинается. Однако ряд уже имеющихся данных позволяет сделать обзор основных крепостных сооружений Памира, достаточно выразительно свидетельствующих о древности памирского района и тех связей, которые проходили через него.

Первое упоминание о крепостях Памира мы находим у Вуда¹, европейского путешественника, проникшего в Вахан и описавшего особенности этого района, отделяющего широкой впадиной Памир от Восточного Гиндукуша. Попытка описания крепостей Вахана и их анализа была сделана также Олуфсеном еще в конце прошлого века². Наиболее подробно крепости Памира (главным образом Вахана) были описаны замечательным исследователем Центральной Азии Аурэлем Стейном, посетившим Памир в начале XX в. А. Стейн с уверенностью отнес наиболее древние крепостные сооружения Вахана к домусульманскому времени. В 1947 г. ряд крепостей Западного Памира был исследован А. Н. Бернштамом, пионером в области изучения кочевого прошлого Памира³.

А. Н. Бернштам первым обратил серьезное внимание на подъемный керамический материал с этих укреплений, позволивший ему пред-

¹ J. Wood, *A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul and Badakhshan*, London, 1841.

² O. Olufsen, *Through the unknown Pamirs*, London, 1904.

³ A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, Oxford, 1928; А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, М., 1952, стр. 280—283.

положительно датировать многие из них от греко-бактрийского до кушано-эфталитского времени⁴. В 1957 г. некоторые крепости Гунта и Шахдары были обследованы Ю. Г. Рычковым во время Памирской антропологической экспедиции МГУ⁵. В 1956—1958 гг. и в 1962 г. ряд крепостей Западного Памира (главным образом Вахана) был обследован автором настоящей статьи во время археологических разведок, что дало некоторые новые сведения, позволяющие уточнить их датировку. Упоминания отдельных исследователей по поводу ряда второстепенных укреплений Памира содержатся в труде А. М. Мандельштама⁶.

Важность серьезного изучения крепостных сооружений Памира обуславливается той ролью, которую играл этот район с глубокой древности в культурных, политических и торговых связях между бассейном Тарима, Северной Индией, Восточным Ираном и Среднеазиатским междуречьем. В связи с этим археологическое изучение древних крепостей Памира представляет особый исторический интерес.

Крепости Шугнана. Основная часть крепостных сооружений Шугнана сосредоточена в долине Гунта, а меньшая — в долине Шахдары, что дает основания полагать, что долина Гунта играла более важную роль как линия связи. Первые памятники древних укреплений мы находим в верховьях Гунта. Вытекая из оз. Яшилькуль, Гунт течет в сравнительно узком ущелье до впадения в него р. Тогузбулак. Здесь долина расширяется, и у выхода из нее, у места слияния двух горных рек, на возвышенностях, сохранились развалины древних крепостей, Имом-хона и Ван-Кала. Единственным датирующим материалом с этих укреплений являются многочисленные осколки керамики, на которые, как указывалось выше, первым обратил внимание А. Н. Бернштам, подразделивший эту керамику на следующие типы:

фрагменты типичной даваньской керамики в виде толстых с шамотом и дресвой черепков; покрытых светло-желтым ангобом;

толстые грубоватые черепки с плотным красным лощением и лаком кушанского типа;

черепки светло-желтой, розоватой в изломе керамики на кольцевом поддоне с выпуклыми боками и отогнутым наружу венчиком, типа греко-бактрийских чаш в виде глубоких тарелок;

многочисленные безличные фрагменты посуды ранне-средневекового времени.

Следующая крепость, Ривак, расположена у селения Чартым на левом берегу реки. На горном уступе над Гунтом ясно видны фундаменты и стены мощного архитектурного сооружения. Эта крепость — одна из наиболее сохранившихся по Гунту, хотя ее архитектурные комплексы нарушены позднейшими перестройками. Подъемный материал с крепости представлен фрагментами кушанской керамики коричневой лепки⁷.

Представляет интерес крепость Кафир-Кала, расположенная в низовьях Гунта над селением Богив на высокой скале, занимающей господствующее положение над долиной. Вершина скалы представляет собой сравнительно ровную площадку примерно 120 × 200 м, южный

⁴ А. Н. Бернштам, *Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г.*, рукопись. (Рукопись любезно предоставлена автору Г. Г. Бабанской.)

⁵ Ю. Г. Рычков, *Отчет Памирской антропологической экспедиции МГУ 1957 г.*, рукопись. (Рукопись любезно предоставлена автору Ю. Г. Рычковым.)

⁶ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей*, 1957, стр. 11—20.

⁷ Описание этих трех крепостей дано по А. Н. Бернштаму.

край которой обнесен стеной, сложенной из каменных плит без следов цементирующего раствора. Толщина сохранившихся стен крепости — 0,3—0,4 м при высоте 1,5 м. В центре площадки находится полуразрушенное сооружение четырехугольной формы, которое, по-видимому, играло роль цитадели. В стенах сохранились бойницы прямоугольной формы. Интересно, что бойницы в стенах и башнях крепости Кафир-Кала имеют такую же форму, как и в крепости Ямчун в Вахане. Среди подъемного керамического материала, которым усеяны склоны и центральная площадка крепости, выделяются следующие типы:

фрагменты керамики различной толщины из хорошо отмученной глины с красным лощением по поверхности. Преобладает именно этот тип керамики;

фрагменты керамики темно-коричневого и коричневого цвета с лощением и примесью в тесте мелкого речного песка;

фрагменты грубой керамики темно-серого цвета без лощения и с примесью песка и мелких камней.

По терминологии А. Н. Бернштама, первый тип можно отнести к кушанской керамике, второй — к эфталитской, а третий — к керамике средневековья.

Следует отметить также крепость, расположенную против селения Сидж. Ее стены выложены из грубых каменных плит. Крепость имеет одну сторожевую башню в юго-западном углу против ущелья в Шугнанском хребте. Кладка стен, их размеры, форма бойниц напоминают крепость Кафир-Кала у селения Богив. Керамика на этой крепости отсутствует. В соответствии с характером кладки эту крепость по времени можно лишь предположительно отождествить с крепостью Кафир-Кала⁸.

Крепостные сооружения описанного типа встречаются и по течению главного притока Гунта-Шахдары. Это прежде всего крепости Рошт-Кала и Чарык-Кала на средней Шахдаре, строительство которых А. Н. Бернштам относит к кушанскому времени⁹. Сравнительно большое количество крепостей меньшего размера, но такого же типа находится в верховьях Шахдары. Они как бы запирают проходы из Шахдары в направлении долины Гунта, долины Аличура и долины р. Памир (например, развалины укрепления у селения Джаушангоз).

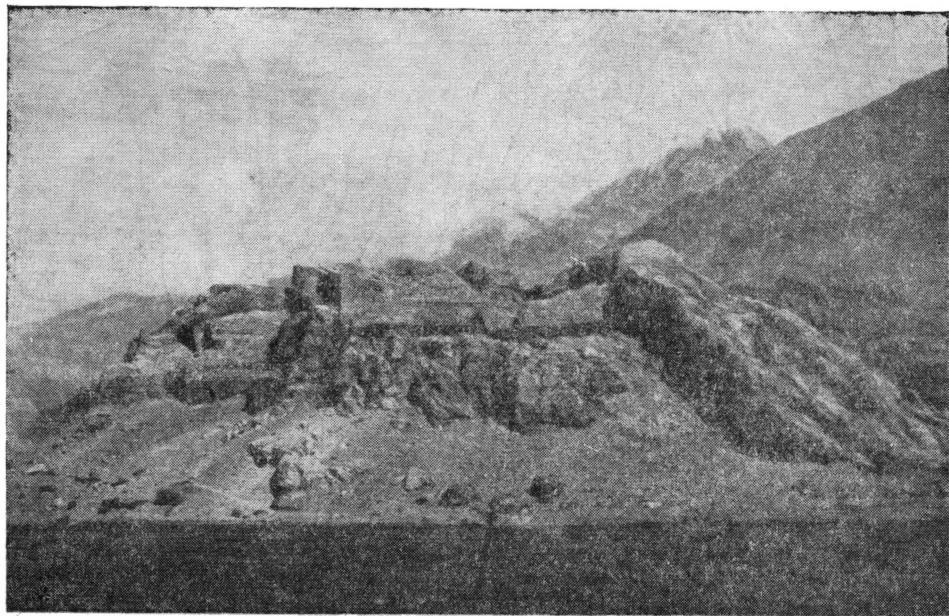
Комплекс крепостей по Гунту и Шахдаре подвергался неоднократно перестройке в дальнейший период, но подъемный материал на их площадках дает некоторые основания для датировки первоначальных укреплений кушанским временем. Если предварительная датировка крепостных сооружений Шугнана, предложенная А. Н. Бернштамом, верна, то это может послужить важным свидетельством древности района и говорит в пользу предположения, что древний путь через Шугнан, и в первую очередь по долине Гунта (Шугнанский путь), действительно существовал уже в кушанское время.

Крепости Вахана. Самые монументальные крепостные сооружения Памира находятся в долине Вахана, которая с древнейших времен была главной артерией, прорезывающей Памиро-Гиндукушский район в широтном направлении. От верховьев долины Вахана и до ее низовий прослеживается целая серия древних крепостных укреплений.

Крупнейшим крепостным сооружением в низовьях Вахана является крепость Каахка у селения Намангут в нескольких километрах выше Ишкашима.

⁸ Ю. Г. Рычков, *Отчет Памирской антропологической экспедиции МГУ...*

⁹ При осмотре крепости Рошт-Кала летом 1962 г. мы не обнаружили следов глубокой древности.

ОБЩИЙ ВИД КРЕПОСТИ КААХКА

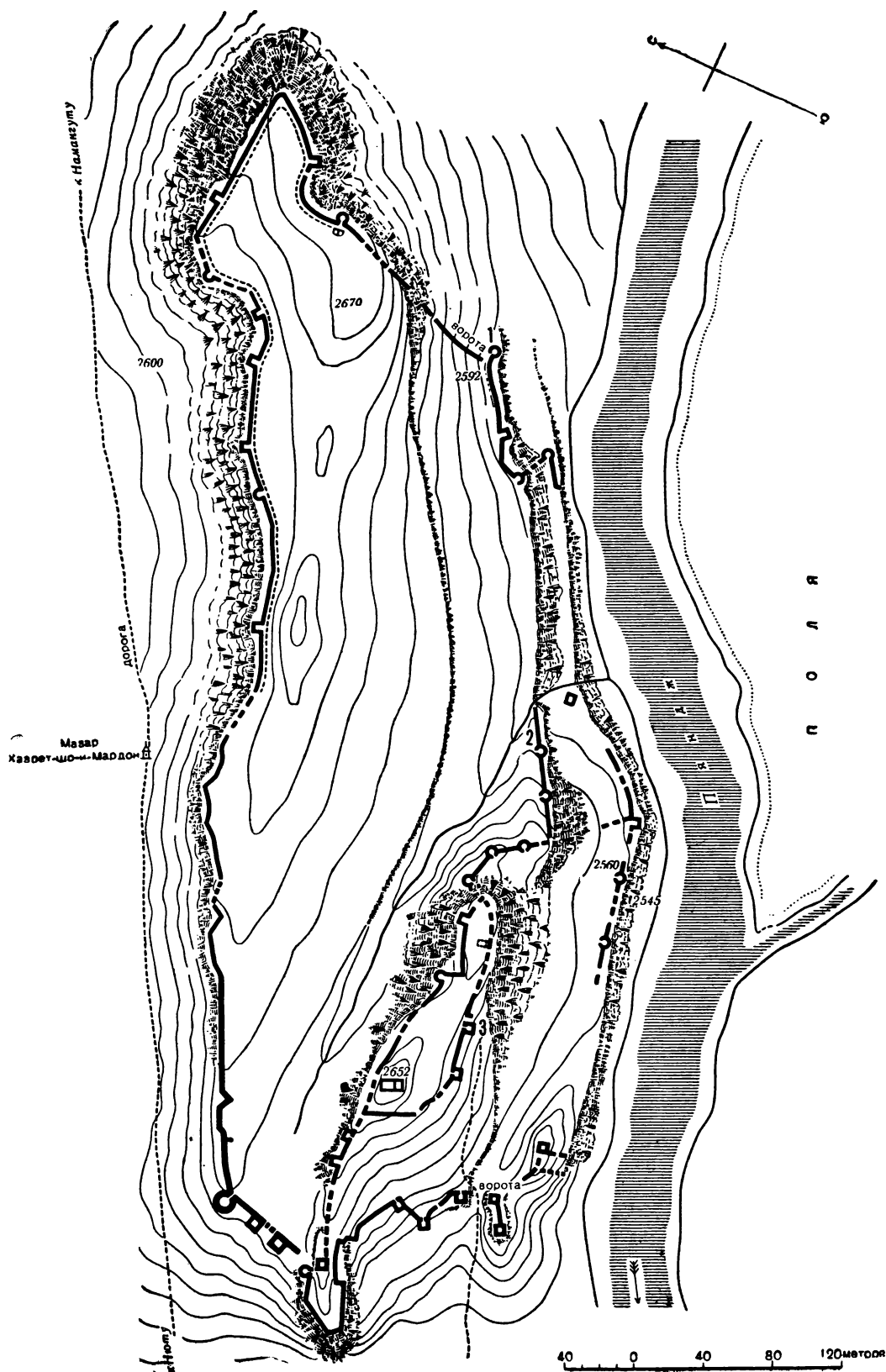
Основанием крепости Каахка служит высокий утес, стоящий на правом берегу Пянджа, в узком и бурном месте¹⁰. Стены окаймляют обрывистую кромку утеса и вытянуты с запада на восток на 675 м, а с юга на север — на 225 м. Они представляют сплошной контур по северной части скалы и состоят из отдельных участков по ее южному обрывистому краю. Фундамент (каменная кладка) имеется только в основании. Стены крепости выложены из сырцовых кирпичей прямоугольной и квадратной формы, а также из больших блоков пахсы. Наибольшая высота сохранившейся части стен достигает 8,6 м.

Параллельно внешним северной и восточной стенам сохранились развалины второго ряда стен, образующих своеобразный проход или коридор шириной около 2 м. Следы подобного же коридора имеются и в развалинах крепости Ямчун. Крепость насчитывает до 40 башен круглой и квадратной формы. Все они несколько поднимаются над линией стен и выступают вперед на 3,4 м. Башни также сложены из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Стены северного фасада крепости имеют щелевидные бойницы с высотой до 2 м при ширине 0,45 м. Их высота и ширина уменьшаются от внутренней части к внешней, что позволяет создавать обстрел «мертвого пространства».

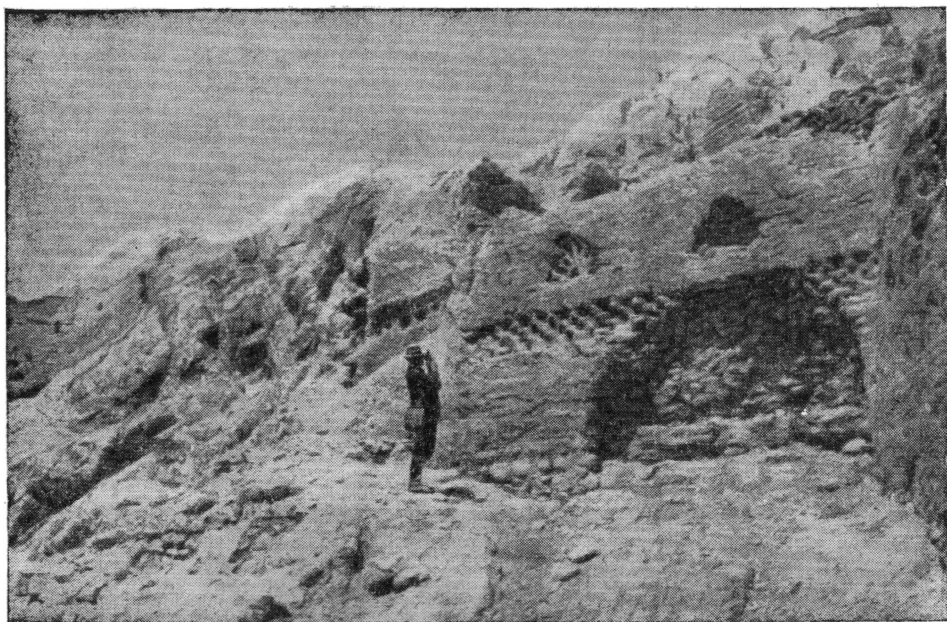
Въезд в крепость был, по-видимому, с северо-запада, где сохранились развалины двух квадратных башен на массивном каменном фундаменте. Вероятно, эти башни защищали ворота или вход между ними.

Тщательное исследование этого места Стейном показало, что башня и стены, примыкающие к проходу, выложены крепкой кирпичной кладкой с внешней и внутренней стороны, в то время как внутреннее пространство между кладкой было заполнено пластинами спрессованной

¹⁰ По сведениям А. Бобринского, здесь существовал мост, связывавший оба берега Пянджа и защищенный башнями и стенами. См. А. А. Бобринский, *Горцы верховьев Пянджа*, М., 1908, стр. 118.

ПЛАН КРЕПОСТИ КАХКА (по А. СТЕЙНУ)

ФРАГМЕНТ СТЕНЫ КРЕПОСТИ КААХКА (ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ)

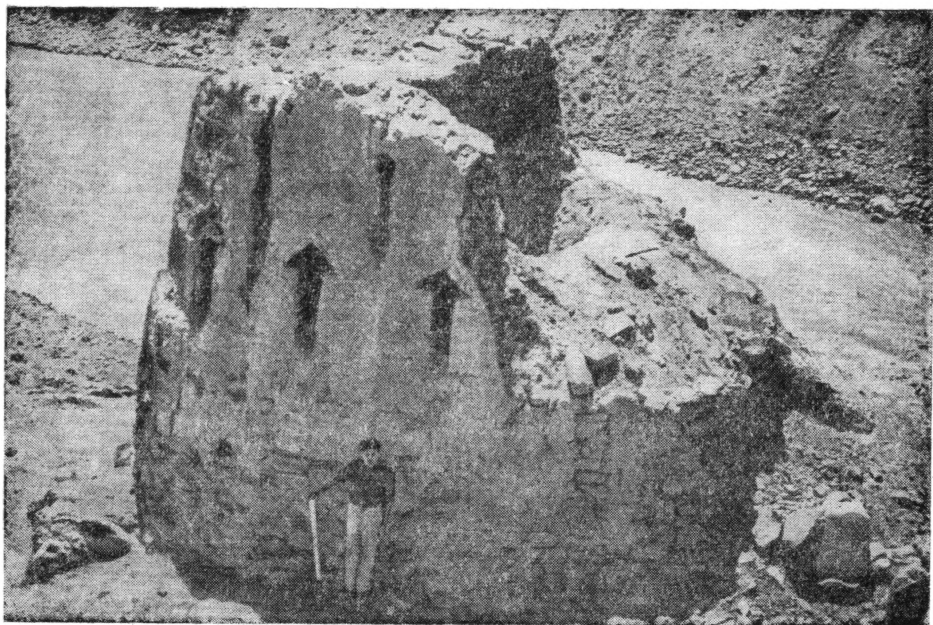
глины, разделенной прослойками валежника. Такой метод постройки, по его мнению, очень похож на конструкцию укреплений Кансир (долина Вахандарьи) и Киз-Курган (верховья долины Сарыкола). Конструкция стен, по мнению Стейна, указывает на значительную древность крепости. Однако от датировки крепости Стейн воздержался, подчеркнув лишь, что это сооружение, несомненно, относится к дому-сульманскому времени, как и крепость Ямчун¹¹.

В сохранившейся части верхнего яруса юго-западная часть стены в месте предполагаемых ворот имеет отчетливое украшение из кирпичной кладки. Оно представляет собой следы полуциркульной ниши с орнаментальными композициями в виде радиально расходящихся лучей из выложенных торцом кирпичей. Центр, откуда расходились лучи, имеет вид треугольника. Полуциркульные ниши чередуются с треугольными, середина последних выложена узкими гранями кирпича, создающими, по определению Бернштама, фигуру так называемого «сасанидского городка»¹².

На высоком гребне в юго-западной части крепости находятся развалины цитадели. В центре на самом высоком месте (свыше 100 м над рекой) сохранились остатки небольшой, прямоугольной в плане постройки из тщательно положенной сырцово-кирпичной кладки. Эти развалины, отмеченные еще Стейном, состояли из двух прямоугольных помещений, толщина их стен доходила до метра. По-видимому, здесь располагалась постройка дворцового типа. Другая небольшая постройка с разрушенными стенами занимала возвышение в восточном углу цита-

¹¹ A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, pp. 869, 876. Однако по сведениям, любезно предоставленным А. В. Станишевским, подобный метод выкладки крепостных стен с прослойками валежника применялся на Западном Памире до второй половины XIX в. (например, крепость Калаи Ватар в Рушане).

¹² А. Н. Бернштам, *Памир и Алай...*

БАШНЯ СО СТРЕЛОВИДНЫМИ БОЙНИЦАМИ НАД ПЯНДЖЕМ

дели. На ее южной стене, обращенной к реке, можно различить проход, вероятно, служивший воротами. Интересно отметить, что с запада и востока к замкнутому участку стен примыкали две дополнительные стены с квадратными и круглыми башнями, соединявшимися с внешней укрепленной линией. Характерно, что в ряде мест на южном участке внешней оборонительной линии стены отсутствовали, так как сами естественные склоны были здесь неприступными.

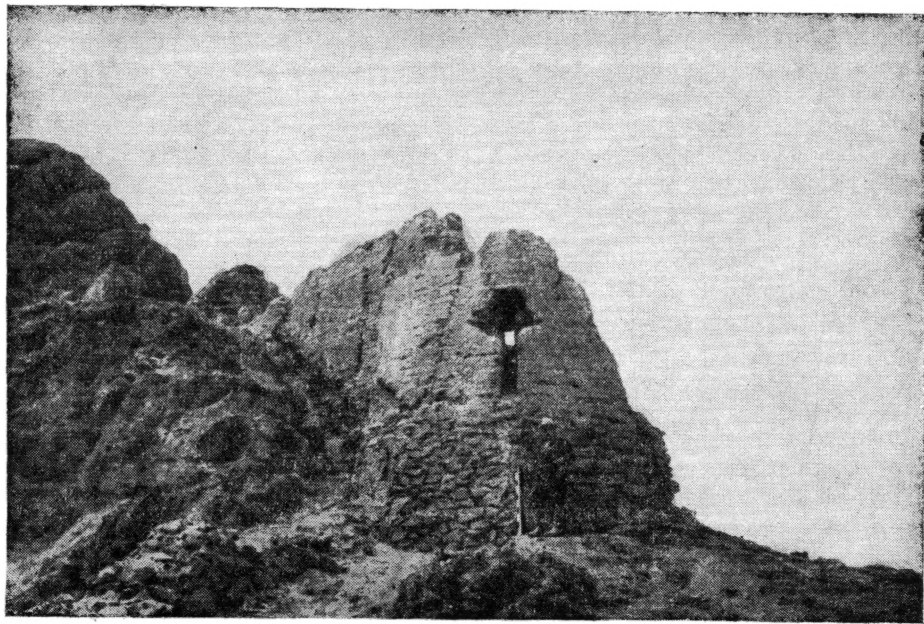
Особый интерес представляют развалины башни со стреловидными бойницами в юго-восточной части крепости (план крепости Каахка, 1). Наибольшая высота сохранившейся части башни равна 6 м. Построена она на каменном фундаменте с достройкой из оштукатуренных квадратных сырцовых кирпичей. Размер кирпичей подчеркивает древность башни ($27 \times 27 \times 5$ см). Это важное обстоятельство, так как А. Н. Бернштам зафиксировал на крепости лишь прямоугольный кирпич размером $40 \times 28 \times 10$ см¹³. Башня снабжена стреловидными бойницами высотой 60 см, шириной внизу 20 см и вверху 15 см. Бойницы сделаны расширяющимися к наружной части. В стреловидной части некоторых из них сохранилась фигура «сасанидского городка» из трех выложенных кирпичей, имеющая явно декоративный характер.

Стреловидные бойницы подобного типа характерны для крепостей античного Хорезма¹⁴ и парфянского Ирана¹⁵ и, следовательно, могут служить известным критерием для датировки крепости. Еще одна башня со стреловидными бойницами расположена в южной части крепости, обращенной к реке (план крепости Каахка, 2).

¹³ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 283.

¹⁴ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 90, 98.

¹⁵ Г. А. Пугаченкова, *Парфянские крепости южного Туркменистана*, — «Вестник древней истории», 1952, № 2, стр. 216—226.

БАШНЯ СО СТРЕЛОВИДНОЙ БОЙНИЦЕЙ И ФРАГМЕНТ СТЕНЫ

Что касается самой формы крепостных башен, то подобные круглые или овальные в плане башни появляются в Хорезме только в кушано-афригидскую эпоху IV—V вв. н. э.¹⁶ В Иране круглые башни приходят на смену квадратным в сасанидскую эпоху в середине III в. н. э. и, по-видимому, связаны с влиянием римской фортификации. Однако к югу от Гиндукуша в Саркуххе (Таксила), построенном при Канишке (I в. н. э.), круглые башни уже являются неотъемлемой частью укреплений¹⁷.

Интерес представляет также небольшой прямоугольный бастион, находящийся в наиболее высокой, южной части крепости, обращенной к Пянджу (см. план крепости Каахка, 3). Его размеры $2,5 \times 1,90$ м при толщине стен до 80 см. Бастион сложен из сырцовых кирпичей размером $40 \times 40 \times 10$ см. На некоторых из них были обнаружены своеобразные знаки в виде тамг, прочерченные пальцем на сырой глине. Таких кирпичей с тамгами при предварительном обследовании стен бастиона найдено три¹⁸, но, очевидно, их значительно больше. Кирпич размером $40 \times 40 \times 10$ см с небольшими отклонениями характерен для античного Хорезма, Парфии, Маргианы и Бактрии вплоть до V в. н. э. К югу от Гиндукуша подобный кирпич отмечен во всех трех слоях Беграма, относящихся к кушанскому времени¹⁹. Что касается знаков на кирпичах, то они встречаются в Хорезме (Джанбас-кала)²⁰, в Бак-

¹⁶ С. П. Толстов, *По следам древне-хорезмийской цивилизации*, М., 1948, стр. 195.

¹⁷ R. Ghirshman, *Bégram, Recherches archéologique et historique sur les Kouchans*, MDAFA, Caire, 1946, t. XII, pp. 39—40.

¹⁸ Квадратный кирпич с тамгами был обнаружен автором статьи во время обследования крепости Каахка летом 1962 г.

¹⁹ R. Ghirshman, *Bégram...*, pp. 23, 27, 32.

²⁰ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 90.

ФРАГМЕНТЫ СЫРЦОВЫХ КИРПИЧЕЙ С ТАМГАМИ

грии (Кей-Кобад-Шах)²¹ и в Беграме²². Иногда это буквы греческого и кушанского алфавита или различного рода тамги в виде разнообразных геометрических фигур.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что квадратный кирпич крепости Каахка также относится к кушанскому времени, а это в свою очередь является новым свидетельством древности крепости.

Культурный слой на крепости из-за скалистого грунта при сильном выветривании сохранился чрезвычайно плохо. Лучшее всего он прослеживается в ее западной части в районе цитадели. Однако крепость изобилует подъемным материалом в виде керамики разнообразных типов. Еще Стейном были отмечены многочисленные куски тонкостенной керамики из красной глины, но исследователь, к сожалению, не придал этой находке серьезного внимания.

А. Н. Бернштам, изучивший керамику крепости Каахка, классифицирует ее следующим образом:

Первая серия: тонкие кушанские черепки, лепленные на гончарном кругу с плотным лаком; толстые лепные кушанские черепки с красноватой полосчатой затиркой. Особенностью керамических изделий этого типа являются черепки боковин сосудов со слегка вогнутой внутрь закраиной и со следами гладко срезанной закраины; рыхлые черные черепки.

Вторая серия: грубые толстые черепки без лощения с дресвой, черного, серого или желтовато-розового излома. Сосуды, лепные от руки или на слабо вращающемся гончарном круге. В тесто часто замешан песок или слюдяной порошок; изредка встречаются желобчатый орна-

²¹ М. М. Дьяконов, *Древняя Бактрия*, — в кн.: «По следам древних культур, от Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 324—325. См. также: «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1958, № 66, стр. 234—235.

²² R. Ghirshman, *Bégram...*, p. 16.

мент, шишечки на внешней поверхности сосуда, витые или круглые в сечении ручки.

Первую серию А. Н. Бернштам именует кушанской и заключает в хронологические рамки с I в. до н. э. по III в. н. э. Вторую серию, переключившуюся, по его мнению, по технике со слюдяной керамикой Согда (Тали-барзу и Кафир-Кала), он именует эфталитской и относит к IV—VII вв.

Таким образом, кушанский и эфталитский керамический материал в сочетании с парфянскими и сасанидскими архитектурными приемами позволил А. Н. Бернштаму датировать крепость Каахка IV—V вв. н. э.²³

Развалины крепости Каахка А. Н. Бернштам отождествляет с городом Кухань, упоминаемым в Таншу²⁴. Но это отождествление, по-видимому, следует признать неверным, поскольку г. Кухань фигурирует в Таншу как столица области Шини (Шугнана), а не Вахана²⁵.

Благодаря сложной системе фортификационных укреплений, при сооружении которых искусно использован сложный гористый рельеф местности, крепость Каахка могла быть почти неприступной. Расположение крепости в низовьях долины Вахана, в том месте, где она резко сужается перед выходом к Ишкашиму, делало крепость ключом ко всей этой важнейшей культурной, военной и торговой трассе. Крепость Каахка господствовала над долиной Пянджа не только в широтном направлении, но могла контролировать и меридиональный проход из Вахана через Гиндукуш в Индию.

Проход идет к перевалу Истраг (5298 м) по течению р. Казиди, впадающей в Пяндж против крепости Каахка, мимо афганского кишлака Варк и развалин крепости Зульхомор (местные предания приписывают ее царевне Зульхомор — сестре легендарного Каахка). Крепость Зульхомор запирала кратчайший путь из Вахана в Читрал, который, вероятно, существовал с отдаленных времен (этот путь не относится к числу легких, хотя и проходим для одиночных всадников)²⁶. Интересно отметить, что в народных преданиях, связанных с введением мусульманства, упоминается об изгнании пророком Али из Вахана сияхвущей — огнепоклонников через Гиндукуш по перевалу Истраг²⁷ и о том, как богатырь Каахка был побежден в единоборстве с пророком.

В целом крепость Каахка по своим фортификационным особенностям в сочетании с достаточно выразительным подъемным керамическим материалом, по-видимому, является самой древней крепостью Вахана, основание которой можно с уверенностью отнести к кушанской эпохе.

Из близлежащих древних укреплений следует отметить развалины замка на северном склоне Гиндукуша. Они хорошо видны с крепости Каахка на расстоянии нескольких километров к юго-западу от нее. В связи с этим укреплением надо отметить и сторожевую башню Хабхарв-Калача над селением Нют. По местному преданию, через упомянутый выше замок она была связана сигнализацией с крепостью Каахка. На развалинах сторожевой башни нет подъемного керамического

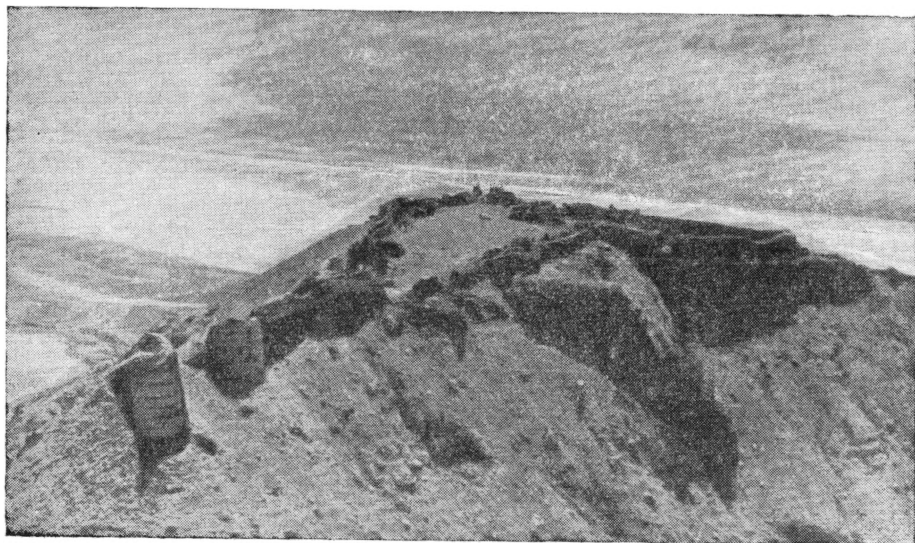
²³ А. Н. Бернштам, *Памир и Алай...*

²⁴ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 272.

²⁵ Н. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М., 1950, стр. 323; А. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 878.

²⁶ А. В. Станишевский, *Афганистан*, М., 1940, стр. 18. Об этом перевале см. также: Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край*, т. II, СПб., 1880, стр. 191.

²⁷ А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр*, ч. I, Ташкент, 1903, стр. 113.

КРЕПОСТЬ ЯМЧУН НАД ПЯНДЖЕМ (ЦИТАДЕЛЬ)

материала и иных следов, говорящих о ее древности. Однако грандиозная панорама широкой излучины Пянджа у Ишкашиша с четко вырисовывающимся проходом между Гиндукушем и Кохи-Лялем, раскрывающаяся с этого места, достаточно красноречиво говорит о важности этого сторожевого и наблюдательного пункта.

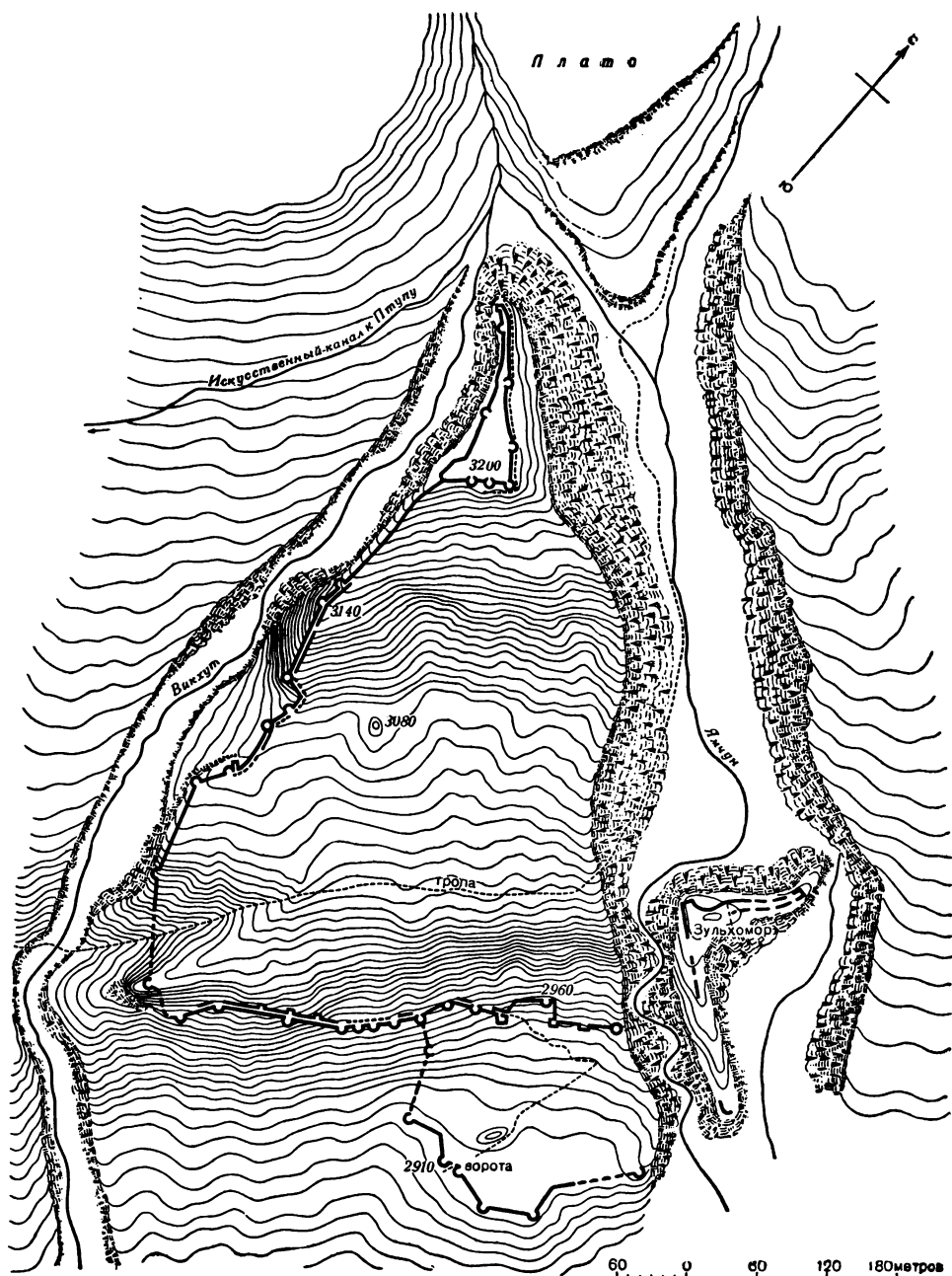
Представляют некоторый интерес и развалины небольшой безымянной крепости, расположенной на левом берегу Пянджа против селения Санг в нескольких километрах северо-восточнее крепости Каахка.

Из укреплений Ишкашима надо упомянуть небольшую крепость над селением Сумджин примерно в 12 км северее Ишкашима. Это укрепление занимает небольшую плоскую вершину скалы, возвышающейся над Пянджем. Вершина скалы окружена развалинами стен из грубых каменных глыб без следов скрепляющего раствора. В некоторых местах разрушенной кладки сохранились остатки прямоугольных бойниц примерно 0,5 м высотой. Подъемный керамический материал на территории крепости отсутствует. А. Стейн предполагает, что это укрепление было выстроено для защиты дороги из Горана от набегов шугнанцев²⁸. Вполне вероятно также, что описанное укрепление контролировало отрезок древнего пути из Бадахшана в Ваханскую долину по линии Баршор — Ишкашим.

Самым большим фортификационным сооружением Вахана и всего Памира является крепость Ямчун, или, как называет ее местное население, Замор-и-Оташ-Параст, расположенная в центре Ваханской долины.

Крепость Ямчун высится на правом берегу Пянджа над селением Ямчун на каменистом склоне, отделенном от основного массива Ваханского хребта глубокими ущельями двух горных потоков — Ямчун с востока и Викхут с запада, впадающих в Пяндж (см. план крепости Ямчун). Каменистый склон, на котором расположена крепость, не-

²⁸ А. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 876.

ПЛАН КРЕПОСТИ ЯМЧУН (по А. СТЕЙНУ)

сколькими террасообразными уступами спускается к долине у селения Ямчун. Плоская вершина склона занята треугольной цитаделью, возвышающейся над уровнем долины почти на 600 м. От цитадели отходит вторая укрепленная линия стен, опоясывающих все пространство каменистого склона с юга и запада. С северо-восточной стороны стены отсутствуют, поскольку склон в этом месте обрывается неприступным ущельем к каньону р. Ямчун. Вторая линия имеет добавочное укреп-

ление в виде третьего ряда стен, примыкающего к юго-восточному фасаду второй укрепленной линии.

По мнению Стейна, в этой последней линии укреплений, в проходе, замыкаемом развалинами двух круглых башен, находились ворота крепости²⁹.

Стены и башни крепости сложены из крупных неотесанных каменных блоков и включают в себя самые разнообразные породы, доставленные сюда из разных районов³⁰. Сохранившаяся верхняя часть стен и башен сложена из сырцового кирпича, размеры которого варьируют от $45 \times 20 \times 10$ см до $45 \times 30 \times 10$ см со швом между слоями кирпичей до 3 см. Такой тип кладки из сырца на каменной основе — один из старых строительных приемов в районе Южного и Восточного Припамирья.

Поражает своими размерами масштаб крепостных укреплений. Западная стена, идущая вниз по склону от юго-западного края цитадели, имеет 800 м в длину, а юго-восточная — 400 м. Длина стен цитадели: восточной — 200 м, западной — 175 м. В настоящее время во втором ярусе укрепленной линии сохранились развалины 26 башен, а в третьем ярусе — семи. Башни квадратной и круглой формы расположены на высоком каменном фундаменте до метра высотой и также сложены из сырцового кирпича. Башни защищают все повороты и углы крепости и разделяются на два типа: круглые, в плане с массивным основанием и несколько утончающиеся кверху, наподобие усеченного конуса (их большинство), и прямоугольные в плане, напоминающие усеченную пирамиду. Бойницы на некоторых из них расположены в три ряда. Они прямоугольные в плане, шириной 30 см с внутренней стороны и 20 см с наружной. По-видимому, предположение Стейна о том, что они служили для стрельбы из луков и самострелов, соответствует действительности.

Средняя толщина сохранившихся стен и башен не превышает 1,5 м при высоте до 5 м. Однако по данным Олуфсена, посетившего эту крепость в 1888 г., высота некоторых башен доходила до 7—8 м, а кое-где еще существовали потолки из толстых деревянных балок, перекрытых каменными плитами³¹. На отдельных участках внешней укрепленной линии сохранились остатки внутреннего ряда стен, образующие коридор, по которому, вероятно, проходила дорога к цитадели. Этот коридор (его ширина около 2 м) начинается в нижней части укрепленной линии от большой прямоугольной в плане фланговой башни. В некоторых местах он разделяется на поперечные отсеки, видимо, позднейшего происхождения. Сохранившаяся внутренняя часть крепостной стены была также снабжена прямоугольными бойницами, предусмотренными на тот случай, если бы враг прорвался за линию внешних укреплений.

Треугольная в плане цитадель, венчающая всю крепость, также сложена из неотесанных каменных глыб на известковом растворе с достройкой из сырцовых кирпичей. Укрепленную линию цитадели со всех сторон защищают девять башен описанного выше типа.

Наиболее хорошо сохранилась круглая башня в южном углу цитадели. Самая крупная башня занимает северо-западный угол цитадели и построена в форме усеченной пирамиды. Это башня, прорезанная тре-

²⁹ Ibid., p. 866.

³⁰ Описание пород, из которых сложена Ямчунская крепость, см.: П. Н. Лукницкий, *Путешествия по Памиру*, М., 1955, стр. 340—345.

³¹ O. Olufsen, *Through the unknown Pamirs*, p. 183.

мя рядами прямоугольных бойниц, защищает единственный наиболее легкий подступ к укреплению с плато, расположенного над крепостью. Вдоль стен цитадели, вся площадь которой, по приблизительным подсчетам, равна 2 тыс. кв. м, расположены развалины продолговатых и узких жилых комплексов каменных построек. Такая конструкция «жилых стен», по замечанию Бернштама, аналогична постройкам домусульманского Ирана, Афганистана и Средней Азии³².

Центральная часть цитадели представляет ровную, ничем не занятую поверхность, без следов каких-либо древних сооружений. Место ворот цитадели в настоящее время определить трудно. Можно лишь предполагать, что они находились в узком проходе северо-восточного угла цитадели рядом с фланговой башней.

Против восточной оконечности главной укрепленной линии на отдельно стоящей скале возвышаются развалины небольшого укрепления — крепости Зулькомор. О ней распространены интересные легенды, имеющие отношение и к главной крепости³³.

Исследование нами крепости Зулькомор в 1962 г. показало, что это укрепление сложено из глыб неотесанного камня, как и Ямчун, при использовании тех же приемов фортификационной техники. Сравнительно большое количество керамики с этой крепости свидетельствует о ее бытовании одновременно с бытованием крепости Ямчун (подобная керамика на самой крепости Ямчун сохранилась в гораздо меньшей степени). Наиболее древние фрагменты обнаруженной здесь керамики с красным и коричневым лощением, несомненно, относятся к домусульманскому времени. По своему местоположению крепость Зулькомор контролировала путь, идущий в долину Вахана из Шугнана через один из перевалов Ваханского хребта.

Господствующая над долиной Пянджа крепость Ямчун могла быть неприступной как по своему природному местоположению, так и по тщательно продуманной фортификации с учетом всех особенностей сложного и гористого рельефа местности. Как осуществлялось водоснабжение крепости, до сих пор представляется неясным, так как никаких следов древних цистерн для воды на ее территории не обнаружено. Вполне возможно, что существовал подземный или крытый ход от северо-западной оконечности цитадели к потоку Викхут. Расположение крепости на сравнительно крутом каменистом склоне, края которого не везде закрыты стенами, послужило причиной того, что основная масса культурного слоя была размыта, стянута вниз и, таким образом, погибла для исследований.

Интерес представляет подъемный керамический материал крепости Ямчун, классифицированный А. Н. Бернштамом на следующие типы:

тонкостенная с отогнутым венчиком керамика греко-бактрийского времени;

фрагменты тонких черепков с розовым и желтым лощением раннекушанского времени;

фрагменты толстых черепков красного лощения и ручной лепки позднекушанского времени;

грубая лепная керамика с дресвой черного или серого излома кушано-эфталитского времени;

черепки среднего обжига розового цвета, относящиеся к раннему средневековью.

³² А. Н. Бернштам, *Памир и Алай...*

³³ М. С. Андреев и А. П. Половцев, *Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии*, СПб., 1911, стр. 3.

Четыре типа этой керамики датируют непрерывность жизни на территории крепости Ямчун с III в. до н. э. по VI—VII вв. н. э. А. Н. Бернштам полагает, что крепость Ямчун была более ранним центром Вахана по сравнению с крепостью Каахка, и относит ее строительство к парфянскому и ранне-сасанидскому времени³⁴. Напротив, А. Стейн считал Ямчун более поздним крепостным сооружением по сравнению с крепостью Каахка, однако воздерживался от какой бы то ни было конкретной датировки, подчеркнув лишь, что эта крепость, несомненно, относится к домусульманскому периоду³⁵. По мнению А. Стейна, характер укреплений Ямчуна соответствует горным крепостям Адх-и-самудх в округе Кохат южнее Пешавера и крепости Киз-Курган в Сарыколе, а каменная кладка, из которой сложена основная часть крепостных стен Ямчуна, соответствует кладке построек буддийского времени в бассейне Свата и по всей северо-западной границе Индии³⁶. А. Н. Бернштам отмечал сходство кладки крепости Ямчун с кладкой крепостей византийского периода в Крыму и Закавказье³⁷.

Классификация керамического подъемного материала с крепости Ямчун в сочетании с некоторыми приемами фортификационной техники позволяет связывать крепость Ямчун, так же как и крепость Каахка, с кушанским временем первых веков нашей эры.

А. Н. Бернштам отождествляет крепость Ямчун с упоминаемой в Таншу столицей Бохо (Вахана) — г. Сайгашень³⁸. Однако от этого отождествления следует отказаться, так как еще Марквартом, а за ним и Стейном было убедительно показано, что столица Сайгашень соответствует современному Ишкашиму³⁹ в низовьях долины Вахана. Стейн высказывает предположение, что крепость Ямчун была воздвигнута владетелями Вахана против их древней столицы — г. Хандут на левом берегу Пянджа (современное селение Хандут) в целях безопасного убежища в периоды военных столкновений⁴⁰. Впервые город Хандут под названием Хуньтодо фигурирует в записках Сюань Цзана, который описывает буддийский монастырь в центре города и сообщает, что принятие буддизма произошло здесь за несколько сот лет до его посещения⁴¹.

Город Хуньтодо описывается Сюань Цзаном как столица Вахана, что расходится с данными Таншу. А. М. Мандельштам высказывает предположение, что г. Хуньтодо (Хандут) являлся древней столицей Вахана, которая впоследствии была перенесена в Ишкашим⁴². То обстоятельство, что в своем описании долины Сюань Цзан совершенно не упоминает крепостей Каахка и Ямчун, по-видимому, говорит о том, что эти крепости были разрушены или потеряли свое значение уже ко времени его посещения Вахана в 642 г.

Крепости Каахка и Ямчун, как и многие другие укрепления Вахана, местное население связывает с кафирами, т. е. «неверными», а их разрушение — с приходом мусульман. Эти интересные местные леген-

³⁴ А. Н. Бернштам, *Памир и Алай...*

³⁵ A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 869.

³⁶ Ibid., p. 866.

³⁷ А. Н. Бернштам, *Памир и Алай...*

³⁸ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 283.

³⁹ J. Marquart, *Eranshahr*, Berlin, 1901, S. 224; A. Stein, *Serindia*, vol. I, London, 1921, p. 62.

⁴⁰ A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 64.; *Innermost Asia*, vol. II, p. 869.

⁴¹ St. Julien, *Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen — Thsang*, t. II, Paris, 1857, p. 195.

⁴² А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 126.

ды собраны и опубликованы М. С. Андреевым и А. П. Половцевым. Однако еще А. Бобринский предостерегал от отождествления предков современных кафиров — сияхпушей (жителей Кафиристана) со строителями этих крепостей, считая, что примитивные племена не могли явиться создателями сложных и тщательно продуманных фортификационных укреплений⁴³. Этому же мнения придерживался Стейн, справедливо критиковавший Олуфсена за излишнее доверие к древним местным легендам и преданиям.

Интересно отметить, что с кафирами связаны представления местного населения об огнепоклонниках, что является весьма важным обстоятельством. О том, что в Вахане в древности существовало огнепоклонничество, свидетельствует, например, само название крепости Ямчун, известной у местного населения как Замор-и-Оташ-Параст⁴⁴.

Между крепостями Каахка и Ямчун к западу от селения Даршай находятся развалины сравнительно небольшой крепости одноименного названия. Строительство этой крепости местное население также приписывает кафирам.

Крепость Даршай, господствуя с одной стороны над дорогой вдоль Пянджа, одновременно запирает ущелье долины р. Даршай, откуда есть проход на Шахдару. Стены крепости построены из грубых каменных глыб со следами глиняного раствора. По своему характеру ее кладка напоминает кладку стен Ямчуна. Высота сохранившейся части стен достигает 2 м. Самую высокую часть крепости занимают развалины каменных строений из плоских необработанных глыб плитняка. Эту небольшую крепость Стейн относит к домусульманскому времени⁴⁵.

Из укреплений, расположенных к востоку от Ямчуна, надо отметить крепость Вранг, стоящую над одноименным селением. Крепость Вранг контролировала дорогу, идущую со стороны Шугнана через перевалы Ваханского хребта. В настоящее время сохранились лишь ее развалины. Высота отдельных участков стен не превышает 1,5 м. Стены сложены из плит неотесанного камня на глиняном растворе. Их толщина у основания доходит до 2 м, а у верхней части — до 1 м. По приблизительным подсчетам, в среднем Вранг занимает площадь до 500 кв. м. Изредка встречающаяся здесь керамика отличается очень грубой выделкой и не может свидетельствовать о ранней датировке крепости. Можно предположить, что крепость Вранг относится к средневековому периоду.

Из укреплений, расположенных в верховьях долины Вахана, инте-

⁴³ А. А. Бобринский. *Горцы верховьев Пянджа*, стр. 120.

⁴⁴ Оташ — Параст — «поклонник огня». Этим словом в персидском языке обозначаются маздеисты. см. Азиз Ниялло, *По горным тропам*, Москва — Ташкент, 1933, стр. 112. Некоторые данные о существовании огнепоклонничества (по-видимому, маздеизма — зороастризма) дает группа памятников, обнаруженных в Ишкашимском районе по правому притоку Пянджа — р. Абхарв-Дара. Это первый могильник домусульманского времени, найденный на территории Западного Памира. См. А. Н. Зелинский, *Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа*, — «Советская археология», 1960, № 2, стр. 299. Несколько близких по характеру погребений обнаружено в низовьях Вахана в 1962 г. во время археологических разведок, проведенных автором настоящей статьи.

⁴⁵ A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 871. Как показало последнее обследование (экспедиция МГУ, 1962 г.), крепость Даршай изобилует подъемной керамикой, многие образцы которой явно относятся к домусульманскому времени. Это подтверждает предположения Стейна о датировке крепости. Экспедицией было пройдено ущелье р. Даршай, причем в его верховьях в районе летовки Бидум на высоте 4 тыс. м по фрагментам керамики обнаружены следы домусульманского селища. Важного стратегического значения маршрут по долине р. Даршай иметь не мог, так как перевал Даршай-Даван (5010 м), ведущий в Шахдару и пройденный экспедицией, непригоден для вьючного движения, за исключением яков.

рес представляет крепость Иссор у одноименного селения недалеко от слияния рек Вахандарье и Памира. Крепость стоит на изолированном каменном гребне, окруженном по краям развалинами массивных стен из плоских кусков сланца. В настоящее время крепость сильно разрушена, но еще Олуфсен отмечал, что ее стены и башни достигали высоты 7 м при толщине 1 м и 12 башен были снабжены бойницами, позволявшими производить обстрел вниз и вдоль стен.

В настоящее время внутри крепости повсюду видны развалины прямоугольных помещений из камня. Подъемный керамический материал представлен в основном маловыразительными фрагментами грубой керамики средневековья. Но еще А. Стейн обратил внимание на наличие гладких черепков из хорошо отмученной глины ярко-коричневой поверхности, которые совершенно неизвестны в местном керамическом производстве⁴⁶. Керамику подобного типа, по терминологии А. Н. Бернштама, можно назвать эфталитской. На территории крепости имеются развалины трех цистерн для хранения воды в виде неглубоких колодцев. Структурные особенности грубой каменной кладки этой крепости, как и других крепостных сооружений Вахана, Стейн связывает с грубой каменной кладкой древних сооружений буддийского времени в горных районах Свата и Гандхары⁴⁷. По-видимому, крепость Иссор служила передовым форпостом долины Вахана вблизи от слияния двух древних маршрутов по Вахандарье и р. Памиру. Что касается датировки крепости Иссор, то предположительно ее можно отнести к раннесредневековому времени. Небольшие крепости Кор-Кала (над селением Иссор) и Вршим-Кала (над селением Зунг) по конструкции стен и бойниц, предназначенных для ружейной стрельбы, а также по подъемной керамике относятся к недавнему времени.

На левом берегу Пянджа в нескольких километрах ниже селения Зунг находятся развалины крепости Калаи-Пяндж (замок на Пяндже) — средневековой резиденции ваханских эмиров. Крепость построена из глины на каменном фундаменте. Ее сохранившиеся стены и башни суживаются кверху наподобие усеченной пирамиды. Еще в конце XIX в. владельцы Вахана, жившие в замке, извлекали свой главный доход от проходивших торговых караванов. Торговля велась главным образом купцами Баджуара (район западнее Свата) между Пешавером, Афганистаном и Восточным Туркестаном через Яркенд⁴⁸. Все это говорит о длительном функционировании древнего традиционного пути по Ваханской долине.

Основные крепостные сооружения Вахана и в первую очередь крепости Каахка и Ямчун кушано-эфталитского времени свидетельствуют о том, что в ту эпоху долина Вахана являлась одним из районов, которые могли претендовать на господствующее положение во всем Южном Припамирье. Столь значительная роль Вахана была обусловлена прежде всего его чрезвычайно выгодным географическим положением, позволявшим контролировать путь, имевший не только торговое, но и стратегическое значение.

Коротко остановимся на древних укреплениях по линии двух маршрутов, ведущих в Вахан из Сарыкола по двум истокам Пянджа — маршруту по Вахандарье и маршруту по р. Памир.

Крепость Ратм. Важность древней торговой трассы на стыке долины Вахана и долины р. Памир подчеркивается крепостью Ратм,

⁴⁶ A. Stein, *Innermost Asia*, vol. II, p. 864.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ А. А. Бобринский, *Горцы верховьев Пянджа*, стр. 65,

расположенной неподалеку от устья реки. Развалины крепости расположены над крутым обрывом к глубокому каньону. В настоящее время от крепости, сложенной из грубого камня, остались лишь стены, напоминающие укрепления Гунта и Шахдары. Среди подъемного материала наряду с более поздней грубой керамикой встречается довольно много черепков кушанского типа, на что обращал внимание еще А. Н. Бернштам⁴⁹. Последнее обстоятельство позволяет отнести основание этой крепости ко времени сооружения главных укреплений долины Вахана.

Единственным зафиксированным древним укреплением долины Вахандарьи является крепость Кансир, расположенная против современного селения Пархор в районе Сархада. Развалины крепости лежат на вытянутом северном конце высокого гребня, идущего с северного отрога Гиндукуша. С востока и севера его склоны обрываются неприступными скалами и не нуждаются в укреплении. Развалины стен и башен сохранились на западной и южной сторонах гребня. Они сложены из сырцовых кирпичей на грубом каменном фундаменте. Размер кирпичей 20×17 см при толщине 10 см. Характерно то, что ряды кирпичей проложены тонкими пластинами кустарника. А. Стейн считает, что это делалось для того, чтобы придать большую крепость конструкции, особенно в сухих климатических условиях, и подчеркивает, что эта черта является особенностью древних китайских сооружений в бассейне Тарима и на западных границах китайских владений.

Бытование этой крепости А. Стейн ориентировочно относит ко времени военной экспедиции Гао Сянь-чжи в середине VIII в. в Ясин и Гилгит и высказывает предположение, что она была построена тибетцами⁵⁰. Стратегическое положение крепости Кансир было выбрано чрезвычайно удачно, так как она господствовала над проходом, ведущим к перевалу Барогиль, через который шли пути из Вахана в Читрал, Гилгит и к верховьям Инда.

За Сахадом Вахандарья входит в узкое ущелье, и до местечка Базаи-Гумбез дорога представляет известные трудности для вьючного движения. В зимнее время движение по этому участку осуществляется по замерзшему руслу Вахандарьи⁵¹. Крепостных сооружений в этом районе нет, но один памятник заставляет обратить на себя внимание.

Не доходя примерно десяти километров до местечка Базаи-Гумбез, на правом берегу реки находится интересная древняя постройка, представляющая собой полуразрушенное сооружение ячеистой структуры, прямоугольное в плане, построенное из крупных каменных плит, положенных намертво, и завершающееся на высоте около 4 м остатками купола. Конструкция ступеней венчающего купола и характер грубой массивной каменной кладки позволили Стейну принять это сооружение за развалины небольшой буддийской вихары. Подобное же сооружение в виде развалин небольшой ступы он зафиксировал южнее Гиндукуша на пути к Памиру через Хунзу⁵².

Не останавливаясь на этом, Стейн отождествляет описанную вихару с «Храмом Красного Будды», упоминаемым в связи с дорогой, по которой Гао Сянь-чжи возвращался из Гилгита в Сархад после завершения операции против тибетцев⁵³. По-видимому, это отождест-

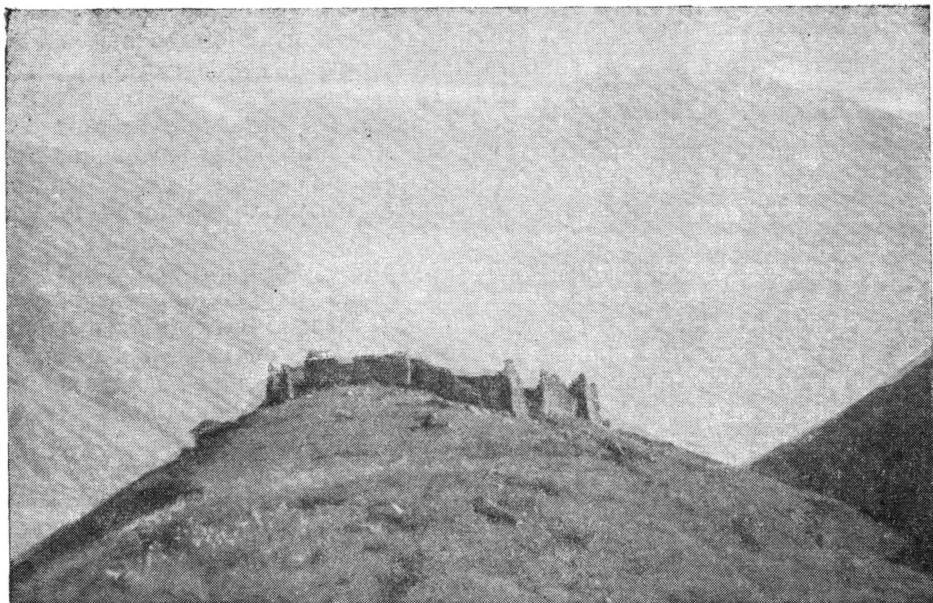
⁴⁹ А. Н. Бернштам, *Памир и Алай...*

⁵⁰ A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 69.

⁵¹ Путята, *Очерки экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан*, вып. X, СПб., 1889, стр. 66.

⁵² A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, Oxford, 1907, p. 20.

⁵³ A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 72.

КРЕПОСТЬ ВРШИМ-КАЛА В ВЕРХОВЬЯХ ВАХАНА

вление соответствует действительности, так как в районе вихары дорога вниз по Вахандарье действительно соединяется на юге с той, которая через перевалы Кхора-Бхурт или Иршад-Увин идет в Гилгит через Хунзу или Ясин. Однако независимо от правильности отождествления этого памятника с «Храмом Красного Будды» самый факт построения буддийской вихары на Вахандарье в районе Малого Памира говорит о важности и частой посещаемости этой трассы в древности.

Крепости Сарыкола. Крайне немногочисленные древние укрепления Сарыкола, относящиеся уже к бассейну Тарима, известны исключительно благодаря исследованиям А. Стейна⁵⁴.

В южной оконечности долины Сарыкола, у слияния рек Карачукур и Хунджераб, на высокой скале находятся развалины крепости Киз-Курган. Руины занимают крайний восточный конец высокого склона, спускающегося с главного Сарыкольского хребта. Стены крепости прослеживаются по фундаментам из больших глыб грубого камня с надстройкой из сырцовых кирпичей. Кирпичи имеют в среднем размер 36×30 см при толщине около 12 см. Между их ровными рядами, так же как и в крепости Кансир, включены пласты из ветвей кустарника. Солидная конструкция стен укрепления, доходящая в основании до 4,8 м, служит, по мнению Стейна, достаточным доказательством большой древности сооружения⁵⁵. На территории крепости Кансир имеются остатки двух резервуаров для воды, больший из них достигает 10 м в диаметре. Подобные же резервуары были обнаружены в описанной выше крепости Иссор в верховьях Вахана. На территории крепости Киз-Курган не найдено следов керамики, что, вероятно, служит свидетельством ее временного использования.

Стратегическая позиция крепости Киз-Курган выбрана очень удач-

⁵⁴ Ibid., pp. 73—76; *Ancient Khotan*, vol. I, pp. 35—38.

⁵⁵ A. Stein, *Serindia*, vol. I, p. 75.

но. Она запирала вход в долину Сарыкола со стороны Тагдумбаш-Памира и одновременно контролировала древний путь из Восточного Туркестана в Индию, через перевал Мингтеке в Хунзу и Гилгит. Важным обстоятельством для датировки крепости, по мнению А. Стейна, является то, что, судя по описанию Сюань Цзана, она превратилась в руины задолго до того, как он прошел по этим местам⁵⁶. По-видимому, переданная им местная традиция, относящая крепость Киз-Курган к ханьскому времени, не лишена оснований.

В северной оконечности долины Сарыкола на высоком плато, поднимающемся над руслом реки, расположены развалины древней крепости Ташкурган. Они занимают самую высокую часть плато и образуют в плане неправильный четырехугольник стен с периметром, равным приблизительно километру. Небольшая часть этого пространства с восточной стороны занята поздним китайским укреплением. Развалины массивных каменных стен крепости сложены из крупных неотесанных глыб разного размера. Лучше всего сохранилась северная и западная часть стен, высота которых в некоторых местах превышает 7,5 м. Внутренняя часть крепости усеяна развалинами разновременных каменных построек, а стены несут следы значительных перестроек, среди которых лишь с трудом можно выделить старые от более новых. К сожалению, сильно разрушенные каменные стены не могут служить критерием для определения возраста крепости. Местная традиция, переданная Стейном, приписывает основание Ташкургана легендарному владыке Турана Афрасиабу. Ученый считает, что Ташкурган тождествен столице Сарыкола, описанной Сюань Цзаном⁵⁷. В этом описании есть любопытное упоминание о том, что в столице Сарыкола в центре дворца владельца имелся буддийский монастырь и ступа, выстроенная, по легенде, Ашокой⁵⁸. В связи с этим большой интерес представляет то обстоятельство, что Стейн действительно обнаружил развалины ступы значительных размеров в районе северо-западного фасада крепостных стен в виде остатков сооружения из грубых камней, скрепленных известковым раствором. По мнению исследователя, эта ступа своими конструктивными чертами сходна с древними ступами Пенджаба и северо-западной границы Индии⁵⁹. Без серьезного археологического исследования трудно говорить о какой-либо датировке этой интересной крепости, однако у нас есть все основания отнести ее к домусульманскому времени. Упоминаемый еще в Цяньханьшу под названием Уча район Сарыкола с центром в Ташкургане⁶⁰, несомненно, был одним из древнейших пунктов, находящихся в самом узле путей между Восточным Туркестаном, Бактрианой и Северной Индией.

Таким образом, крепостные сооружения, расположенные от низовьев долины Вахана до истоков Пянджа, включая памятники Сарыкола, говорят о древности района и свидетельствуют о том, что линия Ваханского пути с давних времен была важным центром коммуникаций Памиро-Гиндукушского горного узла, что хорошо согласуется с данными письменных источников, упомянутых в предыдущей статье. Подчеркивая важность изучения этого района, Эверт Берджэр еще четверть

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid., p. 37.

⁵⁸ St. Julien, *Mémoires...*, t. II, p. 213.

⁵⁹ A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, p. 38.

⁶⁰ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 177. Уча отождествил с Сарыколом Шаванн. См. E. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou*, «Toung Pao», 1907, t. VIII, p. 175.

века назад писал о том, что широкие исследования ряда древних мест Вахана должны быть наиболее важными из всех археологических работ в Центральной Азии⁶¹.

Подводя итог изучению древних крепостей Памира, мы вправе сказать о том, что полученные данные — важное свидетельство того, что «Крыша Мира» не была изолированным островом в сложных исторических передвижениях окружавших ее народов. Напротив, эти данные говорят о том, что Памирский горный узел был одновременно узлом, где пересекались международные связи того времени, активность которых в этом районе падает главным образом на кушанскую эпоху первых веков нашей эры.

Функция крепостей Памира определялась исторической ситуацией и могла быть различна: контролируя древние торговые пути, эти крепости были либо центрами небольших независимых владений, либо играли пограничную роль, входя в состав большого государственного объединения. Во всяком случае создание таких больших крепостей, как Каахка и Ямчун, вряд ли было под силу независимым местным владетелям и предполагает существование централизованной власти, распространявшейся не только на долину Вахана, но и на весь Западный Памир и Бадахшан в целом. Такое объединение, по-видимому, имело место при кушанах и эфталтах⁶².

В свое время А. Н. Бернштам высказал мысль о том, что стратегическая роль большинства крепостей Памира заключалась в защите земледельцев Западного Памира от воинственных кочевников, обитавших в восточных районах⁶³. Несомненно, что передвижение кочевых племен через Восточный Памир на юго-запад, зафиксированное китайскими источниками во II в. до н. э.⁶⁴, имело место и в более ранние времена. Однако подобные события, связанные со стихийным бедствием или военным разгромом (как в случае движения саков через «Висячий переход»), могли носить лишь эпизодический характер, хотя и значительный по своим последствиям. Подобные массовые вторжения невозможно предусмотреть и еще труднее отразить. С другой стороны, мы не имеем пока никаких реальных данных, позволяющих датировать крепостные сооружения Памира временем, предшествующим образованию империи Великих Кушан (I в. н. э.). Отдельные фрагменты подъяемой керамики «греко-бактрийского» времени (по терминологии А. Н. Бернштама) являются недостаточным свидетельством в пользу такого предположения.

Таким образом, если наиболее значительные фортификационные сооружения Памира можно отнести к кушанской эпохе, сразу же раскрывается их основное стратегическое значение: они играли роль пограничных крепостей на восточных форпостах кушанской империи. Достаточно вспомнить столкновения между китайцами и кушанами в Восточном Припамирье, следствием которых было два похода кушан через Памир в бассейн Тарима⁶⁵.

Гибель большинства крепостей Памира местная традиция связы-

⁶¹ E. Barger, *Exploration of ancient sites in Northern Afghanistan*, — «Geographical journal», 1939, № 5, p. 389.

⁶² В Цяньханьшу Вахан под наименованием Хюми фигурирует в числе областей, подчиненных юечжам. В начале VI в. н. э. в Вахане и Сарыколе господствуют эфталты (Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 183—184, 268—270).

⁶³ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 281.

⁶⁴ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 190—191.

⁶⁵ E. Chavannes, *Les pays d'Occident...*, — «T'oung Pao», 1906, t. VII, p. 232; Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 234.

вает с арабским завоеванием, что, по всей вероятности, несет в себе зерно исторической правды, так как после гибели кушанской империи и недолговечного эфталитского царства арабский халифат явился новой силой, покончившей с самостоятельностью горных владетелей Памира, отвоевавшей Вахан у тибетцев и водрузившей свои знамена в самых верховьях Пянджа у границ Индии⁶⁶.

В целом рассмотренные нами крепости Шугнана, Вахана и Сарыкола ясно показывают направление основных древних маршрутов, связывающих Памир с окружающими его районами. Однако только планомерные археологические исследования этих памятников и в первую очередь крепостей Вахана, смогут приоткрыть завесу над прошлым интереснейшего горного узла, лежащего между истоками Аму-Дарьи, Инда и Тарима.

⁶⁶ А. М. Мандельштам делает вывод, что около 812 г. известный арабский военачальник ал-Фадл б. Сахль нанес в Вахане поражение тибетцам, которое закончилось договором, установившим «сферы влияния», а тибетцы были оттеснены за Гиндукуш. См. А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира...*, стр. 176—177.

Т. А. Шумовский

АРАБСКОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ В ПОРУ ИСЛАМА

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Факты экономической и политической истории Востока в эпоху древности и раннего средневековья рисуют яркую картину развитой морской деятельности в доисламской Аравии¹. С другой стороны, ясно, что выдающаяся роль древних арабов в истории навигации должна была основываться и на высоком уровне связанной с парусным мореплаванием астрономической науки. Действительно, практическая астрономия была хорошо известна бедуинам с древних пор благодаря и личным наблюдениям в пустыне, и освоению совместно с финикийцами культурных достижений угасших цивилизаций Востока. С этим согласен И. Ю. Крачковский, отмечающий, что именно в доисламскую эпоху ежесуточное перемещение Луны на небосводе относительно некоторых звезд дало мысль разметить положение Луны на каждый день лунного месяца, откуда возникло учение о 28 «лунных стоянках» (منازل القمر) с чисто арабскими названиями². Звезды, у которых проходит Луна, сами тоже меняют свое положение, но в более редкие промежутки; термин نوء (мн. ч. انواء) обозначал ежегодный восход и заход этих звезд («космический заход лунных станций»), а поскольку им приписывалось влияние на атмосферные явления, значение термина постепенно расширилось до понятий «дождь» и «морская буря». Укоренившееся представление о том, что дождь ниспосылается определенной звездой, шло вразрез с коранической догмой о всемогуществе аллāха, и Мухаммаду пришлось с этим ожесточенно бороться³. Большая роль наблюдений звездного неба для прогноза погоды, для определения сроков земледельческих работ и выпасов скота, а с другой стороны, для судовождения вызвала появление развитой астрономической терминологии⁴. Запись всех достиже-

¹ См. статью «Арабское мореплавание до ислама», — сб. «Страны и народы Востока», 1959, № 1.

² И. Ю. Крачковский, *География у арабов до первых географических произведений*, — «Ученые записки ЛГУ», 1949, № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1, стр. 19.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Весьма полно, вместе с европейской идентификацией терминов, она представлена в петербургском издании сводного труда астронома X в. Абдаррахмана ас-Сүфй: *Description des étoiles fixes composée au milieu du dixième siècle de notre ère* par l'astronome persan Abd-al-Rahmān al-Sūfi. Traduction littérale... avec des notes par H.C.F.C. Schjellerup. St-Pbg., 1874.

ний практического мышления арабов в области астрономии была сделана в основном уже в эпоху ислама. Это отставание теории от практики, отмеченное И. Ю. Крачковским в отношении географической деятельности в раннем халифате⁵, заставляет думать, что сохранившиеся письменные памятники донесли до нас лишь небольшую часть сокровищницы народного опыта, которая сложилась в течение тысячелетий арабской практики.

Арабская навигация, как всякое крупное явление в жизни общества, должна была оставить след в памятниках литературы. Действительно, морская тема прочно вошла в наиболее развитую часть доисламского творчества — поэзию. Она расширила круг поэтических образов, усилила гибкость и яркость стиха, повысила эмоциональность поэм и силу их воздействия на слушателя.

Вот некоторые образцы:

«Паланкины женщин [из племени] Малик поутру — [как] морские суда: [это] корабли на путях из оживленного Адулиса; или же [это] — корабль Ибн Йамана, направляемый моряком то вкось, то прямо» (Тарафа ибн 'Абд ал-Бакри).

«Грудь [корабля] разрезает волны, как дети [играя] разделяют кучу песка рукою» (Тарафа ибн 'Абд ал-Бакри).

«Длинная [шея] верблюдицы, когда она ее вытягивает, напоминает руль корабля, поднимающегося по Тигру» (Тарафа ибн 'Абд ал-Бакри).

«Когда его волны возбуждены, как у Евфрата, оно [= море] губит и корабль, и плывущего» (Ал-А'ша Маймун).

«Мы наводнили сушу [войском] так, что [поле сражения] стало тесным. И мы покрыли кораблями волнение моря» ('Амр ибн Кулсум).

«Неубранные паруса раздирают небо моря; взбираясь на спину волны, они то поднимаются, то опускаются» (автор неизвестен)⁶.

Наряду с фактами экономической и политической истории эти показания научной и литературной традиции не позволяют согласиться с теми авторами, которые по существу считают, что арабская навигация была вызвана к жизни исключительно потребностями мусульманской экспансии и выросла на пустом месте.

Так, А. Мюллер, касаясь первых омайядских походов, пишет: «Необходимо было вести войну преимущественно на суше. При самых даже благоприятных условиях флот лишь случайно мог тогда способствовать предприятиям, задуманным в широких размерах; нигде не мог он иметь решающего влияния. Вот почему одни только водные поверхности, образуемые Индийским океаном, Каспийским, Черным и Средиземным морями, составляли неодолимое препятствие для дальнейшего поступательного движения мусульман»⁷. Это утверждение не может быть признано удовлетворительным, так как, во-первых, древнее происхождение и прочность арабской морской традиции теперь несомненны, а, во-вторых, если говорить о наступательных действиях, то ко времени первых Омайядов арабы уже имели значительный военный флот, построенный еще в бытность Му'авии наместником Сирии. Фактическими данными опровергается и схема Бланш Трапье с исходной датой 700 г. н. э., когда «арабские купцы начинают посещать порты Китая»⁸. В. В. Бартольд, который находит, что «картины мо-

⁵ И. Ю. Крачковский, *География...*, стр. 28—29.

⁶ Приведено у S. S. Nadavi, *Arab Navigation*, — «Islamic Culture», XV, 1941, № 4, р. 441.

⁷ А. Мюллер, *История ислама с основания до новейших времен*, т. II, СПб., 1895, стр. 85—86.

⁸ Blanche Trapier, *Les voyageurs arabes au moyen-âge*, Gallimard, 1937, р. 23.

ря чужды арабской поэзии, в особенности доисламской»⁹, на этой же странице приходится признать, что «картины моря в Коране очень ярки: плавание кораблей производило на Мухаммеда сильное впечатление». Получается очевидное противоречие, выход из которого Бартольд видит в указаниях арабских авторов на путешествия Мухаммеда с караванами Хадйдж, когда ему приходилось бывать и в прибрежных городах с гаванями для кораблей. В частности, называется Хубаша в Тихаме, о которой упоминает Йакут (II, 192) и название которой «отражает реминисценцию арабо-византийских связей до ислама»¹⁰. Идя последовательно, Бартольду пришлось бы сделать экскурс в историю южноарабской торговли, и тогда выяснилось бы, что морская тема в Коране происходит не от личных наблюдений Мухаммеда, а, проходя через эти наблюдения, — от многовековой традиции арабского мореходства.

На эту многовековую навигационную традицию арабов ясно указал Крамерс¹¹. Но еще полувеком ранее Френкель в своей работе об арамейских заимствованиях в арабском языке, в том числе морском, определенно заявил, что «в доисламской поэзии судоходство упоминается нередко. В первом большом документе арабской литературы — Коране — ясно видно, что древние арабы умели ценить то, что их страна с трех сторон омывается морем. По крайней мере, для торговых кругов, к которым принадлежал Мухаммад, морское сообщение имело большое значение. Иначе нельзя понять, как и почему Мухаммад не меньше чем в сорока местах указывает на божью милость, которая сделала море судоходным, чтобы люди добывали его многочисленные богатства. Опасности морского пути он описывает так живо, что сразу приходит на мысль, что сам Мухаммад однажды совершил морское путешествие. Едва ли упоминания о море в Коране служили чисто риторическим целям»¹².

Морская тема в Коране отражает не единичные случаи индивидуального наблюдения, а постоянство общественной практики, не игру пламенного воображения, а элемент материальной жизни общества, будни нации, у которой морской труд стоял на одном из первых мест. К этой реальной действительности восходит и многочисленность и разнообразие коранических стихов, рисующих картины моря. Само их содержание свидетельствует о многослойности авторского впечатления, вобравшего не только то, что Мухаммаду пришлось увидеть своими глазами, но и то, что он слышал от передатчиков библейских преданий и от своих современников-моряков.

Приведем некоторые из этих фрагментов¹³:

«Он поставил звезды для вас для того, чтобы по ним вы во время темноты на суше и на море узнавали прямой путь» (VI, 97).

«Он дает вам силы совершать путь по суше и по морю, когда бываете на кораблях; когда они плывут с ними при благоприятном ветре, тогда радуются этому; а когда застигнет их бурный ветер, когда со всех сторон настигнут их волны и представится им, что ими они поглощены будут, тогда они призывают Бога, обещаясь искренне исполнять дела

⁹ В. В. Бартольд, *Коран и море*, — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», XXVI, 1925, стр. 106.

¹⁰ Там же, стр. 107.

¹¹ J. H. Kramers, *Geography and Commerce*, — in: «The Legacy of Islam» ed. by Thomas Arnold and Alfred Guillaume, Oxford, 1931, p. 96.

¹² Siegmund Fraenkel, *Die aramäischen Fremdwörter im Arabischen*, Leiden, 1886, S. 211.

¹³ Стихи из Корана приводятся в переводе Г. С. Саблукова, по третьему изданию (Коран, пер. с арабского языка, Казань, 1908).

благочестия: «Если Ты спасешь нас от сего, то мы непременно будем благодарными». И как скоро Он спасет их, то вот они буйствуют на земле непомерно» (X, 23—24).

«Бог есть Тот, Кто сотворил небеса и землю, ниспосылает с неба воду и ею возвращает плоды в пищу вам; дает на службу вам корабли, чтобы они, по Его велению, плавали в море; дает на службу вам реки» (XIV, 37).

«Во власть вашу Он отдал море, чтобы из него питались вы свежим мясом, из него доставали себе украшения, какие на вашей одежде. Видишь, как корабли с шумом рассекают его, чтобы вам доставить благотворения Его и возбудить вас к благодарности.

Горные вершины вместе со звездами указывают вам прямые пути» (XVI, 14, 16).

«Господь ваш Тот, Кто движет для вас корабли в море... Когда постигает вас бедствие на море, тогда кроме Его не остается при вас никого из тех, к которым взываете вы. И когда Мы дадим вам спастись на сушу, вы уклоняетесь от Нас. Ужели не опасаетесь, что Он может повелесть берегу суши поглотить вас? Ужели не опасаетесь, что он во второй раз может воротить вас [в море], послать на вас бурный ветер и потопит вас за то, что вы неблагодарны? Мы ущедряем сынов Адамовых: носим их по суше и по морю...» (XVII, 68—72).

«Корабль... он принадлежал бедным людям, промышлявшим на море; Я захотел испортить его потому, что позади их был царь, который насильно захватывал все корабли» (XVIII, 78).

«Не видел ли ты, что Бог подчинил вам то, что на земле, и корабли, плавающие в море по Его велению?» (XXII, 64).

«[Дела неверующих] подобны мраку над пучиною моря, когда покрывают ее волны, поднимааясь волна над волною, а над ними туча; слои мрака темнее один другого, так что протянувший руку свою едва видит ее» (XXIV, 40).

«Он Тот, Кто сблизил два моря: одно из них пресное, сладкое; другое соленое, горькое; между ними обоими поставил Он преграду и непереступимую стену» (XXV, 55).

«Не видел ли ты, как корабль плавает по морю с дарами Бога, чтобы показать вам Его знамения? Когда волна покрывает их, как сень какая, тогда они призывают Бога, обещая искреннее служение Ему; но когда Он даст им выйти на сушу, тогда некоторые из них остаются нерешительными» (XXXI, 30—31).

«Два моря не равны одно другому: из одного питье вкусное, приятное, легкое, а из другого — соленое, горькое. Из каждого получаете в пищу свежее мясо, достаете наряды на ваши одежды. Видишь, как корабли с шумом рассекают его, чтобы доставить вам благодеяний Его и возбудить вас к благодарности» (XXXV, 13).

«Мы носим однородственных с ними в нагруженных кораблях... И если захотим — потопляем их» (XXXVI, 41, 43).

«Вот он [=Иона] убежал на корабль, отплывавший с грузом» (XXXVII, 140).

«В Его власти корабли с поднятыми парусами, плавающие в море, как горы» (LV, 24).

Типичным кораническим термином для корабля является ^{فُلٌ}فُلٌ, встречающийся в 23 стихах. Если учесть, что в Коране этот термин используется не только в общем значении, но и в смысле Ноева ковчега (семь случаев из 23 упоминаний термина и 10 упоминаний ковчега), а ковчег, как сообщает Ахмад ибн Маджид, «был построен по образу пяти звезд

Большой Медведицы»¹⁴, то его связь с термином **قَلْبُ** «круг, небосвод» очевидна. Другими обозначениями для корабля в Коране являются единично употребляемые **سفينة** (предположительно из египетского *kbnt*, может быть через персидскую форму **ايسان**, также сирийскую **فصفا**), производное от корня **جری** «течь, бежать, плыть» (**جارية**), наконец, описательное определение «обладающее плашками и скрепами» (**ذات ألواح و دسر**).

Плавание арабов на кораблях, согласно Корану, преследует три цели: рыболовство, добывание жемчуга и кораллов, доставку товаров из страны в страну ради прибыли. К этим трем последовательно сложившимся видам морского труда в первые десятилетия халифата прибавился четвертый фактор, связавший арабов с морем дополнительными узами, — военная деятельность.

Создание вооруженного флота является определяющей тенденцией для развития арабского мореплавания в VII в. Необходимость иметь такой флот почувствовалась еще в первые годы хиджры, когда Мухаммад предлагал правителю Эфиопии принять ислам, но не имел флота, чтобы заставить его это сделать. Характеризуя этот период, исследователи морской темы обязательно вспоминают полторы строки сообщения ат-Табарī¹⁵ о том, что для починки крыши над Ка'бой однажды были использованы доски с греческого торгового судна, разбившегося у Джедды¹⁶. Но ведь эти полторы строки включены в большой фрагмент, посвященный Ка'бе. К истории морского дела указанное сообщение ат-Табарī никакого отношения не имеет и, конечно, не может служить поводом для высказанного Хаурани мнения, что у курайшитов не было собственных судов¹⁷. Бесспорно, основную массу торговых операций племя Курайш вело по сухопутным дорогам; главной из них была старая «дорога лада-на», которая, утратив широкое международное значение, сохраняла свою веками оправданную роль для внутриарабских связей и торговли западных арабов с Сирией. Однако сам же Хаурани признает, что мекканские курайшиты и Эфиопия были связаны тесными торговыми отношениями на Красном море¹⁸. Кроме этого, с момента, когда у Мухаммада начали появляться первые приверженцы, до времени, когда с расширением границ халифата инакомыслящие приобрели более широкую возможность выбора места для переселения, красноморские порты Хиджаза — Джар, Джедда, Шу'айба — не раз бывали свидетелями спешного отплытия в Эфиопию кораблей с переселенцами: сначала это были мусульмане, ухившиеся от курайшитов, позже — курайшиты, ухившиеся от мусульман. Ат-Табарī сохранил имена некоторых из них¹⁹. Связи такого рода с Эфиопией были двусторонними: в 628 г. к Мухаммаду было отправлено большое (60 человек) эфиопское посольство; оно погибло в Красном море при кораблекрушении. С этим же годом связаны приключения «людей корабля» (**اهل الفلك**): корабль, имевший на борту 52 человека из

¹⁴ «Книга Польз» (**القواعد و اصول علم البحر**): рукопись 2292 (Парижской Национальной библиотеки), л. 2 б.

¹⁵ Табарī, I, 1135, 10—11.

¹⁶ B. B. Бартольд, *Коран и море*, стр. 107; S. S. Nadavi, *Arab Navigation*, — «Islamic Culture», XV, 1941, № 4, p. 442; G. F. Hourani, *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times*, Princeton, 1951, p. 45.

¹⁷ G. F. Hourani, *Arab Seafaring...*, p. 45: «...Корейшиты не имели своих судов... Они скорее ожидали, чтобы у их берегов разбилося иноземное судно».

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ср., например, рассказ об 'Икриме ибн Абӯ Джахле (Табарī, I, 1240—1241).

южноарабского племени ал-Аш'ар, направлялся из Йемена в мединский порт Джар; сильный противный ветер занес его к африканскому берегу; однако, как только путникам удалось добраться до Эфиопии, они тотчас же были доставлены в Медину.

Основания для того, чтобы в арабо-африканских связях рассматривать мореходство как исключительную прерогативу эфиопской стороны, представляются неясными. В. В. Бартольд осторожно оговаривает такое допущение словом «возможно»²⁰, не приводя никаких дальнейших доводов.

Столбовая дорога развития арабского мореходства в этом и нескольких последующих периодах проходит в другом направлении. Отсутствие военного флота, сделавшее невозможным захват Эфиопии с моря, вторично почувствовалось между 636 и 641 гг. В этом пятилетии из Персидского залива были посланы четыре морские экспедиции на Восток. Организаторами их были халифские полководцы ал-'Ала' ибн ал-Хадра-мий и 'Усм'ан ибн Аб'у-л-'Ас ибн Башар ас-Сақафй, периодически сменявшие друг друга на посту наместника в Бахрайне. Ал-'Ала' ибн ал-Хадра-мий был назначен в Бахрайн еще Мухаммадом в начале 632 г. Он оставался на этом посту до 635 г., после чего в Бахрайн был переведен наместник из Та'ифа 'Усм'ан ибн Аб'у-л-'Ас ас-Сақафй. С 637 г. к наместничеству Бахрайна была присоединена Йам'ама. В 638 г. 'Усм'ан был возвращен в Та'иф, а правителем Бахрайна и Йам'амы снова был назначен ал-'Ала'. Последнего в 639 г. вторично сменил 'Усм'ан. Оба наместника играли видную роль в истории раннего халифата. Об этом говорит, в частности, тот факт, что имя одного из них летопись ат-Табарй упоминает 23, а другого — 28 раз. Вопреки утверждению С. Надави, ни один из них не мог быть «наместником 'Ом'ана и Бахрайна» (*Arab Navigation*, — «Islamic Culture», XV, 1941, № 4, p. 447): 'Ом'ан (до 637 г. вместе с Йам'амой) составлял отдельное наместничество, которым в те годы управлял Хузайфа ибн Михсан (см., например, Табарй, I, tt. I—V). Две из организованных ими экспедиций, возглавленные братом наместника 'Усм'ана ал-Хакамом ибн Аб'у-л-'Асом, в 636 г. совершили военный рейд к берегам Индии, в Тану и Бхарукачу. Третья, под руководством другого брата, Мугйры ибн Аб'у-л-'Аса, была послана в Дайбул в устье Инда. По-видимому, это были разведывательные походы, имевшие целью выяснить возможность присоединения важных районов морской торговли к разрастающемуся государству халифов и установить возможную силу сопротивления арабскому вторжению. Быстрых и ощутимых результатов эти рейды на слабовооруженных кораблях не дали. Для покорения Синда, которое завершилось почти столетием позже, и для проникновения арабского влияния в Индию гораздо большую роль сыграли традиционные морские связи арабских купцов с портами северной и восточной части Индийского океана. Захват далеких территорий военными средствами с моря давал в руки арабов обладание узкой прибрежной полосой. Удаленность от метрополии делала это обладание непрочным. Наоборот, мирное проникновение в чужую страну с торговыми целями делало каждый порт с активным балансом в пользу арабских купцов плацдармом для бескровной экономической экспансии, расширявшей в пользу халифского государства рынок сбыта и состав импортируемых товаров. Материальное содержание этой экспансии, естественно, довлело над формой, религиозная проповедь отступала на задний план перед экономическими целями. Весьма отчетливо отметил это в отношении арабской торговли с Цейлоном индийский ученый Нафис Ахмад. «После прихода ислама, — пишет:

²⁰ В. В. Бартольд, *Коран и море*, стр. 110.

он, — арабы продолжали торговый контакт с этими частями мира [Индией и Цейлоном. — *Т. Ш.*]. Хотя и горячие приверженцы новой религии, они не интересовались ведением религиозной пропаганды за счет близких торговых отношений с народами Южной и Юго-Восточной Азии»²¹.

Экспедиция 638 г., снаряженная ал-'Ала' ибн ал-Хадраи, выйдя из Бахрайна, пересекла Персидский залив и, оставив суда у берега, углубилась внутрь Персии до Истахра. Цель этого похода Дж. Хаурани видит не в осуществлении агрессивной политики военно-теократической верхушки арабского общества того времени, а в желании ал-'Ала' «показать свою удаль» и в нажиме на него безликой массы «арабов Бахрайна»²². Суда экспедиции были уничтожены персами, и ал-'Ала' пришлось проделывать обратный путь по направлению к Басре через враждебную, упорно сопротивлявшуюся арабам страну. Неудачный морской поход, предпринятый без разрешения халифа 'Омара, вызвал его гнев. Дело, конечно, не в том, что «'Омар был хиджазем, который считает море опасным», или в том, что 'Омар «как добрый мусульманин, следуя политике пророка и Абӯ Бакра, отказался рисковать жизнями мусульман в экспедициях, служивших бесполезной цели»²³. Цель похода ал-'Ала' — овладение экономически развитым районом Персии — конечно, вполне устраивала 'Омара, но он хотел действовать наверняка. Однако всякое военное предприятие арабской стороны должно было приносить ей быстрый и надежный выигрыш, а предприятие ал-'Ала' провалилось из-за слабости его флота. Недостаточная техническая оснащенность, несовершенное и малочисленное вооружение делали каждый переход по морю с военными целями и особенно пребывание на рейде в виду враждебного берега весьма рискованным делом. Кроме того, в личной инициативе ал-'Ала' 'Омар, возможно не без оснований, увидел проявление сепаратистской тенденции, которая при дальнейшем развитии могла бы привести к появлению в Персии самостоятельного государственного образования во главе с отложившимся наместником. 'Омар и его преемники всегда боялись такого поворота дел. После взятия Ктесифона халиф не считал возможным сделать сасанидскую столицу центром завоеванных областей Персии, так как две широкие реки между этим городом и столицей халифата Медйной составляли слишком большое испытание для верности наместника по отношению к центральной власти. Эти соображения привели к тому, что в 638 г. на правом берегу Евфрата, т. е. не переходя реки со стороны Аравии, была заложена Куфа, где расположились штаб верховного главнокомандующего восточными армиями Са'да ибн Абӯ Ваққаса и гражданские власти. Вслед за Басрой, основанной у Шатт ал-'Араба двумя годами ранее, Куфа явилась первой крепостью арабов против персов и первым пунктом арабской оседлости на персидской земле. Соображения, которые привели к появлению Куфы, вызвали и постройку Фустата в Египте. Когда командующий западным фронтом 'Амр ибн ал-'Ас, овладев в 643 г. Александрией, хотел сделать ее своим местом пребывания, 'Омар воспротивился этому, не желая, чтобы мощная водная преграда отделяла центр халифата от резиденции наместника. Фустат, выстроенный на правом берегу Нила, т. е. опять-таки не переходя реки, уже, конечно, не разделял Аравию и Египет, а соединял их. Житница древнего Средиземноморья и Передней Азии — Египет — был важным приобретением для пустынной Аравии. После недорода в Хиджазе, вызвавшего в 641 г. голод, по приказу 'Омара был восстановлен древний

²¹ N. Ahmad, *The Arabs' Knowledge of Ceylon*, — «Islamic Culture», XIX, 1945, № 3, p. 228.

²² G. F. Hourani, *Arab Seafaring...*, p. 54.

²³ Ibid.

канал между Нилом и Красным морем, и 20 кораблей сразу же доставили в столичный порт Джәр 60 тыс. ардаббов (=118 620 гектолитров) зерна. Египетский хлеб продолжали вывозить по этому каналу — кратчайшему и дешевому пути — в Аравию до 718 г. После этого он пришел в запустение, а при аббасидском халифе ал-Мансуре (754—775) был закрыт из-за опасения перед возможностью проникновения византийского флота в Красное море. Это же опасение заставило 'Омара еще в 40-х годах VII в. отвергнуть проект 'Амра ибн ал-'Аса, который первым в истории человечества предложил идею прорытия Суэцкого канала от Фарамы на Средиземном море до Занаб ат-Тимсаха на озере, тяготеющем к Красному морю. Совершенно очевидно, что, отклоняя это предложение, 'Омар исходил из стремления сохранить завоевания молодого государства и свою власть, но отнюдь не из опасения, что вторжение византийцев повредит паломничеству в Мекку, как уверяет Хаурани²⁴.

Когда в 639 г. сын одного из упорных врагов Мухаммада, Му'авия ибн Абӯ Суфйан, добился для себя поста наместника в Сирии, он не имел цели оторвать вверенную ему страну от халифата и стать ее независимым правителем. Он задумал овладеть всем государством, и все его усилия вплоть до года победы (661) были подчинены этой цели. Он учитывал, что прочная политическая власть должна покоиться на материальной экономической мощи, а для последней важное значение имела транзитная торговля. Обмен продуктами между Западом и Востоком мог осуществляться при связи Средиземного моря с Индийским океаном. Нормальный обмен между ними должен был проходить по кратчайшему и наиболее безопасному пути — через Египет, Сирию и Месопотамию, объединенные в рамках единой государственной системы. Такое единство было достигнуто в VI в. до н. э., сначала при Кире, который, нуждаясь в финикийском флоте для похода на Египет, проводил политику дружественного союза Персии с мелкими государствами Восточного Средиземноморья, а затем при Камбизе, покорившем Египет. В дальнейшем соперничество Птолемеев и Селевкидов, Рима и Парфии, Византии и сасанидской Персии проложило искусственную грань между странами Средиземноморья и Междуречьем, за счет чего усилилось международное значение портов Красного моря и Южной Аравии. Арабские завоевания восстановили древнеперсидское объединение Египта, Сирии и Месопотамии в рамках общей государственной системы, и задачей Му'авии было использовать это обстоятельство в своих политических целях. Обладание Сирией, центральным звеном международной транзитной торговли, делало положение Му'авии более прочным, нежели положение медийских халифов, у которых по существу имелся лишь один прочно освоенный порт — столичная гавань Джәр. Нильский канал, по которому в Аравию поступал египетский хлеб, придал этой гавани большое значение. В Джәр при 'Омаре приходили суда из Египта и Абиссинии, 'Адена и Сокотры, из Индии и Южного Китая. За внешним рейдом, на о-ве Карәф, находилась торговая колония. Однако этот рецидив древней красноморской торговли не мог продолжаться долго: объединение Египта и Месопотамии в рамках одного государства должно было восстановить древнюю прямую связь между ключевыми портами Александрией и Убуллой через Сирию, связать восток и запад халифата, а также неарабские народы Индийского океана и Средиземноморья кратчайшим и безопасным путем. Красноморская трасса с ее долгими и неудобными маршрутами, климатическими и природными крайностями, междоусобной борьбой племен должна была уступить место новому пути, который связал все стра-

²⁴ Ibid., p. 60.

ны, плотно лежавшие на его линии, в единое экономическое целое. Перемена торговых путей, связанная с завоевательной инициативой доисламских правителей, а позже с агрессивными устремлениями Мекки и Медины, подорвала экономическое значение этих городов, превратила колыбель халифата Хиджаз в захолустную область и выдвинула на первое место Сирию.

Стремясь объединить в своих руках Восточное Средиземноморье, Му'авия, конечно, встретил противодействие со стороны Восточной Римской империи, для которой агрессивное государство халифов было опасно так же, как и поглощенная этим государством держава Сасанидов. Византийское сопротивление арабам было тем действенным, что натиску сухопутных мусульманских армий греки противопоставляли соединенные действия наземных войск и вооруженного флота. Арабы долго не могли овладеть прибрежными городами Сирии из-за того, что последние получали помощь морем из Константинополя. Нужно было выбить из рук Византии преимущество на море, и Му'авия неторопливо и настойчиво принялся за выполнение этой трудной задачи. Силы его еще были не таковы, чтобы действовать независимо. Он стал, как говорит ат-Табарй,

«неотвязно просить» 'Омара (أَبُو عَمْرٍو) о разрешении произвести морской набег на византийское побережье. При этом указывалось, что предмет нападения так близок, что в одной из деревень арабского Химса слышны лай собак и пение петухов на византийской территории²⁵. 'Омар живо помнил трагическую развязку морского похода ал-'Аля, ал-Хадрамы. Он находил, что слабо вооруженные арабские торговые суда не смогут выиграть единоборства с мощным византийским флотом, и наступление армий халифата должно развертываться на суше, без преодоления водных преград. В его памяти остались два сражения в Ираке, где участь боя была решена соотношением сухопутной позиции и водного рубежа. В 634 г. арабское войско под командованием Абу 'Убайды, переправившись через Евфрат по плашкоутному мосту, было разбито персами, предводительствуемыми Бахманом, так как, имея реку сзади, оно лишило себя возможности отступления на заранее подготовленные позиции для перегруппировки сил в ходе боя. Наученные горьким опытом, арабы во главе с Мусанной ибн ал-Харисом в следующем, 635 г. выманили персидских воинов под командой Михрана на правый берег Евфрата и здесь, тесня превосходящими силами, стали прижимать противника к реке. На этот раз персам был отрезан путь к отступлению, и они, вынужденные принять бой в невыгодных условиях, потерпели поражение. Наместник в Египте 'Амр ибн ал-'Ас, которому 'Омар предложил высказаться по поводу обращения Му'авии, ответил: «Люди, крупные существа, на море становятся крохотными — ведь тут, кроме бездонного неба и безбрежной воды, нет ничего. Они напоминают всего лишь червей на щепке. Такой, направляясь в море, тонет, а если спасается — теряет рассудок»²⁶. В итоге 'Омар отказался разрешить Му'авии морской поход, сославшись при этом на неудачу ал-'Аля. Последнее обстоятельство показывает, что в основе этого отказа лежали, конечно, не косные взгляды 'Амра, а трезвый учет невыгодного для арабов в тот период соотношения сил на

²⁵ Табарй, I, 2820, вариант на стр. 2821.

²⁶ Выбор двух последних определений связан с требованиями рифмованной

прозы: انما هم كدود على عود إن مال غرق وإن نجا برق.

море. Это признает и С. Надави, отмечая, что при 'Омаре арабы еще не имели опыта морских сражений²⁷.

Положение начало меняться при 'Усмáne (644—656), у которого Му'áвия смог, наконец, добиться разрешения на морской поединок с Византией. После 645 г., в котором греческий флот под командованием Мануила отобрал у арабов только что взятую ими Александрию, в Сирии началось строительство военного флота. Потомки финикийских мореходов, опытные кораблестроители, лоцманы, матросы были по указу Му'áвии переселены из Дамаска, Антиохии, Химса, Баальбека в главные сирийские порты — Акку и Тир. Значительную часть этого морского люда составляли христиане-ренегаты, сирийцы и греки, служившие арабам за деньги, а впоследствии и за участие в дележе добычи, захваченной в боях. Сами арабы первое время занимали лишь командные должности, но при этом старательно учились у местных моряков искусству морского боя. В Акке была открыта судостроительная верфь, работавшая на местном материале, — финикийский корабельный лес славился исстари. Первые арабские военные корабли были перестроены из торговых судов. Образцом для них послужили сильные и подвижные византийские дромоны (δρόμων), триремы и галеры²⁸. Эти гребные суда имели две смены вооруженных гребцов по 25 человек на каждом борту. На бугшприте помещался сифон для метания греческого огня. Над сидениями гребцов помещалась площадка, на которой сражались воины, если судно было взято на абордаж. При успешной защите судна они могли перебросить трапы на чужой борт и перенести рукопашную схватку на площадку неприятельского корабля. Количество бойцов на корабле, не считая занятых на веслах, могло достигать 150. Вряд ли можно вместе с А. Мюллером считать, что Му'áвии не стоило больших усилий снарядить такой флот²⁹.

Одновременно с Сирией и в еще больших размерах началось строительство военного флота в Египте. После того как завоеватель Египта 'Амр ибн ал-'Ас за финансовые злоупотребления был отставлен от должности наместника, необходимость отвоевать у греков Александрию заставила мединского халифа вновь поставить 'Амра во главе западных армий. 'Амр ибн ал-'Ас очистил Александрию от византийских войск, и после этого 'Усмán сместил его вторично. Новый наместник 'Абдаллах ибн Са'д ибн Абū Сарх, исходя из необходимости защитить египетское побережье от дальнейших византийских вторжений, приступил к строительству сильного военного флота. И здесь, как и в Сирии, потомки мореплавателей эпохи фараонов, но уже копты, нанятые в качестве корабельных мастеров, внесли в новое дело и теоретические достижения древней александрийской школы и практический опыт службы в византийском флоте. Лес для постройки судов поступал из Сирии; взамен этого Египет посылал туда канаты и парусину. Наряду с Аккой и Тиром Александрия стала главной морской базой халифата на Средиземном море. Недостаточное на первых порах количество опытных флотоводцев возмещалось быстрым совершенствованием боевых качеств морских воинов в сражениях с Византией. Уже в 649 г. египетские корабли под командованием самого наместника 'Абдаллаха ибн Абū Сарха, присоединенные к сирийской эскадре во главе с Абū-л-'Аваром, захватили о-в Кипр. Начиная с этого года флотоводец 'Абдаллах

²⁷ S. S. Nadavi, *Arab Navigation*, — «Islamic Culture», XV, 1941, № 4, p. 445.

²⁸ Последнее название восходит к арабскому غراب «ворон».

²⁹ А. Мюллер, *История ислама...*, т. I, стр. 290.

ибн Қайс ал-Харисй произвел до полусотни набегов на византийские владения. В 653 г., в битве у Александрии, арабские морские силы одержали первую победу над византийским флотом. Тогда же Абӯ-л-А'вар вторично покорил Кипр, который в это время восстал против недавно установленного арабского господства. Вслед за этим арабский флот овладел Родосом и под командованием Му'авии ибн Худайджа совершил первое нападение на Сицилию и Крит. Родос был позже потерян; в состав владений халифата он вернулся лишь при Харуне ар-Рашиде (786—809). По данным историка Абӯ-л-Махасина ибн Тагриберди (1411—1469), в 654-55 г. египетский военный флот на Средиземном море располагал 200 кораблями, участвовавшими в «битве мачт» (غزوة ذات المئزر) у Александрии³⁰. Такая же цифра называется для 669 г., когда под предводительством 'Абдаллаха ибн Қайса было совершено второе нападение на Сицилию, принесшее богатую добычу³¹. Поход на Крит оказался для арабов неудачным: часть кораблей затонула, другая была захвачена византийцами, третья спаслась бегством. Необходимость восполнить потери и осуществить давно задуманный штурм Константинополя с суши и с моря привела к открытию в 674 г. верфи на о-ве Равда около Фустата. Впоследствии (в 937 г.) ее заменила новая верфь в самом Фустате, которая при фатимидском халифе ал-Му'иззе ли-дйналлахе (953—975), после основания Каира 7 июля 969 г., была перенесена в гавань новой столицы — Мақс. В том же 674 г. сирийский флот под командованием Йазйда, сына халифа Му'авии, осадил Константинополь, однако контрнаступление византийских морских сил, руководимое императором Константином IV Погонатом (ум. в 685 г.), заставило арабов отступить. Морская война шла в течение пяти лет с переменным успехом. Наконец, в 680 г. морские бури, зимние холода и греческий огонь, лишившие арабов большей части кораблей и корабельной obsługi, заставили их временно отступить. Попытка овладеть византийской столицей с моря была повторена в 717 г., при Льве Исаврийском (717—741), однако задача вновь оказалась не по силам, и в следующем, 718 г. осада была снята. В числе причин, которые привели к поражению арабов, следует учитывать не только высокую бeспособность греческих моряков и личные качества Льва Исаврийского, но также и значительную удаленность арабского флота от материальной базы.

Век, в котором возник халифат, завершился установлением мусульманского владычества над древним Карфагеном. И здесь, как во всех других случаях арабо-византийского соприкосновения в Средиземноморье, решающая роль принадлежала флоту. Отнятый у Византии 40-тысячной сухопутной армией под командованием ал-Хасана ибн Ну'мана в 696 г. Карфаген в следующем, 697 г. был отвоеван флотом императора Леонтия II (695—698) Иоанном. Однако вмешательство арабского флота в 698 г. позволило ал-Хасану в том же году нанести противнику решительное поражение на суше и на море. К этому же времени отно-

³⁰ Abū'l-Maḥasin Ibn Tagri Bardī annales, quibus titulus est النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة Ed. T.G.J. Juynboll... et B. F. Matthes... Lugduni Batavorum, MDCCCLII, t. I, p. 9. Здесь говорится, что 'Абдаллах ибн Абӯ Саpх выставил для морского боя 200 кораблей против 700—1000 византийских, которые вел Константин, сын Ираклия. Последняя цифра, возможно, преувеличена (об этом говорит и ее неустойчивость), однако сообщение Ибн Тагриберди о победе в этом сражении арабов подтверждается тем, что Александрия осталась за ними.

³¹ А. А. Васильев, *Византия и арабы*. Политические отношения Византии и арабов за время аморийской династии (820—867), СПб., 1900, стр. 56 (далее — А. А. Васильев, *Византия и арабы, I*); A. Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, t. I, Wien, 1875, S. 248.

сится захват арабами о-ва Пантеллерия между Карфагеном и Сицилией.

«Благоприятное очертание берегов, — замечает А. Мюллер, имея в виду Карфаген (арабский *Қайрувāн*), — помогло арабам как здесь, так и в Финикии в невероятно короткий срок преобразиться в отважных моряков»³². Это заявление, пренебрегающее длительным периодом арабского торгового мореплавания, имеет для науки весьма ограниченное значение. Оно может быть принято лишь в том смысле, что, конечно, удобные гавани и отсутствие перемежающихся рифов, отмелей и водоворотов у береговой линии способствуют развитию навигации на каботажных маршрутах. Однако гораздо важнее другое — стратегический фактор. Поскольку борьбу с арабской экспансией Византия вела не только на суше, но и на море, используя для этой борьбы свое подавляющее превосходство в средиземноморских водах, арабы наряду с организацией регулярной армии занялись военным кораблестроением. Создав при участии исконного морского люда Сирии и Египта, а также греческих ренегатов боевой флот, они перешли в наступление. Каждое их территориальное приобретение в Африке расширяло материальную базу морской деятельности: флот мог развивать свои операции тем успешнее, чем теснее он был связан с источниками боепитания и чем больше удобных гаваней встречалось ему на заданных маршрутах. Опираясь на завоеванные плацдармы в Африке, арабский флот в возрастающей степени оспаривал византийское господство на Средиземном море. Этой цели служили многочисленные набеги из Сирии, Египта, *Қайрувана* и Сеуты на подвластные Константинополю средиземноморские острова — экспедиции, которые в литературе упрощенно оцениваются как акты пиратства. К христианской, в данном случае византийской, стороне такие определения, как правило, не применяются, если не считать обстоятельств, когда речь идет об отдельных лицах, противопоставивших себя государству и обществу. Поистине пиратский характер государственной навигации в ранней Европе находит неизменную реабилитацию у глашатаев европейской исключительности, тогда как все покушения на эту исключительность объявляются пиратством.

Продвижение арабских армий на запад ставило под удар все новые византийские владения. Удаленность этих владений от метрополии возрастала, и это делало их более или менее надежной добычей арабов, наращивавших свою материальную базу в непосредственном соседстве с объектами нападения. Активность арабского флота на Средиземном море отвлекала Византию от давления на пограничные линии (*العواصم*) в Сирии, и вот почему даже позже, в IX в., когда на североафриканских территориях халифата возникли самостоятельные династии, багдадские Аббасиды были заинтересованы в союзе с ними и поощряли их морскую деятельность. Благодаря этому пограничные оборонительные линии в Сирии, построенные в 786 г., несмотря на постоянные арабо-византийские войны, смогли просуществовать 140 лет: они были прорваны лишь в 926 г. армяно-византийским полководцем Иоанном Куркуасом.

В начале VIII в., овладев Сеутой, арабские армии дошли до Атлантического океана. Византийский правитель Сеуты Юлиан, вступив в соглашение с арабами, передал им свои корабли, на которых в 710 г. первая группа мусульманских войск под командованием вольноотпу-

³² А. Мюллер, *История ислама...*, т. II, стр. 251—252.

щенника Абū Зур'и ат-Тарифа переправилась в Испанию. Личные мотивы, которыми объясняет поведение Юлиана Р. Дози³³, не разрешают всей сложности вопроса о причинах быстрого и успешного проникновения арабов на Пиренейский полуостров. Большого внимания заслуживает замечание А. Мюллера о глубокой вражде между Византией и государством вестготов в Испании, основанной на соперничестве в странах средиземноморского рынка³⁴. В этих условиях стремление византийского правителя Сеуты направить завоевательную активность арабов против страны на другом берегу Гибралтара вполне понятно.

Когда Мусā ибн Нусайр, сменивший ал-Хасана ибн Ну'мана на посту наместника в Африке, обратился к халифу ал-Валиду (705—715) с просьбой разрешить испанский поход, ал-Валид предписал ему переправлять на Пиренейский полуостров небольшие летучие отряды, вероятно, имея в виду постепенно наращивать на испанском берегу силы для массированного удара. Большая армия, указывал ал-Валид, не должна подвергаться опасностям морского похода³⁵. Группа Абū Зур'и состояла из 400 воинов и 100 лошадей. Переправившись на четырех кораблях, отряд опустошил Альхесирас и в июле того же 710 г. вернулся в Сеуту. Но уже в следующем, 711 г. другой вольноотпущенник, Тарик ибн Зийад, переправился на берег Испании во главе 7 тыс. воинов. Дози говорит, что первоначально арабы не думали завоевывать Испанию; целью их набега был захват богатой добычи³⁶. Трудно примирить это заявление с другим сообщением Дози о том, что 7-тысячный отряд Тарика был переправлен на тех же четырех кораблях, которые годом раньше послужили ат-Тарифу. Экспедиция, которая имеет целью только захват добычи с последующим возвращением в исходный пункт, вторгаясь в пределы чужого государства, должна была подготовить себе возможность быстрого отступления. Но четыре корабля не могли переправить сразу 7 тыс. человек. Естественны следующие выводы: 1. Основной своей задачей на Средиземном море арабы продолжали считать давление на византийские позиции. Поэтому сохранилась тактика нападений на контролируемые Константинополем острова и побережья Южной Европы с привлечением для этих операций основной массы арабского флота. 2. Для испанского театра военных действий в Сеуте было начато строительство особого флота, поскольку в планы арабского командования входила не кратковременная экспедиция с грабительской целью, а захват и освоение средиземноморского побережья Испании с целью создать стратегический противовес византийским форпостам на западе и укрепить политическую роль африканского побережья. Походу Абū Зур'и придавалось значение предварительной разведки — на это указывает небольшое количество участников экспедиции и перевозочных средств. Но численный состав второго отряда уже говорит о том, что Тарик имел задание овладеть побережьем Испании и удерживать его до прибытия подкреплений из Сеуты. Чтобы не терять летнее время, благоприятное и для плавания, и для боевых операций, Тарик стал перевозить свое войско на четырех транспортах, а оставшийся на африканском берегу главнокомандующий Мусā ибн Нусайр приступил к ускоренному строительству десантных кораблей. Когда Тарик, узнав о том, что вестготский король Роде-рих движется против него во главе большой армии, запросил подкреплений, Мусā уже имел такое количество судов, которое позволило ему

³³ R. Dozy, *Histoire des musulmans d'Espagne jusqu'à la conquête de l'Andalousie par les Almoravides (711—1110)*, t. II, Leyde, 1861, pp. 31—32.

³⁴ А. Мюллер, *История ислама...*, т. II, стр. 101—102 и прим.

³⁵ R. Dozy, *Histoire...*, t. II, p. 32.

³⁶ Ibid., p. 34.

одновременно перебросить в Испанию 5 тыс. берберов в помощь Тарику. Всего через год, в июне 712 г., сам Мусā переправился на пиренейский берег во главе уже 18 тыс. воинов. Теперь даже здесь, на далеком западе, арабы владели значительными военно-транспортными средствами, и легкой дымкой легенды подернулось воспоминание старшего поколения о том, как три четверти столетия назад воины халифа 'Омара, штурмуя персидскую столицу Ктесифон, за неимением речных транспортов для перевозки войск форсировали Тигр вплавь на конях.

Расчеты Юлиана отвести арабский удар от византийских владений, направив его против государства вестготов, не оправдались. Нападение кораблей под командованием 'Атā ибн ар-Рафи' на Сицилию, организованное в 703 г. Мусой ибн Нусайром, было далеко не последним актом антивизантийской экспансии со стороны арабов. Напротив, с 710 г. морские экспедиции с африканского побережья против Сицилии, а также Сардинии становятся постоянными. В 718 г. армия и флот Льва Исаврийского остановили арабов у Константинополя. В 732 г., в битве при Пуатье, воины Карла Мартелла положили предел военному проникновению арабов в Европу. С тем большим упорством продолжали арабы свою борьбу за полную власть над средиземноморским рынком. Новая верфь в Тунисе, построенная при халифе 'Абдалмалике (685—705), стала одним из важнейших центров арабского кораблестроения на западе³⁷. Здесь, как и в Египте, а также на сирийской верфи в Акке, перенесенной халифом Хишамом (724—743) в Тир³⁸, строились новые и новые суда взамен погибших в многочисленных походах и битвах. Отсюда отправлялись тщательно снаряженные флотилии, тревожившие все неарабское Средиземноморье. Египетские папирусы конца I в. хиджры из коллекции Лихачева, изданные в Грузии П. В. Ернштедтом (*Die Kome-Aphrodito-Papyri der Sammlung Lichačov bearbeitet von Peter Jernstedt, Tiflis, 1927*) и написанные еще преимущественно на греческом языке, вводят нас в живой мир этой эпохи.

Текст представляет собрание деловых писем правителя (σύμβουλος, букв. «советника») Египта в 90—96/709—714 гг. небезызвестного Курры ибн Шарика управляющему (διοικητής) г. Коме Афродито (χώμη 'Афродитω, арабское название كورة اشفوه) Василию. Документ № 5 (стр. 18), не переведенный вследствие крайней поврежденности, глухо говорит об отправке матросов и корабельного снаряжения для морской экспедиции. Обширный документ № 6 (стр. 23) указывает: «Мы постоянно нуждаемся в плотниках и конопатчиках для содержания в исправности каравов, акатов и дромон...» (стр. 28). Все три упоминаемых типа арабских судов на Средиземном море, как и ряд неназванных, пришли из византийского флота (κάραβος, ἀκάτος с уменьшительным ἀκάτιον, δρόμων). Предписывая Василию произвести в его местности набор юношей для обучения ремесленному делу, Курра ибн Шарик продолжает: «...распорядись, чтобы половина их была поставлена на строительство и конопачение кораблей... Далее, обяжи население твоего округа посадить много деревьев, именно виноградников, акаций и других» (стр. 29). Как мы помним, в качестве

³⁷ В связи с этим Ибн Халдун говорит: «Когда арабская империя была основана и стала господствующей, люди разных профессий начали ревностно изучать у моряков навигационное дело ради священной войны с неверными. Они построили торговые и военные корабли, снабдили их воинами и оружием. Их послали сражаться в Сирию, Африку, Марокко, Испанию. Халиф 'Абдалмалик приказал ал-Хасану ибн Ну'ману, правителю Африки, создать производство морского снаряжения в Тунисе» (ср. S. S. Nadavi, *Arab Navigation*, — «Islamic Culture», XVI, 1942, № 1, p. 84).

³⁸ Аббасидский халиф ал-Мутаваккил (847—861) в конце своего правления распорядился перевести ее обратно в более укрепленную Акку.

материала для кораблестроения акация была известна еще в древнем Египте. «Как только получишь настоящее письмо, — сказано в документе № 9 (стр. 36), — сразу и немедленно, не теряя ни минуты, вышли требуемые с твоего округа гвозди, при этом ни в малейшей степени не медли...». Речь идет именно о корабельных гвоздях, Nägel für den Schiffsbau, как стоит в издании. Документ № 10 (стр. 39) трактует о провозной плате за проезд на кораблях.

После экспедиции 740 г., нанесшей еще один удар византийцам в Сицилии, нападения уже не прекращались. Несмотря на договор о перемирии, заключенный в 805 г. между правителем Қайрувана Ибрахимом ибн ал-Аглабом (800—812) и христианами на 10 лет, арабы Магриба и Испании продолжали морские походы в Сицилию и Сардинию. С 806 г. начинаются их набеги на Корсику, а с 812 г. — на Ниццу и Чивитавеккию. В 827 г. 11 тыс. арабов из Қайрувана, прибывших на 85 кораблях под командованием аглабидского судьи Асада ибн ал-Фурата, высадились на побережье Сицилии. Быстрых успехов завоевателям добиться не удалось, и в связи с начавшимся голодом в войсках вспыхнул мятеж. Угроза командующего сжечь корабли, чтобы отрезать путь к возвращению на родину, а также прибытие в 830 г. свежих контингентов из Испании позволили справиться с недовольством, и в 831 г. арабы овладели Палермо. Война за овладение Сицилией длилась 75 лет. После Палермо, в 842 г. пала Мессина, в 859 г. — Кастроджованни, в 878 г. — Сиракузы, наконец, в 902 г. — Таормина, последний оплот Византии на острове. Еще в 791 г. арабскому флоту пришлось выдержать большое сражение с византийскими морскими отрядами за Кипр. В 806 г., когда киприоты подняли восстание, отказываясь платить дань, с арабских кораблей был высажен десант, который опустошил остров и захватил 16 тыс. пленных.

В 814—817 гг. значительная часть арабского населения Кордовы после неудачного мятежа против испанского омайяда ал-Хакама I (796—822) и дворцовой гвардии была изгнана из Испании. Переправившись на кораблях в Африку, изгнанники в 818 г. овладели Александрией. Первый набег на Крит в 824 г., совершенный на 15 кораблях, принес им пленных и добычу. Теснимые армией 'Абдаллаха ибн Тахира, военачальника халифа ал-Ма'муна (813—833), они в 825 г. оставили Александрию и, прибыв к побережью Крита на 40 кораблях, овладели островом. После этого командующий силами вторжения Абү Хафс 'Умар ибн 'Йса ибн Шу'айб ал-Баллүти приказал сжечь свой флот дабы предотвратить дезертирство воинов с острова и положить здесь начало арабской колонизации. Город ал-Хандақ («Ров»), основанный арабами в это время, сохранился в виде нынешней Кандии.

Захват арабами Сицилии, Кипра и Крита поставил под непосредственный удар все южное побережье Европы. Опираясь на союз с Неаполем, заключенный в 836 г., арабский флот, базировавшийся в Сицилии, в 838 г. совершил нападение на южное побережье Италии и Марсель. В следующем, 839 г., выиграв морское сражение против венецианцев, арабы овладели Тарентом, а в 841 г., ведόμεе Муфарриком ибн ас-Салимом, они повторно разгромили венецианский флот в заливе Кварнеро и захватили Бари, создав этим угрозу для Апулии, Калабрии, Венеции и своего союзника Неаполя. В 842 г. 400 сирийских кораблей вышли в поход на Константинополь, однако страшная буря у малоазийского побережья пощадила лишь семь судов, которые вернулись в Сирию. 846 и 849 годы отмечены нападениями на Гаэту и Остию, после которых арабский флот, войдя в устье Тибра, доходили до Рима. Морская буря и сильное сопротивление римлян сделали эти экспедиции безуспешными; многие арабские

моряки были захвачены в плен, и труд их использовался при постройке ватиканского дворца³⁹.

Нападения арабов на пункты, находившиеся под византийским контролем, имели целью заменить этот контроль арабским и подорвать экономику Византии в такой степени, чтобы она не могла конкурировать с экономикой халифата. Далеко не всегда их предприятия кончались успехом. Ожесточенное сопротивление мощной империи не раз вынуждало средиземноморских арабов отступать и лишаться выгодных позиций, приобретенных ценой утраты многих человеческих жизней и кораблей. Тем не менее к середине IX в. арабский флот успел уже неоднократно доказать свою способность в равных условиях успешно противостоять флотам европейских государств Средиземноморья, для которых благодаря хорошему владению искусством маневренности и морского боя он был неуловимым и грозным противником.

Крупным контрударом со стороны Византии были два неожиданных и удачных нападения на Дамиекту в 853 и 854 гг. Нанесшие большой урон, они выявили перед арабами необходимость иметь сильный военно-морской флот для охраны египетского побережья. Если до сих пор усилия политиков халифата были направлены на создание флота нападения и вторжения, то ответные удары Византии вызвали усиленное строительство флота обороны. Факты предшествующих веков морской истории халифата не позволяют согласиться с В. Р. Розеном, когда он рассматривает силы защиты, возникшие в IX и развившиеся в X в., как первый по времени арабский военный флот⁴⁰. Соответственно не может быть принято и утверждение А. А. Васильева: «Нападения на Дамиекту, удачные, с одной стороны, для византийцев, имели, с другой стороны, важные последствия для развития морского дела у арабов: они показали им необходимость обзавестись своим собственным флотом с искусными моряками»⁴¹. Оба автора, занимаясь историей арабо-византийских отношений, из показаний хроник той и другой стороны могли видеть, что «собственный флот с искусными моряками» у арабов существовал давно и действовал успешно, однако нападения греков на Дамиекту и на сирийское побережье выявили односторонность его развития и необходимость иметь в ходе экспансии прочный тыл, защищаемый специальными военно-морскими соединениями. Орывок из исторического труда ал-Макризи «Наставления и поучения», на который ссылается В. Р. Розен и по его тексту А. А. Васильев, датирует создание таких соединений преимущественно не 853—854 гг., а столетием позже — эпохой фатимидского халифа ал-Му'изза ли-диналлаха (953—975), когда только что объединенные в государстве Фатимидов Сирия и Египет могли быть защищены силами общего флота с единым командованием⁴². Ал-Макризи сообщает⁴³, что такой флот и начал строить ал-Му-

³⁹ А. А. Васильев, *Византия и арабы*, I, стр. 167.

⁴⁰ *Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского*, Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен, СПб., 1883, стр. 273.

⁴¹ А. А. Васильев, *Византия и арабы*, I, стр. 173.

⁴² Несколько малозаметными в общем плане остались византийские нападения на Дамиекту в 853—854 гг. и вызванная ими реакция в Египте, видно из того, что по этому поводу, как признает Розен, «византийцы молчат» (*Император Василий Болгаробойца*, стр. 273, прим. а), хотя они и одержали победу; что же касается египетского флота, то он «особенное значение получил во второй половине X-го века» (там же, стр. 273).

⁴³ كتاب المواعظ والاعتبار بذكر الخطط والآثار... تأليف... تقي الدين أحمد بن علي بن عبد القادر بن محمد المعروف بالمقريزي، بولاق، ١٢٧٠، ج ٢، ص ١٩٢

'изз после 350/961-62 г. в результате нападения византийских кораблей на средиземноморские побережья его государства. Преемники ал-Му'изза продолжали эту деятельность. Они поддерживали военные действия и проявляли заботу о строительстве вооруженных кораблей. В Каире, Александрии и Дамiette непрерывно строились и вооружались галеры (شوانى), транспорты (شلنديات) и быстроходные суда с боевыми площадками в виде кровель над баком и ютом (مسطحات). Часть из них отправлялась для береговой службы в порты Сирии — Тир, Акку и Аскалон. В последние годы фатимидской династии офицерский корпус флота (قواد الأسطول) достигал 5 тыс. человек. Среди них находились десять высших военачальников особого учета. Месячное жалованье морских офицеров составляло от 2 до 20 динаров. Кроме этого, им давались во владение земельные участки с правом добывания там натра. Из среды десяти высших военачальников один назначался на пост командующего флотом (رئيس الأسطول). При нем находились «передний» (مقدم)⁴⁴ и фонарь (فانوس)⁴⁵. Весь списочный состав экипажей был разделен между 20 старшинами (نقباء, ед. ч. نقيب). Число этих старшин могло колебаться в зависимости от движения списочного состава флота в сторону увеличения или уменьшения. Как бы количественно ни менялся этот состав, он всегда оставался значительным, так как при одном лишь ал-Му'иззе в Египте было построено свыше 600 боевых судов; при последних фатимидских правителях их число уменьшилось до 80 галер, 10 судов с площадками для воинов и 10 грузовых транспортов, однако никогда в эту пору египетский флот не имел менее 100 судов. Моряки фатимидского военного флота проживали постоянно в Каире и других египетских городах. Старшины при выдаче жалованья перед походом созывали их в гавани Нового Каира, Мақсе, на основании имевшихся у них списков личного состава. Выдачу этого чрезвычайного жалованья в сумме 5 динаров каждому производил сам халиф в присутствии вазира и морского командования. Здесь же, в Мақсе, флоту устраивался генеральный смотр, после чего он уходил вниз по Нилу на фронт борьбы с византийцами. Вторично смотр производился

⁴⁴ Его функции неясны. Розен переводит مقدم как «главный начальник», который «назначался вероятно для придания большего блеска морскому делу в глазах народа, для административных дел или для командования собственно морскими солдатами» (*Император Василий Болгаробойца*, стр. 276, прим. а). Исходя из пря-

мого значения مقدم как «посланный, поставленный впереди других», можно было бы, казалось, понять это как обозначение командира флагманского корабля. Однако ниже ал-Мақрйзй говорит, что перед отправкой в поход халиф давал «переднему» 100 динаров, а «командующему флотом» — 20, откуда можно заключить, что второй находился в подчиненном положении по отношению к первому. В таком случае под «передним» следует понимать высшего сановника государства на посту главнокомандующего военно-морскими силами, а под «командующим флотом» — моряка-профессионала, руководившего навигационной частью экспедиции. В связи с этим уместно вспомнить, что и на отдельных арабских военных кораблях в Средиземном море власть была разделена между двумя лицами: командиром по навигационной части с ответственностью за техническое состояние судна, за работу приборов и обслуживающего персонала, за ведение судна по курсу и командиром морской пехоты с ответственностью за состояние вооружения, боевые качества воинов и боеспособность корабля. Ср. S. S. Nadavi, *Arab Navigation*, — «Islamic Culture», XVI, 1942, № 1, p. 85.

⁴⁵ О фонаре как знаке командующего флотом ср. В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 275, прим. d со ссылкой на A. Jal («Glossaire nautique») и Ф. Веселаго («Очерк русской морской истории»).

в том же порту Мақса по возвращении кораблей, выполнивших боевое задание. Папирусы раннеарабского Египта, изданные Беккером (*Papyri Schott-Reinhardt*, I..., herausgegeben und erklärt von C. H. Becker, Heidelberg, 1906), а также географические фрагменты энциклопедии ал-Қалқашанди и данные ал-Мақризи, основанные на показаниях фатимидских авторов Ибн Тувайра и Ибн ал-Ма'мұна, говорят о том, что Мақс был не только военным портом, но и крупным торговым центром. Еще в эпоху Фустата он был центром всей верхнеегипетской хлебной торговли. В его гавань и тогда и позже, уже после возникновения Каира, приходили корабли с юга страны, груженные хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Доставляемое шло не только на внутренний рынок, но и в значительной степени вывозилось за пределы страны. Как сообщает ал-Мақризи, через средиземноморские порты Египта — Александрию, Тиннис, Дамьетту — кораблями ежегодно отправлялись в Аскалон 50 тыс. ардаббов (= 98 850 гектолитров), а в Тир — 70 тыс. ардаббов (= 138 390 гектолитров) продуктов из Верхнего Египта.

Само название «Мақс» объясняется как синоним для *عشر* — акцизного сбора в размере 1/10 стоимости товара или для дирхама, взимавшегося с купцов на доисламских рынках.

Непосредственные причины высокого развития арабского военного флота были указаны еще А. Кремером⁴⁶, а затем В. Р. Розеном⁴⁷. Газы — мусульмане, сражавшиеся против византийцев под флагом «борьбы с неверными» и составлявшие основную массу флотских экипажей, на основании коранического установления получали 1/5 всей захваченной добычи, тогда как в распоряжение халифа поступали лишь оружие и пленные. Жалование, которое полагалось им наряду с добычей, равнялось жалованью сухопутных воинов и выплачивалось аккуратно, перед походами даже под наблюдением халифа и вазира. «Служащие во флоте, — отмечает Розен, цитируя ал-Мақризи, — пользовались почетом и уважением. Всякий желал считаться в их числе и всеми мерами старался быть зачисленным во флот»⁴⁸. «... Службой на флоте дорожили, для зачисления во флот пускали в ход все пружины»⁴⁹. Отсюда представилась возможность сделать участие в морских походах добровольным и обратить большее внимание на качественный отбор. «Во флот не принимался ни один тупой или неопытный в военном деле человек»⁵⁰, — заявляет В. Р. Розен, следуя показанию ал-Мақризи. Обратным было положение дел в византийском флоте. Вся добыча, захваченная моряками, шла не им, а императору. Более того, население приморских областей регулярно платило разорительную «подымную подать» (*χαπνιχόν*) на содержание флота. Естественно, что, развиваясь в более предпочтительных условиях, арабский военный флот в IX и X вв. оказывал возрастающее давление на морские позиции Византии, и здесь нужно согласиться с положением Розена, который, отдавая должное прочим политическим способностям византийских императоров, не может удержаться от замечания о том, что «в... государствах, владеющих морским берегом, степень заботливости о флоте (военном и торговом) в большинстве случаев может служить мерилom государственной мудрости правителей»⁵¹. Действительно, пример морской деятельности при Фати-

⁴⁶ А. Kremer, *Culturgeschichte...*, t. I, S. 249, n. 2.

⁴⁷ В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 277.

⁴⁸ Там же, стр. 273.

⁴⁹ Там же, стр. 277.

⁵⁰ Там же, стр. 273.

⁵¹ Там же, стр. 281.

мидах подтверждает это. Знаменитый Саладин (Насир Салахаддин Йусуф, 1169—1193) продолжал деятельные заботы о флоте, однако при его преемниках морская служба уже не оплачивалась и стала принудительной, что привело к упадку военной навигации в Египте. Положение улучшилось лишь при династии мамлюков Бахри (1250—1390), особенно при пятом правителе Захире Рукнаддине Байбарсе Бундукдари (1260—1277), который возродил египетскую поощрительную политику IX—X вв., направленную на развитие арабского военного судоходства в Средиземном море.

Результаты этой политики и стимулированного ею развития продолжали сказываться во второй половине IX в. с нарастающей силой. По мере строительства судов оборонного назначения наступательный флот, имея прочный тыл, мог осуществлять свои операции более уверенно. В 857 г. был высажен морской десант против Салерно. В 865 г. 36 кораблей под командованием уже упоминавшегося Муфаррика ибн ас-Салима овладела рядом городов Далмации. Ключевой пункт этой части адриатического побережья — г. Рагуза (Дубровник) был осажден в следующем, 866 г. 869 год принес арабам власть над Мальтой. К 872 г. относится второе нападение критского флота на Далмацию, коснувшееся еще не покоренных арабами областей. Тогда же морские экспедиции принесли обильную добычу и пленных с о-вов Эгейского моря, а в 880 г. — с Пелопоннеса. Исходными пунктами агрессии в Восточном Средиземноморье были, кроме Египта, Крит и сирийское побережье. Опираясь на расположенные здесь базы, боевые корабли арабов постоянно тревожили эгейское и адриатическое побережья; в 880 г. они предприняли еще одну попытку овладеть Константинополем с моря, однако она окончилась неудачно. Более благоприятная обстановка сложилась для арабов на Аппенинском полуострове, где они стали крупной силой в различных политических комбинациях. Мелкие итальянские правители не раз привлекали арабов к участию в своих междоусобных распрях. Пришельцы, за которыми стояла вся мощь средиземноморского флота и ресурсы множества морских и сухопутных владений, нередко выступали в роли гаранта политического статус-кво итальянских государств. Около 882 г. правитель Гаэты, желая защитить свои владения от покушений папы Иоанна VIII, выступил инициатором создания арабской военно-торговой колонии на правом берегу р. Гарильяно. Эта колония быстро разрослась и окрепла. Снаряжая одну за другой морские экспедиции, которые неизменно доставляли арабам богатую добычу и пленных, она стала грозой всей Средней Италии и была уничтожена лишь в 916 г., причем для этого понадобились соединенные силы Византии, Капуи, Беневента, Сполето, Салерно, Неаполя и той же Гаэты.

В 888 г., преследуя византийский флот, разбитый у берегов Сицилии, корабли сицилийского флота мусульман опустошили Калабрию. Десятилетием позже арабские силы наголову разбили греческий флот, охранявший побережье Малой Азии. Нападение на Калабрию было повторено в 901 г.; корабли Византии, пытавшиеся помешать арабам вывезти военную добычу, были разбиты у Мессины. Летописи арабо-византийских морских войн конца IX в. отмечают имя выдающегося флотоводца арабской стороны вольноотпущенника Йазамана. После двух других вольноотпущенников, Абу Зур'и ат-Тарифа и Тарифа ибн Зийада, Йазаман является третьим лицом из социальных низов, проявившим свои недюжинные дарования в области военной тактики⁵².

⁵² Подробно о нем см.: А. А. Васильев. *Византия и арабы*. Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии (867—959), СПб., 1902, стр. 110 и сл.

Военный флот использовался и во внутренней борьбе арабских династий. В низложении последнего тулунидского правителя Египта и Сирии Шайбана ибн Ахмада (904—905) аббасидскими войсками, руководимыми Мухаммадом ибн Сулайманом, крупную роль сыграла высадка десанта у Дамьетты в 905 г. Основатель фатимидской династии Махди Абū Мухаммад 'Убайдаллах (909—934), в 909 г. отнявший у Аглабидов власть над Северной Африкой, уже в 913 г. послал сухопутные силы и флот для завоевания Барки и Египта. Этими силами командовал его сын и преемник Ка'им Абū-л-Қасим Мухаммад (934—946). Через год, в 914 г., правитель Сицилии Ибн Қурхуб послал к берегам Африки, против 'Убайдаллаха, военные корабли, которые разгромили фатимидский флот и взяли богатую добычу в г. Сфаксе. Однако двумя годами позже Ибн Қурхуб был выдан и казнен, а Сицилия была захвачена Фатимидами. При них этот остров по-прежнему служил трамплином для нападений на Италию.

Византийский император Константин Багрянородный (913—959) различал три династии «повелителей правоверных», правившие в его эпоху: это — Аббасиды в Багдаде, Фатимиды в Африке и Омайяды в Испании. С Аббасидами Византию разъединяла глубоко укоренившаяся вражда, длившаяся уже два с половиной столетия. Омайяды были далеко, и Константин заключил с Фатимидами договор, согласно которому военные корабли 'Убайдаллаха в 920 г. подавили антивизантийское восстание в Южной Италии и вернули Апулию и Калабрию под власть Византии. Успеху этого предприятия содействовал захват арабами в 918 г. Региума (Реджо ди Калабрия), однако прочное завоевание потребовало длительного времени и осуществлялось постепенно. В 922 г. 20 фатимидских кораблей под командованием евнуха ал-Мас'уда совершили новый поход в Калабрию, увенчавшийся взятием Сент-Агаты. К 925 г. относится завоевание г. Орля в Апулии (Джа'фар ибн 'Убайд), к 927 г. — крупного порта Тарента (Таранто) в этой же области. Африкано-сицилийский флот арабов, осуществивший эту операцию под командованием Салима ибн ар-Рашида и славянина Сабира, в 928 г. выступил против Салерно и Неаполя, а в 929 г. — против Калабрии. Следующие нападения на Калабрию отмечаются в 951 г., после чего был заключен договор о равноправии арабов и греков в этой византийской колонии, и в 957 г., когда арабы в Калабрии стали подвергаться притеснениям со стороны своих партнеров. Экспедиции арабского флота против Италии продолжались до 1071 г., когда норманны отобрали у арабов Сицилию. Потеря Мальты в 1098 г., Триполи в 1146 г., Қайруана и морской столицы Фатимидов ал-Махдийи (основана в 912 г.) в 1148 г. окончательно лишила арабов тех плацдармов, откуда они совершали морские походы против итальянских государств.

Отношения между двумя крупнейшими арабоязычными силами Западного Средиземноморья — фатимидской Африкой и омайядской Испанией — были натянутыми. В 956-57 гг. по распоряжению фатимида ал-Му'изза сицилийский флот произвел набег на крупнейший порт арабской Испании, Альмерию, и захватил там добычу. Кордовский омайяд 'Абд-аррахман III (912—961) высадил ответный десант в Сусе и собирался начать поход в Африку. Однако борьба с испанскими христианами заставила его стянуть регулярные части внутрь страны, что позволило фатимидской армии во главе с вольноотпущенником ал-Джавхаром завершить покорение Северной Африки (без Танжера и Сеуты) взятием Фаса (Феца) в 959 г.

Более острая обстановка сложилась в Восточном Средиземноморье. В конце IX в. арабские корабли, базировавшиеся на Крите, совершали

частые нападения на Пелопоннес, о-ва Наксос, Патмос, Парос, Самос, Эгину, возвращались с богатой добычей и, таким образом, контролировали весь район Эгейского моря. При ведении боевых операций против Византии критский флот нередко объединялся с сирийским, подчиненным Аббасидам. Третьим арабским флотом в Средиземном море был египетский (тулунидский, позже фатимидский), четвертым — африкано-сицилийский (аглабидский, позже фатимидский), пятым — испанский (омайядский). Деятельность первых двух протекала в сфере непосредственного соприкосновения арабских и византийских сил, и здесь, естественно, борьба была наиболее ожесточенной. В 902 г. критский флот напал на Фессалию, а в 903 г. овладел о-вом Лемнос. К 904 г. относится начало проарабской деятельности корсара Льва. Византиец по происхождению, он принял ислам и перешел на службу к арабам. В 904 г. Льву были доверены корабли сирийского флота, и под его руководством арабы овладели малоазийским городом Атталией и второй столицей Византийской империи, богатым торговым городом на пути из Дураццо в Константинополь — Фессалоникой. При последней операции в руки победителей попали 22 тыс. пленных и богатая добыча. В 906 г. византийский флот, руководимый логофетом дрома Имерием, нанес арабам поражение в Эгейском море. Реванш последовал пятилетием позже, в 911 г., когда 300 кораблей сирийского флота под командованием того же Льва Триполитаника разгромили эскадру Имерия у о-ва Самос. После этого, обосновавшись в сирийском Триполи, Лев во главе 50 кораблей постоянно совершал успешные нападения на византийские города. Так продолжалось до 922 г., когда во время очередного похода сирийских кораблей под командованием Льва они были уничтожены у Лемноса силами другария византийского флота Иоанна Радина. Зато в следующем, 923 г. другие соединения сирийского флота, ведомые Суми' ад-Дулафом, атаковали ряд византийских городов и привезли оттуда тысячу пленных, 8 тыс. лошадей, 200 тыс. голов мелкого рогатого скота, а также некоторое количество золота и серебра. Чувствительный удар был нанесен сирийскому флоту в 956 г., когда многочисленные корабли, посланные из главной аббасидской гавани на Средиземном море — Тарса против Византии, были потоплены флотом константинопольского стратега Василия Ексамилита.

Несмотря на наличие общего врага — Византийской империи, средиземноморский флот Аббасидов — сирийский и флот первых Фатимидов находились в постоянной вражде. В 920 г. аббасидские корабли сожгли фатимидский флот, обливая каждое судно горячей нефтью. С этим актом, очевидно, и нужно связывать кратковременное сближение Фатимидов с Византией, отраженное в договоре 920 г. между 'Убайдаллахом и Константином Багрянородным о совместных боевых операциях в Южной Италии.

После урона, нанесенного Аббасидами, африканцы так деятельно развернули судостроение, что уже в 924 г. болгарский царь Симеон вел переговоры с фатимидским халифом 'Убайдаллахом о совместном походе на Константинополь, причем имелось в виду, что болгары будут вести осаду города на суше, а арабы — с моря. Жизнеспособность африканского флота в этом и последующих периодах проявилась в его активных наступательных действиях не только на юге Италии, но даже в Лигурийском море против Генуи и Корсики, в Тирренском море против Сардинии (934—935 гг.). Однако, когда в 961 г. византийские воины, руководимые будущим императором Никифором Фокой, отвоевали у арабов Крит, а в 965 г. — Кипр, позиции арабских навигаторов в Средиземном море значительно ослабели, а сфера их деятельности сократилась.

Конец X в. знаменует завершение самого яркого периода в истории арабского кораблевождения на Средиземном море⁵³.

Арабская средиземноморская навигация последующих веков в значительной степени питалась накопленной инерцией, однако обслуживание экономических потребностей мелких государств Средиземноморья и постоянные перевозки паломников позволили ей, уже в несколько иных формах, дожить до прихода турок, которые в сравнительно короткий срок перехватили инициативу в свои руки.

«Мы привыкли причислять магометанскую империю к Востоку,— говорит Т. Арнольд.— Но если мы вспомним, что она простиралась до Атлантического океана, побережий Марокко и Португалии, вдоль всей Северной Африки и Египта, включала Палестину, Сирию и даже, если следовать дальше на восток, Месопотамию,— мы получим территорию, которая уже однажды составляла часть Римской провинции, и нам станет ясно, что эта новая империя была средиземноморской силой»⁵⁴.

⁵³ Маркс живо интересовался арабским вкладом в политическую историю Средиземноморья IX—XV вв. Ряд хронологических выписок, сделанных им в связи с проработкой трех томов «Всемирной истории» Шлоссера, посвящен вопросам средиземноморской навигации арабов в том или другом разрезе. Его внимание не раз привлекали факты захвата арабами Сицилии и их деятельности там («Архив Маркса и Энгельса», V, М., 1938, стр. 35—38, 87—88, 171), проникновение арабов в Италию, в связи с чем он особо подчеркивает их могущество на море (там же, стр. 44, 54, 406—407), арабо-византийские отношения (там же, стр. 43—44, 79, 82, 188, 196—197), деятельность Фатимидов в Египте (там же, стр. 114—118, 164—165), роль Саладина (там же, стр. 165—168, 173), период распада мусульманской Испании (там же, VI, М., 1939, стр. 92—126), африканский флот арабов (там же, стр. 109—110).

⁵⁴ T. W. Arnold, *Arab Travellers and Merchants A. D. 1000—1500*,— in: A. P. Newton, *Travel and Travellers of the Middle Ages*, ch. V, London—New York, 1926, p. 88.

М. Н. Цетлин

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ВЕНИАМИН ТУДЕЛЬСКИЙ

Имя Вениамина Тудельского сравнительно мало известно. Однако его сочинение, носящее название «Массаот» — «Путешествия», представляет несомненный интерес как для исторической, так и для географической науки.

Значение труда Вениамина Тудельского состоит в том, что он за сто лет до путешествий Плано Карпини (1245—1248 гг.) и Марко Поло (1271—1295 гг.) описал ряд стран Южной Европы, Византию, страны Ближнего и Среднего Востока, познакомив своих соотечественников с экономической и культурной жизнью отдельных азиатских и африканских стран в первое столетие крестовых походов. В этом отношении его произведение занимает особое место в ряду источников XII в.

Очень хорошие для своего времени публикация и перевод итинерария Вениамина Тудельского сделаны в 1841 г. Асхером¹. Не совсем удачное издание текста на русском языке предпринято П. Марголиным². Критическое издание текста в новом английском переводе Адлера, корректирующем перевод Асхера, появилось уже в нашем столетии³. Из небольших исследований можно упомянуть статью Ф. И. Успенского «Путевые записки Вениамина из Туделы»⁴.

Автор «Массаота» Вениамин Тудельский — по национальности еврей — был уроженцем Туделы, маленького испанского городка, расположенного на реке Эбро, входившего тогда в королевство Наварра. Вениамин, по-видимому, занимался торговым делом. Издатель его «Путешествий» Асхер замечает, что только купец мог с таким вниманием и так обстоятельно отмечать на своем пути все, относящееся к состоянию торговли в посещаемых им городах и странах. Взгляд на Вениамина как на купца разделяли также и некоторые другие авторы.

Данные, приводимые путешественником о состоянии международной торговли, о номенклатуре продаваемых товаров, о ярмарках и торговых коммуникациях, исключительно ценны.

¹ The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela translated and edited by A. Ascher, vol. I. Text, bibliography and translation; vol. II. Notes and essays, London and Berlin, 1841 (далее — Benjamin...).

² П. Марголин, *Три еврейских путешественника XI и XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенсбургский*, СПб., 1881.

³ Jewish Quarterly revue, 1904—1906.

⁴ «Анналы», Петроград, 1923, стр. 5—20.

Вениамин — внимательный и объективный наблюдатель. Его сведения импонируют своей деловитостью и, по всей вероятности, очень точны. Изложение идет от третьего лица. В произведении мало говорится о самом авторе. На протяжении почти всего рассказа выдержан стиль подробного отчета. Характер изложения свидетельствует о незаурядности пытливого еврейского купца.

В языке итинерария Вениамина еще преобладает словарь Библии. Однако он включает в себя значительное число слов и терминов, относящихся уже к более позднему времени.

С 1160 по 1173 г. Вениамин объездил множество стран. Результатом этих путешествий был его очерк о состоянии трех четвертей известного в то время мира.

Большое внимание путешественник уделяет описанию современной ему еврейской диаспоры, т. е. описанию еврейских общин, рассеянных по всем странам Средиземноморья и Востока.

Вениамин выехал из Испании⁵ и через Южную Францию, Италию и Византию достиг Востока, где посетил города Сирии, Палестины и Вавилонии (Ирака). В Багдаде — в центре мусульманского мира — он, по-видимому, задержался на продолжительное время, собирая здесь сведения о странах, лежащих к востоку (Персия, Индия, Китай) и к югу от Вавилонии (Аравия, Йемен, Египет, Эфиопия). Вероятнее всего, он не посетил указанных стран, за исключением Египта, из одного пункта которого он отплыл обратно на родину.

В предисловии к «Путешествиям» Вениамин говорит о том, что на своем пути он «посетил весьма многие отдаленные страны и в каждом месте, где был, записывал все, что видел или слышал от людей, заслуживающих доверия».

Из самого предисловия видно, что Вениамин не побывал лично во всех описанных им местах. Установив это, мы можем без особого труда отличить его сообщения, переданные путешественником на основе личных впечатлений, от сообщений, полученных им от других лиц.

Итинерарий Вениамина заметно подразделяется на две половины. В первой, где описывается путь от Испании до Вавилонии, он подробно приводит конкретные данные о посещенных местах. Вениамин сообщает имена многих людей, с которыми он встречался и от которых получал те или иные сведения. Значительное число из упоминаемых им имен встречаются в других современных источниках. Основываясь на этом, можно утверждать, что Вениамин лично посетил описываемые места.

В дальнейшем же картина изменяется. После Вавилонии, описывая общины Аравии, Персии и других стран, он почти не упоминает имен встречавшихся ему людей. Описание приобретает общий, суммарный характер. Путешественник говорит здесь только о нескольких лицах⁶.

В связи с этим можно допустить, что часть своих сообщений, относящихся к этим странам, Вениамин почерпнул со слов купцов и паломников, в большом количестве стекавшихся в Багдад, являвшийся в те времена не только крупнейшим торговым пунктом и столицей халифата, но и культурным центром всей восточной диаспоры. Это мнение о сообщениях Вениамина разделяет издатель его итинерария Ашер⁷.

Путешественник приводит обильный и интересный материал о со-

⁵ Для обозначения средневековой Испании Вениамин употребляет термин Сѣфарад.

⁶ Benjamin..., pp. 112—114, 116, 128, 153—154.

⁷ Asher, vol. II, Introd., pp. XI—XII.

стоянии международной торговли трех частей света в эпоху крестовых походов. Он — первый европеец, сообщающий о сирийских и персидских ассасинах⁸, о торговле с Индией⁹. Он явственно упоминает о Китае¹⁰, говорит об опасности плавания через океан, лежащий между этой страной и Цейлоном¹¹, сообщает множество других интереснейших сведений о современной ему эпохе. Сообщения Вениамина в отличие от рассказа его последователя и младшего современника Петахия Регенсбургского, путешествие которого относится к 1175—1185 гг., содержат значительно меньше включений баснословного, апокрифического, вымышленного характера.

По мнению Ашера¹², произведение Вениамина, как и произведение его последователя Петахия, впоследствии, вероятно, было сокращено каким-то неизвестным лицом. Вениамин подробно описывает лишь десять из посещенных им городов. Упоминает же он в своем итинерарии названия около 200 городов.

Литература, вызванная произведением путешественника, небогата. Почти все, написанное о путешествии Вениамина, носит скорее характер комментариев к переводам его произведения на европейские языки.

Проблемы, выдвинутые историографией его «Путешествий», можно свести к четырем основным.

Первая проблема по времени — это проблема о подлинности произведения еврейского путешественника. В течение четырех столетий (XIII—XVI вв.) сообщения Вениамина пользовались большим авторитетом. К ним с равным доверием относились и евреи и христиане. Но в XVII и XVIII вв. возникли сомнения, поставившие под вопрос не только подлинность сообщений Вениамина, но даже и факт существования их автора.

Наиболее значительные возражения против подлинности произведений Вениамина были сделаны в XVIII в. французским переводчиком его итинерария — Баратье¹³, за которым последовали и некоторые другие.

Долгие годы имя еврейского путешественника было забыто. XIX век вновь вернул признание Вениамину Тудельскому. Среди писателей, выступивших в защиту правдивости его сообщений, были Лелевель¹⁴, Лебрехт¹⁵, Марсден¹⁶, Пардессю¹⁷.

Сообщения Вениамина снова начинают цитировать. Его путешествие рассматривается как наиболее старый и наиболее полный документ, рисующий условия жизни в XII столетии, и как сборник точной информации по истории торговли Европы, Азии и Африки в эпоху крестовых походов. Вениамином интересуются, его усиленно изучают.

В 1841 г. Ашер в сотрудничестве с несколькими учеными издает в Лондоне и Берлине английский перевод путешествия Вениамина, сопровождаемый многочисленными и обстоятельными комментариями.

⁸ Benjamin..., p. 59.

⁹ Ibid., pp. 138—141.

¹⁰ Ibid., p. 143.

¹¹ Ibid., p. 141.

¹² Asher, vol. II, Introd., p. 11.

¹³ Barratie, *Voyages de Rabbi Benjamin etc*, Amsterdam, 1734.

¹⁴ J. Lelewel, *Examen géographique des courses et de la description de Benjamin de Tudela 1160—1173. Plusieurs lettres adressées à M. Carmoly*, t. IV. Bruxelles, 1852, p. 47.

¹⁵ Lebrecht, *An Essay on the state of the Khalifate of Bagdad, during the latter half of the twelfth century*. In illustration of the episode in R. Benjamin's itinerary. См. Asher, vol. II, Introd., pp. 359—360, 368—370.

¹⁶ Marsden, *Introduction to Marco Polo*, p. XXXV; Asher, vol. II, Introd., p. XIV.

¹⁷ J. M. Pardessus, *Collection de lois maritimes*, Paris, 1828—1845, pp. II, XI, XII.

Кармоли публикует французский перевод. Иоахим Лелевель пишет в 1845 и 1846 гг. несколько писем Кармоли, в которых подвергает тщательному географическому анализу утверждения еврейского путешественника. Письма Лелевеля свидетельствуют о полном доверии, с которым польский историк относится к сообщениям Вениамина в целом.

Компромиссную точку зрения занимает в вопросе о степени достоверности сообщений Вениамина издатель его итинерария Ашер. Мы кратко останавливались на этом, характеризуя сам источник.

Мы не будем подробно рассматривать доказательства авторов, анализирующих географические утверждения путешественника или устанавливающих степень соответствия его сообщений с исторической действительностью. Это не входит в задачу данной статьи.

Вторая проблема, выдвинутая историографией «Путешествий», была чисто географической. Она заключалась в установлении правильной топографии описываемых им мест, в сравнительном изучении этнографических и статистических данных итинерария, в сравнении их с сообщениями других аналогичных источников и т. д.

Проблемой географии в произведениях Вениамина занимались Иоахим Лелевель¹⁸, Кармоли, Цунц¹⁹, Ашер и др. Ряд географических неясностей у Вениамина вызвал многочисленные комментарии и догадки европейских ученых. К таким неясностям относился вопрос о происхождении валахов²⁰, о местонахождении независимых еврейских государств в Аравии²¹ и Персии²², об установлении точного направления пути Вениамина и числа посещенных им пунктов и др.

Для эпохи средних веков географические сообщения Вениамина послужили источником важной и авторитетной информации. Его итинерарий является произведением географической литературы средних веков, ушедшим уже значительно вперед от памятника типа «Бордоского итинерария»²³ 333 г., ограничивавшегося сухим перечислением станций, указанием расстояний между ними и дававшим распространенное описание лишь страны, представляющей конечную цель путешествия, — Палестины. Вениамин почти всегда дает более или менее подробное описание большинства стран, которые он проехал. Его географическими данными широко пользовались многие авторы XVII, XVIII и XIX вв.

Третья проблема связана с историей международной торговли. Сообщениями Вениамина пользовались такие исследователи международной торговли, как Хейд²⁴, автор «Истории торговли с Левантом», Пардессю и др.

Сообщение Вениамина о торговом значении Монпелье и иных городов юга Франции цитируют и старые авторы, например Vic et Vaissète²⁵ и др.

Необходимо отметить, что ценнейший материал по истории средневековой торговли, заключенный в произведениях Вениамина, использован далеко не в полной степени. Этот материал еще ждет своего исследователя.

¹⁸ J. Lelewel, *Geographie du moyen age*, t. IV, Bruxelles, 1852.

¹⁹ Zunz, *Essays on the geographical literature of the Jews* (Asher, vol. II, pp. 230—317); *On the geography of Palistine. From Jewish sources* (Asher, vol. II, pp. 393—448).

²⁰ Benjamin..., pp. 48—49.

²¹ Ibid., pp. 112—115.

²² Ibid., pp. 133—136.

²³ *Itinerarium Hierosolymitanum* Burdigalense 333 года, описывающий путь от Бурдигалы (Бордо) до Иерусалима и от Гераклеи через Рим в Медиолан (Милан).

²⁴ W. Heyd, *Histoire du commerce de Levant au Moyen age*, t. I, Leipzig, 1885, pp. 384, 388, 392.

²⁵ Vic et Vaissète, *Histoire générale de la Languedoc*, Paris, 1730—1745.

Четвертая проблема связана с хронологией произведения путешественника. Ею занимался ряд историков. Большинство исследователей определяло время путешествия Вениамина между 1160 и 1171 гг. Лебрехт относит его к несколько более раннему времени. Гретц же полагает, что оно состоялось не ранее 1165 г.²⁶ Исходя из некоторых соображений, Гретц переносит начало путешествия Вениамина на пять лет позднее ранее принятой даты. Исследователь отмечает важность установления точной хронологии путешествия Вениамина для правильного использования богатейшего исторического материала этого источника.

Помимо общих проблем, связанных с произведением Вениамина Тудельского, отдельные ученые использовали его сообщения при написании истории различных стран Европы, Азии и Африки. Так, Гиббон широко пользуется данными Вениамина при описании Византии в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи»²⁷.

Произведение Вениамина Тудельского имеет большое значение для истории городов, принимая во внимание, во-первых, то, что его описание почти полностью сосредоточивается на состоянии экономики, социальных и политических отношений, культуры и т. д. именно городских центров (у Вениамина свыше двухсот), а во-вторых, то, что XII столетие, время посещения Вениамином этих городов, было переломным в их истории и развитии.

Итинерарий Вениамина представляет специальный интерес для ориенталистов. На три четверти он состоит из описания стран Востока.

Особый интерес сообщения Вениамина приобретают для историков нашей страны. Его данные о славянах и Руси²⁸, о туркменах (огузах) Средней Азии²⁹ исключительно ценны.

Что же интересного сообщает Вениамин в своем итинерарии?

Проезжая Испанию³⁰, он отмечает здесь Барселону, которая, по его словам, является небольшим, но красивым городом, лежащим на берегу моря. Сюда стекаются купцы с товарами из разных стран и городов: из Греции, Пизы, Генуи, Сицилии, Александрии Египетской, из земли Израильской и из сопредельных с ней стран.

Во Франции³¹ Вениамин отмечает девять городов: Нарбонну, Безье, Монпелье, Люнель, Потикер, Ногрес, Арль, Марсель и Париж. Восемь городов он посетил по пути на Восток, в девятом — Париже — он, вероятно, лично не был, и его сообщения почерпнуты, по-видимому, из рассказов других лиц.

Вениамин отмечает выгодное географическое положение городов Лангедока между Испанией и Италией, что определяло их выдающую роль в международной торговле.

Особенно важную роль играл Монпелье, который Вениамин характеризует как удобный торговый пункт, куда «стекаются для торговли идумеи и измаильтяне»³² из: Алгабрии (Португалии), Ломбардии, области великого города Рима, из всей земли египетской, израильской, греческой, французской, испанской и английской, словом, купцы всех наций, посещающие Геную и Пизу».

Крупное торговое значение имел и Марсель, «приморский город, который,— по словам Вениамина,— славится своей торговлей».

²⁶ Гретц, *История евреев*, т. VII, Одесса, 1906.

²⁷ Гиббон, т. VII.

²⁸ Benjamin..., p. 164.

²⁹ Ibid., p. 130.

³⁰ Ibid., pp. 31—32.

³¹ Ibid., pp. 32—36, 165.

³² Т. е. христиане и мусульмане.

Затем он отмечает ряд географических пунктов Италии³³. Вениамин посетил 19 городов Италии (из них Мессину и Палермо на обратном пути с Востока), почти всюду указывая численность еврейского населения. Наиболее крупные общины (200, 300, 500 и больше семейств) располагались в Южной Италии (к югу от Рима). На севере, в городах Генуе, Пизе, Лукке, еврейские общины были совсем незначительны: их население не превышало нескольких десятков семейств. По-видимому, это явилось результатом вытеснения евреев с ранее занятых ими экономических позиций купечеством крупных торговых городов Северной Италии.

Города Северной Италии — Генуя, Пиза — пользовались самоуправлением. Вениамин говорит об идущей внутри них борьбе.

Генуя «окружена каменной стеной, не имеет единовластного повелителя, а управляется сенаторами, которых граждане выбирают по своему желанию. У всех граждан устроены в домах башни. С их вершины они, в случае распрей, ведут между собой войну. Генуэзцы — властители моря: они строят лодки, называемые галерами. На них они отправляются повсюду для грабежа и добычи, и все награбленное и добытое привозят в Геную. Они ведут войну с пизанцами, от которых живут на расстоянии только двухдневного пути. Пиза — очень большой город. В нем насчитывается до десяти тысяч башен, построенных над домами, и жители пользуются ими в случае междоусобной войны. Пизанцы отличаются храбростью, не имеют государя или князя, а управляются избранными из своей среды сенаторами. Город не окружен каменной стеной и от моря находится на расстоянии четырех миль. Но корабли приходят с моря и возвращаются обратно по реке, протекающей в самом городе»³⁴.

Много места путешественник уделяет описанию «Великого города Рима»³⁵, столицы царства Эдомского (христианского), приводит данные о торговле Южной Италии.

«Все христианское население этой земли, — говорит он, — занимается исключительно торговлей, для которой и отправляется в разные страны. Здесь земли не возделывают, а покупают все за наличные деньги, потому что все живут на высоких горах. Впрочем, плоды у них в изобилии: все склоны гор покрыты виноградниками, оливковыми деревьями, огородами и садами. Никто со здешними жителями в войне соперничать не может»³⁶.

Близ Неаполя, в г. Салерно, по сообщению Вениамина, находилась медицинская академия для идумеев, т. е. христиан³⁷.

В г. Трани, лежащем на берегу моря, «собираются все странники, отправляющиеся на поклонение в Иерусалим, потому что в этом городе удобная гавань»³⁸.

Из Южной Италии Вениамин перебирается в Византию³⁹. В Византийской империи он называет 31 географический пункт и одну независимую территорию (Валахию). Семь из упомянутых пунктов лежали на островах, а остальные — на материке: в европейской части Византии и в Малой Азии.

Маршрут Вениамина через Византию приводил в недоумение издателей его путешествия, главным образом в отношении неправиль-

³³ Benjamin..., p. 37.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid., pp. 38—41.

³⁶ Ibid., p. 44.

³⁷ Ibid., p. 43.

³⁸ Ibid., p. 44.

³⁹ Ibid., pp. 45—58.

ного правописания упоминаемых у него названий отдельных местностей. Наиболее крупные еврейские общины находились в Фивах⁴⁰, Салониках⁴¹ и Константинополе⁴².

Византийские евреи, несмотря на стремление греческих купцов и ремесленников вытеснить их с занимаемых ими экономических позиций, продолжали удерживать последние.

В противоположность грекам валахи⁴³, нахлынувшие в Византию через Балканские проходы, по сообщению Вениамина, относились к евреям хорошо.

Евреи Византийской империи занимались в основном земледелием, шелководством, производством шелковых и пурпуровых изделий для одежды, кожевенным ремеслом, врачебной практикой.

Вслед за Византией Вениамин описывает левантйские общины⁴⁴. Левант был захвачен крестоносцами. С христианскими рыцарями (франками), вторгшимися в страну, вели освободительную борьбу партизаны — ассасины. Вениамин — первый европеец, упоминающий об ассасинах, и его сообщения являются главным источником для ознакомления с этой сектой. Все последующие источники лишь в большей или меньшей степени повторяют его данные.

По словам Вениамина, ал-хашишинами называется народ, живущий вблизи Гебала, или древнего Ваалгада, у подножия горы Ливанской. «Ассасины не принимают учения Мухаммеда, а признают своим пророком некоего Канбата: ему эти горцы во всем повинуются, зовут его Шейх ал-Хашишин; он — их старейшина, и его приказания исполняются всеми безусловно. Место его жительства город Кермос (Кадмус)... Указанные горцы питают друг к другу неограниченное доверие, следуя правилам своего старейшины. Этих людей все страшатся, потому что они готовы убивать даже властителей, если приказано это делать. Земля их обнимает пространство восьмидневной ходьбы. Они ведут войну с идумеями, которых зовут франками, и с властителем Триполиса, иначе Тараблуса Сирийского»⁴⁵.

Ассасины были воинственной религиозной сектой, появившейся в Персии в XI в. Ее главой считался некий Хасан бен Саббах, от имени которого ирландский ориенталист Марсден производит название этой секты. Существует, однако, мнение, что название «ассасины» происходит от наименования наркотического средства — хашиш, употреблявшегося членами секты для приведения себя в состояние экстаза.

Отличительной чертой секты ассасинов являлась железная дисциплина, подчинившая всех ее членов вождю («старика гор»). Неразборчивость в средствах, дерзкая отвага и безнаказанность сделали имя ассасинов синонимом убийства и предательства в устах европейских рыцарей.

Ассасины захватили несколько персидских крепостей, в том числе Аламут, и некоторые сирийские укрепления близ Тараблуса (Триполиса). Здесь, в Сирии, они столкнулись с христианскими рыцарями, сразу признав в них своих смертельных врагов, а также с некоторыми мусульманскими властителями, примирившимися, по-видимому, с соседством ненавистных франков.

«Близ Сидона,— сообщает далее Вениамин,— живет народ, кото-

⁴⁰ Ibid., p. 47.

⁴¹ Ibid., p. 49.

⁴² Ibid., pp. 54—55.

⁴³ Ibid., pp. 48—49.

⁴⁴ Ibid., pp. 59—63.

⁴⁵ Ibid., p. 59.

рый ведет с жителями города постоянную войну. Это — дузгиины (друзы). Они — язычники. У этих воинственных горцев нет ни государя, ни князя, который бы над ними властвовал»⁴⁶.

Путешественник описывает быт и праздники дузгиинов, критикует их представление о переселении душ. Евреи хотя и пользуются, по его словам, любовью дузгиинов, но постоянно между ними не живут.

В Леванте Вениамин называет восемь пунктов. Это — Антиохия, Латакия, Триполис, Тир и др. Тир был крупным торговым центром, куда съезжались купцы из всех стран. В середине города располагался удобный порт, в который корабли входили между двумя башнями. Ночью сборщики пошлин протягивали между ними цепь так, что никто не мог выйти из порта ни на лодке, ни другим путем, чтобы снести что-либо со стоящих там кораблей. «Во всем мире нигде нет подобного порта»⁴⁷, — говорит Вениамин.

К востоку от прибрежных левантийских городов лежало царство тогарманов (турок)⁴⁸. Главою тогарманов был Нурредин, резиденцией которого служил Алеппо.

В стране тогарманов Вениамин упоминает 13 пунктов: Дамаск, Баальбек, Хаму, Алеппо и др. «Значительная торговля привлекает в Дамаск торговцев из разных стран», — отмечает путешественник.

За Левантом лежала Палестина⁴⁹, которую Вениамин посетил, по-видимому, около 1165 г. В это время она еще находилась в руках крестоносцев. Однако Иерусалимское королевство (1099—1187) быстро шло к своей гибели, с трудом сдерживая напор мусульманской стихии, усилившейся с каждым годом.

Здесь путешественник побывал в нескольких пунктах. Среди палестинских евреев было распространено красильное ремесло. В Иерусалиме, еврейское население которого в то время достигало 200 семейств⁵⁰, «есть красильный дом, который ежегодно отдается государем на откуп евреям, с тем чтобы никто не занимался крашением в Иерусалиме, кроме одних евреев».

В Вифлееме, Яффе и других пунктах также находились еврей-красильщики. Кроме того, палестинские евреи занимались и торговлей.

Находясь в Палестине, Вениамин описывает множество религиозных реликвий. Иногда эти описания носят фантастический характер. Например, в двух парасангах от Сodomского моря он якобы видел «соляной столб», в который была обращена жена Лота. Проходящие стада хотя и облизывают этот столб, но «соль на нем опять нарастает до прежнего объема»⁵¹.

В Наблусе, древнем Сихеме, расположенном в долине между горами Гаризимом и Гебалом, по сообщению путешественника, «живет около ста семейств „кутеев“, соблюдающих один закон Моисея и называемых самаритянами»⁵².

Далее следует описание Вавилонии (Ирака)⁵³, или, как называет ее Вениамин, Сенаара.

Города, где находились еврейские общины, отличались своей величиной и многолюдством. Багдад — столица и резиденция халифа, где жило до тысячи семейств евреев, — славился роскошными дворцами,

⁴⁶ Ibid., pp. 61—62.

⁴⁷ Ibid., pp. 62—63.

⁴⁸ Ibid., pp. 83—89.

⁴⁹ Ibid., pp. 63—83.

⁵⁰ Ibid., p. 69.

⁵¹ Ibid., pp. 71—72.

⁵² Ibid., pp. 66—68.

⁵³ Ibid., pp. 93—110.

мечетями, красивыми домами и рынками, парками, госпиталями, убежищами для бедных.

Вавилония была крупным торговым центром. Вениамин и его последователь Петахий Регенсбургский говорят о ярмарках, проходивших осенью в местах паломничества. В осенние праздники к могиле Иезекииля стекалось множество евреев, не считая измаильян.

«Начиная с нового года и до дня очищения здесь,— как отмечает Вениамин,— устраиваются большие празднества, приезжает глава диаспоры и начальники религиозных академий из Багдада. На поле, занимающем пространство, равное двадцати двум милям, раскидывают шатры. Являются также купцы из Аравии, и бывает большое стечение народа, называемое фера (ярмарка)»⁵⁴.

Помимо торговли вавилонские евреи занимались также сельским хозяйством. Наряду с мусульманским населением они платили определенные налоги. В Мосуле собранные суммы делились между местными властями и главами еврейских общин.

Вениамин дает краткое описание ряда местностей в Аравии, Персии, Индии, Эфиопии и других странах или просто упоминает о них. Как мы уже отмечали, он, по-видимому, не посетил лично многих из упомянутых им мест, и все сообщаемые им о них сведения мы получаем уже из вторых рук.

В Египте Вениамин описывает Каир (Новый Мицраим) и его предместье — Фостат (Древний Мицраим), а также ряд других городов. Значительное место он уделяет Александрии, ее домам, дворцам, многолюдным рынкам, порту, молу и знаменитому маяку.

«Страна эта,— отмечает путешественник,— замечательна своей торговлей и служит превосходным рынком для всех народов. В Александрию приходят из всех государств Идумейских»⁵⁵. Из Индии сюда привозят разного рода пряности и благовонные товары, которые и скупаются идумейскими купцами, вследствие чего город всегда наполнен иноземными торговцами, которые живут в особо устроенных для каждой народности подворьях.

При этом путешественник перечисляет 28 стран и в том числе Русь.

Описывая Константинополь, он говорит, что город расположен на двух морских рукавах, из которых один от Русского моря («маим Русиа», т. е. Черного), другой от Испанского («маим Сефарад», т. е. Средиземного)⁵⁶. Купцы стекаются в Константинополь со всех стран, также из царства Русского («малхус Русиа»).

В конце своего итинерария Вениамин Тудельский говорит о Руси, описав предварительно Богемию. «Оттуда дальше простирается страна Богемия, называемая иначе Прагой. Это — начало Славонии. Евреи, там живущие, называют эту землю Ханааном»⁵⁷.

«...Царство Русь весьма обширно,— продолжает Вениамин,— простирается от ворот Праги до ворот Пин (или Фин)⁵⁸, великого пограничного города царства. Страна гористая и лесистая, где водятся звери, называемые вайрагрес и наблинац⁵⁹. Там человек зимой не выходит

⁵⁴ Ibid., pp. 108—109.

⁵⁵ Ibid., p. 157.

⁵⁶ Ibid., p. 51.

⁵⁷ Ibid., p. 164.

⁵⁸ По мнению Асхера — Киев.

⁵⁹ Вайрагрес, или вайвергес. Vaiverges, польск. wiewiorka от vair — франц. — белый, беличий мех и agec — латин. — поле. Этим термином Вениамин обозначает, по-видимому, белку или горностая, дающих драгоценный белый мех. Наблинац же, или заблинац, по Асхеру, по-видимому, от zibeline — соболь.

из дверей своего дома от ужасной стужи. Доселе о царстве Руси»,— заканчивает путешественник.

Перечисляя 28 стран и городов, торговые корабли которых приходят в Александрию Египетскую, Вениамин на десятом месте упоминает Русь, помещая ее после Испании и перед Германией (Алеманией).

«Во времена Константина Порфирородного и Ибн Хордадбе русские корабли доплывали до Сирии»⁶⁰,— говорит в своей «Истории торговли с Левантом» Хейд. Документы, опубликованные в настоящее время С. Д. Готейном, свидетельствуют о русской торговле с Египтом по Средиземному морю уже в XI в. Одна из версий «итинерария» Вениамина упоминает о хозарских кораблях в Александрийском порту.

Вениамин рассказывает о независимых евреях Аравии⁶¹, а также о независимых евреях, живших за Каспийским морем. Он приводит интересные, несколько фантастические данные о союзниках евреев огузах (туркменах). Они живут в пустыне, поклоняются ветру и называются кяфир-ат-турк (т. е. тюрками-язычниками в отличие от мусульман и христиан). Огузы (бней гуз) населяли земли между Каспийским морем и Аму-Дарьей и по Аму-Дарье между Бухарой и Балхом.

«Люди эти,— передает Вениамин,— ни хлеба не едят, ни вина не пьют, а питаются сырым мясом, как оно есть, невареным. На лице у них носа нет, а вместо него две небольшие скважины, через которые они дышат. Едят они всех животных без различия чистых от нечистых. Огузы очень расположены к израильтянам»⁶².

Путешественник рассказывает о нападении огузов на одну из областей Персии и о неудачном походе сельджуцкого шаха Санджара, предпринятого им с целью наказания огузов.

Согласно Вениамину, поход сельджуков окончился неудачей благодаря своевременному предупреждению об опасности, сделанному евреями союзникам огузам.

Интересно описание страны Цин (Китай), за которой лежит замерзающее море Никфа, весьма опасное для мореплавателей⁶³.

Таковы основные сообщения итинерария Вениамина Тудельского.

По широте территориального охвата подобное мы встречаем лишь в арабской географической литературе того времени. Почти весь круг земель известного в то время мира в той или иной степени охвачен путешественником. Итинерарий Вениамина Тудельского далеко ушел от итинерариев раннего типа, и хотя Вениамин уделяет значительное место перечислению названий городов, указанию расстояний между ними и числу их жителей, тем не менее главное внимание он обращает на более или менее подробное описание всех проезжаемых им стран с социально-экономической точки зрения.

Произведение Вениамина Тудельского уже давно привлекало внимание ученых и исследователей. Сообщаемые им данные о состоянии трех четвертей известного в те времена мира, приводимые факты экономической, политической, социальной и культурной истории ряда европейских, азиатских и африканских стран, точный язык путешественника не могли не заинтересовать всех тех, кому попадалось в руки его сочинение.

«Средние века,— отмечает один из исследователей его произведения, Клермон Ганно,— если не говорить об античности, имели уже

⁶⁰ W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au moyen age*, t. I, Leipzig, 1885, pp. 388—389.

⁶¹ Benjamin..., pp. 112—115.

⁶² Ibid., pp. 133—136.

⁶³ Ibid., p. 143.

своих землепроходцев (globe trotters). Вениамин Тудельский — один из наиболее знаменитых из их числа»⁶⁴.

«Наиболее древний документ, который нам остался от этой эпохи,— подчеркивает Пардессю в своем „Собрании морских законов”, — это итинерарий еврея Вениамина Тудельского: его путешествия доставляют нам сведения, истинность которых подтверждали путешественники последующих веков»⁶⁵.

«География средних веков — это Вениамин Тудельский!» — восклицает исследователь его произведения Кармоли.

Произведение Вениамина Тудельского заслуживает включения его в ряд важных источников по истории средневековой Европы и в особенности средневекового Востока. Использование данных его итинерария расширяет и углубляет наши знания в области экономики и культуры XII в., не говоря уже о значении изучения этого памятника для истории средневековой диаспоры.

⁶⁴ Clermont-Ganneau, *Liures Nouveaux Journal des Savants*, Paris, 1905, p. 500.

⁶⁵ J. M. Pardessus, *Collection de lois maritimes*, p. 435.

Г. В. Пионтёк

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА И МУЗЕИ НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

За последние годы в музейном деле есть немало достижений: улучшены способы хранения и реставрации, создана стройная система классификации экспонатов и т. д. Сколько ценнейших предметов было собрано, вывезено с мест их находки и спасено от бессмысленного разрушения и уничтожения либо людьми, еще не умевшими ценить прекрасное, либо неумолимой природой! Здесь трудно переоценить заслуги тысяч музеев, будь то Эрмитаж и Лувр или мало кому известный скромный краеведческий музей.

Но уже сегодня чувствуется, что многие экспонаты можно было бы показать еще лучше. Речь идет об этнографических, географических, историко-архитектурных и тому подобных экспозициях, которые можно организовать на открытом воздухе.

Повешенные на стенах, выставленные в застекленных шкафах и витринах музейных залов, странно одиноко и печально выглядят самаркандская резная майолика и куски фресок пещерных храмов, архитектурные детали и предметы быта, костюмы и экипажи, прикладное искусство и хозяйственный инвентарь. Эти и подобные им экспонаты подчас рассчитаны на восприятие с больших расстояний, на воздушную перспективу и природное окружение.

Великолепные схемы, рисунки, муляжи, диорамы, панорамы, а там, где это возможно, и макеты в натуральную величину, хитроумные экспозиционные трюки, требующие немало изобретательности и средств, лишь отчасти спасают положение.

И вот в конце прошлого века у шведского учителя и фольклориста, блестящего знатока своей страны, Хацелиуса родилась идея создания музея нового типа — музея на лоне природы, Скансена. Идея была поддержана энтузиастами-патриотами.

Этот музей находится на острове и занимает значительный участок. Там большинство построек и усадеб, перевезенных со всех концов страны, расположено в более или менее естественном окружении либо построек, либо природы (растительность, рельеф и т. д.). Сейчас в Скансене находятся десятки зданий и усадеб: мастерская ремесленника и помещицы усадьба, жилой дом крестьянина и целый городской квартал позднего средневековья.

Внутри каждое здание обставлено так же, как и до переноса в музей. Посуда и ткани, изразцы и мебель находятся на предназначенных требованиями быта местах и в присущем им порядке.

Подобный метод экспозиции, естественно, довольно быстро завоевал популярность, и вслед за Скansenом стали появляться такие же музеи и в других странах Европы. В 1924 г. приступили к организации первого музея подобного рода на территории Латвии — Рижского этнографического музея на природе (*Brīvdabas mūzejs*), а в 1932 г. состоялось его официальное открытие. На территории 97 га в усадьбы и хутора сгруппировано 54 здания-экспоната, в которых размещено 2500 первоклассных предметов быта, хозяйственного и производственного инвентаря. Древнейшему из них более 430 лет.

Интересна не только обстановка интерьеров, но и композиция зданий в ансамбле, расстановка их на определенном рельефе, в характерном пейзаже, для создания которого специально вырубались или подсаживались деревья: пейзаж должен был максимально приближаться к ландшафту экспонируемого района республики. Мастерская гончара и школа, рига и дом сходок, лютеранская церковь и дом бедняка, ветряная мельница и т. д. воссоздают подробнейшие картины жизни всех слоев сельского населения старой Латвии.

Несмотря на свои размеры и количество экспонатов, музей воспринимается с неослабевающим интересом; действуя на зрителя сильнее обычной классической музейной экспозиции, он надолго врезается в память до мельчайших подробностей.

Крайне интересен по своему замыслу открывшийся 3 июня 1963 г. Этнографический музей в г. Вентспилсе с перенесенными сюда усадьбами рыболовов, старыми судами, а в будущем и с пирсом.

Однако в ряде случаев бывает целесообразнее не переносить постройки, тем более ансамбли, на новое место, а создавать музеи-заповедники, обогащая их там, где нужно, дополнительными экспонатами и даже отдельными постройками. Оставив в стороне такие широко известные заповедники, как пригородные дворцы-музеи и парки под Ленинградом или Новгород, обратимся только к этнографическим.

Очень интересен музей Старого Бергена (Норвегия), передающий обаяние и контрасты уходящего в прошлое старого города. Отдельные постройки и ансамбли этого города, мешающие современной планировке и застройке, переносятся на отведенное им место на территории музея, обретая вторую жизнь.

Много общего с музеем Старого Бергена имеет музей в финском городе Турку. В кварталах Турку, уцелевших от пожара 1811 г., организован интересный музей с подлинными мастерскими ремесленников, где из поколения в поколение передаются навыки и приемы народных мастеров.

Иной характер носит музей в г. Рокишкисе (Литовская ССР). Своеобразная планировка центра города, перерезаемого зеленой эспланадой, имеет два акцента — грандиозный псевдоготический костел и графский дворец с курдонером и старинным парком. Небольшие размеры городского ансамбля, богатые коллекции музея (50 тыс. экспонатов), помещающегося во дворце, удобные природные условия и свободная территория делали весьма заманчивой идею организации здесь этнографического музея на лоне природы. И хотя сегодня сюда перенесена только одна крестьянская постройка и восстановлен древний могильник, уже видно, какие большие результаты даст такой полный показ быта различных слоев общества — от графа до батрака.

В 1959 г. в двух километрах от Кяхельконны и в тридцати километрах от г. Кингисеппа (б. Аренсбург, или Курессааре), на о-ве Саарема, в деревне Викки, на основе старого хутора был создан любопытный музей — филиал Кингисеппского музея (*Mihklitalumuuseum*).

Свыше 600 экспонатов (от сохи до молотка) давностью до 150—200 лет, отражают условия труда, быта и творчества обитателей этого хутора. Типичный жилой дом береговой части запада острова (около 1830 г.), сарай с мастерской и погребом (1849 г.), рига (1840—1843 гг.) и другие постройки с характерной обстановкой и типичными предметами в окружении типичного же пейзажа едва ли могли бы найти себе лучшее место для экспозиции, чем то, на котором они были собраны.

На том же острове есть еще один филиал Кингисеппского музея (как и Minklitalumuseum). Это ансамбль пяти ветряных мельниц (начала XX в.) у деревни Англа. Словно из сказки, шагнули они в нашу сегодняшнюю жизнь и, в изумлении остановившись, выстроились вдоль шоссе.

Таким образом, как мы показали, существует два рода историко-этнографических музеев на лоне природы: музеи-заповедники и музеи с перенесенными экспонатами.

Музеи-заповедники целесообразно организовывать на местах каких-то исторических событий; там, где сложились ансамбли, изменение которых нежелательно; в районах, обладающих специфическими природными условиями с характерным пейзажем, непередаваемым в другом месте; в небольших населенных пунктах, на базе местных краеведческих музеев, создающихся на общественных началах, а также, наконец, там, где есть возможность с наибольшей полнотой показать великие достижения настоящего в контрасте с прошлым.

Музеи с перенесенными экспонатами лучше организовывать в более или менее крупных населенных пунктах или в их окрестностях, там, где преследуется цель показать научно и наиболее полно историю культуры, этногенез, взаимовлияние различных этнических групп и т. д.

Быстрый подъем благосостояния широких народных масс, реконструкция сел, поселков и городов, создание новых искусственных водохранилищ, стремительный рост культурных потребностей населения делают актуальным строительство и организацию музеев на лоне природы в ряде мест и прежде всего на востоке страны, т. е. там, где эти процессы происходят наиболее ускоренными темпами.

Сейчас еще преждевременно говорить о стройной системе музеев на лоне природы (быть может, включая природные заповедники), связанных единым маршрутом, как это сделано в Латвийской ССР. Это — предмет специального исследования, требующий учета самых разнообразных факторов. В настоящее время можно остановиться лишь на некоторых конкретных предложениях по организации таких музеев на территории нашей страны и особенно на востоке ее.

Одним из мест, где можно было бы организовать такой музей, является селение Эльтюбю (Верхний Чегем) в Кабардино-Балкарской АССР.

В долине р. Чегем — одном из мест, где формировалась балкарская народность, и в селении Эльтюбю сохранились памятники народного зодчества различного назначения и времени¹.

История балкарского народа — история борьбы с суровой природой и с завоевателями. В Эльтюбю сохранились остатки «Битикле», являющейся, по нашему мнению, частью древней системы фортифика-

¹ Г. В. Пионтек, *Селение Эльтюбю, как потенциальный музей балкарского народного зодчества на открытом воздухе*, — «Ученые записки Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина», т. I, сер. «Архитектура», вып. I, Л., 1961, стр. 102—110.

каций, возникшей в то время, когда селение располагалось не в месте слияния р. Жилгы с р. Чегем, а выше по течению р. Жилгы.

Не менее интересным сооружением является «Тотур-кала», входящая ныне в комплекс домов Кулиевых. Система кладки из шифера, отличающая ее от всех окружающих сооружений, узкое окно-бойница, обращенное на восток, к устью р. Жиглы, свидетельствуют о раннем происхождении постройки и о ее крепостном характере.

«Малкарук-кала» — родовая башня Малкаруковых, играющая важную композиционную роль в силуэте селения, уникальный для Чегема пример сооружения чисто сванского типа (построена не позднее начала XVIII в.). Предание, а также данные обследования (кладка стен, архитектурные формы) подтверждают мнение о тесных культурных и этнических связях, существовавших между балкарцами и сванами. Башня была передовым сооружением в системе оборонительных укреплений Эльтюбю.

Южнее Эльтюбю находится «город мертвых» — памятник, уникальный по разнообразию погребальных сооружений, сконцентрированных на одном участке. Наиболее интересны усыпальницы кешенэ. Они двух типов: восьмигранные в плане и прямоугольные. Среди них особенно интересно прямоугольное в плане «Баймурза-кешенэ», играющее роль доминанты в ансамбле. Несмотря на небольшие размеры (высота в среднем 5—6 м), кешенэ четко выделяются на фоне гор, доминируя над окружающим пространством.

Но наибольшие успехи достигнуты в строительстве жилых и хозяйственных зданий. Наличие строевого леса и хорошего камня помогли народным мастерам выработать ценные конструктивные приемы, а пересеченный рельеф и иные природные условия заставили решать сложные инженерные и планировочные задачи, которые представляют практический интерес и сегодня. В самом древнем доме родовой усадьбы Кулиевых, например (внутренние размеры — 8,5 × 7,5 м), тяжелое каменное перекрытие весом более 60 т поддерживается всего лишь одним деревянным столбом и остроумно решенной системой балок. Большой интерес представляют конструкции гнутых арочных балок (дом Газаевых), выдерживающие значительно большую нагрузку, чем обычные, а также древний водопровод и другие инженерные сооружения.

Ряд архитектурных приемов, элементов и черт сближают балкарскую архитектуру с архитектурами Средиземноморья (очаги), Китая (каркасная система, некоторые перекрытия) и даже древнего Египта (пропорции и характер колонн в доме Кулиева, по свидетельству архитектора Э. Б. Бернштейна²). Это сходство — не влияние и не заимствование, а результат самостоятельных открытий, так как разрыв во времени достигает многих веков и даже тысячелетий и объясняется сходными историческими, социально-экономическими и физико-географическими условиями.

Что же касается аналогий с памятниками соседних кавказских народов, то они свидетельствуют о тесных этнических связях между балкарцами и этими народами.

Эльтюбю благодаря концентрации большого количества исторических и архитектурных памятников и их разнообразию является сложившимся историко-архитектурным музеем на открытом воздухе.

² Э. Б. Бернштейн, *Народная архитектура балкарского жилища*, — «Сборник материалов по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов», Нальчик, 1960, стр. 216.

Эльтюбю следовало бы объявить официальным музеем балкарского народного зодчества (с последующим перенесением сюда, на свободные участки, не нарушая, однако, сложившегося ансамбля, из других мест наиболее интересных памятников балкарской материальной культуры).

Дагестан, на сравнительно небольшой территории которого живут десятки различных национальностей и этнических групп с их самобытной культурой, также обладает не одним бесценным шедевром градостроительного искусства и народного зодчества. Организация на их основе региональных музеев на лоне природы, уже сегодня связанных туристскими маршрутами и первоклассными дорогами (в будущем — с мотелями и кемпингами), сделала бы эту республику страной паломничества десятков и сотен тысяч неугомонных туристов.

Подобный музей можно создать в ауле Кубачи, населенном почти одними ювелирами. Художественный вкус и утонченное мастерство жителей аула известны далеко за пределами нашей Родины³. Включение музея кубачинского искусства в виде составной части в музей народного зодчества и быта, а также консервация и организация одной или нескольких демонстрационных мастерских, отражающих этапы развития промысла, позволит создать единственный в своем роде музей.

Хорошо известны и поселения легендарной «Страны башен» — Горной Сванетии. Своеобразные и запоминающиеся пейзажи Сванетии складывались из многочисленных родовых башен, которые после исчезновения породивших их социальных и иных основ потеряли смысл. Отсутствие потребности в них может привести к гибели значительной части этих оригинальных памятников архитектуры. Поэтому, не пытаясь спасти от разрушения «все» башни «во всех» селениях, т. е. остановить неизбежный процесс, следует наметить несколько наиболее интересных в этнографическом и архитектурном отношениях селений и организовать там музей-заповедник.

Еще более заманчива идея организации таких музеев в старых городах.

Большой популярностью пользуются ансамбли Самарканда — Шах-и Зинд (XIV—XV вв.), Регистан (XV—XVII вв.) и др. — и Бухары.

Не менее интересны многие жилые дома с их скромной наружной архитектурой и совершенно неожиданной изобретательностью, виртуозностью в обработке и решении внутренних дворигов и бесконечным разнообразием приемов композиции и декора интерьеров. Многие из приемов, передающихся по наследству от мастера-отца сыну, теряются в глубине веков.

Жилым домам не уступают по архитектурным качествам и так называемые квартальные мечети, нередко подлинные жемчужины народного искусства.

Выделение одного или нескольких кварталов или улиц вблизи какого-либо ансамбля и организация там историко-художественного и этнографического музея под открытым небом, с большой и подробной экспозицией, с широким показом развития не только искусства и быта, но и ремесел, имело бы большое научное, политическое и воспитательное значение.

Очень полезно было бы организовать подобный музей и в г. Прже-

³ А. С. Башкиров, *Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи*, — «Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения», вып. 4, М., 1928, стр. 58—69; Е. М. Шиллинг, *Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды*, — «Труды Института этнографии», т. VIII, М., 1949.

вальске, хотя он и не обещает быть столь же уникально художественным. Его достоинство будет заключаться в следующем. В этом небольшом городе дружно живут и трудятся киргизы, уйгуры, дунгане, русские, украинцы и другие народы. Их культура и быт в настоящее время испытывают сильное взаимовлияние и в то же время сохраняют ряд самобытных характерных черт.

Кроме жилых домов этих народов, в г. Пржевальске есть едва ли не единственный из сохранившихся на территории нашей страны памятник. Речь идет о бывшей Дунганской мечети.

Ярко-красная крыша с загнутыми вверх углами хорошо видна с соседних улиц, и кажется, что не 22 золотые колонны поддерживают ее, а сама она парит в воздухе, подобно гигантской птице. Поднятая на земляной стилобат, она доминирует над участком, четко вырисовываясь то на фоне Тяньшанского неба, то на фоне пирамидальных тополей. Прекрасная резьба покрывает все несомые конструктивные детали мечети. Каждый ряд элементов карниза имеет свой характер обработки, свой орнамент. Особенно великолепны ажурные подбалочные элементы — самый нижний ряд антаблемента и его центральные панно. Каких только там нет мотивов: гранаты и флейты, перевитые лентами, мыши и виноград, цветы мей-хуа и сосуды из тыквы и многое, многое другое! И это все держится только на врубках: здесь нет ни единого гвоздя, ни единой металлической закрепы!

Кварталы вокруг здания уже сейчас имеют задатки этнографического музея, и потребуются немного усилий для его создания, тем более что значительная часть построек не удовлетворяет возросшим требованиям населения и по генеральному плану реконструкции города должна быть заменена новыми.

Филиалом музея в г. Пржевальске следует сделать часть селения дунганского колхоза Ырдык (близ г. Пржевальска), где имеется несколько великолепных домов. Резьба на них по художественным достоинствам не уступает резьбе на мечети.

Наряду с региональными и сугубо местными музеями, создаваемыми на базе заповедников, необходимо организовывать музеи на новом месте с перенесенными экспонатами (подобно Рижскому музею и Скansenу). В них, концентрируя все лучшее и наиболее типичное, можно создавать экспозиции, отвечающие всем последним научным достижениям.

В этом отношении работа коллектива, возглавляемого академиком Академии наук Грузинской ССР Г. С. Читая, в самое ближайшее время должна дать блестящие результаты. Музей, который они создают, будет находиться в живописных окрестностях г. Тбилиси. На участке, отведенном под музей, имеются почти все типы пейзажей, характерных для Грузии. Разнообразный рельеф позволяет строить экспозицию не «на плоскости», а, если можно так выразиться, «по вертикали» (долинные селения — в долине и т. д.). Это очень важно и ценно.

Стоит подумать о таком музее и в г. Ташкенте. В этом музее наряду с узбекским народным зодчеством должно найти отражение таджикское, каракалпакское, корейское, дунганское и т. д. Кстати, дунганское зодчество, может быть, лучше показать в г. Фрунзе.

Значение создания таких музеев огромно. Они помогут воспитанию патриотизма, которое невозможно без знания лучших достижений всех народов нашей Родины в области культуры; повышению культурного уровня населения, воспитанию хорошего вкуса на лучших образцах народного творчества прошлого и настоящего; сохранению памятников — национальной гордости; созданию в городах зеленых

зон отдыха, насыщенных экспонатами глубокого идейного и художественного содержания, т. е. помогут осуществить решения, принятые на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в июне 1963 г.

Хочется верить, что республики, края и области нашей страны поддержат идею создания музеев на лоне природы, тем более что организация таких музеев экономически более выгодна, чем музеев другого типа, а сила воздействия музеев на открытом воздухе просто ни с чем не сопоставима.

М. А. Салахетдинова

**СВЕДЕНИЯ ПО МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
В ПЕРСИДСКОМ СОЧИНЕНИИ
КОНЦА XIII ИЛИ НАЧАЛА XIV в.**

Сведения по географии изложены на персидском языке не только в специальных географических сочинениях¹, но и в произведениях художественной литературы, таких, как, например, сочинение Ауфи «Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат» («Сборные рассказы и блестящие предания»), написанном в 30—40-х годах XIII в. До недавнего времени оставалось неизвестным еще одно произведение художественной литературы конца XIII или начала XIV в., в котором содержится изложение некоторых научных представлений того времени, в том числе географических.

Это рукописное сочинение, носящее условное название «Джами ал-хикайат» («Собрание рассказов»), хранится в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР (под шифром D 327) и является, по-видимому, уникальным². Сочинение посвящено правителю Индии из династии Хильджи Ала ад-дин Мухаммаду I (695—715/1296—1316). Автор в нескольких местах упоминает о себе (л. 2б, 4а, 4б, 26б, 27а), не указывая своего имени.

Сочинение представляет собой собрание рассказов о легендарных и исторических лицах (Джамшид, Заххак, Бузурджмихр, Ануширван, Бахрам-Гур и др.). Имеются в нем и бытовые рассказы и рассказы так называемого животного цикла. Этой рукописью в свое время интересовались К. Г. Залеман и Е. Э. Бертельс, о чем можно судить по их записям на листах, вложенных в нее. В частности, К. Г. Залеман отметил, кому посвящено это сочинение.

Мы рассмотрим лишь сведения по математической географии, приведенные в описываемой рукописи. Надо полагать, что ее автор

¹ Рукописные сочинения по географии, хранящиеся в ЛО ИНА АН СССР, описаны Н. Д. Миклухо-Маклаем (см. Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, М.—Л., 1954). Большое внимание персидским географическим сочинениям уделил И. Ю. Крачковский (см. И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. IV, М.—Л., 1957).

² Сведения об этом сочинении впервые опубликованы в докладе, посвященном XXV Международному конгрессу востоковедов (см. Н. Д. Миклухо-Маклай, О. Ф. Акимускин, В. В. Кушев, М. А. Салахетдинова, *Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР*, — «Доклады XXV Международного конгресса востоковедов», М., 1960, № 17).

не был ни географом, ни астрономом и, следовательно, взял данные по интересующей нас теме из существовавших в то время географических сочинений.

В рукописи имеется краткое упоминание о форме земли, о ее вращении: «Земля вращается, висит и держится на небе подобно шару и стоит по воле бога»³. В другом месте сказано, что земля по форме походит на померанец, а горы в ней как косточки в померанце⁴.

Здесь же говорится также о разделении земли экватором и меридианом на полушария, о делении ее на 360 градусов. Во всем этом нашло отражение очень рано утвердившееся в арабской географической науке учение о сферичности земли⁵.

Автор указывает также пункты, по которым якобы проходит экватор: «Экватор начинается с Западного Судана, на севере проходит через горы, называемые Лунными (Джибал ал-кумр), идет через страну (билад) Абиссиния, города (билад) Йемена — Зафар (Сафар) и Аден, на севере проходит через части [страны] зинджей, через Зеленое море (Индийский океан)⁶, через Цейлон (Сарандиб) и доходит до Китая (Чин). Конец экватора находится на острове, который индийцы называют Джамлут⁷; экватор называют горлом земли (ракба ал-арз)⁸, и там расположен центр климата»⁹.

Автор сообщает также о делении земли на обитаемую и необитаемую части. Он передает мнение, которое разделяло большинство мусульманских географов, о том, что обитаемая одна четвертая часть земли находится в Северном полушарии. Относительно необитаемой части он замечает: «Говорят, что она покрыта водой, некоторые ученые отвечали, что в настоящее время она неизвестна»¹⁰.

Далее в рукописи говорится о том, что обитаемая четверть земли разделена на семь частей, называемых по-персидски кишвар, по-арабски — аклим. Это деление по числу планет (вернее, пяти планет и двух светил) выглядит следующим образом¹¹:

- I Сатурн — билад ал-Хинд
- II Юпитер — билад ас-Син
- III Марс — билад ат-турк
- IV Солнце — билад ал-Хорасан
- V Венера — билад ал-Мавераннахр
- VI Меркурий — билад ар-Рум
- VII Луна — билад ал-Салдж (букв. «страны снега»)

Указанная система соответствия климатов планетам, по данным Хонигмана, считается иранской (несколько отличной от греческой) и приведена в одном из астрологических трактатов Абу-Ма шара Балхи (ум. в 272/886 г.), а также в сочинении по астрономии, написанном

³ Рук. Д 327, л. 68а.

⁴ Там же, л. 67б.

⁵ См. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, стр. 45.

⁶ Там же, стр. 102.

⁷ Речь идет о легендарном острове Джамкут (см. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, стр. 70). Написание Джамлут вместо Джамкут в рукописи следует объяснить тем, что, возможно, этот текст был переписан с рукописи, где косая линия для изображения буквы «каф» была неотчетлива или вовсе опущена.

⁸ В известных нам словарях такое значение (данного сочетания слов) не зафиксировано.

⁹ Рук. Д 327, л. 68а.

¹⁰ Там же, л. 67б.

¹¹ Там же.

в 357/968 г. Абу Наср ал-Хасаном ибн Али ал-Кумми¹². Затем идет перечень названий мест (главным образом стран и городов) по климатам от запада к востоку¹³.

I климат: Западный Судан, часть страны берберов, страны Абиссинии (Хабаша), Йемен, Нубия, зинджи, острова Индии до пределов Китая (Чин).

II климат: часть Египта, [страны] берберов, большая часть земли (вилайят) Аравии, Хиджаз, часть Йемена, одна сторона Мекрана, Синд, Индия (Хинд).

III климат: часть Магриба, [страны] берберов, Африка, Александрия, часть Сирии, остров Маусил, Куфа, Басра, Багдад, большая часть Ирака арабского, Ахвас, Фарс, Керман, Исфоган, Систан, Забулистан, Кабул, остальная часть Индии (не входящая во второй климат).

IV климат: страны (билад) Андалусии, часть Магриба, Рума и Сирии, большинство областей (билад) Азербайджана и области Джазира, Ирак персидский, Кумис, Дейлем, Табаристан, Джурджан, Хорасан, Нилан (?)¹⁴, Тибет, край областей (канара-и билад) Туркестана.

V климат: часть Рума, Армении, Грузии (Джурз), Хорезм, Мавераннахр, Фергана, часть Туркестана.

VI климат: большая часть страны Рума, Грузии, русы, Туркестан.

VII климат: славяне (Саклаб), крайние пределы (нихайат) Туркестана, Иаджудж и Маджудж.

Относительно VII климата имеется примечание: «В некоторых областях из-за сильных морозов в течение шести месяцев в году люди живут в «банных»; и в прохладных (?) домах, низ которых пустой, варят пищу. Большая часть этого климата неблагоустроена (букв. «разрушена»), мало [здесь] жилищ и возможности обитать. От обильного снега, который выпадает, и от сырости портятся здания»¹⁵.

Указаны следующие размеры климатов по долготе и широте в фарсах¹⁶:

	Долгота	Широта		Долгота	Широта
I климат	3600	250	V климат	1835	150
II »	3300	250	VI »	1800	133 ¹⁷
III »	2733	230	VII »	1300	120
IV »	2200	180			

Обращают на себя внимание прежде всего размеры шестого климата. Его величина по сравнению с пятым климатом по долготе слишком велика, а по широте чересчур мала. Очевидно, при указании размеров шестого климата допущена ошибка (при указании широты, по-видимому, случайно выпало слово «сад» — сто). Кроме

¹² E. Honigmann, *Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπιόχοι*, Hiedelberg, 1929: S. 141—142.

¹³ Рук. Д 327, л. 676.

¹⁴ В тексте имеем начертание *سلان*. Нам не удалось точно установить название, обозначенное этим начертанием. В персидском географическом сочинении X в. — «Худуд ал-алам» встречается название *سلان رودبار*. В. Ф. Минорский высказывает предположение о том, что здесь речь идет о верховье р. Лангеруд, берущей начало близ современного селения Лейл (в Гиляне). См. *Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky with the Preface by V. V. Bartnold (+1930) translated from the Russian, London, 1937* (G. M. S., N. S., XI), p. 388.

¹⁵ Рук. Д 327, л. 676.

¹⁶ Фарсах — мера длины. В нескольких местах рукописи определяется равным трем милям. Соответствие между милей и более мелкой единицей измерения длины — гезом указано различно (гез считается равным аршину). В одном месте (л. 68а) говорится, что миля равна 4 тыс. гезов, в другом (л. 676) — 3 тыс. В первом случае гез считается равным 25 ангуштам (ангушт — букв. «палец» — мера, равная 9 дюймам), во втором — 36.

¹⁷ В тексте (л. 68а), видимо, по ошибке названа цифра 33.

того, если мы определим размеры климатов в градусах (согласно нашему автору, один градус равняется 22 фарсахам, якобы по зиджу Ма'мұна¹⁸), то получим более или менее приемлемые цифры только для указания долгот. В отношении же широт размеры окажутся преувеличенными (величина первого климата составит 11°22', седьмого — 5°18'). Принимая во внимание данные рукописи о том, что южная граница первого климата находится на расстоянии 13° от экватора¹⁹, мы определим северную границу седьмого климата. Она окажется на 69°31', если считать размер шестого климата равным 133 фарсахам. Вряд ли можно допустить, что в рукописи допущена ошибка при указании размеров по широте всех семи климатов.

Нам представляется, что указанные цифры следует перевести в градусы, не исходя из определения градуса в 22 фарсаха (66 миль), а пользуясь определением градуса в 75 миль²⁰.

Вслед за упоминанием размеров каждого климата автор снова перечисляет названия мест, а также морей, входящих в данный климат. Однако при вторичном перечне в большинстве случаев он повторяет те же названия, которые уже были упомянуты. Например, для первого климата не приведено ни одного нового названия; для остальных даны следующие дополнительные названия:

I климат: Центр страны (билад) Африка, Средиземное море (дарйа-и Миор), Мекка, Медина, Красное море (дарйа-и Кулзум), Оманский залив (дарйа-и Уман).

III климат: Танжер (Танджа), Дамьетта, Аскалон.

IV климат: Франкское море (?) ²¹, остров Сицилия (Сисилия), Персия (Фурс), часть Армении, Султания, Бадахшан, Кашгар, Китай (Хата ва Чин).

V климат: некоторые области (билад) Андалусии, Каспийское море (бахр-и Хазар), Бухара, Самарканд, Тараз.

VI климат: Константинополь, Дербент (Баб ал-абваб), Каспийское море.

VII климат: побережье (савахил) Средиземного моря (дариа-и Рум), Булгар, крайние пределы страны тюрок.

Таким образом, автор перечисляет 73 географических пункта. Распределение их по климатам в основном такое же, как и у ал-Бируни²², что может быть представлено в следующей таблице:

№ п/п	Название географических пунктов	Номер климата по рукописи	Номер климата по ал-Бируни
1	Западный Судан	I	I
2	Страна берберов	I—III	I—III
3	Йемен	I, II	I, II
4	Абиссиния	I	I
5	Нубия	I	I
6	Зинджи	I	I
7	Острова Индии	I	—
8	Чин	I, III, IV	I—IV
9	Средиземное море	II, VII	III, IV
10	Египет	II	III, IV
11	Магриб	II	—
12	Африка	II, III	I—III
13	Красное море	II	II

¹⁸ Определение градуса в 22 фарсаха или 66 миль (л. 68а) очень близко к птолемеевскому.

¹⁹ Рук. Д 327, л. 68а.

²⁰ И. Ю. Крачковский полагает, что определение градуса в 75 миль перешло к арабам через сирийское посредство (см. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, стр. 84).

²¹ В тексте: دريا افرح

²² Об ал-Бируни см.: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, стр. 244—271.

№ п/п	Название географических пунктов	Номер климата по рукописи	Номер климата по ал-Бируни
14	Аравия	II	—
15	Хиджаз	II	—
16	Мекка	II	II
17	Медина	II	II
18	Оманский залив	II	II
19	Мекран	II	II
20	Синд	II	III
21	Индия	II—III	III
22	Танжер	III	III
23	Дамьетта	III	III
24	Александрия	III	III
25	Сирия	III, IV	III, IV
26	Аскалон	III	III
27	Маусил	III	IV
28	Куфа	III	III
29	Басра	III	III
30	Багдад	III	III
31	Ирак арабский	III	III
32	Ахвас	III	III
33	Фарс	III	III
34	Керман	III	III
35	Исфаган	III	III
36	Систан	III	III
37	Забулистан	III	III
38	Кабул	III	IV
39	Тюрки	IV, VII	III—VI
40	Андалусия	IV, V	V
41	Море франкское	IV	—
42	Сицилия	IV	IV
43	Рум	IV—VI	V
44	Джазира	IV	—
45	Ирак персидский	IV	—
46	Персия	IV	—
47	Армения	IV, V	V
48	Азербайджан	IV	IV
49	Кумис	IV	IV
50	Дейлем	IV	IV
51	Султанийя	IV	—
52	Табаристан	IV	IV
53	Джурджан	IV	IV
54	Хорасан	IV	IV
55	Тибет	IV	IV
56	Бадахшан	IV	IV
57	Кашгар	IV	IV
58	Туркестан	IV—VII	—
59	Хата	IV	IV
60	Грузия	V, VI	V
61	Каспийское море	V, VI	V, VI
62	Хорезм	V	V
63	Мавераннахр	V	V
64	Бухара	V	V
65	Самарканд	V	V
66	Фергана	V	V
67	Тараз	V	VI
68	Константинополь	VI	VI
69	Дербент	VI	V
70	Русы	VI	VI
71	Саклаб	VII	VII
72	Булгар	VII	VII
73	Йаджудж и Маджудж	VII	V—VII

Изложение сведений по географии завершается картой, носящей название «Карта семи климатов, а также морей, пустынь, стран, населенных пунктов». На ней в виде кольца изображен океан, который

выше в тексте назван «окружающим» (мухйт)²³. По рукописи отчетливо видно, что две окружности, проведенные для образования круга, а также третья окружность внутри кольца начерчены неровной линией, без циркуля. Жирной чертой проведен экватор и перпендикулярно к нему начальный меридиан, точка пересечения которых названа «куполом земли» («кубба-и замйн»)²⁴. На Южном полушарии параллельно экватору проведена линия, по всей вероятности, для обозначения южной границы обитаемой земли. На Северном полушарии начерчено семь линий параллельно экватору и почти на одинаковом расстоянии друг от друга для обозначения границ климатов.

Номера климатов обозначены семью арабскими буквами, имеющими по абджаду²⁵ следующие числовые значения: а=1, б=2, дж=3, л=4, х=5, у=6, з=7. Арабскими же буквами на карте обозначена и величина градуса в двух местах: на экваторе и под северной границей седьмого климата.

На экваторе над словом Чин (Китай) написано к ф дараджа, т. е. 180° (числовое значение к=100, ф—80).

Под северной границей седьмого климата имеется фраза — «Ир-тифā 'кутб-и шимāли с у дараджа аст» [«Высшая точка» (букв. «высота») северного полюса равна 66°]²⁶.

В данном случае указано расстояние до высшей точки северного полюса не от экватора, а, по всей вероятности, от северной границы первого климата. Южной границей первого климата на карте, очевидно, является экватор. Следовательно, согласно карте, расстояние от северной границы первого климата до экватора составляет 24°.

Карта начерчена красной и черной тушью. Красной проведены линии двух квадратов (один из них недорисован), три окружности, линия на Южном полушарии, параллельная экватору, границы климатов, написано семь арабских букв для указания номеров климатов и две буквы (с, у) для обозначения величины градуса высшей точки северного полюса (от северной границы первого климата), слово «дарйа» (море) в двух местах: в третьем климате, очевидно, для обозначения Средиземного моря, во втором климате и в первой зоне²⁷. Во втором климате помещены две первые буквы этого слова (даль и ри), третья буква (йа) растянута от второго климата по первой зоне до изображения океана, четвертая буква (алиф) сливается с его изображением.

Такое начертание слова сделано, по-видимому, для условного обозначения Красного моря и северной части Индийского океана. Наконец, красными чернилами начерчен круг в четвертом климате, возможно, для обозначения Аральского моря. Все остальные слова написаны черной тушью.

На карте нанесено сравнительно небольшое число названий, хотя

²³ Рук. Д 327, л. 68а.

²⁴ О куполе земли см.: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, стр. 69—71.

²⁵ Абджад — название восьми вымышленных арабских слов, показывающих древний порядок арабского алфавита, заимствованного у арамейцев. Каждая буква в этих словах имеет определенное числовое значение.

²⁶ Счет по абджаду для обозначения величины градуса географических пунктов использован еще арабским географом IX в. ал-Хорезми и последующими географами (см. С. А. Nallino, *Al-Huwārizmī e il suo rifacimento della geografia di Tolomeo. Memoria della Reale Accademia dei Lincei*, series I, II, V, Roma, 1894, pp. 16—17, 22—23; *Das Kitab Surat al-ard des Abu Ga'far Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi. Hrsg nach dem handschriftlichen Unikum der Bibliothek de l'Universite et regionale in Strassburg* (cod. 4247), Hans Mžik, Leipzig, 1926.

²⁷ Первой зоной мы условно назвали расстояние от экватора до северной границы первого климата.

ее размер позволял отметить их больше. Вместе с тем на ней имеется семь названий, не упомянутых в тексте при перечне географических пунктов: Аден (в первом климате), Кулзум, Нил (баҳр-и Нил), Оман (во втором), Иерусалим (Байт ал-Муқаддас), Вāсит (в третьем климате), Аҳлāт (в четвертом климате). Все эти города имеют такое же расположение по климатам и у ал-Хорезми и у ал-Бируни.

Андалусия находится на карте во втором климате. Наряду с Чйн (по-видимому, для обозначения Китая) написано еще название ас-Сйн. Последнее слово начерчено так, что оно начинается на Южном полушарии и кончается в четвертом климате, что лишний раз наталкивает на мысль о том, что составитель карты помещал южную границу обитаемой земли на Южном полушарии, а не на Северном. А это в свою очередь дает некоторое основание полагать, что хронологически карта восходит если не к самому ал-Хорезми, то к одному из его последователей.

Исходя из сказанного (о границе обитаемой части земли, о границе первого климата и о некоторых названиях на карте), мы можем предполагать, что сведения о семи климатах, данные в рукописи, и карта восходят к разным источникам.

Из всех принадлежащих восточным авторам круглых карт мира, изданных К. Миллером, наибольшее сходство с нашей картой имеет карта Ибн-Са'йда²⁸. Несмотря на то что на карте Ибн-Са'йда приведено гораздо большее число названий, чем на нашей, карта Ибн-Са'йда по сравнению с нею более схематична.

Оценивая значение географических сведений, имеющихсЯ в рукописи, можно повторить слова И. Ю. Крачковского об упомянутом выше сочинении 'Ауфй: «Для нас эта работа интересна как показатель объема географических сведений не у специалистов, а у литераторов»²⁹.

²⁸ См. К. Miller, *Mappae arabicae. Arabische Welt — und Lānkarten*, t. V, Stuttgart, 1926—1927. Об Ибн Са'иде см.: И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. IV, стр. 352—358.

²⁹ И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. IV, стр. 329.

Л. В. Дмитриева

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ИНСТИТУТЕ НАРОДОВ АЗИИ АН СССР

Эти материалы занимают сравнительно небольшое место среди всех тюркоязычных фондов Института народов Азии (ИНА) Академии наук СССР и находятся в собрании тюркских рукописей, фонде документов Рукописного отдела, в Архиве востоковедов Института народов Азии. Лишь некоторые из них упомянуты в печати¹. Поэтому приводимый ниже специальный обзор тюркоязычных географических и этнографических материалов будет, как нам кажется, интересен для географов и этнографов.

Обзор построен по топографическому принципу — месту хранения материалов в ИНА АН СССР, а внутри — по тематическому и языковому принципам.

МАТЕРИАЛЫ СОБРАНИЯ ТЮРКСКИХ РУКОПИСЕЙ

География

Тюркские географические сочинения и их рукописи вообще очень немногочисленны. Подобно своим арабским и персидским образцам, тюркская географическая литература по мусульманской традиции может быть представлена географическими словарями, распределяющими описание городов, стран и т. п. в алфавитном порядке следования их названий; космографиями с занимательными, часто фантастическими сведениями о земле и небе; общими компендиями, содержащими весьма краткие бессистемные описания стран и городов, нередко заменяемые их простым перечнем; описаниями путешествий, дневниками и путевыми журналами путешественников и паломников в Мекку и Медину; специальными маршрутниками — «путеводителями» для этих паломников².

¹ Н. П. Журавлев и А. М. Мугинов, *Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», VI, 1953, стр. 34—53; Л. В. Дмитриева, *Краткий обзор документов и фрагментов на тюркских языках из собрания ИВ АН СССР*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», IX, 1956, стр. 241—245; *Тюркские рукописи ИВ АН СССР*, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 4, стр. 136—146.

² Перечень видов арабской географической литературы приводит И. Ю. Крачковский (см. И. Ю. Крачковский, *Арабские географы и путешественники*, — «Известия Государственного Географического общества», 1937, № 5, стр. 738—765).

В рукописях, хранящихся в Институте народов Азии АН СССР, содержатся переводы арабских и персидских космографий и компендий, описания путешествий, путевые журналы, дневники и маршрутные паломников и даже записи наблюдений за погодой.

По языкам эти рукописи распределяются следующим образом.

Крымско-татарский язык. Дневник бахчисарайского поэта второй половины XIX — начала XX в. Хабибаллы Керема (ум. в 1913 г.). В дневнике (31 тетрадь и 33 больших двойных листа бумаги) Керем аккуратно, с 1901 по 1912 г., записывал все события жизни города и некоторые чисто внешние наблюдения над местной погодой.

Записи сделаны по дням, месяцам и годам. Дневник хранится в ИНА АН СССР в авторском экземпляре (шифр — С 144), подаренном поэтом в 1912 г. тюркологу А. Н. Самойловичу. По отзывам последнего³, Керем не имел образования, но был очень наблюдательным и способным самоучкой. Он любил природу, сочинял стихи, записывал свои наблюдения, с тем чтобы просветить народ, ознакомить его с родным краем.

Татарский язык. Путевой журнал неизвестного, но, видимо, довольно образованного для своего времени татарина, отправившегося из родной «Булгарии» (Татарии) в Бухару, а затем через Индию и Индийский океан в Иран, Афганистан, далее в Басру и, наконец, в Мекку. Автор журнала побывал также в Дамаске, Константинополе и после этого вернулся на родину.

Это путешествие к «святым местам» и обратно было очень длительным, так как автор журнала прожил четыре года в Дамаске и 23 года в Константинополе, усердно изучая Коран. Средства для существования он добывал работой в константинопольских кондитерских.

Журнал интересен не только в географическом, но и общепознавательном значении: в нем подробно перечисляются и описываются с наиболее поразившей путешественника стороны многие районы и пункты его путешествия.

В ИНА АН СССР имеются две рукописи журнала⁴, но обе дефектны: в одной (В 802) нет начала (описание ведется с момента отъезда из Бухары) и более половины записей в конце (до прибытия в Иран); в другой (А 256) также отсутствует начало (описание начинается с путешествия по Индийскому океану). Обе рукописи имеют пропуск в тексте — после описания путешествия по Индийскому океану.

Автор не указывает дату путешествия. По содержанию журнала можно предположить, что оно было совершено во второй половине XVIII — начале XIX в. К началу XIX в. предположительно относятся и рукописи журнала, переписанные, очевидно, в Татарии и не являющиеся автографами самого путешественника.

Путевые записи некоего Фахр ад-дина ибн Хабибалла ал-Булгари о его путешествии в 1824—1825 гг. из Казани в Турцию. Автор — человек образованный, хорошо знавший турецкую и арабскую литературу: в его записях часто упоминаются турецкие и арабские поэты, их произведения. Нередко приводятся выдержки из арабских исторических и географических сочинений, относящиеся преимущественно

³ А. Н. Самойлович, *Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибалла Керем*, Симферополь, 1913.

⁴ И. Н. Березин, *Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга*, — «Журнал Министерства народного просвещения», 1846, № 5, стр. 30—46.

к тем районам, городам и населенным пунктам, через которые проезжал ал-Булгари.

Список его записей занимает листы 276—386 рукописи В 2631, переписанной, судя по палеографическим данным, в конце XIX в., по всей вероятности, в Татарии.

Турецкий язык представлен двумя сокращенными переводами — обработкой двух разных частей известной и очень популярной арабской космографии «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мавджудат» («Диковины сотворенного и редкости существующего») ⁵ ал-Казвини (род. ок. 1203—1204 г., ум. в 1283 г.).

В сочинении имеется описание небесных сфер и планет (I раздел первой части), минерального, растительного и животного миров (II раздел), традиционное для мусульманской географической литературы описание мира по семи климатам. Известно несколько редакций арабского оригинала и переводы его на персидский язык ⁶.

Рукопись ИНА АН СССР (В 783) ⁷ содержит: краткий перевод-обработку первой части сочинения, выполненную известным комментатором и переводчиком ас-Сурури (XVI в.); краткий перевод-пересказ отдельных мест второй части сочинения, сделанный для султана Мухаммеда IV (1648—1687) неким Мухаммедом ибн Мухаммедом аш-Шахиром (?) Бердуси-задэ. Рукопись переписана в 1714 г., видимо, в Турции.

«Нузхат ат-талиб» («Услада ищущих») — перевод арабского сочинения «Умдат ли-р-рагиб ва нузхат ат-талиб» («Опора для жаждущих и услада [для] ищущих») Авлунави.

Перевод сделан самим автором для султана Ахмеда I (1603—1617).

Сочинение представляет собой историко-топографическое описание Египта с древнейших времен. Материал располагается в следующем порядке: общие (преимущественно легендарные) сведения о древнейшем населении страны, Египет и его «владельцы» «после потопа», Египет при коптах, тиранах, Александре Македонском, римских кесарях, византийских императорах, арабах (от омейядов до эйюбидов), мамлюках и турецких наместниках. В последних десяти главах дается топографическое описание Египта — его районов, городов, местностей, достопримечательностей и т. п.

Имеющаяся в ИНА АН СССР рукопись сочинения (В 778) переписана в 1650 г. ⁸.

Описание Анатолии, Адрианополя и других районов Турции представлено частью тома известного многотомного сочинения «Сийахат-намэ» («Книга путешествий») Эвлии-челеби (1611—1682).

Автор — выдающийся турецкий путешественник и дипломат, проводивший в непрерывных странствиях 40 лет (1631—1671). За это

⁵ Издание арабского текста: Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Kazwinis Kosmographie. Erster Theil. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1849; частичный перевод: H. Ethe, *Kazwini's Kosmographie. Die Wunder der Schöpfung. Erster Halbband*, Leipzig, 1869. О широкой популярности этого сочинения и в последующие века см.: И. Ю. Крачковский, *Арабские географы и путешественники*, стр. 756; А. Д. Седелников, *Арабская книга в царской казне*, — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 165—167.

⁶ Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, М.—Л., 1954, стр. 34—36.

⁷ Ее упоминает Ж. Л. Руссо в своем «Catalogue d'une collection de cinq cents manuscrits orientaux», Paris, 1817, № 418, p. 44.

⁸ О другой, находящейся в Вене рукописи см.: G. Flügel, *Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften des kaiserlich-königlichen Hoffbibliothek zu Wien*, 11, Wien, 1866, № 933, S. 159.

время он объездил почти всю Турцию, Сирию, Палестину, побывал в юго-восточных славянских государствах, в Южной и Юго-Западной России, в Иране, в арабских владениях, в Египте и даже в Германии, а возможно, и в Голландии.

Путешествуя и одновременно выполняя дипломатические и иные поручения султанов и сановников, Эвлия-челеби изо дня в день вел подробные записи — описания новых местностей, бытующих там легенд, отмечал важнейшие исторические события и т. п. В конце жизни он обработал эти записи, оставив потомкам десяти томное географическое сочинение, содержащее богатейший фактический материал исторического и этнографического характера. Однако к этому материалу следует относиться критически, так как нередко его автор отдает дань преувеличению или просто фантазии.

Рукопись ИНА АН СССР (В 3144) довольно поздняя — 1872 г. и переписана она, видимо, в Татарии со стамбульского издания начала XIX в.⁹

Сочинение неизвестного автора, посвященное описанию Константинополя (лл. 208 а — 220 а рукописи Д 550). В рукописи содержатся сведения об основании города, его достопримечательностях, крупнейших постройках. По содержанию она очень близка первому тому указанного выше сочинения Эвлии-челеби. Однако в рукописи Д 550 указана дата составления сочинения — 929 г. хиджры (1522—1523), т. е. значительно ранняя, чем даты жизни Эвлии-челеби.

Судя по палеографическим данным, рукопись Д 550 переписана в начале XIX в., очевидно, в Поволжье.

«Сийахат ал-кубри» («Мост путешествий») — описание путешествия некоего Сулеймана Шукри из Турции в арабские страны, Иран, Россию, Западную Европу. Построено по типу дневника, в котором лишь на листе 88 б приведена дата 1217 г. хиджры (1802—1803).

Характер описания, небрежность и незаконченность позволяют предположить в нем авторский черновик дневника путешественника (рукопись Д 441).

Узбекский язык. Перевод «Маджма ал-гараиб» («Собрание редкостей») — популярного персидского космографического и географического сочинения ал-Балхи¹⁰, известного в двух редакциях — 1569/70 г. и не ранее 1575/76 г.

В целом это сочинение носит компилятивный характер, но в нем содержатся и оригинальные сведения по исторической географии Средней Азии (особенно Балхской области) и по хронологии среднеазиатских событий XVI в. Основная же часть сочинения — космографическо-географическая. Персидские редакции различаются главным образом по двум разным авторским предисловиям и в разделе хронологии среднеазиатских событий. Количество глав в разных рукописях сочинения колеблется от 15 до 20.

Рукопись ИНА АН СССР (С 1890) содержит перевод первой редакции, выполненный неким Хасаном Махмудом. Перевод включает 17 глав: о небесных сферах, пророках и первых четырех халифах,

⁹ Шесть первых томов изданы в 1818 г., извлечения из первого тома — в 1843 г., все десять томов — в 1896 г. Два первых тома переведены на английский язык: J. Hammer, *Narrative of Travels in Europe Asia and Africa by Evliya Efendi*, London, 1846—1850; См. также статью J. H. Mortmann'a в *Encyclopedie de l'Islam*, t. II (E — K), Leide — Paris, 1927, pp. 36—37; *Islam ansiklopedisi*, IV, Istanbul, 1945—1947, pp. 400—412; H. Turkova, *Sprachproben aus Nieeder — Osterreich in Evliya Celebi Sejahat-nam.* — «Arehiv Orientalni», 1952, № 20, pp. 392—396.

¹⁰ Об этом сочинении и его персидских же рукописях см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей*, стр. 62—74.

странах и городах, людях, животных, растениях, горах и родниках, реках и морях, пустынях, мечетях и кладбищах, размерах, глубинах рек и морей, о поверхности земли, расстоянии между некоторыми городами, о Каабе и Мекке. Кроме того, в нем есть рассказы о человеческой проницательности, анекдоты и шутки, хронология важнейших исторических событий. Перевод занимает лл. 16—1476 рукописи и переписан в 1837—1838 гг., видимо, в Средней Азии.

Сокращенный перевод-обработка отдельных мест из отмечавшегося ранее арабского сочинения «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мавджудат» («Диковины сотворенного и редкости существующего») ал-Казвини. Переводчик — Хараби. Рукопись перевода (В 784) переписана в 1853—1854 гг., видимо, в Средней Азии.

Уйгурский язык. «Мекка Мединага барадурган йолнынг учуры» («Пролегание пути [тех], кто направляется з Мекку и Медину») — описание пути паломников от Кашгара до Мекки и Медины, составленное неизвестным лицом в виде перечня географических пунктов с кратким пояснением путей к ним.

Список сочинения занимает лл. 886—93а рукописи А 132, переписанной, судя по палеографическим данным, в XIX в. в Восточном Туркестане.

Этнография

Этнографический материал иллюстрируется главным образом уставами для ремесленников (рисоля), в которых большое внимание уделяется религиозно-обрядовой стороне ремесла и описываются некоторые особенности процессов производства, организации цехов ремесленников и т. д.

Тюркские рисоля¹¹ сохраняют общую схему построения: краткое молитвенное вступление; религиозные предания о божественном происхождении ремесел вообще и данного в частности; обоснование в связи с этим (в форме вопросов и ответов) религиозной значимости ремесла с указанием всех его «святых» покровителей; перечень процессов данного ремесла с пояснением, какие молитвенные изречения следует произносить при каждом из них; благочестивые обязанности и запреты для ремесленников данной профессии с указанием поощрений или наказаний в случае исполнения или неисполнения ими рисоля.

Исследователи неоднократно указывали на большое значение и необходимость собирания рисоля. Однако собрано еще очень мало, а изучено — еще меньше. Поэтому собрание, включающее около 100 узбекских и уйгурских рисоля ИНА АН СССР, представляет значительный интерес, так как в таком количестве и разнообразии, судя по каталогам, рисоля в других хранилищах не имеются.

По языкам рукописи рисоля ИНА АН СССР распределяются следующим образом.

¹¹ См.: М. Ф. Гаврилов, *Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов*, Ташкент, 1912; Н. Ф. Петровский, *О шелководстве и шелкомотании в Средней Азии*, — «Отчет Министерства финансов за 1874 г.», стр. 150—160; П. Комаров, *Несколько слов о «рисоле»*, — «Туркестанские ведомости», 1911, № 45, стр. 239; А. Н. Самойлович, *Туркестанский устав — рисоля цеха артистов*, — «Материалы по этнографии». III, вып. 2, Л., 1927, стр. 53—56; В. А. Гордлевский, *Из жизни цехов Турции. К истории «ахи»*, — «Записки Коллегии востоковедов», II, Л., 1927, стр. 233—248; и др.

Узбекские. Собраны главным образом в коллекциях С. М. Смирнова¹² и А. Л. Куна¹³. Все они среднеазиатского происхождения, переписаны в XIX в. Коллекция С. М. Смирнова состоит преимущественно из копий конца XIX в., выполненных по специальному заказу со старых рукописей, находившихся тогда в частных собраниях в Намангане, Коканде, Фергане, Маргелане, Алты-арыке, Чусте.

В узбекских рисоля представлены ремесла медников (А 371), кузнецов (А 373), плотников (А 421), делающих ступы (В 2126), кожевников (А 359), башмачников (А 361), войлочников (А 357, А 393), ткачей (А 350, А 353, А 354), делающих арбы (А 374), горшечников (А 366), мыловаров (А 386, А 387, А 388), земледельцев (А 375, А 685, А 391, В 2126), мясников (А 378, А 380), бакалейщиков (А 389).

Большая часть коллекции С. М. Смирнова объединена под одним шифром В 1900. Здесь содержатся рисоля: кузнецов, тележников, каменщиков, шорников, плотников, позолотников, кожевников, гончаров, красильщиков, сапожников, земледельцев, мясников, мельников, ткачей, москательщиков, торговцев чаем, поваров, изготавливающих лекарства, врачей, парикмахеров и даже мулл.

Уйгурские рисоля находятся в коллекциях Н. Ф. Петровского¹⁴ и С. Ф. Ольденбурга¹⁵, собранных в начале XX в. в Восточном Туркестане. Рукописи этих рисоля переписаны преимущественно в XIX в. В них представлены ремесла: кузнецов (А 369), каменщиков (А 407), плотников (А 411, А 4121), котельщиков (А 419), войлочников (А 358), строителей домов (А 372), ткачей (А 351, А 352), красильщиков (А 355, А 356), чесальщиков хлопка и шерсти (А 409), лакировщиков (А 385), осветителей (А 414), башмачников (А 362, А 363, А 364, А 365), шубников (А 404, А 405), горшечников (А 418), земледельцев (А 376), мельников (А 408), погонщиков скота (А 410), пастухов (А 420), мясников (А 379), торговцев лошадьми (А 403), поваров (А 401, А 402), пирожеников (А 382), торговцев (А 415), продавцов благовоний (А 416, А 417), парикмахеров (А 394, А 395), мыловаров (А 387), борцов (А 406).

Татарские рисоля иллюстрируются лишь двумя рукописями — профессиональными трактатами земледельцев (В 3981) и ремесленников, изготавливающих ступы (Д 301). Обе рукописи переписаны в XIX в., вероятно, в Татарии.

Другие сочинения этнографического характера в рукописях ИНА АН СССР по языкам распределяются следующим образом.

Татарский. Поэма неизвестного автора о быте и нравах казахов, а именно: об их предках, делах, свадебных и похоронных обрядах, о национальных блюдах и напитках, о питье вина и т. п. Поэма имеет характер религиозной, мусульманской сатиры на «дикие» с точки зрения «истинного» мусульманина нравы казахов¹⁶. Написана она плохо

¹² Эта коллекция неоднократно упоминалась в литературе (статьи Н. Ф. Катанова, П. Комарова, А. Н. Самойловича). Неполный список коллекции см.: С. Saleman, *Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Melanges Asiatiques*, X, 1894, S. 289.

¹³ Список коллекции А. Л. Куна приведен в упоминавшейся нами статье С. Saleman'a.

¹⁴ Список коллекции: К. Г. Залеман, *Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг.*, — «Известия Академии наук», т. V, 1911, серия VI, стр. 251—256.

¹⁵ Список коллекции С. Ф. Ольденбурга также приведен в упомянутой выше статье К. Г. Залемана.

¹⁶ А. Н. Самойлович, *Хивинская сатира на казак-киргизов*, — «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», XX, стр. 52—55; В. В. Радлов, *Образцы народной литературы тюркских племен*, IV, СПб., 1872, стр. 170—188.

рифмованной прозой. В ИНА АН СССР есть два списка (А 1038, лл. 146—24а; А 1317), переписанных в XIX в., видимо, в Поволжье. Рукопись А 1317 не имеет начала и конца.

Турецкий. «Кеманкеш-намэ» («Книга о стрельбе из лука») — сочинение об искусстве стрельбы из лука, составленное стрелком Мустафой. Рукопись (В 1017) переписана в 1825 г., очевидно, в Турции.

Узбекский. Перевод персидской «Китаб-и сейд» («Книги об охоте») — рукопись (А 347) переписана в 1855 г., вероятно, в Средней Азии.

Два сочинения о воспитании и лечении охотничьих соколов, о соколиной охоте — «Баз-намэ» («Книга о соколе») — рукописи В 873, В 1016. Переписаны в конце XVIII — начале XIX в. Оба сочинения, по-видимому, являются переводами с персидского.

Уйгурский. Поэма неизвестного автора, воспроизводящая спор 32 ремесел о превосходстве каждого из них. Рукопись (А 991) представляет список, выполненный немецким ориенталистом Т. Менцелем с издания поэмы И. Аветарянианом в Шумле по ее другой рукописи¹⁷.

МАТЕРИАЛЫ ФОНДА ДОКУМЕНТОВ

В этом сравнительно небольшом фонде можно выделить несколько материалов географического характера. Все они представлены на уйгурском языке.

Карта-схема (в красках) Восточного Туркестана с параллельными уйгурскими и китайскими обозначениями названий и очень частыми русскими переводами, сделанными впоследствии Н. Ф. Петровским.

Большой (в виде свитка) список кишлаков Кашгара с указанием расстояний между ними и самыми минимальными пояснениями по каждому из кишлаков.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ

Сосредоточены в фондах отдельных лиц и разрядах. Многие из них заслуживают самого серьезного внимания. Список этих материалов (без разделения на географические и этнографические) дан в алфавитном перечне соответствующих тюркских народов с указанием (в скобках) фондов или разрядов, в которых находятся материалы.

Казахи. «Ведомость о родах, отделениях, подотделениях и отраслях киргизов (казахов.— Л. Д.) Малой орды, приблизительном числе у них кибиток и народонаселения и примерном количестве скота, с показанием также мест летнего и зимнего кочевания ордынцев», 1854 г. (фонд № 61,— В. Н. Григорьева, № 2). «Сведения, собранные в 1854 г. подполковником Султаном Мухаммед-Джаном Баймухаммедовым и старшим переводчиком Батыршиным, о числе кибиток киргизов (казахов.— Л. Д.) средней части орды в степных родах» (там же, № 3). Четыре рисунка казахских стоянок, выполненные Ч. Ч. Валихановым, карандашом (там же, № 16).

Караймы. Разрозненные выписки и записи о них В. Д. Смирнова на карточках и листах (фонд № 50,— В. Д. Смирнова, № 16).

Татары. «Черты из жизни русских татар» (статья; разряд II, опись 4, № 37).

¹⁷ В 1320 г. хиджры (1902—1903 гг.).

Турки. Отчет о летней поездке в Брусу в 1904 г. подпоручика Колусовского (разряд III, опись 3, № 45). Отчет о поездке в Турцию летом 1909 г. штабс-капитана Мариамбей (с приложением рисунков форм обмундирования и снаряжения турецкой армии, карт, планов и вырезок из турецких газет, разряд I, опись 7, № 24). Русский перевод «Описания путешествия хаджи Исмаил-бея Мухаммед оглу» (фонд № 50,— В. Д. Смирнова, № 17). Записи турецкого сановника, находившегося в русском плену с 1771 по 1775 г. (там же, № 45).

Туркмены. «Поворот Аму-Дарьи в Узбой». Записка великого князя Николая, с приложением портрета Петра I и писем князя, 1880 г. (разряд III, опись 3, № 33, 34). «Отчет Генерального штаба капитана Февралева по исследованию им в 1893 г. верховьев Аму-Дарьи», с приложением карты (там же, № 46). «Туркменские степи восточного берега Каспия» (наброски статьи, фонд № 17,— В. А. Жуковского, № 26). Материалы Ф. А. Бакулина: о туркменах — йомудах (там же, № 39). Родословия туркмен — текинцев и йомудов (фонд № 70,— А. А. Давлетшина, № 4).

Узбеки. «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана первого по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства» (7.XI.1867—25.III.1881 г.; разряд III, опись 3, № 40). «Материалы генерала Мейера по Закаспийской области и Средней Азии» (там же, № 38, 39). «Записки о путешествии Мухаммед Оразмуллы в Петербург и о приеме его царем» (на узбекском языке; фонд № 70,— А. А. Давлетшина, № 14). «Ак-Мечеть, укрепление Кокандского ханства (форт Перовский-Перовск)» (там же, № 19). «Аральская флотилия» (там же, № 22).

Уйгуры. «Погребение у желтых уйгуров (по материалам С. Е. Малова)» — начало статьи Г. Г. Гульбина (спись I, № 17).

Якуты. «Материалы Л. Г. Левенталья по этнографии Якутской области, присланные в дар А. Я. Зингером» (разряд II, опись 4, № 27). Материалы В. М. Ионова¹⁸: якутские тексты по верованиям, отдельные записи и выписки по быту (фонд № 22,— В. М. Ионова). Материалы Н. А. Виташевского¹⁹: по обычному праву (фонд № 11,— Н. А. Виташевского, № 7, 8, 10—13, 14, 15, 17, 18—19, 21, 24, 26, 27, 31, 33), этнографии (там же, № 8, 9, 15, 28, 29), антропологии (там же, № 15), статистике и экономике (там же, № 15, 23, 30), мелиорации (там же, № 20).

Общие материалы М. А. Ливенцова. «Краткое описание восточного берега Черного моря и племен, его населяющих». Литографированное издание 1859 г. (разряд III, опись 2, № 37); «Материалы о ханах киргиз-кайсацкой орды, о заселении Киргизской степи, о путях в Индию, о Хиве и Бухаре, о башкирах» (фонд № 1,— Ф. П. Аделунга, № 4).

Заметки И. Н. Березина во время его путешествия в Константинополь, Палестину, Каир, Александрию (на русском и французском языках) (фонд № 5,— И. Н. Березина, № 6); рисунки И. Н. Березина во время этого путешествия (там же, № 7).

«Описание путешествия Н. М. Ядринцева в Монголию в 1891 г.» (разряд III, опись 1, № 20).

Отчеты и другие материалы по экспедиции Д. А. Клеменца на Алтай и в Минусинский округ, 1883 г. (фонд № 28,— Д. А. Клеменца, № 1). «Материалы о населении Сибири» (там же, № 3). «Матери-

¹⁸ Описание фонда см.: Л. В. Дмитриева, *Архивные материалы В. М. Ионова*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», XVI, 1958, стр. 425—440.

¹⁹ Описание фонда см.: Л. В. Дмитриева, *Рукописные материалы Н. А. Виташевского*, — «Краткие сообщения ИВ АН СССР», XVI, 1955, стр. 72—79.

алы о народах Сибири — сойотах или енисейских урянках, татарах и гиляках», 1897—1904 гг. (там же, № 6). «Сведения о башкирах и литературные источники о гиляках» (там же, № 23).

Материалы по деятельности Н. А. Виташевского в Русском Географическом обществе и в редакции журнала «Живая старина» (фонд № 11,— Н. А. Виташевского, № 35, 36).

Б. А. Вальская

**ИЗ ИСТОРИИ УЧЕНОГО АРХИВА
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР**

Ученый архив Географического общества СССР — старейший и единственный в нашей стране специально географический архив. В нем собраны ценнейшие рукописи по географии, истории и смежным наукам за несколько столетий. Видное место в архиве занимают материалы, относящиеся к странам Востока.

Ученый архив начал формироваться одновременно с основанием Общества в 1845 г. Первой рукописью, поступившей в архив Общества, была подаренная автором рукопись А. О. Дюгамеля «Статистическое обозрение Египта в 1837 г.» (на франц. яз.)¹. Это сочинение было рассмотрено на заседании отделения общей географии и признано замечательным по редкости собранных в нем сведений. Вскоре поступила еще одна рукопись — «Географическое и статистическое обозрение Астрабадской провинции в 1841 г.» (также на франц. яз.), подаренная автором ее К. Боде².

В 1848 г. купец С. Ф. Плеханов передал Обществу восемь картин с описанием, изображающих быт жителей Обдорского и Березовского краев. Совет Общества постановил: «Березовского 3-гильдии купца Степана Федоровича Плеханова, приславшего Обществу примечательные картины, изображающие быт жителей Обдорского края и изъявившего готовность доставлять этнографические предметы и сведения признать членом-сотрудником Русского географического общества»³.

В 1851 г. начальник штаба корпуса Горных инженеров К. В. Чевкин передал в Общество рукопись «Сведения о Хивинском ханстве, собранные по расспросам в 1848 г.», а член-сотрудник Общества Н. А. Абрамов — «Выписку о китайской границе по договорным статьям 7194 (1668 г.— Б. В.) посла боярина Головина, по трактату

¹ В 30-х годах XIX в. Дюгамель был русским генеральным консулом в Египте. Упомянутая рукопись была опубликована в 1849 г. См. «Tableau statistique de l'Egypte en 1837. Par le Général Duhamel, membre effectif de la société russe géographique», Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg, Erster Band, Weimar, 1849, S. 93—180.

² «Aperçu géographique de la province d'Asterobad en 1841. Par le Baron Cl. Bodé», Denkschriften der Russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg, Erster Band, Weimar, 1849, S. 375—430.

³ Архив Географического общества СССР (Протокол Совета Общества от 4 января 1849 г.), л. 3.

1728 г. графа Владиславича и прибавление 1768 года полковника Кропотова» и «Рукопись (без начала.— Б. В.) о сношениях русских с Японией, с копиями разных донесений о путешествии капитана Голловнина».

Наибольшее количество рукописей поступало в связи с ответами на программы и анкеты Общества: в 1851 г.—700 рукописей, в 1852 г.—1290 и в 1853—612. Этот поток рукописей направлялся в архивы Отделения Общества.

Книги и рукописи в первые годы деятельности Общества поступали в ведение секретаря Общества А. К. Гирса. В 1849 г. А. К. Гирс привлек к заведованию библиотекой Общества П. П. Семенова, которого он рекомендовал и в члены Общества. В ноябре 1850 г. Совет Общества утвердил специальную комиссию в составе И. И. Срезневского, И. В. Вольфа, Е. И. Ламанского, С. С. Лошкарева и Н. Н. Колюшина для содействия устройству библиотеки и составления инструкции для описания архива.

В 1852 г., после отъезда П. П. Семенова за границу, заведование библиотекой принял на себя Е. И. Ламанский. В феврале 1852 г. он сообщил Совету Общества, что в библиотеке находилось 130 рукописей, 16 чертежей и таблиц, переданных из отделений.

Организационное оформление архива и его описание началось несколько позднее. С 1 января 1873 г. начинается специальная регистрация рукописей, а с 1875 г. секретарь отделения этнографии В. Н. Майнов стал публиковать описание рукописей Ученого архива в «Известиях Русского Географического общества». В предисловии к описанию В. Н. Майнов отмечал, что рукописи хранятся в особых картонах и распределены по губерниям⁴.

Но В. Н. Майнов описал рукописи только трех губерний — Архангельской, Астраханской и Владимирской, а также Бессарабской области. Из дела о каталогизации архива⁵ видно, что труд В. Н. Майнова выявил желание продолжить действительный член Общества Л. П. Весин, автор «Исторического обзора учебников общей и русской географии», однако его описания рукописей архива обнаружить не удалось.

В 1886 г. приведением в порядок архива занимался Ф. М. Истомин. Он систематизировал рукописи о России в целом и выделил коллекции рукописей (разряды), касающиеся Прибалтийского края, Польши, Финляндии, Кавказа, Полярных стран, Сибири, Среднеазиатской России, а также выделил рукописи о народностях Среднеазиатской России и Сибири и образовал коллекцию рукописей о южных и западных славянах.

Рукописи, касающиеся зарубежных стран, были систематизированы по частям света — Европе, Азии, Африке и Америке. В азиатской коллекции, самой обширной, Ф. М. Истомин выделил рукописи о Китае, Монголии, Корее, Японии, Маньчжурии, Персии, Турции, Хиве и Бухаре. Материалы нерегионального характера были систематизированы по наукам: география, статистика, метеорология. Кроме того, Ф. М. Истомин образовал специальный разряд — *Personalia*, куда вошли биографии и некрологи деятелей географической науки. Все эти коллекции (разряды) сохранились в архиве до настоящего времени.

В ноябре 1899 г. заведовать архивом стал В. В. Ламанский. Он

⁴ Такое же хранение рукописей в картонах по губерниям сохранилось до настоящего времени.

⁵ См. Архив Географического общества СССР, ф. 1, оп. 1, 1879, № 19.

разработал ряд мероприятий по хранению, систематизации и пользованию архивным материалом. Полагая, что присылка рукописей является выражением доверия жертвователя к Обществу, он считал невозможным открыть Ученый архив для общего пользования. Право пользования архивом, по его мнению, следовало предоставить лицам, которые выполняли какую-либо работу по поручению Общества или предпринимали обработку, сводку или издание каких-либо материалов.

С 1908 по 1932 г. архивом заведовал И. П. Мазурин. Он проверил наличие рукописей по каталогам; их оказалось 2902. Кроме того, в архиве находились бумаги известного геолога и географа И. В. Мушкетова, рукописи статистика и экономиста В. И. Чаславского, бумаги исследователя земного магнетизма Т. Муро, рукописи Н. И. Надеждина, найденные после его смерти, ценная коллекция старинных рукописей и материалы, собранные историком русского флота Ф. Ф. Веселаго и состоящие из рукописей и отдельных трудов о «Русской Америке» и документов об организации и деятельности Российско-Американской компании.

В коллекции старинных документов XVI—XVII вв. находились старинные акты, челобитные, указы, «Приходно-расходные книги Никольско-Карельского монастыря 1572—1577 гг.», копия грамоты царя Михаила Федоровича муромским старостам 1640 г., «Краткое изъяснение о круге земном и разделение всех частей его, которые государства в коеждо части обретающа и каждого государства предел, величина, с кем смежны, сила богатства, доходы и прочая», «Описание Воронежской губернии. Учинено в Воронеже в 1777 году», «Описание с чертежами Горным заводам и рудникам, собранными тайным советником Шлаттером, Президентом Берг-Коллегии» и др. Часть старинных рукописей этой коллекции поступила в Общество в 1876 г. от члена-сотрудника К. Н. Тихонравова⁶.

В 1909 г. в архив поступил фонд исследователя Севера П. И. Крузенштерна, ответы на программы Метеорологической комиссии, рукописи проф. Ю. Э. Янсона по исследованию хлебной торговли, фонд исследователя литовского и латышского народов Ю. П. Кузнецова (на литовском языке), совершившего с 1868 по 1875 г. по поручению Географического общества несколько путешествий в Латвию и Литву. В том же году поступил и фонд статистика П. И. Кеппена, состоявший из 48 пачек с карточками, на которых были записаны статистические сведения, использованные для составления этнографической карты Европейской России, опубликованной Географическим обществом в 1855 г. В 1909 г. в архив поступили от секретаря Общества 65 рукописей, оставшихся после ухода Ф. И. Щербатского с должности секретаря Отделения этнографии. Эти рукописи были собраны Ф. И. Щербатским с 1902 по 1907 г., когда он был секретарем Отделения этнографии.

Рукописи архива не лежали мертвым грузом, а были широко использованы в трудах целого ряда ученых, как писал в предисловии к первому выпуску описания архива, изданному в 1914 г., Д. К. Зеленин, занимавшийся с 1912 по 1916 г. описанием архива по поручению Совета Общества. В. И. Даль, А. Н. Афанасьев, И. А. Худяков, Л. Н. Майков, опубликовавшие замечательные образцы народного творчества, А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский, собравшие материалы о развитии в России кустарной промышленности, широко пользовались фондами архива. Тем не менее, писал Д. К. Зеленин, в обла-

⁶ См. «Известия Русского географического общества», т. XII, 1876, стр. 68—69.

сти описания материальной культуры (жилищ, одежды, утвари и т. д.) рукописи архива представляли «богатейший и пока почти нетронутый материал». Полное описание архива Географического общества, по мысли Д. К. Зеленина, должно было дать «своего рода этнографическую энциклопедию России»⁷.

В годы революции в библиотеку Общества вливается ряд частных библиотек (А. И. Воейкова, Н. И. Гродекова, Н. Н. Епанчина) вместе с архивами их владельцев.

После Великой Октябрьской социалистической революции архивное дело было реорганизовано. По постановлению Совета Общества началась систематическая работа по описанию архива. Особенное внимание было уделено материалам, имеющим непосредственное отношение к вопросам хозяйственного строительства, в первую очередь по гидрологии, метеорологии, почвоведению, геоботанике и растениеводству. Для руководства этой работой была создана комиссия под председательством акад. И. Ю. Крачковского. На I Всесоюзном географическом съезде (1933 г.) в резолюции по его докладу «Архив Географического общества и его задачи в предстоящей работе Общества» был не только отмечен исключительный рост географических исследований и их значение для социалистического строительства, но и решено было принять меры для охраны и учета рукописных материалов. В связи с этим Совет Общества предоставил архиву отдельное помещение и создал условия для дальнейшей плодотворной работы: в архив были привлечены квалифицированные сотрудники для описания и систематизации рукописей.

Результаты не замедлили сказаться. Так, если с 1886 по 1895 г. было разобрано 1752 рукописи, а число составленных на них карточек для включения в картотеки архива (считая и ярлыки на обложках рукописей) равнялось 5968, то к 1937 г. (с 1922 г.) в архиве было разобрано 4054 новых рукописей, а число составленных на них карточек равнялось 7170.

С 1932 по 1935 г. архивом заведовала этнограф Н. М. Элиаш. В 1935 г. была произведена ревизия всех зарегистрированных рукописей и создана предметная карточная опись на 2775 рукописей, в которой выделены такие самостоятельные разделы, как география, физическая география, геология, фольклор, религия, история, этнография, языкознание, экономика. В свою очередь эти основные разделы были систематизированы по подгруппам, расположенным по алфавиту.

С 1936 по 1942 г. архивом Общества заведовал Е. И. Глейбер. В этот период в архив поступило огромное количество новых материалов. В 1936 г. в архив влился самый обширный фонд Географического общества: дела канцелярии Общества с момента его основания, состоявшие из протоколов и переписки Совета Общества, его президиума и отделений, комиссий, общих собраний, переписки по экспедициям, редакции и т. д.— всего свыше 3 тыс. дел. В том же году в архиве были выявлены рукописи и документы по физической и экономической географии Башкирской и Мордовской республик и по фольклору, этнографии и истории башкирского и мордовского народов.

В 1938 г. в архив поступили личные фонды Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, А. В. Вознесенского, Р. Е. Коль-

⁷ Опубликовать полностью описание архива Д. К. Зеленину не удалось. Он издал описание рукописей 36 губерний Европейской России (от Архангельской до Саратовской включительно). Описание рукописей Симбирской, Смоленской, Таврической и Тамбовской губерний сохранилось только в корректуре. В 1941—1947 гг. Д. К. Зеленин опубликовал обзор материалов архива о народах России и Прибалтики.

са, А. В. Журавского, А. С. Бежковича, а также материалы фотолаборатории Географического общества, а в 1939 г. — личные фонды Б. Л. Громбчевского, Г. Н. Потанина, Е. С. Маркова, А. А. Каминского, часть фонда С. С. Неуструева, а также фонды Комиссии по изучению донного льда, Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге и архивный экземпляр изданий Географического общества.

В 1939 г. в связи с 50-летием со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая были опубликованы хранившиеся в архиве рукописи этого замечательного путешественника⁸. Рукописное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая было выявлено и учтено в 20 архивах Советского Союза.

В 1940 г. в архив поступили рисунки, фотографии, диапозитивы, рукописные карты и портреты, ранее хранившиеся в библиотеке Общества. Поступили также личные фонды Д. О. Святского, П. М. Ерохина, М. И. Трусевича, дела картографической комиссии Географического общества, а также картотека народных географических названий и терминов В. В. Ламанского, коллекция вытесненных на бумаге арабских и прочих рельефных надписей Луврского музея и материалы комиссии по составлению этнографической карты России.

В 1940 г. в «Известиях Всесоюзного географического общества» впервые были опубликованы дневники второго и пятого путешествий Н. М. Пржевальского и письма его казаку Телешову⁹. В. Б. Шимраевский и А. Г. Попов составили обзоры фондов А. И. Воейкова, В. А. Поггенполя и Д. Н. Кайгородова. Е. И. Глейбер подготовил к печати «Записки прикащика Российско-Американской компании Н. И. Коробицина»¹⁰. Н. К. Дмитриев подготовил к печати сборник башкирских народных сказок в переводе первого крупного собирателя башкирского фольклора А. Г. Бессонова¹¹.

В 1941 г., как и в предыдущие годы, в читальном зале архива Общества велась интенсивная научная работа над рукописями. В числе работающих над архивными материалами было десять профессоров, пять старших научных сотрудников, два сотрудника музеев, четыре студента. Работа велась по темам: «Историческое значение Чокана Валиханова», «Дикие верблюды Центральной Азии», «История города Чебоксары», «История земледелия на Камчатке», «Завоевания Хивинского ханства царской Россией», «История русско-чукотских отношений», «Топографические материалы экспедиций Б. М. Житкова на полуострове Ямал», «Язык крестьян села Болдино Горьковской области», «Изучение участия Географического общества в организации первой переписи населения и последующих мероприятий по упорядочению административной статистики России» и др.

После вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз работа исследователей в читальном зале архива прекратилась. Постепенно прекращалась и работа над систематизацией и описанием архивных материалов по договорам с Географическим обществом.

⁸ См. «Известия Государственного географического общества», 1939, т. 71, вып. 1—2.

⁹ См. «Известия Всесоюзного географического общества», 1940, т. 72, вып. 4—5, стр. 457—705.

¹⁰ См. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках», под ред. А. И. Андреева, М., 1944, стр. 118—221.

¹¹ См. «Башкирские народные сказки», подготовлены к печати Всесоюзным географическим обществом при Академии наук СССР и Башкирским научно-исследовательским институтом языка и литературы им. М. Гафури при Совнарком БАСССР, запись и пер. А. Г. Бессонова, редакция, введение и прим. действительного члена Географического общества проф. Н. К. Дмитриева, под общей редакцией члена Совета Географического общества акад. И. Ю. Крачковского, Уфа, 1941, стр. 367.

Вся деятельность сотрудников архива была направлена на то, чтобы в условиях блокады города, воздушных налетов и артиллерийских обстрелов сохранить ценнейшие архивные фонды и коллекции¹². Работа архива проходила под непосредственным руководством его куратора акад. И. Ю. Крачковского.

Еще в самом начале войны в связи с угрозой бомбардировок был установлен порядок эвакуации архивных материалов. Наиболее ценные части фондов были упакованы в ящики. Была подготовлена к эвакуации и «Карта Сибири от границ Китайских» С. У. Ремизова 1696 г. Однако Президиум Географического общества решил архивные материалы не эвакуировать. Тем не менее на случай возможной срочной эвакуации рукописи были оставлены в ящиках нераспакованными. В августе 1941 г. самые ценные архивные материалы для защиты от воздушных налетов были перенесены в первый этаж здания Общества. В январе 1942 г., когда в помещении Общества была повреждена водопроводная сеть и возникла опасность затопления вновь приспособленного хранилища, все рукописи были распакованы и перенесены в помещение архива (на третий этаж) и установлены на свои прежние места.

В первые годы войны продолжались поступления рукописей. Так, член Совета Географического общества В. П. Семенов-Тянь-Шанский, заведующий библиотекой Общества Е. Е. Святловский и член Общества Е. З. Волков передали в архив на временное хранение рукописи своих неопубликованных работ. Но вскоре в связи со смертью авторов все эти материалы были приняты на постоянное хранение. В 1943 г. сотрудники архива занимались описанием и систематизацией фондов Е. Е. Святловского, В. П. Семенова-Тянь-Шанского, а также Н. И. Березина; готовили к печати две рукописи А. С. Полонского — «Промышленники на Алеутских островах (1743—1800 гг.)» и «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 до 1800 г.».

В 1944 г. в архив поступил фонд выдающегося советского путешественника, президента Географического общества Н. И. Вавилова. Описаны и систематизированы портреты членов Общества, коллекция медалей, хранившаяся в Обществе, и 17 разрядов (коллекций). Архивом была организована выставка, посвященная 40-летию Картографической комиссии Общества.

С 1945 по 1947 г. архивом велась большая работа по подготовке к столетнему юбилею Общества, которая сопровождалась изданием материалов по истории Общества¹³ и завершилась большой юбилейной выставкой, приуроченной к открытию II Всесоюзного Географического съезда (1947 г.) и продемонстрировавшей итоги вековой деятельности Общества.

В послевоенные годы архив пополнился новыми фондами и коллекциями. К 1950 г. в составе архива находилось 74 фонда и 116 разрядов. В основном описание и систематизация архива к этому времени была уже завершена.

¹² 5 января 1944 г. в здание Общества попал вражеский снаряд, который разорвался на чердаке. От осколков снаряда в потолке хранилища архива образовалось несколько пробоин. К счастью, поврежденными оказались только несколько рукописей из коллекции (разряда) Киевской губернии. По иронии судьбы осколком снаряда был разбит стоявший в помещении архива бюст немецкого географа Карла Риттера.

¹³ См., например: Б. А. Вальская, *Список членов-учредителей, почетных членов и выборных должностных лиц Географического общества за сто лет*, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1946, т. 78, вып. 3, стр. 368—390.

Особую ценность в архиве представляют личные фонды (приводим их в алфавитном порядке на 1950 г.): А. С. Бежковича (р. 1890), этнографа; Л. С. Берга (1876—1950), географа, биолога, академика, президента Географического общества; Н. И. Березина (1860—1938), экономико-географа, члена Особой географической комиссии, занимался изучением экономической географии Урала; Н. И. Вавилова (1887—1942), академика, президента Географического общества; Б. А. Вилькицкого (1885—1961), исследователя Северного морского пути, начальника Гидрографической экспедиции 1913—1914 гг.; А. В. Вознесенского (1864—1936), климатолога; А. И. Воейкова (1842—1916), географа, климатолога и путешественника; Е. З. Волкова (1883—1942), статистика и экономиста, занимался изучением размещения населения; Н. И. Воробьева (р. 1869), исследователя Черноморского побережья Кавказа; Г. П. Гельмерсена (1803—1885), академика, геолога, исследователя Урала, Алтая и Донбасса; Н. И. Гродекова (1843—1914), приамурского и туркестанского генерал-губернатора, одного из основателей приамурского отдела Географического общества; Б. Л. Громбчевского (1855—1926), путешественника, исследователя Центральной Азии; Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860—1936), географа, зоолога, исследователя Средней и Центральной Азии; Н. Н. Епанчина (1883—1913), начальника изысканий по орошению Ферганской области, путешествовал по Египту для изучения особенностей орошаемого земледелия и по Канаде для изучения ее зернового хозяйства; П. М. Ерохина (1876—1938), физика, метеоролога и гидролога; В. К. Есипова (1896—1942), ихтиолога; Б. М. Житкова (1872—1943), зоолога, исследователя Севера; А. В. Журавского (1882—1914), исследователя Севера; Н. А. Зарудного (1859—1919), зоолога, исследователя Ирана и Средней Азии; Б. Г. Иванова (1900—1942), климатолога; П. Г. Игнатова (1874—1902), географа-озероведа; А. А. Ильина (1857—1942), картографа и картоиздателя; Д. Н. Кайгородова (1846—1924), фенолога; А. А. Каминского (1862—1936), климатолога; П. И. Кеплена (1793—1864), статистика и этнографа; П. К. Козлова (1863—1935), исследователя Центральной Азии; Р. Е. Кольса (1886—1936), исследователя Севера; В. Л. Комарова (1869—1945), академика, ученого секретаря Географического общества, президента Академии наук СССР; В. С. Кривенко (1854—1928), историка и географа, исследователя Якутии; П. И. Крузенштерна (1810—1881), контр-адмирала, исследователя Севера; Ю. П. Кузнецова (1840—1900), этнографа и экономиста; Е. С. Маркова (1866—1916), географа и путешественника по Кавказу и Египту; Н. Н. Миклухо-Маклая (1846—1888), путешественника, выдающегося русского ученого, антрополога, этнографа и натуралиста; Т. Муро (1860), исследователя земного магнетизма; И. В. Мушкетова (1850—1902), геолога и географа, исследователя Средней Азии; С. С. Неуструева (1874—1928), географа и почвовед; В. А. Обручева (1863—1956), геолога, географа, исследователя Центральной Азии и Сибири, академика; А. П. Орлова (1840—1889), сейсмолога; А. Ф. Орлова (1855—1940), занимался изучением происхождения географических названий; М. В. Певцова (1843—1902), исследователя Центральной Азии; С. П. Перетолчина (1863—1914), путешественника, исследователя Восточного Саяна и оз. Косогол; В. А. Поггенполя (1854—1938), климатолога и фенолога; С. М. Пономарева (1865—1889), этнографа; Г. Н. Потанина (1835—1920), исследователя Центральной Азии; Н. М. Пржевальского (1839—1888), выдающегося русского путешественника и географа, исследователя Центральной Азии; В. И. Роборовского (1856—1910), путешественника, исследователя Средней

и Центральной Азии; В. В. Сапожникова (1861—1924), ботаника, путешественника, исследователя горного Алтая; Е. Е. Святловского (1890—1942), статистика и географа; Д. О. Святского (1881—1940), астронома и фенолога; П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827—1914), выдающегося русского географа, статистика, ботаника и энтомолога, вице-президента Русского географического общества; В. П. Семенова-Тян-Шанского (1870—1942), географа и статистика; А. А. Тилло (1839—1899), геодезиста и картографа, автора первой гипсометрической карты Европейской России; М. И. Трусевича, исследователя Кавказа; В. И. Чаславского (1834—1878), статистика и экономиста; Ю. М. Шокальского (1856—1940), океанографа, картографа-геодезиста, почетного академика, почетного президента Географического общества, Г. Э. Шульца (р. 1897), биолога и фенолога.

Особо в архиве Географического общества хранятся фонды комиссий Общества: Фенологической, Озерной, Комиссии по переводу «Землеведения Азии» Карла Риттера, Комиссии по составлению этнографической карты России, Комиссии вод и лесов, экспедиции Географического общества в устье р. Лены (1882 г.) и др., а также фонды организаций, близких по тематике Географическому обществу, — Общества изучения Сибири и Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге.

Большой интерес для науки представляют коллекции (разряды) фотографических снимков, систематизированных по странам, где наибольшее количество материалов относится к восточным странам, а также коллекции негативов, диапозитивов, рисунков, гравюр и литографий. Портреты членов Географического общества и других лиц, связанных с географической наукой, систематизированы и собраны в особый разряд.

Все рукописи членов общества и других лиц, написанные после 1917 г., выделены в особую коллекцию, которая быстро пополняется.

Для широкого и всестороннего использования рукописей архива необходимо публиковать описания и обзоры фондов и разрядов. Из изложенного видно, что в архиве лучше всего описаны материалы по этнографии. Хорошее описание рукописей по истории опубликовали в 1957 г. Н. Ф. Дробленкова и Л. С. Шепелева¹⁴. Еще слабо описаны фонды и разряды по географическим наукам. Кроме статьи о материалах по геологии и геоморфологии Н. Г. Верейского¹⁵, описавшего незначительное количество рукописей, у нас почти ничего не опубликовано. Что касается личных фондов, то в работе Г. П. Горшкова дано описание фонда А. П. Орлова¹⁶, а в статье П. Г. Ширяевой — фонда С. М. Пономарева¹⁷.

Акад. Л. С. Берг писал: «Вряд ли в какой-либо другой отрасли знаний вклад русских исследователей столь же велик, как в географии»¹⁸. Это высказывание Л. С. Берга подтверждают и иллюстрируют материалы Ученого архива Общества. Они дают яркое представление о том огромном вкладе, который сделан учеными нашей страны в развитие географических наук.

¹⁴ См. приложенный список литературы об архиве.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. П. Горшков, *Александр Петрович Орлов (из истории сейсмологии)*, М., 1955, стр. 58—60.

¹⁷ П. Г. Ширяева, *Фольклорно-этнографическое собрание Семена Михайловича Пономарева*, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1962, т. 94, № 4, стр. 343—347.

¹⁸ Л. С. Берг, *Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 года)*, Л., 1929, стр. 3.

**ЛИТЕРАТУРА ОБ УЧЕНОМ АРХИВЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР**

В. Н. Майнов, *Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества*,— «Известия Русского географического общества», 1875, т. XI, приложение, стр. 1—16; 1876, т. XII, стр. 17—32.

П. П. Семенов, *История полувековой деятельности Русского географического общества*, СПб., 1896.

А. М. Смирнов, *Схематический перечень вариантов сказок архива Русского географического общества*, I—XI, — «Живая старина», 1911, т. XX, стр. 97—104.

Д. К. Зеленин, *Материалы для описания Курской губернии, хранящиеся в Ученом архиве Русского географического общества* [1912]. Отдельный оттиск.

Д. К. Зеленин, *Материалы для описания Воронежской губернии, хранящиеся в архиве Русского географического общества*, Вятка, 1912.

Д. К. Зеленин, *Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве Русского географического общества*, Вятка, 1912.

Д. К. Зеленин, *Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества*, вып. I—III, Пг., 1914—1916.

И. Ю. Крачковский, *Архив Государственного географического общества и его задачи*,— «Труды первого Всесоюзного географического съезда», вып. I, Л., 1934, стр. 16—17 (резюмированный текст).

Н. Г. Верейский, *О рукописях по геологии и геоморфологии, хранящихся в архиве Государственного географического общества*,— «Известия Государственного географического общества», 1935, № 5, стр. 611—624.

Д. К. Зеленин, *Обзор рукописных материалов Ученого архива Всесоюзного географического общества о народах СССР. I. Башкиры, бесермяне, болгары, вепсы, евреи, калмыки, скарелы, коми, коми-пермяки*,— «Советская этнография», 1941, IV, стр. 193—205.

Л. С. Берг, *Всесоюзное географическое общество за сто лет*, М.—Л., 1946, стр. 244—245.

Д. К. Зеленин, *Обзор рукописных материалов Ученого архива Всесоюзного географического общества о народах Прибалтики (латыши, литовцы, эсты)*,— «Советская этнография», 1947, т. VI—VII, стр. 254—274.

Б. А. Вальская, *Ученый архив Географического общества*,— «Вестник Академии наук СССР», 1947, № 2, стр. 47—49.

Б. А. Вальская, *Юбилейная выставка, посвященная деятельности Географического общества за сто лет*,— «Труды второго Всесоюзного географического съезда», т. I, М., 1948, стр. 39—54.

Н. Ф. Дробленкова и Л. С. Шепелева, *Описание рукописного собрания архива Географического общества СССР*,— «Труды отделения древнерусской литературы Института русской литературы», М.—Л., 1957, т. XIII, стр. 561—568.

Б. А. Вальская, *Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока. XXV Международный конгресс востоковедов*, М., 1960, стр. 8—9.

ХРОНИКА РАБОТЫ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

(октябрь 1960 г. — декабрь 1963 г.) *

С октября 1960 по декабрь 1963 г. бюро Восточной комиссии работало под председательством академика В. В. Струве. В состав бюро входили А. В. Королев (заместитель председателя), В. М. Синицын, З. И. Горбачева, Б. А. Вальская, И. В. Сахаров и Н. Н. Миронич. За этот период проведено 41 заседание, на которых было заслушано 69 докладов и сообщений.

20 октября 1960 г. Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти выдающегося русского ученого Ю. Н. Рериха. С докладами выступили Б. И. Панкратов «Ю. Н. Рерих как тибетолог», Л. Н. Гумилев «Ю. Н. Рерих как историк Центральной Азии» и А. В. Королев «Ю. Н. Рерих как путешественник и человек».

17 ноября состоялось заседание, посвященное итогам XXV Международного конгресса востоковедов. С докладами выступили В. А. Ромодин «О работе секции истории Средней Азии и секции по истории Афганистана», Б. А. Вальская «География на XXV Международном конгрессе востоковедов», В. Е. Яхонтов «О работе подсекции китайской филологии на XXV Международном конгрессе востоковедов» и З. И. Горбачева «О работе подсекции истории Китая».

8 декабря состоялись доклады Нурмамета Ораева «Природные условия Чарджоуской области и их экономическая оценка» и Ораза Атаханова «История исследования природных условий среднего течения Аму-Дарьи».

27 декабря Восточная комиссия отметила пятилетие со дня ее организации. С докладами выступили Б. А. Вальская «Деятельность Восточной комиссии за пять лет» и А. В. Королев «Высокая Азия как прародина хомо сапиенс».

17 января 1961 г. состоялся доклад Т. А. Шумовского «О работе секции арабских стран на XXV Международном конгрессе востоковедов».

8 февраля Т. К. Шафрановская сделала сообщение «Неопубликованное письмо П. С. Крашенинникова».

15 марта — сообщение Ю. Е. Борщевского «Неизданная карта

* О работе Восточной комиссии с декабря 1955 по июнь 1960 г. см. «К пятилетию со дня создания Восточной комиссии Географического общества СССР (Хроника работы)», — «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 276—283.

Мухаммада ибн Наджиба Бакрана (Иран, 1209)» и доклад В. С. Старикова «В. К. Арсеньев — певец дальневосточной тайги».

12 апреля — сообщение Л. С. Пучковского «О работе секции истории Монголии на XXV Международном конгрессе востоковедов».

17 мая — доклад А. П. Терентьева-Катанского «Китайские драконы — миф, легенда или гипотеза о их существовании?»

31 мая были заслушаны доклад Е. Я. Люстерник «Первые рейсы русских пароходов в Индию (1871—1872)», сообщение Г. П. Куриленко «Полузабытый русский путешественник по востоку (к 125-летию со дня рождения П. И. Пашино)» и доклад А. В. Королева «Названия и термины: Индия, Индийский субконтинент, Индостан, индийцы, индусы, индуисты».

11 октября состоялся доклад А. В. Королева «Русско-индийский художник Святослав Николаевич Рерих и значение его творчества для познания Индии».

16 ноября заслушаны доклад Е. В. Бунакова «Русская общественная мысль о Китае в XVIII—XIX веках» и сообщение Т. К. Шафрановской «Академические материалы для познания России и сопредельных стран Азии в 1839—1896 гг.». На этом заседании происходило чествование И. И. Бабкова в связи с его 70-летием.

30 ноября О. Ф. Акимушкин сделал доклад на тему «Афганистан по личным впечатлениям поездки 1960—1961 гг.», а А. П. Терентьев-Катанский — сообщение «Иллюстрации в старинных китайских географических книгах».

15 декабря заслушано сообщение М. Я. Иоселевой «Происхождение магических чисел у народов Древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия)».

20 декабря на совместном заседании с комиссией медицинской географии и Ленинградским историко-медицинским обществом был заслушан доклад А. П. Марковина «Русские врачи-исследователи Африки и их медико-географические работы». Заседание сопровождалось выставкой указанных работ. Затем В. Меркулов выступил с рецензией на книгу Н. Випера «Я математик», 1956 г. (о применении кибернетики в медицинских исследованиях).

17 января 1962 г. состоялся доклад В. В. Братуса на тему «Русский язык в Индии (по личным впечатлениям 1961 г.)».

31 января А. А. Богданов выступил с докладом «Художественные впечатления от памятников древнего и главным образом современного искусства ОАР 1961 г.». Доклад иллюстрировался снимками, сделанными автором.

14 февраля заслушаны доклады В. А. Оганесова «Географический словарь Африки» и Ю. Д. Дмитриевского «Внутренний водный транспорт Африки» (региональный обзор).

28 февраля состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное 170-летию со дня рождения К. М. Бэра. Вступительное слово сделал акад. В. В. Струве. Акад. Е. Н. Павловский выступил с докладом «К. М. Бэр как великий зоолог». Были заслушаны доклады Б. А. Вальской «Е. П. Ковалевский и К. М. Бэр», Т. К. Шафрановской «К. М. Бэр — как редактор „Материалов для познания России и сопредельных стран“» и А. В. Королева «К. М. Бэр как ученый-географ, теоретик и практик».

8 марта на совместном заседании с отделением этнографии Л. Н. Гумилев сделал доклад на тему «О методах интерпретации тюркских этнографических памятников», а М. Ф. Хван — сообщение «К вопросу о происхождении аспаруховых болгар».

21 марта состоялось совместное заседание Восточной комиссии с отделением экономической географии. Заслушан доклад К. М. Попова «Проблемы экономического районирования Индии».

18 апреля А. Г. Шпринцин сделал доклад на тему «Китайская алфавитная транскрипция русских географических названий».

17 мая на совместном заседании с отделениями физической географии и этнографии и Лекториумом им. Ю. М. Шокальского был заслушан доклад А. М. Рябчикова «Индия (личные впечатления 1961 г.)».

30 мая состоялось заседание, посвященное памяти Ю. И. Мережинского (историка и антрополога). С сообщением «Что мы знаем достоверного о центральноазиатском антропоиде» выступил А. В. Королев.

18 октября на совместном заседании с отделением этнографии заслушан доклад Л. Н. Гумилева «Хазария и Каспий (по материалам экспедиции 1961—1962 гг.)».

24 октября состоялся доклад Ф. Л. Богданова на тему «Искусство пещер Аджанты».

14 ноября М. Ф. Хван выступил с докладом о работе подкомиссии по транскрипции китайских географических названий, а А. Г. Шпринцин — с сообщением «Искажения и ошибки в русских переводах китайской геологической литературы».

30 ноября состоялось обсуждение книги М. И. Артамонова «История хазар». В обсуждении приняли участие Л. Н. Гумилев, В. В. Мавродин и А. В. Королев.

11 декабря А. Д. Юров сделал доклад на тему «Послевоенное промышленное развитие Южно-Африканской республики».

26 декабря заслушан доклад Т. К. Шафрановской «История собрания китайских коллекций Кунсткамеры первой половины XVIII в.» и сообщение А. П. Терентьева-Катанского «Представления о диких людях и фантастических племенах в древности у народов Дальнего Востока».

16 января 1963 г. заслушан доклад А. А. Завистовича «Персидско-русский геолого-географический словарь» и сообщение М. Б. Руденко «Курды Туркмении».

29 января Е. И. Лубо-Лесниченко сделал доклад на тему «Данные письменных и археологических источников о Хара-Хото».

12 февраля — доклад И. П. Труфанова «Государство и город Сингапур и его население» и сообщение Б. А. Вальской о работе Восточной комиссии в 1962 г. и плане на 1963 г.

25 февраля состоялся доклад А. Н. Зелинского «Археологическая разведка в Ваханской долине (Южный Памир, 1962 г.)».

21 марта заслушан доклад Л. Е. Куббеля «Из истории Республики Мали» и сообщение М. Я. Иоселевой «Зарождение геометрических понятий у народов Востока».

11 апреля состоялось совместное заседание Восточной комиссии, Центрального Государственного Военно-морского архива и Лектория им. Ю. М. Шокальского, посвященное 75-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая. С докладом «Н. Н. Миклухо-Маклай — знаменитый путешественник и исследователь жизни народов Океании» выступила Б. А. Вальская. И. Н. Соловьев сделал сообщение «Обзор архивных материалов о Н. Н. Миклухо-Маклае, хранящихся в Центральном Государственном Военно-морском архиве».

К заседанию была открыта выставка рукописных материалов из Военно-морского архива и архива Географического общества, а также печатных трудов Н. Н. Миклухо-Маклая и литературы о нем из библиотеки Географического общества.

21 мая на совместном заседании с комиссией топонимики и транскрипции географических названий заслушан доклад В. П. Яценко «О японской топонимике».

28 мая состоялось обсуждение книги В. М. Сеницына «Палеогеография Азии».

Вступительное слово сделал автор. В обсуждении книги приняли участие Г. Г. Мартинсон, В. В. Лавров, Л. Ф. Сидоров, В. А. Ранов, З. К. Виноградова, А. В. Королев и Б. А. Вальская.

8 октября состоялся доклад Е. В. Ивановой «Этнический состав населения Тринидада».

29 ноября с докладами выступили И. П. Труфанов «Население Сянган» и М. Я. Иоселева «Иероглифы математики».

9 декабря заслушан доклад В. П. Курылева «К вопросу об этническом составе Александреттского санджака (Турция)». На этом же заседании обсуждался вопрос о переиздании книги В. М. Сеницына «Центральная Азия».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. В. Струве — 75 лет	3
А. М. Рябчиков. Индия глазами советских географов	5
Л. И. Бонифатьева. Миграция населения Индии из деревни в город	13
Г. В. Сдасюк. Актуальные проблемы географии энергетики Индии	29
В. Р. Кабо. Байининги — примитивные земледельцы Океании (Этнографический очерк)	42
Ю. Д. Дмитриевский. Воды Западной Африки. Сенегал — Гамбия — Чад	69
В. С. Стариков. Техуа (Малоизвестная отрасль китайского прикладного искусства)	79
А. Г. Шпринцин. О русской транскрипции китайских географических названий	83
А. Н. Зелинский. Древние пути Памира	99
А. Н. Зелинский. Древние крепости на Памире	120
Т. А. Шумовский. Арабское мореплавание в пору ислама	142
М. Н. Цетлин. Средневековый путешественник Вениамин Тудельский	164
Г. В. Пионтек. Культура народов Востока и музеи на лоне природы	175
М. А. Салахетдинова. Сведения по математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в.	182
Л. В. Дмитриева. Тюркоязычные географические и этнографические материалы в Институте народов Азии АН СССР	189
Б. А. Вальская. Из истории Ученого архива Географического общества СССР	198
Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР (октябрь 1960 г. — декабрь 1963 г.)	207

«СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА»

**Сборник статей
выпуск III**

***Утверждено к печати
Восточной комиссией Географического общества СССР
Академии наук СССР***

**Редакторы В. В. Бирюков, Н. Н. Тихонравова,
Л. С. Гинзольд, В. В. Волгина
Технический редактор Э. Ш. Язловская
Корректоры Ф. А. Дворкина и А. В. Попкова**

**Сдано в набор 15/XI 1963 г.
Подписано к печати 28/IV 1964 г.
А-06511 Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 13,25+0,5 вкл. Усл. печ. л. 18,83
Уч.-изд. л. 19,73. Тираж 1700 экз.
Зак. 1290. Цена 1 р. 35 к.**

**Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2**

**Тялография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Касельный пер. 4**

